РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ТРУДЫ

ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2021

Том 11

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ

ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2021

Том 11

Ответственный редактор
академик РАН В.А. Тишков

МОСКВА, 2022

УДК 94(082)
ББК 63я43
Т78

Редакционная коллегия:
В.Л. КЛЯУС, Н.А. МАКАРОВ, А.М. МОЛДОВАН,
Н.В. ТАРАСОВА (составитель), В.А. ТИШКОВ (ответственный редактор)

Рецензенты:
доктор исторических наук, академик РАН Н.Н. КРАДИН
доктор филологических наук, академик РАН В.А. ПЛУНГЯН

Научно-организационная подготовка А.А. САРИБЕГЯН

Т78 Труды Отделения историко-филологических наук. Т. 11. 2021 / Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук ; ответственный редактор академик РАН В. А. Тишков ; редакционная коллегия: В. Л. Кляус [и др.] ; составитель Н. В. Тарасова. – Москва : РАН, 2022. – 296 с.
ISBN 978-5-907366-73-2

В первой части 11-го тома ежегодного издания «Труды Отделения историко-филологических наук РАН» представлены статьи, подготовленные авторами докладов на научной сессии Общего собрания членов РАН «Роль науки в преодолении пандемий и посткризисном развитии общества» (15 декабря 2021 г.) и семинара ОИФН РАН «Гуманитарные чтения» по теме «Пандемии и эпидемии в мировой истории» (28 апреля 2022 г.). Вторая часть включает материалы научной сессии Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Гуманитарные науки в эпоху цифровизации» (15 апреля 2021 г.). В статьях её участников обсуждаются проблемы перевода информации в цифровую форму в гуманитарных исследованиях, вопросы подготовки и создания информационных ресурсов, в том числе на основе баз т.н. больших данных, способных выполнять инструментальную роль в анализе и интерпретации исторических, лингвистических данных и другого материала. Авторы статей третьей части сборника освещают вопросы истории, филологии, истории науки, сохранения культурного наследия.

Для историков, филологов, культурологов, широкого круга читателей.

УДК 94(082)
ББК 63я43

ISBN 978-5-907366-73-2

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2022
© Тарасова Н.В., составление, 2022

Содержание

Тишков В.А. Предисловие к 11-му тому «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН» 5

Часть 1

Пандемии и эпидемии в прошлом и настоящем

Материалы Научной сессии Общего собрания РАН «Роль науки в преодолении пандемий и посткризисном развитии общества» (15 декабря 2021 г.) и семинара Отделения историко-филологических наук РАН «Гуманитарные чтения» (28 апреля 2022 г.)

Тишков В.А., Бутовская М.Л., Степанов В.В. Общество и государство в России и мире в период эпидемии коронавируса 10
Казанский Н.Н. «Пандемии и эпидемии в мировой истории»: о заседании гуманитарного семинара ОИФН РАН. 29
Емельянов В.В. Эпидемии и их предотвращение в шумеро-аккадских клинописных текстах. 31
Попова И.Ф. Борьба с эпидемиями в Китае в историческом прошлом 42
Петров Ю.А. Борьба с эпидемиями в дореволюционной России 49
Уваров П.Ю. Повседневность во время чумы (Франция XVI века) . . . 61

Часть 2

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Гуманитарные науки в эпоху цифровизации» (15 апреля 2021 г.)

Егоров И.М., Казанский Н.Н., Кисилиер М.Л. Параллельный корпус латинских и русских текстов: задачи и перспективы 81
Виролайнен М.Н. Проект «Pushkin-digital» в контексте цифрового развития Пушкинского Дома 95
Иванчик А.И. Цифровые методы в издании и изучении древних и средневековых надписей 101
Попова И.Ф. Собираемый пазл. Реконструкция рукописи до прочтения текста. 112
Сиренов А.В. Проект «История письма европейской цивилизации»: коллекции памятников письменности академических институтов Санкт-Петербурга – оцифровка и изучение 125

Макаров Н.А., Вдовиченко М.В., Зеленцова О.В. Цифровые технологии в археологии: проекты Института археологии РАН. 135
Бородкин Л.И. Наука о данных и технологии искусственного интеллекта: возможности и ограничения в исследованиях историков. . . 145
Козлов В.П. О некоторых вопросах применения цифровых технологий в архивном деле. 169
Батурин Ю.М. Мифология цифровой трансформации. 174
Пивовар Е.И. Гуманитарная наука и образование в условиях цифровизации. Опыт РГГУ. 181

Часть 3

Актуальные вопросы гуманитарных наук

Толстая С.М. Фольклорный текст и аспекты его изучения 188
Алпатов В.М. Об изучении японского языка в отечественной науке 203
Зайцев И.В. Суфийский шейх в окружении крымского хана Сахиб-Гирея: Таки ад-Дин Абу Бакр ал-Кефеви (? – 1562) 212
Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Академия наук СССР и нереализованный проект создания Исторического музея в Ленинграде в 1940 г. (по материалам Архива РАН). 221
Бондарь Л.Д. Академик П.А. Лавров (1856–1929) о празднике перенесения праха Петра II Петровича Негоша из Цетинье на Ловчен в 1925 г. 231
Пономарева Т.О. О швейцарском архиве В.В. Набокова 244
Вздорнов Г.И. Страничка из истории Российской академии наук 249
Базаров Б.В., Плеханова А.М., Чимитдоржиева Г.Н, Жалсанова В.Г. От Буручкома до ИМБТ СО РАН: вековой юбилей 254
Черных А.В. Современные гуманитарные исследования в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН 269

Список сокращений 290

Сведения об авторах 293

Предисловие к 11-му тому «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН»

В.А. Тишков

Исследования в области социально-гуманитарных наук занимают важное место в деятельности Российской академии наук на протяжении всей её 300-летней истории. Исторические и филологические науки рассматривают фундаментальные проблемы развития России, отечественной культуры и науки, отвечая на важнейшие вопросы формирования российской государственности и современного гражданского общества, разрабатывая подходы к оценке кризисных явлений и их преодолению. Исследования учёных-гуманитариев РАН направлены на осмысление явлений и событий исторического прошлого и современности как своего рода ключ к пониманию происходящих процессов начала XXI столетия. Отстаивая историческую и культурную память российского народа от лженаучных ревизий и намеренных фальсификаций, академическая наука тем самым способствует формированию гражданского сознания, консолидации общества и его институтов, укрепляет национальную безопасность страны как одной из крупнейших и суверенных наций мира.

Национальное развитие возможно только на основе культурных достижений прошлого и их осмысления в свете новых вызовов. Россия с её вкладом в человеческую цивилизацию и культуру, располагая богатейшими природными ресурсами, составляет неотъемлемый компонент мирового развития. Влияние нашей страны повсеместно, и во многих регионах и странах признают её ведущую политическую и культурно-историческую роль. В этом ответственном предназначении особое место отведено отечественной гуманитарной науке, служители которой опираются на вековой опыт познания человека и общества, современную методологию познания и уникальную источнико-документальную базу. Именно на этой основе российские гуманитарии демонстрируют вполне убедительные способности познавать страну и внешний мир, строить прогнозы развития больших и малых человеческих сообществ, стран и регионов, мирового цивилизационного пространства.

Российская гуманитаристика, отвечая принципам академической науки, отстаивает высокие требования к достоверности исторического знания. Она противостоит не только дилетантским и паранаучным версиям прошлого, но и намеренным фальсификациям истории, имеющим идеологическую и политическую окраску. Искажение картин отечественной и мировой истории, культурных практик прошлого и настоящего может иметь крайне негативные последствия. Историки и филологи РАН, как экспертное сообщество, обеспечивают сохранение историко-культурного наследия России, что является исключительно актуальной задачей на современном этапе отечественной науки.

Развитие российской гуманитарной науки в ближайшие годы связано с работой по выявлению и систематизации памятников историко-культурного наследия, в том числе с использованием информационных технологий.

Без этого невозможно получение фундаментальных знаний о закономерностях исторического процесса, истории развития русского и языков народов России, эволюции фольклорных и литературных традиций и в целом комплексного развития исторических, этнологических, лингвистических, литературоведческих дисциплин. Продолжает оставаться актуальным создание научно-познавательных порталов, но особенно важным представляется подготовка и создание информационных ресурсов, в том числе на основе Big Data, способных выполнять инструментальную роль в процессе анализа и интерпретации исторических, лингвистических данных и другого материала. Проблемы дигитализации исследований в гуманитарных областях знания были обсуждены участниками научной сессии Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Гуманитарные науки в эпоху цифровизации», состоявшейся 15 апреля 2021 г. (http://hist-phil.ru/events/427).

В 2021 г. академические институты Москвы, Санкт-Петербурга, Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделений РАН, региональных научных центров, находящиеся под научно-методическим руководством Отделения историко-филологических наук РАН, реализовывали исследовательские и издательские проекты по тематике научно-исследовательских работ. Как и в прежние годы опубликованы десятки различных книжных публикаций: индивидуальные и коллективные монографии, сборники статей и архивных материалов, академические полные собрания сочинений, справочные издания, словари, каталоги.

Наиболее крупные проекты выполнены большими научными коллективами, объединяющими академические институты, научные центры и вузы, в том числе и зарубежные. Так, осуществлено издание очередных томов серии «Народы и культуры», трёхтомной коллективной монографии «История Севастополя», коллективной монографии «Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти» и другие. В 2021 г. большое внимание было уделено проблеме культурного наследия и языкового разнообразия России. 2 марта 2021 г. на заседании Президиума РАН рассматривался вопрос «Проблемы изучения и сохранения языков народов Российской Федерации: научные основы Концепции государственной языковой политики». В докладах и выступлениях обсуждались проблемы развития русского языка как языка государственного, поддержки его как языка науки и укрепления его позиций в мире, проблемы изучения, сохранения и возрождения языков Российской Федерации.

26 октября 2021 г. на заседании Президиума РАН рассматривался вопрос «К 200-летию со дня рождения члена-корреспондента Академии наук Фёдора Михайловича Достоевского», на котором было подчёркнуто, что юбилей писателя, отмечающийся в России и мире, явился важнейшим событием, позволяющем говорить об огромном запросе со стороны общества и государства к гуманитарным вопросам бытия и вниманию к человеку в его обыденной жизни и духовных исканиях. При этом было отмечено, что одной из составляющих сохранения отечественного научного и культурного наследия и его актуализации является поддержка издательских проектов по подготовке и выходу в свет полных собраний сочинений классиков русской словесности и литературных памятников.

В 2021 г. выполнена обширная работа в рамках объявленного в России «Года фундаментальной науки», прежде всего, в плане популяризации достижений российского академического гуманитарного знания, в первую очередь среди молодёжи. В институтах, находящихся под научно-методическим руководством ОИФН РАН, состоялись десятки научных форумов – конгрессы, конференции, симпозиумы. Условия пандемии не всегда давали возможность проводить их в традиционных форматах, но онлайн или смешанный форматы с последующим размещением докладов и выступлений участников в сети Интернет позволили привлечь к ним внимание не только специалистов-гуманитариев, но и широкую общественность.

С 6 по 9 июля прошёл XIV Конгресс антропологов и этнологов России, организованный Ассоциацией антропологов и этнологов России, Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Национальным исследовательским Томским государственным университетом (https://aaer.co/xiv-каэр). В истории проведения конгрессов по числу участников это был самый представительный форум. Объяснить это только онлайн-форматом его проведения нельзя, так как при подготовке к конгрессу эпидемиологическая ситуация принималась во внимание, но не играла определяющую роль. Приоритетной на форуме была тема поиска современной антропологией и этнологией ответов на социальные вызовы. Именно это привлекло внимание к нему российских и зарубежных исследователей.

4–7 октября в Москве, в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.01.2021 № 160-р, состоялся Всемирный конгресс школьных учителей истории (https://igh.ru/events/vsemirnyi-kongress-shkolnyh-uchitelei-istorii.html?locale=ru). Его организаторами выступили Институт всеобщей истории РАН, Академия Минпросвещения России, Общероссийская общественная организация «Ассоциация учителей истории и обществознания», Ассоциация содействия развитию академической науки и образования «Институт перспективных исследований» (Ассоциация «ИПИИ»), Государственный академический университет гуманитарных наук. Мероприятие прошло под патронажем Министерства просвещения Российской Федерации и Российского исторического общества, при финансовой поддержке Международного общественного фонда «Российский фонд мира». В качестве соорганизатора мероприятия выступила также Европейская ассоциация учителей «ЕвроКлио». Мировая практика ещё не знала подобного научно-образовательного форума. В его работе приняли участие порядка 100 иностранных специалистов из 38 стран мира, более 200 российских учителей истории из 57 регионов Российской Федерации, которые обсудили опыт создания концепций по преподаванию истории в школе в разных странах, вопросы соотношения национальной и мировой истории в школьных программах и другие актуальные темы.

Публикуемый 11-й том «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН» состоит из трёх частей. Первую часть «Пандемии и эпидемии в прошлом и настоящем» открывает статья академика РАН В.А. Тишкова, чл.-корр. РАН М.Л. Бутовской, к. и. н. В.В. Степанова, подготовленная на основе доклада на Научной сессии Общего собрания членов РАН (15 декабря

2021 г.). В ней с антропологических позиций анализируется реакция социума на пандемию в России и других странах мира. Также здесь представлены статьи авторов научных сообщений семинара ОИФН РАН «Гуманитарные чтения» (28 апреля 2022 г.), предваряемые вступительным словом руководителя семинара академика РАН Н.Н. Казанского. Доктор философских наук В.В. Емельянов исследует клинописные тексты на шумерском и аккадском языках, связанные с эпидемическими заболеваниями и методами их предотвращения. В статье чл.-корр. РАН И.Ф. Поповой рассматривается ряд действенных мер китайского государства по ликвидации последствий стихийных бедствий и сопровождавших их эпидемий на протяжении всей истории Китая. Д. и. н. Ю.А. Петров освещает историю борьбы с эпидемиями в России со времён Древней Руси до конца Российской империи. Чл.-корр. РАН П.Ю. Уваров в своей статье рассматривает вопрос об адаптации общества к волнам чумы («чёрной смерти») во Франции XVI века.

Вторая часть издания включает статьи, написанные докладчиками научной сессии Общего собрания ОИФН РАН «Гуманитарные науки в эпоху цифровизации», состоявшейся 15 апреля 2021 г. В совместной статье академика РАН Н.Н. Казанского, И.М. Егорова и к. ф. н. М.Л. Кисилиера рассказывается о начавшейся в ИЛИ РАН работе над параллельным латинско-русским корпусом текстов с использованием комплексного подхода, основанном на совмещении самых современных достижений корпусной лингвистики и традиционных методов классической филологии. Чл.-корр. РАН М.Н. Виролайнен в своей работе характеризует этапы цифровой трансформации гуманитарного знания и направления цифрового развития ИРЛИ РАН. Статья чл.-корр. РАН А.И. Иванчика рассказывает о цифровых методах при издании и изучении древних и средневековых надписей. Чл.-корр. РАН И.Ф. Попова представляет текущий проект работы по изучению и цифровизации Серындийского фонда ИВР РАН. Статья чл.-корр. РАН А.В. Сиренова посвящена проекту по созданию информационного ресурса «История письма европейской цивилизации», который реализуется в СПБИИ РАН, ИРЛИ РАН, БАН и СПбФ а РАН. В работе академика РАН Н.А. Макарова, к. иск. М.В. Вдовиченко и к. и. н. О.В. Зеленцовой представлены цифровые проекты ИА РАН – открытая база данных полнотекстовых научных отчётов, Археологическая карта России, «Петроглифы Нижнего Амура и Уссури» и экспозиция археологического онлайн-музея. Чл.-корр. РАН Л.И. Бородкин рассматривает опыт использования историками новых методов науки о данных и технологий искусственного интеллекта, обсуждает их возможности и ограничения с учётом специфики исторических исследований. В статье чл.-корр. РАН В.П. Козлова освещаются проблемные вопросы применения цифровых технологий в архивах по предоставлению услуг пользователям и обеспечению внутриархивных процессов, связанных с их оказанием. Чл.-корр. РАН Ю.М. Батурин на примере всеобщей цифровизации рассматривает последствия неверного употребления научной терминологии и, как следствие, мифологизацию многих подлежащих изучению процессов. Статья академика РАН Е.И. Пивовара посвящена характеристике основных направлений цифровизации научно-образовательной деятельности РГГУ.

В третью часть вошли статьи по некоторым вопросам истории, филологии, истории науки, сохранения культурного наследия. Академик РАН С.М. Толстая представляет обзор актуальных аспектов и направлений фольклорной текстологии, анализирует имеющиеся подходы и практические опыты исследований последних лет. Статья академика РАН В.М. Алпатова посвящена русскому лингвистическому японоведению, его истории, специфике по сравнению с другими областями языкознания в нашей стране. В статье д. и. н., профессора РАН И.В. Зайцева освещается жизненный путь крымского суфия XVI в., шейха тариката кадирийа Таки ад-Дин Абу Бакр Кефеви, занимавшего видное место при ханском дворе. Доктор культурологии В.Г. Ананьев и академик РАН М.Д. Бухарин знакомят с малоизвестным сюжетом истории советской науки и культуры конца 1930-х гг. – попыткой создания в Ленинграде Исторического музея. Работа к. и. н. Л.Д. Бондарь представляет полнотекстовую публикацию не вводившегося ранее в научный оборот доклада академика-слависта П.А. Лаврова «Празднества Негошевы в Цетинье». Истории швейцарской части семейного архива Владимира Владимировича Набокова и её передачи в ИРЛИ РАН посвящена работа Т.О. Пономаревой. В статье чл.-корр. РАН Г.И. Вздорнова публикуется текст состоявшегося в 1724 году разговора государственного деятеля и историка В.Н. Татищева с российским императором Петром I о пользе наук и училищ. Академик РАН Б.В. Базаров, д. и. н. А.М. Плеханова, к. ф. н. Г.Н. Чимитдоржиева и к. соц. н. В.Г. Жалсанова представляют обзор исторических этапов развития и основных исследовательских направлений первого академического научного учреждения Бурятии – Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Статья чл.-корр. РАН А.В. Черных освещает историю становления гуманитарных отделов академических институтов в Пермском крае, а также итоги и основные направления деятельности Отдела истории, археологии и этнографии Пермского ФИЦ УрО РАН.

Таким образом, 11-й том «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН» позволяет познакомиться с работой Отделения историко-филологических наук РАН в 2021 г. и исследованиями ряда его членов, а также учёных, представляющих учреждения, находящиеся под научно-методическим руководством ОИФН РАН. 2021 – «Год фундаментальной науки» – подтвердил значимость академической гуманитарной науки в современной жизни российского общества. Сформированный в последнее десятилетия запрос на гуманитарную, морально-этическую проблематику, а также на практическое использование научных знаний получает полное понимание среди российских учёных-гуманитариев, проводящих свои исследования в институтах, находящихся под научно-методическим руководством нашего отделения.

Часть 1
Пандемии и эпидемии в прошлом и настоящем

Материалы Научной сессии Общего собрания РАН «Роль науки в преодолении пандемий и посткризисном развитии общества» (15 декабря 2021 г.) и семинара Отделения историко-филологических наук РАН «Гуманитарные чтения» (28 апреля 2022 г.)

Общество и государство в России и мире в период эпидемии коронавируса[1]

В.А. Тишков, М.Л. Бутовская, В.В. Степанов

Аннотация. *Статья написана на основе доклада, представленного на Научной сессии Общего собрания РАН «Роль науки в преодолении пандемий и посткризисном развитии общества» (Москва, 15 декабря 2021 г.). В ней с антропологических позиций анализируется реакция социума на пандемию в России и других странах мира. Рассматриваются особенности поведения и психологической реакции жителей разных регионов, профессиональных групп и этнокультурных общностей с учётом пола, возраста, культурных характеристик (коллективизм – индивидуализм, свобода – жёсткость, дистанция власти). Особое внимание уделяется фобиям и общественной активности в период пандемии, обсуждается возрастающая роль национальных государств в преодолении последствий пандемии. Представленные результаты исследования могут быть использованы в качестве дополнительного источника информации для принятия эффективных мер по окончательному преодолению пандемии и, что особенно важно, её негативных социальных и политических последствий.*

Ключевые слова: *пандемия короновируса, Россия, тревожность и дистресс, эмпатия, кросскультурные исследования, пандемийные фобии, общественный активизм, роль государства.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.001

Мировая эпидемия коронавируса (COVID-19) ещё продолжается, однако по прошествии более чем двух лет борьбы с этим злом уже очевидно, что важнейшим фактором успеха являются не только специфические медицинские мероприятия, но и адекватная реакция людей на предписания правительств

[1] Данная статья опубликована в журнале «Вестник Российской академии наук» (2022, том 92, № 8.).

по предотвращению распространения заболевания, а также культурно обусловленное восприятие тем или иным обществом подобных глобальных вызовов. Вера в эффективность принимаемых на государственном уровне мер, ощущение личного риска, укрепление чувства социальной ответственности и многие другие социальные феномены способствуют улучшению условий профилактики и предотвращения распространения инфекции. Текущий опыт борьбы с пандемией в России и за рубежом показал, что достижение гражданской поддержки предпринимаемых мер является такой же ключевой целью, что и создание противоэпидемических препаратов.

Социально-культурные последствия пандемии явно будут более продолжительными, чем сама эпидемия. Они изменят тактику и стратегию властей в отношении профилактических мер и прививок от всевозможных заболеваний, общественные предубеждения о вакцинировании взрослых и детей, санитарные правила при пересечении границ государств, требования соблюдать предосторожность в местах массового скопления людей и практику повседневного общения на личностном и коллективно-профессиональном уровнях. Нет сомнений, что опыт общественного поведения на фоне пандемии, а также политику национальных государств в отношении её преодоления необходимо тщательно изучать в целях предупреждения биологических и других угроз глобального масштаба.

В настоящем исследовании с антропологических позиций анализируются общественная реакция на пандемию в России и других странах мира, особенности восприятия новой ситуации представителями разных регионов, возрастных и профессиональных групп, этнокультурных общностей. Обсуждается возрастающая роль национальных государств в деле преодоления негативных социальных и политических последствий пандемии. Мы обобщили результаты нескольких исследований, проведённых социально-культурными антропологами на разных этапах развития пандемии. В 2019–2020 гг. изучались особенности поведения и психологические реакции населения в условиях её первой волны в четырёх регионах России и на кросс-культурном уровне в 23 странах мира. Затем в последние месяцы 2021 г., то есть в период беспрецедентного усиления эпидемической нагрузки, анализировалась ситуация в регионах России, связанная с формированием общественных страхов и фобий, и на этой основе дана их оценка.

Тревожность в условиях пандемии России. Первая волна

Данные по первой волне короновируса свидетельствуют о региональных различиях по мерам противодействию эпидемии. Психологическое состояние и реакция людей на её распространение и вводимые местными властями ограничения в период первой волны проанализированы на примере четырёх российских регионов, включая Москву, Татарстан, Ростовскую область и Ханты-Мансийский автономный округ [*Буркова* и др., 2022, в печати]. Эти регионы были выбраны в качестве примеров, поскольку различались между собой по динамике принимаемых мер со стороны региональных властей. Пока в Москве постепенно вводились всё новые запреты и ограничения вплоть до

полного локдауна через три недели после выявления первого пациента с ковидом, в остальных регионах власти действовали более решительно. Несмотря на гораздо меньшую статистику заболеваемости в целом, Татарстан, Ростовская область и ХМАО раньше установили режим самоизоляции. В Республике Татарстан локдаун был введён через две недели после выявления первого случая заболевания, в ХМАО – через 12 дней, в Ростовской области – через неделю.

Данные были получены в интервале с 29 апреля по 21 июня 2020 г., общая выборка составила 1903 человека, в том числе 232 в Москве, 362 в Республике Татарстан, 1023 в Ростовской области, 286 в Ханты-Мансийском автономном округе. В основном респондентами являлись студенты вузов. Следует отметить, что на момент проведения исследования Москва выделялась на фоне трёх других регионов самым большим количеством выявленных случаев и смертей вследствие COVID-19, а самые низкие показатели отмечались в ХМАО. Для оценки уровня тревожности использовался опросник ГТР-7 [*Spitzer et al.*, 2006] (GAD-7) в адаптированной версии (опросник ГТР-7, 2013). Он включал 7 пунктов, описывающих симптомы тревожности и генерализованного тревожного расстройства (ГТР) на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней. Оценка тревоги производилась по 4-балльной шкале Ликерта (от 0 – «совсем не» до 3 – «почти каждый день»), баллы по всем пунктам в дальнейшем суммировали, что позволило составить представление об уровне тревожности: 0-4 – минимальный, 5-9 – умеренный, 10-14 – средний, 15-21 – высокий.

В целом по обобщенной российской выборке мужчины демонстрировали достоверно более низкий уровень тревожности по сравнению с женщинами ($\chi^2 = 52.079$, ст.св. = 3, $p = 0.0001$, $n = 1901$) (рис. 1 *а, б*). Высокий и средний уровень тревожности выявлен у 20 % женщин и лишь у 12 % мужчин. Норма (низкий уровень тревожности) по этому показателю отмечена у 68 % мужчин и 49 % женщин. Сравнение четырёх выборок показало, что самая высокая доля респондентов с высоким уровнем тревожности была в ХМАО (10.49 %), а самая низкая – в Ростовской области (4.50 %). Больше всего респондентов с минимальным уровнем тревожности встречалось в Ростовской области (59.82 %), а меньше всего – в Москве (34.91 %). Достоверные гендерные различия по ГТР-7 определялись по каждому региону, и всюду уровень тревожности женщин был устойчиво выше, чем мужчин.

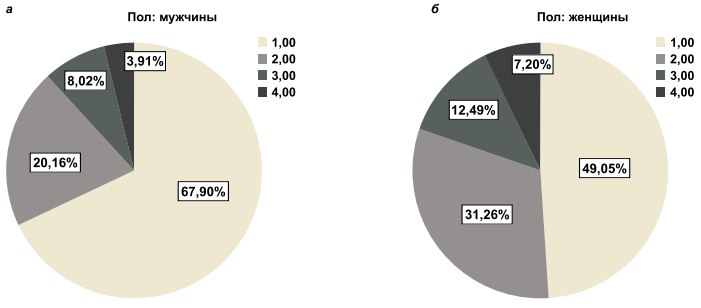


Рис. 1. Уровень тревожности по опроснику ГТР-7 мужчин (а) и женщин (б)
1 – минимальный уровень тревожности; 2 – умеренный уровень тревожности; 3 – средний уровень тревожности; 4 – высокий уровень тревожности

Кросс-культурные данные по 23 странам мира (общая выборка составила 15 375 человек), собранные по идентичной методике [*Burkova et al*., 2021], также показали, что женщины более тревожны по сравнению с мужчинами (χ^2 = 258.53, ст. св. = 3, p = 0.0001, n = 15342). Самые высокие показатели тревоги отмечались в Бразилии, Ираке, Канаде и США. Следует отметить, что в целом показатели тревожности в условиях пандемии оказались выше, чем в предшествующий период [*Бутовская, Буркова,* 2021: 463-476]. Значимый фактор уровня тревожности – возраст, с годами он снижался у обоих полов.

Эмпатия и сопереживание в условиях пандемии в России. Первая волна

Исключительный интерес для исследователей представляет вопрос об эмпатии и склонности к взаимопомощи в условиях пандемии [*Бутовская, Буркова,* 2021; Burkova, *Butovskaya et al.*, 2021]. Под эмпатией понимается реакция отклика на переживания другого человека. Для её измерения использовались три шкалы многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса (Interpersonal Reactivity Index, IRI) [*Davis,* 1980] в адаптации Н.А. Будаговской с соавторами [*Будаговская и др.*, 2013]. Шкала децентрации оценивает способность восприятия, понимания и принятия в расчёт точки зрения другого человека; шкала эмпатической заботы оценивает чувства сопереживания, направленные на другого (симпатии, сочувствия, жалости, желания помочь); шкала эмпатического дистресса оценивает негативные чувства, возникающие в ответ на страдания и переживания другого, и стремление избавиться от них любым путём ради своего спокойствия. Все три шкалы были проанализированы в качестве зависимых переменных методом множественного ковариационного анализа в рамках общей линейной модели, где в качестве независимых переменных выступали пол и регион, а в качестве ковариаты – возраст респондентов.

Результаты анализа показали, что связь между независимыми переменными и значениями по шкале «децентрация» пренебрежительно мала, поэтому данные по этой шкале могут быть проигнорированы. Средние баллы по шкале «эмпатическая забота» были достоверно ассоциированы с полом (F = 32.848, p = 0.0001, η = 0.02, n = 1903), однако эти различия обнаружились только в двух регионах (Татарстан и Ростовская область) (рис. 2 *а*). Баллы по шкале «эмпатический дистресс» были ассоциированы с полом (F = 118.307, p = 0.0001, η = 0.06, n = 1902) и регионом (F = 10.185, p = 0.0001, η = 0.02, n = 1902) (рис. 2 *б*). Хотя эффекты по этой шкале были невелики, всё же полученные данные позволяют говорить о том, что в условиях пандемии женщины демонстрируют более высокий уровень эмпатической заботы, чем мужчины, и сильнее реагируют на страдания других. Кроме того, наши результаты свидетельствуют о том, что уровень эмпатического дистресса зависит от культурных установок и мотиваций. Обращает на себя внимание тот факт, что женщины-москвички давали достоверно более высокие оценки по шкале «эмпатический дистресс», нежели женщины из других регионов. Мужчины-москвичи по уровню эмпатического дистресса

достоверно превосходили жителей Татарстана и Ростовской области, но не отличались от мужчин из ХМАО.

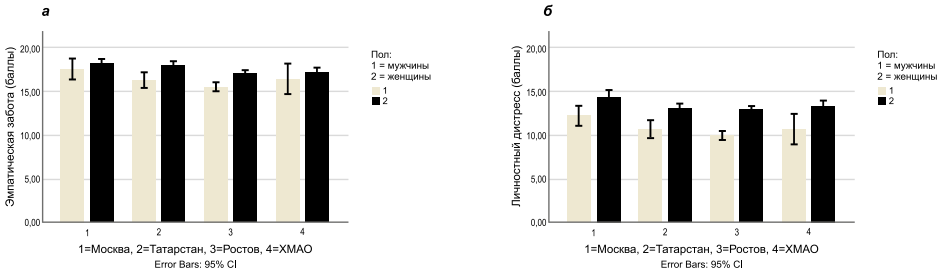


Рис. 2. Средние баллы по шкале «эмпатическая забота» (а) и шкале «эмпатический дистресс» (б) опросника эмпатии М. Дэвиса для мужчин и женщин из четырёх регионов России:

Данные кросс-культурного исследования по 23 странам мира [*Butovskaya et al.*, 2021] также показали достоверно более высокую самооценку по всем трём шкалам эмпатии у женщин по сравнению с мужчинами. Максимальные рейтинги по шкале децентрации были получены для США, Бразилии, Италии, Хорватии, по эмпатической заботе в условиях локдауна первой волны пандемии – для США, Бразилии, Венгрии, Италии и Индонезии, а по шкале эмпатического дистресса – для Бразилии, Турции, Италии и Индонезии.

Роль культуры и моральных установок в преодолении негативных последствий пандемии на психологическом уровне

Культурные измерения, в частности, оцениваемые по шкалам индивидуализма-коллективизма и дистанцированности власти (индекс описывает наличие социальной иерархии и её влияние на взаимодействие между людьми и функционирование социальных институтов) [*Hofstede*, 2001], а также по шкале «жёсткость – свобода» М. Гельфанд [*Gelfand et al.*, 2011] оказывали значимое влияние на психологическое состояние людей в условиях пандемии. В проекте по 23 странам [*Burkova al.*, 2021; *Butovskaya et al.*, 2021] показано, что респонденты из стран с высоким уровнем индивидуализма отличались наибольшей тревожностью (Канада, Италия). Напротив, коллективистские страны (Таиланд, Индонезия, Малайзия, Нигерия) демонстрировали значимо более низкий уровень тревожности в период первой волны COVID-19. Респонденты из стран с высоким уровнем свободы (Канада, Италия) сообщали о выраженных симптомах тревожности в отличие от участников опроса из более «жёстких» стран (Индонезия, Иордания, Нигерия).

Страны, для которых характерен высокий уровень индивидуализма (Италия, США, Венгрия), получили самые высокие баллы по шкалам эмпатической децентрации и эмпатической заботы, что отличает их от коллективистских стран (Малайзия, Танзания, Иордания, Бразилия). Максимальный

уровень эмпатического дистресса продемонстрировала коллективистская Турция. В странах с высокими баллами по дистанции власти (Саудовская Аравия, Ирак, Россия, Беларусь) обнаружился относительно более низкий уровень эмпатической децентрации и эмпатической заботы в сравнении со странами с меньшей дистанцией власти (Канада, США, Венгрия, Италия).

Другое значительное по территориальному охвату исследование, проведённое американскими специалистами в 50 штатах, а также данные кросскультурного исследования с охватом 67 стран мира также указывают на важную роль культурных факторов, измеряемых по шкале «коллективизм – эгоизм», в принятии или противодействии правительственным мерам по профилактике распространения пандемии [*Lu et al.*, 2021].

Реакция российского общества: модель общественных страхов

Для оценки состояния общественных отношений в условиях пандемии в октябре-ноябре 2021 г., когда отмечался беспрецедентный рост числа заболевших, мы провели опрос экспертов более чем в 40 регионах России, включая все федеральные округа. Численность опрошенных экспертов составила более 1,2 тыс. и включала в равной пропорции учёных, представителей региональной и местной власти, общественных и религиозных организаций. В целях соблюдения исследовательской этики мы намеренно не опрашивали медицинских работников. Инструментарий исследования опирался на единую для всех регионов анкету, разработанную ИЭА РАН и Сетью этнологического мониторинга. В анкете предусматривался не только выбор из стандартных вариантов ответа, но и возможность высказать своё мнение по каждому вопросу в свободной форме.

Адресованные экспертам вопросы касались наличия либо отсутствия у жителей соответствующих российских регионов страхов, опасений и предубеждений, связанных с эпидемией. Выяснялись мнения о влиянии на общественные настроения в условиях пандемии средств массовой информации, социальных сетей, а также политических партий, общественных и религиозных организаций. Затрагивались и проблемы благосостояния и занятости жителей обследуемых регионов, их опасений по поводу роста цен и утраты рабочих мест. Также обсуждались риски социальных конфликтов под влиянием протестной активности и меняющегося отношения местного населения к трудовым мигрантам. Отметим, что на стадии проектирования данного исследования выявился любопытный факт: более адекватную картину общественных фобий, связанных с ковидом, оказалось легче получить не из опросов населения, а на основе социологического обобщения мнений экспертов, так как они, в силу профессиональной и должностной необходимости, регулярно сталкиваются с общественными реакциями на пандемию.

Эксперты оценивали состав и меру распространения в обществе страхов, обусловленных пандемией. О наличии и широком хождении таких фобий заявили 79,3 % экспертов, об их отсутствии – 12,3 %, 8,3 % затруднились ответить. Во всех обследованных российских регионах самым массовым

оказался страх заболеть коронавирусом. Этот вывод подтверждают данные ВЦИОМа: опасения заболеть коронавирусом испытывали в 2021 г. 60% совершеннолетних россиян, а в период всплеска заболеваемости в октябре и ноябре эти страхи ещё более усилились. Лишь очень небольшая часть населения не была озабочена опасностью подхватить вирус, а тех, кто отрицал существование вируса как такового, оказалось крайне мало.

Тревожность по поводу коронавирусной инфекции снижалась в летние периоды, когда многие люди отправлялись отдыхать. Затем страхи возвращались, особенно усиливаясь под воздействием информации о появлении новых штаммов, а также мер о запрете передвижения и социальных контактов, вводимых правительствами разных стран и регионов.

На фоне тотальных страхов, поведенческая реакция россиян, как и жителей других стран, оказалась крайне противоречивой. С одной стороны, снижалась территориальная мобильность населения, в особенности сократилось количество поездок на дальние расстояния, причём не только вследствие целенаправленных ограничений со стороны региональных властей, но и из-за нежелания самих людей совершать регулярные поездки. В то же время не наблюдалось снижения числа желающих совершать эпизодические поездки в другой регион и другие страны на отдых. Значительные обороты внутрироссийского туризма, как и устойчивость зарубежных турпоездок, подтвердила официальная статистика. На протяжении 2021 г. только турецкую Анталию посетили более 3.5 млн россиян, то есть несколько процентов населения России. В 2020 г. при весеннем общероссийском локдауне число турпоездок за рубеж сократилось в разы, но по итогам года оно составило внушительную цифру – 12,4 млн. В 2021 г. количество загранпутешествий если и сократилось, то ненамного.

Невзирая на сообщения о банкротстве туристических компаний, данная форма экономической деятельности осталась широко востребованной, в российском турбизнесе, как и прежде, в разгар пандемии было занято более 1 млн человек, и это без учёта субъектов малого предпринимательства. Парадоксально, что именно желание совершать туристические поездки, которые объективно способствуют распространению коронавируса, подвигает немалую часть россиян к необходимости делать себе прививки. Так что, с одной стороны, туристическая активность несёт в себе эпидемические угрозы, а с другой – служит проводником профилактических мероприятий и укрепления общественных представлений о социально ответственном поведении.

Тем не менее следует признать, что образцы ответственного поведения не стали общественной нормой. Не только скептики (таковых явное меньшинство), но и те, кто обеспокоен опасностью эпидемии, зачастую не отказывали себе в поездках, во многих других формах доэпидемического образа жизни – продолжали частые контакты с окружающими, не использовали медицинские маски, не соблюдали прочие санитарно-гигиенические требования. Опасаясь болезни, люди в то же время не желали менять привычный образ жизни. Принято считать, что более других игнорировала профилактические ограничения молодёжь. Однако исследование показало, что и представители средних возрастных когорт часто проявляли безответственность.

Исключение составляли люди пожилого возраста, которые старались выполнять профилактические правила. Можно заключить, что личные интересы большинства населения противостояли не только противоэпидемическим требованиям, но и личным фобиям. Это парадоксальное противоречие в ряде случаев стало источником массовой невротизации, социального напряжения и спорадического проявления агрессии.

Модель общественных страхов, порождённых пандемией, представляет собой не просто конгломерат крайне противоречивых убеждений, но также их явную субординацию. Доминирующее положение, как уже сказано, в общественном сознании занимает опасение заболеть. Причём подобные страхи нередко проявляются тем сильнее, чем ниже заболеваемость в том или ином регионе. Это особенно характерно для малых региональных сообществ в провинции, где доступ к медицинскому обслуживанию затруднён.

Но и доступность лечебных учреждений не ослабляет страхи, хотя несколько иного рода. На втором месте по частоте оказались фобии, связанные с медициной. Общественное доверие к медицине особенно заметно снизилось в первые месяцы и в периоды некоторого ослабления эпидемии. Поэтому люди закупали разные лекарственные препараты, порой за большие деньги, чтобы самостоятельно оказать себе помощь. Не только в провинциальных городах и сельской местности, но и в крупных агломерациях циркулировали слухи, что при усилении эпидемии медицинская помощь окажется недоступной. Самой обсуждаемой стала тема вакцинации, и здесь средний российский обыватель мало чем отличался от обывателя французского, английского, голландского и прочих. Имели хождение полярные мнения, возникли страхи типа «если не привиться, то все умрём». Поначалу они получили умеренное распространение, практически нигде не достигли панического уровня, но усиливались по мере того, как становилось понятно, что эпидемия может стать постоянным спутником человечества, что будут появляться всё новые опасные штаммы.

Однако в ещё большей мере распространялись фобии об опасности самой вакцины. В районах Крайнего Севера эти страхи проявились причудливым образом: вместо вакцинации люди стремились самоизолироваться. В отдалённых улусах Якутии жители, в прежние годы ратовавшие за то, чтобы их чаще посещали вертолётные бригады врачей, теперь не желали их видеть. На Камчатке в период переписи населения, совпавшей с пандемией, люди старались быстрее переписаться и уехать в отдалённую местность на традиционные промыслы, «где нет других людей и инфекции».

В формировании антипрививочных настроений можно, конечно, усмотреть умысел, связанный с недобросовестной конкуренцией на международном рынке вакцин. Но нельзя отрицать и общественную податливость к восприятию антивакцинной пропаганды. Со второй половины 2021 г., когда в России началась активная прививочная кампания, многие делали прививку не по собственному желанию, а для того чтобы получить сертификат о вакцинации, зачастую – под нажимом работодателей. Не доверяя медицинским препаратам, как сообщили некоторые опрошенные эксперты, «работники муниципалитетов и госслужащие оформляли фиктивную прививку, попросту покупая справку». Как ни удивительно, когда

после летних отпусков уровень заболеваемости стал быстро расти, усилились и антипрививочные настроения. Значительная часть населения стала бояться вакцинации больше, чем опасности заразиться. Этот феномен эксперты объясняли недостаточной просвещённостью различных групп населения. Но и широкая «осведомлённость» людей, очевидно, также сыграла отрицательную роль. Нужно учитывать, что к моменту широкого внедрения вакцин эпидемия длилась уже почти два года и многие люди непосредственно столкнулись с заболеванием. Те, кто переболел в лёгкой форме, а также те, кто был в контакте с заболевшими и не заразился, полагали, что болезнь их более не затронет. Неверию в опасность коронавируса способствовали и сообщения в СМИ о том, что новая инфекция в скором времени превратится в обычное сезонное заболевание.

Противники вакцинации охвачены разными предрассудками, порой перевешивающими опасения заразиться коронавирусной инфекцией. В Интернете циркулировали слухи о том, что, мол, «прививка ухудшит иммунитет». Но это мягкая форма неприятия вакцинации. Распространялись и более радикальные представления: антиковидная прививка якобы представляет угрозу здоровью, она «может заразить» тем же коронавирусом, «вызвать другие болезни», «спровоцировать не только осложнение, но и смерть». В Дагестане муссировались слухи о том, что неминуемая кончина наступит через два года после прививки. Негативную роль сыграли не только слухи, но и некоторые электронные СМИ, сообщавшие о якобы всеобщем сопротивлении прививочной кампании со стороны жителей тех или иных российских регионов. Имеются отечественные и зарубежные исследования, проливающие свет на технологии избыточной и ложной информационной нагрузки на население в условиях глобальных рисков для достижения политических и военных целей [*Михеев*, *Нестик*, 2021]. Распространялись и конспирологические «теории» не только о будто бы намеренном ограничении через вакцину деторождения, но и её влиянии на генетику человека. Вакцинацию наделяли эсхатологическими свойствами, пытались утверждать, что она «сама по себе есть зло» и «предвестник конца света».

Часть опрошенных экспертов видит причину вакцинных фобий в излишне либеральной в России политике иммунизации. По их мнению, государству следует проводить вакцинацию более директивно, как это было в советские годы, и не муссировать тему добровольности.

Проблема отрицания и ограничений привычного образа жизни

Невзирая на легкодоступные данные о распространении эпидемии в России и за рубежом, даже в разгар заболеваемости, когда и статистики не требовалось, чтобы убедиться в масштабе бедствия, часть обывателей продолжала отрицать само наличие эпидемии. Одни нигилисты стремились убедить окружающих, что никакого коронавируса нет вообще, другие – что нет эпидемии, третьи – что от болезни можно защититься, если не слушать врачей. На этой волне пожинали плоды общественного внимания и зараба-

тывали предприимчивые блогеры, всевозможные целители, политические активисты, общественники, религиозные деятели, представители шоу-бизнеса. Политическая критика в адрес России также увязывалась с отрицанием опасности ковида и сомнением в действенности и безопасности российской вакцины.

Некоторые опрошенные эксперты поясняли, что такой нигилизм связан с общим падением уровня образования в стране. Это можно признать верным, но лишь отчасти, поскольку отрицание эпидемии и вакцины встречалось и среди лиц с высшим образованием, а также и среди некоторых медицинских работников. Проблема отрицания оказалась комплексной, поскольку её адептами являются представители разных слоёв населения, разных культурных и религиозных сообществ. Нельзя не заметить и влияния религиозного фактора, что, в частности, проявилось в массовом отрицании опасности пандемии в северо-кавказских регионах.

Проблема общественного отрицания эпидемии и противодействия профилактическим мерам выводит на нечто большее, чем только необходимость преодоления конкретных предрассудков. Эклектичное и вроде бы бессистемное облако социальных фобий проявило себя на разных этапах эпидемии как удивительно устойчивое общественное явление, быстро и находчиво генерирующее аргументы «против», казалось бы, железобетонных аргументов «за». Казалось бы, распространение официальных сведений о численности заболевших и умерших от ковида должно убедить население в необходимости профилактических мероприятий. Но такая информация, будучи широко известной, не оказала решающего воздействия на людей, что подтверждено официальными цифрами медленного прироста численности привитых. Телерепортажи из так называемых красных зон отделений реанимации в больницах, рассказы врачей и пациентов об опасности заболевания, активная социальная реклама под лозунгом «Вакцинируйся!», как предполагалось, должны были поколебать общественные предубеждения. Но это происходило далеко не всегда.

Исследование показало, что в конгломерате эпидемических фобий неотъемлемая и весомая часть приходится на фобии социально-культурной направленности; они-то и составляют основу мотивации на сохранение привычного образа жизни. Их присутствие в определённой мере объясняет иррациональность поступков и суждений представителей самых разных слоёв общества. Дело в том, что эпидемия и связанные с ней регламентирующие меры нарушили повседневный обиход почти каждого человека, стали причиной множества предписаний и ограничений, сузили бытовые контакты. По мнению опрошенных экспертов, именно вероятность разобщения видится населению как одна из сильнейших угроз. Люди стали бояться очередного карантина не только из-за потери средств к существованию, но и по причине утраты связей с окружающими. И это при том, что даже в малых российских городах и сельской местности многие жители активно используют электронные средства связи.

Эпидемия на деле показала, что электронная коммуникация не заменяет живого общения. Причём, как выяснилось, разобщения боятся не только пожилые люди, но и молодёжь, активно использующая компьютерные сети.

Многие противились полному переходу на новый режим коммуникации во время эпидемических локдаунов, студенты высказывались против дистанционного обучения, взаимодействия с преподавателями и сокурсниками в сугубо электронном формате. Преподаватели тоже восприняли в штыки требования вузовских администраций соблюдать противоэпидемический режим в аудиториях и общежитиях. Закономерно рождались домыслы, что после обкатки онлайн-методов «живое» обучение якобы исчезнет вообще.

Исследование показало, что особую проблему представляют предрассудки и пропаганда, направленные на обвинение властей в «бесполезных», «слабых» и даже «злонамеренных» действиях. Недоверие к властям зиждется на разных основаниях, часто не связанных с собственно эпидемией, но в обыденном сознании увязывается именно с ней. По выражению одного из экспертов, «людям нравится ругать власть и любые её действия», и это обывательское свойство неизбежно концентрируется на таком мировом бедствии, как коронавирусная инфекция. Зачастую тема эпидемии – это только повод для претензий и обвинений.

Впрочем, опросы экспертов в разных российских регионах выявили бытование в основном умеренных антивластных фобий, например, о том, что во время эпидемии люди якобы оказались предоставлены сами себе, что власти не желают серьёзно заниматься проблемой, что не видно реальных действий по регулированию ситуации, что недоступны альтернативные вакцины, что власти не контролируют ситуацию и вообще бессильны. Примечательно, что такие фобии иррациональным образом сохраняют устойчивость, хотя меры государственной поддержки широко известны: бесплатное для населения и беспрецедентное по объёму и темпам увеличение медицинской инфраструктуры, различных средств защиты от эпидемии, расширение социальных выплат разным категориям граждан, осуществление государственной помощи наиболее уязвимым регионам, внедрение мер поддержки экономики и частного бизнеса др. Опрошенные эксперты обращают внимание на то, что при обилии средств массовой коммуникации многие люди склонны пользоваться непроверенными сведениями об эпидемии и не интересуются официальными источниками. Очевидно, что, помимо официальных, необходимо использовать и неформальные каналы информирования населения.

Более жёсткие фобии по отношению к властям распространены не так широко. Но следует обратить внимание на их концентрацию в некоторых регионах, например в республиках Северного Кавказа и крупных мегаполисах страны, где распространялись мифы о том, что пандемия – это некий манёвр для отвлечения граждан от более серьёзных проблем страны. Не без провокаций через социальные сети эпидемия увязывалась с государственной политикой цифровизации, которая, как иногда утверждается, направлена на тотальный контроль населения.

В связи с периодически вводившимися ограничениями доступа в общественные места распространялись слухи о дискриминации целых общественных групп, в том числе пожилых людей, спекуляции по поводу пропусков, ковид-паспортов, сертификатов о вакцинации, QR-кодов, в которых критики усматривали не ограничительные меры, а способы слежки за жиз-

нью граждан. Фигурировало мнение, что в результате эпидемии «государство всё больше контролирует народ» и неминуемо произойдёт «усиление авторитарных тенденций во власти». Раскручивалась тема ущемления прав и свобод невакцинированных людей, циркулировали опасения, что эпидемическая дискриминация станет реальной при приёме на работу и продвижении по карьерной лестнице.

Эпидемия усиливала слухи о сокращении доходов, ухудшении условий труда, утрате рабочих мест. Опросы ВЦИОМа выявили усиление в 2021 г. тревожности россиян по поводу снижения доходов, особенно во втором полугодии, в октябре-ноябре, когда 45-48 % опрошенных заявили о таких опасениях [ВЦИОМ: Индекс страхов]. По данным исследования, осуществлённого Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН в том же году, вынужденно возросли расходы россиян, причём «каждый пятый указал, что за последний год ему пришлось потратить большую часть сбережений» [*Горшков*, *Тюрина*, 2021: 742].

Опрошенные нами эксперты также указывали, что страх остаться без средств к существованию в связи с инфляцией затронул самые разные слои, прежде всего пенсионеров. С первых месяцев пандемии распространялись слухи о грядущем подорожании и нехватке товаров первой необходимости, включая лекарства, а когда были введены карантинные меры, люди стали бояться, что работодатели, используя ситуацию, урежут с выгодой для себя выплаты работникам, что будут сокращены и оплачиваемые рабочие часы, и рабочие места. Боязнь безработицы, потери дохода, необходимости дорогостоящего лечения, возникновения финансовых проблем, невозможности оплачивать коммунальные услуги стали на период пандемии довольно распространёнными фобиями.

Опрошенные эксперты оценили влияние эпидемии на миграционную активность, занятость и уровень благосостояния населения в своих регионах. Большинство усматривали прежде всего отрицательные последствия, но некоторые указали также и на положительные тенденции, например на меняющееся в позитивную сторону отношение местных жителей к мигрантам. Некоторые эксперты отмечали возникновение позитивных перемен в сфере занятости, в частности возможность перехода на гибкий график работы.

Общественная активность в период пандемии

Протестную активность населения в связи с эпидемией эксперты оценили как умеренную. Отметим также, что в ноябре 2021 г. ВЦИОМ фиксировал усугубление протестного потенциала, когда до четверти опрошенных указывали на возможность акций протеста в местах своего проживания, а пятая часть сообщала о личной готовности принимать участие в таких акциях [ВЦИОМ: Протестный потенциал]. В рамках нашего исследования половина опрошенных экспертов вообще не усмотрела подобной активности в своих регионах. Другие заявили, что подобная активность есть, её проявляют, прежде всего, лица определённых форм занятости, оказавшиеся в наиболее уязвимом положении (рис. 3). Эксперты указали на такую категорию протестующих, как непривитые, а также на медицинский персонал,

представители которого требовали компенсационных выплат за работу в условиях пандемии. По мнению опрошенных, немало недовольных было среди представителей малого и среднего бизнеса в сфере обслуживания, непродовольственной торговли. В ряде регионов индивидуальные предприниматели вынужденно сворачивали свою деятельность. Хотя протесты в основном сосредоточены в интернет-сетях, имеются и примеры открытых действий. Весной 2020 г. во время локдауна в Северной Осетии митингующие требовали отмены режима самоизоляции; несколько человек, обвинённых в беспорядках, были осуждены.

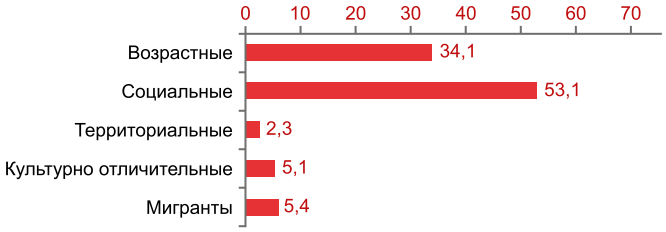


Рис. 3. Группы населения с усилившейся протестной активностью в период пандемии, % опрошенных экспертов, отметивших наличие протестной активности

По наблюдениям экспертов, напряжение под гнётом эпидемии испытывают представители разных возрастных групп населения – и пенсионеры, и молодёжь. Бытовые конфликты происходят в общественных местах – магазинах, транспорте, вузах, крупных и малых городах. По одному из наблюдений, в Дагестане полиция «штрафовала всех подряд» за нарушение масочного режима, «люди озлоблены» и носят маску только для того, чтобы не получить штраф, а не защитить себя от вируса. Протестную активность в открытой форме в основном проявляла молодёжь и безработные, тогда как основная масса недовольных ограничивалась жалобами в инстанции, анонимными обсуждениями ситуации в социальных сетях и приватном общении. На втором месте по уровню протестной активности – родители школьников, предъявлявшие претензии к администрациям образовательных учреждений и местным властям из-за изменившихся форм обучения и снижения качества образования.

Эксперты указывали на недовольство трудовых мигрантов, которым запрещали приезжать на заработки. К потенциально конфликтным категориям в связи с ограничением передвижения эксперты отнесли и вахтовиков, выезжающих на заработки в восточные и северные регионы страны из других российских регионов. По мнению экспертов, эпидемия не отразилась в явной форме на межэтнических и религиозных отношениях. Вместе с тем деструктивная активность в соцсетях за период пандемии заметно усилилась.

Продолжительность эпидемии породила у людей тревогу о будущем – своём личном, семьи, региона, страны и даже мира в целом. Это, можно сказать, новый социальный феномен. Массовая тревожность продиктована боязнью неопределённости – того, каким будет день завтрашний и что случится через год или два. Хотя произошло некоторое привыкание к эпидемии,

всё ещё распространены опасения типа «а вдруг это навсегда» и «к прежней жизни вернуться не удастся». Циркулируют мнения о том, что «пандемия будет продолжаться многие годы», что «дистанционное обучение и работа станут основными» и «жизнь перейдёт в онлайн-формат». Люди обеспокоены здоровьем и будущностью своих детей. Чувство неуверенности убеждает в невозможности строить долгосрочные планы. Охват населения страхами перед будущим представляет собой серьёзный социальный вызов для общества и государства. Если в прежние годы пессимистичные настроения касались текущих трудностей, а будущее внушало оптимизм, то теперь именно будущее нередко представляется как неясная угроза.

Вину за массовые фобии опрошенные эксперты возлагают в первую очередь на социальные сети и средства массовой информации (44,3 %). Деятельность федеральных и местных СМИ эксперты охарактеризовали как источник нагнетания обстановки, создания негативного фона, увеличения уровня тревожности. Социальный психолог Т.А. Нестик назвал современные СМИ «фабрикой тревоги» [*Нестик*, 2020: 51]. Деятельность же блогосферы некоторые опрошенные нами эксперты определили как «инструмент формирования недоверия к власти и государству».

Респонденты отрицательно оценили деятельность ряда политических партий (14,8) и религиозных организаций (9,8 %), указывая, что те становились источником антипрививочных настроений, антинаучных представлений о пандемии, своими собраниями ухудшали ситуацию, особенно в первый эпидемический год. В то же время деятельность политических партий и религиозных организаций в период острой фазы пандемии виделась массовой аудитории как слабо позитивная. Эксперты подчёркивали, что в их регионах именно крупные российские конфессии, прежде всего православные и мусульманские общины, стали призывать своих прихожан к вакцинации, вести разъяснительную работу. Созидательную активность проявили волонтёрские организации, в инициативном порядке осуществлявшие помощь населению, в особенности пожилым людям и многодетным семьям.

О роли национального государства в условиях пандемии

Наша позиция заключается в том, что, несмотря на разговоры о кризисе национальных государств и их смене цивилизациями или мировыми правительствами, на горизонте эволюции человеческих сообществ нет более значимой и всеохватной социальной коалиции людей, чем национальные государства, понимаемые как сообщества граждан под одной суверенной властью, обладающие общей идентичностью на основе общего исторического, социального и культурного опыта независимо от расы, этничности и религиозной принадлежности. Россия, при всем её историческом своеобразии и культурной сложности гражданской российской нации, относится к крупнейшим нациям мира, характеризуется некоторыми общими закономерностями организации и существования современных государств [*Тишков*, 2021]. Условия пандемии в который раз и очень наглядно показали, что именно государства обеспечивают важнейшие экзистенциальные потребности и права современного человека – от территориально-ресурсного

и организационно-хозяйственного жизнеобеспечения до устройства и поддержания социальных институтов, правовых норм общежития, воспитания, просвещения и окультуривания населения через поддерживаемые государством системы.

Государства обеспечивают гражданскую солидарность, предотвращают конфликты и насилие, защищают от внешних угроз и глобальных вызовов. Более того, в условиях таких мировых катаклизмов, как пандемия коронавируса, рассуждения о кризисе и исчезновении наций-государств выглядят наивными и саморазрушительными. По мнению британского антрополога Дэвида Геллнера, «события 2020 г. стали мощной демонстрацией того, что упадок наций-государств в век сверхглобализации или так называемого "потепления"... был "очень сильным преувеличением". По всему миру, с характерными местными отличиями в Северной Америке, Восточной Азии, Скандинавии и Южной Азии, в реальном времени происходит масштабный транснациональный эксперимент в области обществоведения и в реализации разных стратегий разными странами». По мнению учёного, мы проживаем момент радикального исторического поворота, когда перед лицом экзистенциальной угрозы «старые боги неолиберализма летят в печку на сжигание». Пренебрегая законами рынка, который, как полагали, должен всем и всеми управлять, именно государства берут на себя главную ответственность. В Великобритании, например, «одним росчерком пера было выделено 15 млрд фунтов стерлингов, чтобы решать вызванные COVID-19 проблемы» [*Gellner*, 2020: 270, 271].

Мало что можно добавить к этому заключению, кроме сотен других подобных примеров, которые иллюстрируют возросшую роль государства в период пандемии, в том числе и в России. Тем не менее заслуживают хотя бы краткого перечисления основные направления и формы регулирующего воздействия российского государства в этот период.

Реакция высшего руководства, включая Президента Российской Федерации и главу Правительства Российской Федерации, была достаточно своевременной, открытой и содержательной, хотя детали по части информирования населения были делегированы профильным членам правительства. Своевременно был создан Координационный совет при Правительстве РФ по борьбе с распространением коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации. В то же самое время субъектам федерации были предоставлены полномочия самостоятельно определять санитарно-эпидемический режим для населения региона и другие меры борьбы с пандемией. Основные усилия и финансовые средства были направлены на сферу медицины, включая разработку и производство вакцин и медицинских препаратов, развёртывание масштабной программы госпитализации и других форм медицинской помощи населению. Несколько сот миллиардов рублей было затрачено на сооружение и перепрофилирование госпиталей и больниц, привлечены возможности военного ведомства к этой работе. Правительство выделило регионам более 7,3 млрд руб. на поддержку поликлиник, около 100 млрд руб. – для ковидных больниц, более 200 млрд руб. – на специальные социальные выплаты медицинским работникам. Были отчислены средства на закупку медицинских препаратов, а также на бесплатные

лекарства для больных коронавирусом. Затем вступила в действие программа бесплатной реабилитации больных, перенёсших эту болезнь. К этому следует добавить финансовую и другую поддержку научных учреждений, занятых изучением штаммов коронавируса и изготовлением вакцин. Наконец, по всей стране была организована кампания бесплатной вакцинации населения, а также тестирования, в том числе и на коммерческой основе. Промышленные структуры обеспечили производство и доставку в регионы оборудования и концентраторов кислорода для лечения больных.

С 18 января 2020 г. стартовала массовая прививочная кампания от COVID-19. На начало 2022 г. в стране были вакцинированы около 120 млн. граждан. В целом в соответствии с международными стандартами поддерживаемая государством российская медицина и наука успешно справились с вызовами пандемии, о чём свидетельствует динамика заболеваемости, выздоровления и смертности от ковида и его последствий.

Масштабные усилия были предприняты государством в области экономики и обеспечения жизненных потребностей населения страны, преодоления кризисных явлений и минимизации ущерба от эпидемических ограничений, сокращения мобильности населения, закрытия ряда предприятий и т. д. Речь идёт, прежде всего, о налоговых льготах, поддержке малоимущих, моратории на выплату кредитов и субсидий, освобождении от таможенных пошлин и многих других действиях в сфере регулирования хозяйственной деятельности, трудовой занятости, торговли. Общий объём выделенных ресурсов на нужды здравоохранения и экономики исчисляется триллионами рублей, не считая средств и усилий, которые были затрачены бизнес-структурами и институтами гражданского общества (религиозные и общественные организации, волонтёрские группы, фонды поддержки и т. д.).

Только государство оказалось способным взять на себя меры по обеспечению общественной безопасности и противодействию пандемии в части международного регулирования с целью установить барьер перед инфекцией из-за рубежа. Это касалось ограничений международного сообщения, особого регулирования зарубежного туризма. Государство реализовало ряд важных мер в области социальной жизни, образования, культуры, включая бесплатную срочную телефонную связь, заочные формы собраний, дистантные формы обучения в школах и вузах, льготное программное обеспечение гаджетов, новый сервис на порталах государственных услуг и многое другое. Почти 30 млрд руб. выделены на поддержку федеральных учреждений культуры, а также образовательных, научных и медицинских учреждений.

Всё перечисленное позволяет по-новому оценить место и роль современного государства в жизни страны и мира в целом. О возвращении национальных государств на мировую арену на фоне глобальных кризисов, а также кризисов межгосударственных и блоковых образований, о жёстком отстаивании ими национальных интересов и суверенитета, о возвращении национализма в его гражданско-государственной форме писал известный политолог Анатоль Ливен. Он особо отметил значение общественных мотиваций и мобилизации на основе идей нации, обеспечивающих успешность современных государств: «Величайший источник и залог силы государства – не экономика и не размер вооружённых сил, а легитимность в глазах

населения и всеобщее признание морального и юридического права государства на власть, на исполнение его законов и установлений, на способность призвать народ к жертвам, будь это налоги или, если понадобится, воинская повинность. Не имеющее легитимности государство обречено на слабость и крах; или же ему придётся прибегать к жестокости и устанавливать правление на основе страха» [*Ливен*, 2020: 25].

Российское государство с его развитой и многофункциональной системой здравоохранения и фундаментальных научных исследований, обладающее способностью к «дисциплинированию» населения, то есть к проведению политики убеждения, прямого или косвенного предписания поведения институтов и граждан, в целом проявило себя способным преодолеть столь грозную напасть, как пандемия. Как отметила одна из исследовательниц этой темы, «система мероприятий, осуществлённых государством в период пандемии, и жёсткий контроль за их соблюдением убедили большинство населения в преимуществах централизованной административной власти, исторически традиционной для российской политической системы». Можно согласиться с её общим выводом, что «разрешить проблемы, вызванные развёртыванием пандемии, может только сильное государство, основанное на единстве народа и государственной власти, деятельность которой ориентирована на социальное доверие, обеспечение условий для развития человека» [*Гаранина*, 2021: 30, 31].

* * *

Результаты нескольких наших исследований в рамках социально-культурной антропологии позволили дать оценку психологического состояния населения России на фоне первой волны пандемии коронавируса, а также оценить роль культурных факторов в преодолении стресса в условиях возникших ограничений и вызовов на примере 23 стран мира. Полученные данные свидетельствуют о том, что демографические составляющие, включая пол, возраст, семейный статус, а также черты личности играют исключительно важную роль в индивидуальном выборе стратегий поведения в этих условиях. Индивидуальная мобильность и готовность находиться в самоизоляции достоверно зависели от пола и уровня индивидуальной тревожности в период локдауна первой волны коронавируса. Женщины сообщали о более высоком уровне тревожности, чем мужчины, и их дистанции удаления от дома были существенно более короткими. Гендерные различия прослеживались и в отношении фактора, вызывающего наибольший страх. Женщины видели главную опасность для себя и своих близких в самой инфекции, а мужчины – в экономических и финансовых вызовах (страх потери работы, снижение заработка, ограничение возможностей вести и расширять бизнес).

Не менее важными оказались наши выводы в отношении общественных реакций и поведенческих норм, которые получили распространение среди россиян, а также своего рода модель общественных страхов и фобий, которые формировались не только по причине недостаточного уровня просвещённости населения, но и под воздействием чрезвычайной разнородности современных медиа, включая социальные сети, распространителей раз-

личных конспирологических и эзотерических взглядов, способствующих возникновению паники. Исследование выявило приверженность наших соотечественников привычному образу жизни, боязнь радикальных перемен, неопределённости будущего, краха социальной защищённости и другие формы коллективных и личностных страхов.

Среди общественных реакций умеренный характер носили протестные проявления, но активно заявили о себе формы коллективной солидарности, особенно в сфере медицины и волонтёрской активности. Позитивно проявили себя религиозные и общественные организации, заметно меньше – политические партии, а негативное воздействие на ситуацию оказали средства массовой информации.

Государство проявило себя в период пандемии как ключевой институт общественной мобилизации, как единственная легитимная форма организации и принуждения в чрезвычайных условиях. Именно опыт государственных институтов и ресурсы государства позволили России и другим суверенным государствам эффективно противодействовать пандемии коронавируса, не прерывая решение насущных социальных и экономических задач.

Список литературы

Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1. С. 202–227.

Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н. и др. Тревожность и агрессия во время COVID-19: на примере четырёх регионов России // Сибирские исторические исследования. 2022. (в печати)

Бутовская М.Л., Буркова В.Н. Стратегии поведения человека и био-социальная адаптация к стрессу в условиях пандемии COVID-19: кросс-культурный подход // Антропология и этнология: современный взгляд / Отв. ред. А.В. Головнев, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 463–476.

ВЦИОМ: Индекс страхов. https://wciom.ru/rat- ings/mdeks-strakhov ВЦИОМ: Протестный потенциал. https://wci- om.ru/ratings/protestnyi-potencial

Гаранина О.Д. Российские реалии в контексте пандемии // Кронос: общественные науки. 2021. №1 (21). С. 28–31

Горшков М.К., Тюрина И.О. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии COVID-19 // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 4. С. 739–754.

Ливен А. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 25–42.

Михеев Е.А., Нестик Т.А. Психологические механизмы инфодемии и отношение личности к дезинформации о COVID-19 в социальных сетях // Социальная и экономическая психология. 2021. № 1. С. 37–64.

Нестик Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Социальная и экономическая психология. 2020. № 2. С. 47–83.

Тишков В.А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021.

Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K. et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // Sustainability. 2021. V. 13. № 4017. P. 1–23. https://doi.org/10.3390/su13074017

Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K. et al. Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave // Sustainability. 2021. V. 13. № 7431. P. 1–35. https://doi.org/10.3390/su13137431

Davis M.H. A multidimensional approach to individual differences in empathy // JSAS Cat. Sel. Doc. Psychol. 1980. № 10. P. 85.

Gelfand M.J., Raver J.L., Nishii L. et al. Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study // Science. 2011. № 332 (6033). P. 1100–1104.

Gellner D.N. The nation-state, class, digital divides and social anthropology // Social anthropology. 2020. V.28. № 2. P. 270–271.

Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

Lu J.G., Jin P., English A.S. Collectivism predicts mask use during COVID-19 // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021. V. 118. № 23. e2021793118. P. 1-8. https://doi.org/10.1073/pnas.2021793118.

Spitzer R. L., Kroenke K., Williams., *Löwe B.* A brief measure for assessing generalized anxiety disorder: the GAD-7// Archives of internal medicine. 2006. V.166. № 10. P. 1092–1097.

«Пандемии и эпидемии в мировой истории»: о заседании гуманитарного семинара ОИФН РАН

Н.Н. Казанский

Специальное заседание руководимого мной семинара Отделения историко-филологических наук РАН «Гуманитарные чтения», состоявшееся 28 апреля 2022 года, было по поручению академика-секретаря Отделения академика РАН В.А. Тишкова посвящено эпидемиям и пандемиям в истории человечества.

Имеющиеся свидетельства позволяют со всей определённостью говорить о периодически возникавших и стремительно распространявшихся болезнях начиная с палеолита. Осмысление периодичности, причин и разнообразных способов борьбы с эпидемиями в разные периоды человеческой истории остается ещё делом будущего, в том числе, потому что в последнее время наблюдаются удивительные успехи в области палеогенетики. Результативные исследования болезней даже палеолитического времени проводятся на основе костных останков. Для большинства членов Отделения историко-филологических наук РАН основу знания составляют тексты, идёт ли речь о филологах или об историках. Именно поэтому в программу заседания были включены четыре доклада, связанные с Древним Востоком, средневековой Европой и с русскими источниками об эпидемиях, начиная со Средних веков и кончая XVIII веком.

Разразившаяся пандемия способствовала привлечению внимания к роли эпидемий и пандемий в истории человечества. Среди популярных тем оказалось сопоставление данных захоронений во Внутренней Монголии на северо-востоке Китая, которые датируются 3000 г. до н.э. Речь идёт о местности Хамин Манга (Hamin Mangha), где обнаружены останки 97 человек в возрасте от 19 до 35 лет[1]. Об эпидемии неолитического времени заставляет думать синхронность этих захоронений с подобным захоронением в местности Миажигоу (Miaozigou). При этом установить болезнь, приведшую к катастрофе, пока не удалось.

Для Европы самым ранним описанием эпидемии, приведшей к массовым смертям в войске греков, осаждавших Трою, служит текст Илиады, в котором последовательно описывается, как по молитве Хриса Аполлон посылает стрелы, которыми λοίμος (чума?) поражает животных, а затем и людей:

50 В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

(Il., I. 50 sq., перевод Н.И. Гнедича)

[1] Yawei ZHOU, Xiaohui NIU, Ping JI, Yonggang ZHU, Hong ZHU, Meng ZHANG. The Hamin Mangha Site: Mass Deaths and Abandonment of a Late Neolithic Settlement in Northeastern China // Asian Perspectives. 2022. Vol. 61, No. 1. P. 28–49.

В греческой культуре, где образование строилось в первую очередь на поэмах Гомера, с описанием Илиады охотно сопоставляли подробно описанную в «Истории» Фукидида чуму в Афинах 430 г. до н. э., когда погибли едва ли не 100 000 человек.

Следующая опустошительная эпидемия (165–180 гг.), приведшая к смерти нескольких миллионов человек в Римской империи, произошла во времена императора Марка Аврелия и известна как “Антонинова чума”. Её появление связывают с Парфянским походом. Подробное описание болезни составил Гален.

Подробные перечни эпидемий, как правило, ограничиваются двадцатью самыми знаменитыми, хотя на самом деле их было значительно больше. Мы можем только догадываться о палеолитических эпидемиях, случайно дошедшие свидетельства скупо сообщают о подобных событиях эпохи неолита и бронзового века.

Тем не менее можно не сомневаться в том, что все эти опустошительные эпидемии, безусловно, сыграли свою роль в истории, научив человечество преодолевать смертоносные инфекции за счёт неисчислимых потерь человеческих жизней.

Эпидемии и их предотвращение в шумеро-аккадских клинописных текстах[1]

В.В. Емельянов

Аннотация. *В статье исследуются клинописные тексты на шумерском и аккадском языках, связанные с эпидемическими заболеваниями и методами их предотвращения. Изучены данные архивов четырёх городов (Ларса, Мари, Телль-эль-Амарна, Ниневия) в период с XIX по VII вв. до н. э. Установлено, что эпидемии вспыхивали в военных лагерях и в городах. В текстах не упоминаются врачи, которые лечили бы заболевших.*

Известные эпидемии в древней Месопотамии и соседних клинописных культурах ассоциировали с богом Подземного мира Нергалом и его рукой, с планетой Марс, демонами-асакку, зимними месяцами и началом весны. Основными средствами предотвращения эпидемий были дистанцирование, изоляция и сепарация больного, запрет на пользование его вещами, изготовление заместительных фигурок, на которые магически «перегоняли» болезнь, а также заговоры и прямые обращения к богу, сопровождавшиеся жертвоприношениями. Вёлся учёт умерших от эпидемии. Данные по заболевшим и умершим передавались царю или воинскому начальнику. Помимо заболеваний людей, известны и заболевания вьючных животных.

Ключевые слова: *терминология эпидемий, предотвращение эпидемий, календарь эпидемий, древняя Месопотамия, клинописная медицина.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.002

Клинописная медицина – хорошо разработанная область ассириологии. Начало этому направлению положил Р. Лабат, издавший двухтомный справочник по медицинским и диагностическим текстам древней Месопотамии, написавший первую монографию о вавилонской медицине и очерк развития древней хирургии [*Labat*, 1951; *Labat*, 1953; *Labat*, 1954]. В настоящее время корпус трудов по истории медицины в ассириологии не только серьёзно разросся [Verderame], но и дополнился регулярно выходящим журналом Journal des Médecines Cunéiformes. Таким образом, суждения ассириологов о медицине основаны как на солидном корпусе клинописных текстов II–I тыс. до н. э., так и на большом количестве научных исследований. Современная наука позволяет нам не только устанавливать соответствия между названиями болезней и методами их лечения в древней и современной терминологиях, но и прослеживать истории карьеры отдельных врачей по данным государственных и семейных архивов [*Arbøll*, 2021].

[1] Статья создана при поддержке гранта РНФ N 19-18-0085П «Календарные праздники древнего Востока: календарный ритуал и роль темпоральных представлений в формировании традиционного сознания народов древнего мира». Сердечная благодарность историку медицины, к. м. н. Ольге Александровне Джарман за критическое чтение текста.

Когда началась пандемия COVID-19, то ассириологи разных стран мира стали проводить большую работу по сбору материала клинописных текстов на шумерском, аккадском и хеттском языках, касавшегося эпидемий и их предотвращения на древнем Востоке. За два года, пока длилась эпидемия, вышло несколько обзорных работ (см. например, [*Attia*, 2020; *Arbøll*, 2020]). Следует, однако, сказать, что эти работы имеют научно-популярный характер. Задолго до нынешней пандемии клинописные тексты об эпидемиях были обстоятельно разобраны в статьях В. Фарбера и Ш. Мауля. Если Фарбер исследовал случаи заражения людей, то Мауль опубликовал ряд заговоров, связанных с заболеваниями скота [*Farber*, 2004: 117-132; *Maul*, 2013: 16-37]. Особого внимания заслуживает статья Дж. Сингера об эпидемии в Леванте и её отражении в текстах из Телль-эль-Амарны [*Singer*, 2017: 223-248]. Разумеется, самыми главными источниками по данной теме являются издания самих клинописных текстов об эпидемиях, дошедших из четырёх архивов – Ларсы (XIX в. до н. э.), Мари (XVIII в.), Телль-эль-Амарны (XIV в.) и Ниневии (VII в.) [*Hallo*, 1982; *Moran*, 1992; *Parpola*, 1993; Sasson, 2017]. В нашей статье будут впервые представлены в русском переводе все основные тексты по проблематике эпидемий, существующие на шумерском и аккадском языках.

Терминология эпидемии в языках древней Месопотамии весьма разнообразна. Прежде всего, следует выделить общие названия для эпидемии: nam-uš$_2$ «смерть» = *mūtānu* «мор», MUL *Ṣalbatānu* «Марс» = MUL.GIG «звезда болезни» = *mūtānu* «мор» [CAD M 2: 296-297]. Здесь же сказано, что «омен» Лугальгирры и Месламтаэа (= Нергала) является «мутану» страны. Это означает, что жители древней Месопотамии связывали моровые поветрия со зловредным влиянием планеты Марс и бога мёртвых Нергала. ŠU ^{d}Nergal «рука Нергала», также «рука бога» – эпидемия любой болезни. Теперь перейдём к названиям конкретных эпидемий. Нам известны такие слова как *di'u* (*diḫu*)[2] (шум. sag-gig «головная боль») «малярия» [CAD D: 165-166], ^{d}Nam-tar «бог-определитель судеб» = *šibṭu* «*чума*»[3] [CAD Š2: 387-388], *li'bu*[4] [CAD L: 181], *la'bu (laḫbu*) «a skin disease, spot»[5] [CAD L: 34-35] (предположительно проказа), *simmum* «покраснение кожи, красная сыпь»[6] [CAD S: 276-278].

Древнейшим источником по истории эпидемий является письмо царя Ларсы Синиддинама к богу солнца Уту, составленное на шумерском языке.

---

[2] Этимология неизвестна.

[3] От глагола *šabāṭu* «сметать, уничтожать». От этого же корня происходит и название месяца Šabāṭu (январь-февраль), когда происходило наибольшее количество эпидемий.

[4] Данная болезнь фигурирует в составе болезни *Ṣibit Lamašti* «хватка Ламашту». По-видимому, речь идёт о гриппе. Например: *šumma šerru umma li'ba ukâl u iktanaṣṣa ṣibit Lamašti* «если дитя охвачено жаром, лихорадкой и (его) знобит – (это) хватка Ламашту» [CAD L: 181]. Интересно, что и само слово «грипп» происходит от французского gripper «хватать». Ламашту – демоница, препятствовавшая родам, но в представлениях людей I тыс. до н. э. отвечавшая за все инфекционные заболевания в семьях.

[5] По-видимому, аккадский глагол *la'ābu* «беспокоить» связан с общесемитским словом *lahab* «пламя, лихорадка».

[6] От названия цвета *sāmu* «красный».

Письмо передаётся через гонца, поэтому в начале текста идут императивы: «скажи..., прибавь...». В этом письме Синиддинам (правил ок. 1850–1843 гг.) предстаёт как невинный страдалец. На его город напала эпидемия, хотя он горячо молился богу солнца. А враги кругом живы и невредимы, и живы даже те из них, кто никогда не молился и нарушал клятву именем бога. В конце своего письма Синиддинам обращается к Уту с просьбой подарить ему жизнь и сделать его Зиусудрой, т. е. даровать ему жизнь на долгие дни. Таким образом, в этом тексте встречаются элементы разных жанров: письмо богу, повесть о невинном страдальце, миф о потопе и сообщение о постигшей страну эпидемии (перевод по [ETCSL c.3.2.05].

Письмо Синиддинама к Уту II:

1. Скажи Уту, царю моему, высокому судии Неба и Земли,

2. Заботящемуся о Стране, выносящему приговоры;

3. Истинному богу, любящему оживлять человеков, внимающему мольбам,

4. Проявляющему милосердие, знающему…… сострадание,

5. Любящему справедливость, избирающему (?) праведность!

6. Прибавь бородатому, сыну Нингаль, …… лазуритовой бороде,

7. Открывающему засовы Неба и Земли, создающему свет во тьме;

8. Первейшему господину, чьё первенство очевидно, чьё величие не имеет себе равных;

9. Витязю, сыну, рождённому Нингаль, вяжущему и собирающему лучшие ME;

10. Праведному богу, князю, определяющему все судьбы, отцу черноголовых, моему царю:

11. Так говорит Син-иддинам, царь Ларсы, твой раб:

12. В твоём городе Ларсе, который ты избрал своим сердцем, болезнь[7] приключилась.

13. Широкие улицы, где дни проходили в веселье[8], тихими стали.

14. Твоё прекрасное войско сплочённое, дабы сломать его как тростник изгороди, было уничтожено.

15. Твои юноши, как ячмень, вовремя собранные, как созревшие плоды, были сорваны.

16. Люди разбиты, как глиняные статуэтки; все вместе они погибли.

17. Злая буря унесла малышей с колен (?) матерей.

18. Люди рассудком повредились (?), в лице изменились.

19. Войско… оставило, подобно истинной Стране, ...

20. О юный Уту, как враг, ты стоишь в стороне от своего города Ларсы[9].

---

[7] В подлиннике nig$_2$-gig-ga «вещь плохая, болезнетворная». Но можно понять и в общем смысле как «горе».

[8] Буквально «дни проходили в играх со скакалкой».

[9] Несомненная вариация на тему заговорной формулы «Злой язык пусть в стороне стоит!». Удивительно, что царь дерзает сопоставить бога Солнца с болезнетворными демонами, которых гонят этой формулой от тела больного.

21. Горная земля Элам, где нет мёртвых во множестве (?)[10], подобных птицам[11],

22. и Субарту, тяжёлое облако, не знающее благоговения перед богами,–

23. Эти районы не уменьшились; время их не настало.

24. Войско Симашки, что жриц-*нугиг* и *лукур* на места богов не избирает,

25. Многочисленно, как трава; его семя широко рассеяно.

26. К тому, кто живёт в шатрах, кто не знает мест богов,

27. Подобно дикому зверю, езды, муки-*эша*, молитв не знает,

28. Злой Намтар и Асаг[12] болезни не приблизили[13].

29. Войска нарушающих божью клятву здоровы[14].

30. Семь лет в моём городе не было битв и боёв, и смерть не приближалась.

31. (Даже) львы в степи ели людей немного.

32. Как тот, кто для бога добрых слов не знает, – так я связан (?)[15].

33. Я ежедневно служу великим богам молитвами, и мои добрые слова возвышенны.

34. О юноша Уту, по этой причине[16] на город свой Ларсу взгляни благосклонно!

35. Скажи «Увы!»[17] своему городу!

36. Скажи: «Увы, святилище!» ……!

37. Прояви сочувствие к Ларсе[18]!

38. Обрати внимание на болезнь,

39. Заставь [болезнь] уйти из Ларсы!

40. Удали …… и болезнь из Ларсы!

43. …да будет его семя великим!

44. Пусть …… поют тебе хвалу!

45. А мне за мое благоговение дай жизни!

46. Долгие дни[19] даруй мне!

В этом письме описывается довольно понятная ситуация. В город Ларсу пришла болезнь, которая не трогает соседние племена и государства, в том

---

[10] Так я понимаю mah-bi.

[11] Сохранился только постноминатив «птица», но сам знак для орнитонима разбит.

[12] Асаг – соперник Нинурты в шумерском новогоднем эпосе, предводитель камней с восточных гор, запирающий воду в горах и задерживающий приход весеннего половодья.

[13] Из этих строк хорошо видно, что эпидемия не приблизилась к районам, которые Синиддинам считает неблагочестивыми и лишёнными цивилизации. Также очевидно, что атрибутами цивилизации в Ларсе XIX в. считали постоянное жилище, постоянное место пребывания бога, езду на колёсном экипаже, муку, жреческие должности в святилищах, молитвы богам.

[14] Перевод условный. Буквально lu_2 mu diĝir sal-la-bi niĝ$_2$-gig-ga i_3-[gu_7]-e ugnim-bi silim-ma «Того, кто (клятву) именем бога сделал тонкой, болезнь съела (?), (а) войско его цело». Но это в том случае, если верно восстановлено gu_7 «есть, кушать». Общая логика требует иного понимания: он нарушил закон, но вопреки этому цел.

[15] ke$š_2$ «связывать» здесь восстановлено.

[16] Здесь именно так: nam-bi-$še_3$ «по этой причине».

[17] Однако возможен альтернативный перевод «ороси свой город водою!», поскольку a dug_4 «орошать водой», но и «говорить ах/увы)!».

[18] Буквально arḫuš [sud] /Larsam^{ki}\-ma šu te-ba-ab «приблизь к Ларсе своё долгое сочувствие».

[19] zi su_3-ud-ĝal_2 niĝ$_2$-ba-e-e$š_2$ ba-mu-na-ab буквально «Обладание долгими днями жизни в дар мне подари!» Здесь важно, что первое слово zi su_3-ud-ĝal_2 в это же время (XX – XIX вв.) стало именем праведника Зиусудры, спасённого богами от потопа.

числе и совершившие преступления перед богами. Намтар, Асаг и другие демоны болезни захватывают власть в Ларсе, там начинается горе, и Синиддинам просит бога солнца Уту-Шамаша отвратить от города эту болезнь, потому что он был праведен и не заслужил такого наказания.

Дальнейшие сведения об эпидемиях предоставляют нам дворцовые архивы, и в основном мы имеем дело с письмами. В архиве Мари XVIII в. до н. э. (ок. 1775 г.) Царь Зимрилим сообщает своей жене Шибтум[20] о заболевшей женщине (перевод по [*Neufeld*, 1986: 54-55]):

ARM X 129

[1]Шибту [2]ск[аж]и: [3][Та]к говорит господин твой: [4]«Услышал я, что Наннаме[21] [5]Больна красной сыпью, [6]И во дворце [7]Часто бывает. [8]Многих женщин она [9]Заразит[22]. [10]Отныне строго накажи [11]Из чаши, из которой она пила, [12]Чтобы никто не пил, [13]На стуле, на котором она сидела, [14]Чтобы никто не сидел, [15]И на постели, на которой она лежала, [16]Чтобы никто не лежал. [17]Многих женщин [18]Вместе с собой [19](тогда) она [н]е заразит. [20][Красн]ая сыпь эта заразна».

В этом же архиве найдено ещё несколько писем с похожей информацией [*Heimpel*, 2003]:

ARM XXVI, 279, 5-13 (окуривание и каждение во дворце)

«Аттузар, рабыня Хуссутума, преисполнилась кары бога[23], и я выгнал эту женщину из дворца. Главные певчие должны прийти и очистить дворец»[24].

ARM X 14, rev. 4'-7' (изоляция в другой квартал)

«Эта женщина Астакку. Отныне я обеспечила ей жилище в новом квартале. Стол и пища отдельно. Никто не должен быть рядом с её кроватью и стулом».

ARM X 130, 1-15, Зимри-Лим к Шибту:

«Поскольку эта женщина […], множество других женщин могут заболеть красной сыпью. Эта женщина должна находиться в доме изоляции (либо «в отдельном помещении», *bīt parsim*), и никто не должен навещать её. (Однако) дома изоляции нет. Поскольку гадание по Суммудум неблагоприятно, то […] (три строки разбиты). Умрёт ли она или выживет, но другие женщины заболеют красной сыпью. Пусть (только) эта женщина умрёт!»

Что такое *bīt parsim/parsu* «дом отдельный»? Известны следующие контексты.

1. Место изоляции больного и размещения фигурок его хранителей – Лугальгирры и Месламтаэа («бит парси, где нога удержана»).

2. Место инкубации жреца и его богообщения.

3. Потаённое место, где размещается алтарь бога.

---

[20] Имя жены царя Мари не имеет отношения к аккадскому названию чумы.

[21] Или «Нанна-де». mi, me – частица "де, дескать" в аккадском. Однако, может быть, и шумерское имя собственное «Нанна – (мои) ME», т. е. бог луны Нанна даёт мне жизненную силу.

[22] Условный перевод глагольной формы презенса I1 *isabbik* от глагола *sbk* с неизвестным значением. Глагол засвидетельствован только в данном тексте, а во второй породе *subbuku* встречается в средневавилонский период в предположительном значении «to plait (?)») [CAD S: 2].

[23] Буквально именно так. *Šerat ilim imla* «исполнилась наказания бога».

[24] Возможно, они должны очистить дворец своим пением.

Шумерский вариант e_2-ku_5-da в текстах шумерского периода не обнаружен. Скорее всего, это перевод с аккадского на священный шумерский язык. [CAD P: 194].

Больной, которого коснулась рука бога, вступает в богообщение, и его роль аналогична роли жреца в инкубации. То есть больной общается с богом, который наслал на него болезнь, и пока он не восстановит свои отношения с богом – о выздоровлении думать не приходится.

Ещё два письма из Мари, принадлежащие перу воинского начальника Лаума, адресованы царю Ясмах-Адду. В них содержится важная информация о запросе оракула по поводу того, закапывать или жечь умерших от эпидемии.

ARM XXVI, 259, 260 Лаум – Ясмах-Адду:

«О “пожирании бога”, о котором господин мой писал мне: в Туттуле бывают случаи заболевания. (Но) смерть редка. В Дуннуме под Ласкумом находится куча трупов. В течение двух дней около двадцати человек войска погибли. Люди Дуннума оставили его и сбежали в Ласкум. (…) Дуннум сильно заражён. Мари в безопасности».

«Рука бога ослабла на берегу Евфрата. Он не распространял (более) инфекцию. До того десять человек или пятеро умирали в день. Теперь рука [бога] (берёт) одного человека за день. Бог заключил мир. Я совершил гадание по поводу закапывания трупов, и я напишу полный отчёт моему господину после (отправки) [этой моей таблички]».

В ту же самую старовавилонскую эпоху сохранилось ещё два свидетельства по поводу эпидемий. В сборнике гаданий по уродливым плодам овцы Shumma Izbu в параграфе 38 говорится о дистанцировании во время эпидемии: «Будет великий мор, и брат не войдёт в дом другого брата» [*Farber*, 2004: 126]. А в архиве из Телль-Лейлана найдено письмо (ок. 1745 г.) Никми-Адада к Тилль-Абну о перегоне стада, где сказано: «Бог коснулся моих овец, и пока я не восстановил отношения с богом, я держал овец при себе» (RATL, 85: 13-16). Это означает, что по приказу Никми-Адада перегонялось стадо, но среди скота вспыхнула эпидемия, и теперь необходимо принести богу жертвы, и пока бог не удовлетворится жертвой, овцы не будут переданы покупателю. Как уже было показано на других примерах, во время эпидемии должно наступить богообщение: либо через оракулы, либо через жертвы нужно добиться мира с богом, чья рука коснулась людей или скота.

В знаменитом старовавилонском эпосе об Атрахасисе, датированном эпохой Аммицадуки (XVII в. до н. э.), причиной эпидемии считалось неблагочестие людей.

Атрахасис, таблица I

352 Не прошло и двенадцати сотен лет,
Страна разрослась, расплодились люди.
Как дикий бык, ревут земли,
355 Бог встревожен громким шумом.
Энлиль слышит людской гомон,
Богам великим молвит слово:
«Шум человека меня донимает,

Спать невозможно в таком гаме!
360(9) Прикажем – пусть-ка чума нагрянет!
361(10) Пускай-ка Намтар уменьшит их гомон!
362(11) Подобно буре по ним пройдутся
363(12) Мор, болезни, чума и язва!»
(13) Они приказали – чума напала.
(14) Владыка Намтар уменьшил их гомон.
(15) Подобно буре по ним гуляют
(16) Мор, болезни, чума и язва.
364(17) Некто, мудрейший из всех, Атрахасис, –
365(18) Наставлял Атрахасиса Энки-владыка –
366(19) Он говорил со своим богом,
367(20) И бог давал ему наставленья.
368(21) Атрахасис уста свои открыл,
369(22) Так говорит своему господину:
(23) «Господин мой, человечество стонет!
(24) Болезнь, что наслал ты, пожирает землю!
(25) Эйа, владыка, человечество стонет!
(26) Божья болезнь пожирает землю!
(27) Воистину, вы создатели наши!
(28) Так возьмите ж болезни, чуму и язву!
370 Доколе, владыка, беда продлится?
Неужто болезни даны нам навеки?»
Энки уста открыл и молвил,
Так рабу своему отвечает:
«Собери старцев пред своими вратами,
375 Совет держи в доме, так скажи им:
"Прикажите и вестники пусть объявят,
Всей стране возгласят громогласно:
Вы не чтили богов ваших!
Молитвой не славили богинь ваших!
380 Но разыщите врата Намтара,
Хлебы печёные пред ним поставьте,
Мукой сезама воздайте жертву!
Устыдится пред даром,
Удержит руку!"».
(перевод В.К. Афанасьевой; [Я открою тебе сокровенное слово…: 59-61])

Итак, мы видим, что люди слишком громко шумят. Энлиль собирает Совет богов, и принимается решение о насылании Намтара, т. е. мора, чумы, на людей. После этого Атрахасис, само имя которого означает «самый мудрый», обращается к богу мудрости Энки с вопросом «что делать?». Энки отвечает ему, что необходимо найти святилище Намтара и принести ему в жертву печёные хлебы и муку сезама. Тогда Намтар «удержит руку», устыдится и эпидемия пройдёт.

Другой известный со старовавилонского времени эпос посвящён мудрецу Адапе, который сломал крыло Южному Ветру и был призван за это на суд небесного бога Ана. В конце недавно обнаруженной шумерской версии

эпоса из Метурана (совр. Телль-Хаддад) сказано (перевод по [*Cavigneaux*, 2014: 24] с учётом [*Annus*, 2016: 74]):

177. Энки голову повернул,

178. наставленья, обряды, небесные МЕ спустились на землю.

179. Энки сказал Южному Ветру:

180. «Давай, Южный Ветер, чьё неспокойно сердце, судьбу тебе определю я!

181. В степи, в месте тихом, человек этот так сказать должен:

182. «О царь, твоя благотворная надпись – (залог, что) Южный ветер недобро не коснётся моей кожи!

183-186 разбиты

187. Пусть *симму*-болезнь, что [атакует] тела людей,

188. Поднявшийся Южный Ветер направит прочь от моего тела!

189. За повязки светлой Нинисины, успокаивающие моё сердце –

190. Великому князю, отцу Энки хвала!

Это означает, что надпись о подвиге Адапы, составленная от имени царя, становится амулетом от красной сыпи, и именно Южному Ветру поручается отогнать её от заболевшего путём наложения «повязок светлой Нинисины», успокаивающих кожный зуд. Не вполне понятно, как Южный Ветер связан с красной сыпью. Но, скорее всего, имеется в виду сама сила наступающего с моря Южного Ветра, способного перемещать предметы на большие расстояния и, следовательно, могущего магическим образом справиться с напавшими на людей болезнями.

Следующее свидетельство, дошедшее до нас, это уже архив XIV в. до н. э. из египетского города Ахет-Атон (современная Телль-эль-Амарна), из которого мы можем узнать об эпидемии, постигшей Левант и Кипр и затруднившей общение местных правителей с египетским фараоном (перевод с учётом интерпретаций [*Singer*, 2017: 226-227]).

EA 35, 10-15 (царь Кипра – фараону):

«Нынче я послал тебе пятьсот (талантов или слитков) меди. В качестве приветственного подарка моего брата я послал его тебе. Мой брат, что количество меди невелико, да не будет принято это в твоё сердце, потому что “рука Нергала”, мой господин, находится на моей земле. Он убил всех мужчин в моей стране, и нет (ни одного) медника.

35-39

Брат мой, не беспокойся о том, что твой посланник пробыл три года в моей стране, потому что “рука Нергала” на моей земле, и в моём собственном доме была молодая жена, что теперь, мой брат, мертва».

Из этого письма понятно, что правителя Кипра постигла эпидемия, и вследствие этого он не смог, во-первых, обеспечить египетского фараона достаточным количеством меди, а во-вторых, он продержал посланника Египта три года в изоляции, потому что тот из-за изоляции не мог выехать. А в это время во дворце правителя Кипра умирала молодая жена.

Ещё одно письмо касается того, на кого сильнее действует эпидемия – на людей или на ослов. Фараону пишет правитель одной из областей Сирии, которому закрыт доступ ко дворцу правителя.

EA 96, 2-28 (правитель Сумура – фараону):

«Пусть ваш личный бог проявляет заботу о вас и вашем доме! Что касается ваших слов: “Я не допущу жителей города Сумур войти в мой город. В городе Сумуре-де моровая язва (*mu-ta-nu-mi*))” – это моровая язва (*mu-ta-nu-u*$_2$), поражающая мужчин или воздействующая на ослов? Как мор влияет на ослов, что они не могут входить? Итак, охранять ослов царя, или нет?”»[25].

Разумеется, некоторое количество свидетельств даёт нам ниневийский архив писем к царям (Ассирия, VII в. до н. э.). В этой связи характерно письмо жреца Набу-нацира царю Асархаддону.

Parpola, 1993 (= SAA 10) 296 obv. 10-rev. 16 Набу-нацир – Асархаддону

[Относительно] обрядов, о которых цар[ь, мой господин], писал нам, в Кислиму (IX)[26] мы совершали «Чтобы не допустить малярии, чумы и мора от дома человека»[27]; [в Теб]ету (X) мы выполнили «Чтобы не допустить болезни и малярии в дом человека» и многочисленные контрзаклинания[28]; в Шабату (XI) мы совершали молитвы «поднятия рук», апотропный ритуал[29] против злого колдовства и ритуал против малярии и чумы. В 1-й день мы начали обряды (которые должны быть выполнены) в Аддару (XII).

(r 3) Фигурка «дочери Ану», фигурка Намтара, фигурка Латарака[30], фигурка Смерти, замещающая фигурка из глины, замещающая фигурка из глины садовой канавы, замещающая фигурка из воска, 5 *иллат*-богов «Дочери Овечьего Жира»[31], 7 [.....], 15 серебряных трубочек для питья [... для] Гулы[32] и Белет Цери[33], 7 зерён серебра, 7 зерён золота, 7 зерён меди, 7 зерён олова, 7 зерён [...] города для «дочери реки (бога)», [7 веточек] тамариска, 7 веточек финиковой пальмы, [7]бутылей[34] вина, 7 бутылей пива, [7]бутылей молока, 7 [бутыл]ей мёда: все это мы сделали, [но мы ещё] не провели [остальные обряды].

Здесь содержится очень интересная информация по поводу того, что противоэпидемические мероприятия проводятся зимой и в начале весны. Именно это время считалось плохим временем шумеро-вавилонского календаря, когда на человечество последовательно нападали демоны, бог Подземного мира Нергал, злые ветры, дожди и шторма. С декабря по март

---

[25] Согласно гипотезе В. Хелька, эпидемия охватила Египет, Левант и Кипр в конце правления Эхнатона и длилась около 20 лет [*Singer*, 2017: 226].

[26] Кислиму (декабрь-январь) считался у вавилонян месяцем Нергала. Более того, в конце этого месяца рождались демоны *асакку*, разносившие болезни: «21-й день Кислиму – злой день рождения демонов-*асакку*» (*ūmu lemnu ilitti asakki*) [CAD A 2: 326].

[27] Названия обрядов, сопровождавшихся заговорами.

[28] UŠ$_{11}$.BUR$_2$.RU.DA-MEŠ. Буквально «испускание яда». Использовались против демонов и колдунов в ответ на их чёрную магию.

[29] NAM.BUR$_2$.BI «отпускание судьбы» – обряд, после которого прощались грехи и наступало очищение человека.

[30] Латарак в I тыс. отождествлялся с богом Подземного мира Нергалом.

[31] Перевожу ⌜05*⌝ ^{d}KASKAL.KUR*-MEŠ DUMU.MI$_2$–I$_3$.UDU буквально. Что это значит – не вполне ясно.

[32] Богиня врачевания. Её символом была собака.

[33] Её имя буквально означает «Владычица Степи». Дева-писец Подземного мира, читающая имена покойников с глиняной таблички.

[34] Так я перевожу шумер. lahan (аккад. *laḫannu*) «лохань, бутыль».

чаще всего и происходило заражение людей инфекционными заболеваниями[35]. Поэтому в качестве профилактики создавались заместительные фигурки, на которые магически переносилась болезнь.

Ассирийские магические обряды против эпидемий содержат длинные инструкции и заклинания для изготовления различных фигурок божественных существ, которые впоследствии закапывали в сакральном пространстве дома, например под порогом. Это гарантировало бы, что никакое зло не сможет найти опору в доме. Впрочем, если зло всё-таки пробиралось в дом человека, например спрятавшись в его тени, целитель мог совершить ритуал «Дом заключения» (Bīt meseri) или произнести текст «Дом заколдован» (Tummu bītu). В частности, «Дом заключения» – ритуал, включавший в себя создание магических статуэток и изображения на стенах различных комнат в доме: сначала в спальне, где находился больной, а впоследствии в других комнатах по всему дому. У главного входа изображались духи-покровители [Фоссе, 2001]. Такие магические средства действовали как своего рода карантин: возникало ощущение, что они окружают пациента, а также отграничивают его, чтобы другие могли видеть, что им следует избегать его.

Какие же выводы мы можем сделать из рассмотренных источников?

1. Эпидемии вспыхивали в военных лагерях и в городах. В текстах не упоминаются врачи, которые лечили бы заболевших.

2. Известные эпидемии в древней Месопотамии и соседних клинописных культурах ассоциировали с богом Подземного мира Нергалом и его рукой, с планетой Марс, с демонами-асакку, с зимними месяцами и началом весны.

3. Основными средствами предотвращения эпидемий были дистанцирование, изоляция и сепарация больного, запрет на пользование его вещами, изготовление заместительных фигурок, на которые магически «перегоняли» болезнь, а также заговоры и прямые обращения к богу, сопровождавшиеся жертвоприношениями. Практиковались также каждение в помещениях и их окуривание. Санитарные мероприятия в храме возлагали на певчих.

4. Вёлся учёт умерших от эпидемии. Данные по заболевшим и умершим передавались царю или воинскому начальнику. Проводился запрос к оракулу, закапывать ли больных или сжигать.

5. Помимо заболеваний людей, известны и заболевания вьючных животных.

---

[35] Недавно У. Габбай опубликовал корпус шумерских плачей, исполнявшихся под аккомпанемент флейты-*шем*. Все эти 114 текстов содержат типичное описание невроза. Их композиция состоит из трёх частей: а) описание гнева божества; б) обращение к божеству не уничтожать города и людей (чаще всего, не затоплять водой); в) просьба к божеству смягчить своё сердце и остудить свой пыл. Интересно, что гневаться может любое божество, и оно же должно обладать способностью успокоиться. Когда божество гневается, то не щадит ни детей, ни стариков. Понятно, что за всем этим стоит страх человека перед гневом бога, и этот страх порождает невроз. Но чрезвычайно интересно посмотреть на календарные даты, когда проводится ритуал с плачем-*шем*. Судя по колофонам глиняных табличек, временем его проведения были последние месяцы стандартного вавилонского календаря (восходящего к ниппурскому) – Шабату (январь-февраль) и Аддару (февраль-март). Эти месяцы, согласно ассирийским пояснительным текстам, принадлежат богу штормов и дождей Ададу и Семерым демонам, разносящим инфекционные заболевания [*Gabbay*, 2015; *Емельянов*, 2020: 101].

6. Отдельной проблемой является бит парси. То ли это специальное помещение, куда свозили больных, то ли отдельное помещение для одного больного.

Список литературы

Емельянов В.В. Между жертвой и спасением. Календари и праздники Ближнего Востока. СПб., 2020.

Фоссе Ш. Ассирийская магия. СПб., 2001.

Я открою тебе сокровенное слово… Литература Вавилонии и Ассирии. М., 1981.

Annus A. The Overturned Boat. Intertextuality of the Adapa Myth and Exorcist Literature. Helsinki, 2016 (SAAS XXIV)

Arbøll T.P. Epidemics in the cradle of civilization https://sciencenordic.com/denmark-epidemic-history/epidemics-in-the-cradle-of-civilization/1758958

Arbøll T.P. Medicine in Ancient Assur. A Microhistorical Study of the Neo-Assyrian Healer Kiṣir-Aššur. Leiden, 2021.

Attia A. Epidemics in Mesopotamia // ANE Today. September 2020. Vol. VIII, No. 9. http://www.asor.org/anetoday/2020/09/epidemics-mesopotamia

Cavigneaux A. Une version sumérienne de la légende d'Adapa (Textes de Tell Haddad X) // Zeitschrift für Assyriologie. 2014. № 104/1. Pp. 1–41.

Farber W. How to Marry a Disease: Epidemics, Contagion, and a Magic Ritual Against the 'Hand of the Ghost' // Magic and Rationality in Ancient Near Eastern and Graeco-Roman Medicine. Leiden, 2004. Pp. 117–132.

Gabbay U. The Eršema Prayers of the First Millennium BC. Wiesbaden, 2015 (Heidelberger Emesal-Studien 2).

Hallo W.W. The Royal Correspondence of Larsa: II. The Appeal to Utu // Zikir Šumim, Assyriological Studies Presented to F.R. Kraus on the Occasion of his Seventieth Birthday. van Driel, G., Krispijn, Th.J.H., Stol, M., and Veenhof, K.R. (ed). Leiden, 1982. Pp. 95–109.

Heimpel W. Letters to the King of Mari. A New Translation, with Historical Introduction, Notes, and Commentary. Winona Lake, Indiana, 2003.

Labat R. Traité akkadien de diagnostics et pronostics médicaux. Paris, 1951.

Labat R. La médecine babylonienne. Paris, 1953.

Labat R. À propos de la chirurgie babylonienne // Journal Asiatique. 1954. № 242. Pp. 207–218.

Parpola S. Letters from Assyrian and Babylonian Scholars. Helsinki, 1993. (SAA 10)

Maul S. Ein altorientalischer Pferdesegen - Seuchenprophylaxe in der assyrischen Armee // Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. 2013. № 103, Nr. 1. Ss. 16–37.

Moran W. The Amarna Letters. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992.

Neufeld E. The Earliest Document of a Case of Contagious Disease in Mesopotamia (Mari Tablet ARM X, 129) // Journal of Ancient Near Eastern Studies. 1986. № 18. Pp. 53–66.

Sasson J. From the Mari Archives: An Anthology of Old Babylonian Letters. State College: Eisenbrauns PSU Press, 2017.

Singer G.G. // Beyond Amarna: The 'Hand of Nergal' and the Plague in the Levant // Ugarit Forschungen. 2017. № 48. Pp. 223–248.

Verderame L. https://www.academia.edu/2242518/A_Bibliography_of_Ancient_Mesopotamian_Medicine.

Борьба с эпидемиями в Китае в историческом прошлом

И.Ф. Попова

Аннотация. *Считается, что пандемия «Ковид-19» распространилась по всему миру из Китая, где был впервые выявлен ранее неизвестный опасный вирус. На протяжении долгой истории огромное население, непростые природные условия, частые стихийные бедствия делали Китай уязвимым к социальным катаклизмам. Тем не менее предпринимаемые китайским государством меры против бедствий в масштабах страны, всегда имели продуманный, практичный и эффективный характер, что вызывало доверие населения, которое поэтому с пониманием и дисциплинированностью отнеслось к строгости и даже жёсткости ограничительных мер, введённых в стране во время пандемии «Ковид-19».*

Ключевые слова: *Ковид-19, Китай, меры борьбы с эпидемиями.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.003

Китайская медицина, вызывающая повышенный интерес в современном российском обществе, является значительной, уважаемой и весьма специфической частью многовековой китайской цивилизации. Она имеет корни в глубокой древности, но сам термин «китайская медицина» оформился только в 1920-е гг., когда традиционная наука Китая стала активно открываться Западу. И сейчас в Китае вузы, лечебницы и прочие центры медицины относят либо к китайской, либо к западной, для чего используются для них отдельные наименования (*чжун и* 中醫, *си и* 西 醫 соответственно). Традиционная и западная медицина имеют почти равный авторитет в Китае. Но с точки зрения профилактики заболеваний (осмотр, расспрос, прослушивание пульса и т. п.) население Китая отдаёт безусловный приоритет и доверие медицине китайской.

Происхождение китайской медицины овеяно легендами. Её основателем считается мифический император Шэнь-нун 神農 (его возможную деятельность относят к III тысячелетию до н. э.), «покровитель земледелия и медицины», который, согласно преданию, составил первый травник с описанием более 100 лечебных средств. Он также считается изобретателем техники акупунктуры. Самый древний и авторитетнейший на все времена китайский медицинский труд – «Канон о внутреннем» (*Нэй цзин* 內經) – приписывается мифическому Жёлтому Императору Хуан-ди黃帝, хотя подлинное время создания этого труда, очевидно, нужно относить не ранее времени Западной Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.). Первыми лекарями в Китае стали заклинатели-шаманы (*уи* 巫疫).

За последние десятилетия (ещё до начала пандемии «Ковид-19») в Китае было издано немало трудов, посвящённых истории борьбы с болезнями и эпидемиями. В 1998 г. опубликована книга Чжан Цзяньгуана, в которой утверждалось, что заразные болезни (*чуаньжаньбин* 傳染病) выявлялись в Китае уже в эпоху Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.), и на гадательных костях, обнаруженных при раскопках городищ глубокой древности, встречаются иероглифы *нюэ/яо* 瘧 (лихорадка), *цзе* 癩 (чесотка), *гу* 蠱 (малярия), а также есть упоминания о случавшихся эпидемиях, т. н. «годах болезней» (*цзи нянь*

疾年), в связи с чем историю борьбы с эпидемиями в Китае прослеживают от трёх с половиной тысяч лет назад [*Чжан Цзяньгуан,* 1998: 1]. В современном китайском языке для обозначения пандемии используются слова: *люсинбин* 流行病, *чуаньжаньбин* 傳染病, *ицин* 疫情, *чуаньбо* 傳播, *чэнфэн* 成風, эти сочетания как, безусловно, и современное слово, обозначающее «коронавирус» *гуаньчжуан бинду* 冠狀病毒, в источниках не встречаются.

В китайской историографии данные об эпидемиях приводятся в разделах династийных историй, которые называются «Трактаты о пяти элементах» (*У син чжи* 五行志), где в основном зафиксированы события, происходившие в столице или её окрестностях. Важным видом источников являются также региональные хроники, так называемые «Историко-географические описания местности» (*Ди фан чжи* 地方志). Японский исследователь Имура Кодзэн, проанализировав большое количество таких хроник, выявил на протяжении китайской истории почти тысячу эпидемий [*Имура Кодзэн*, 1936: 263-325].

В исторических китайских источниках любые эпидемии обозначались иероглифом *и* 疫 (иногда *да и* 大疫 или *вэнь и* 瘟疫). Древнейший словарь «Происхождение китайских иероглифов» даёт к слову *и* 疫такое пояснение: *минь цзе цзи е* 民皆疾也 «[Ситуация, когда] все люди болеют» [Шо вэнь цзе цзы, цз. 7.2: 15б]. При этом точного обозначения болезни почти никогда не давалось, и поэтому крайне трудно определить, чем именно была вызвана эпидемия.

Патогенными факторами китайская медицинская традиция считала шесть природных климатических условий (*лю инь* 六淫 или *лю ци* 六氣), а именно: ветер (*фэн* 風), холод (*хань* 寒), жару (*шу* 暑), сырость (*ши* 濕), сушь (*цзао* 燥), огонь (*хо* 火), которые будучи для человека в избытке или невовремя, вызывают болезни. Болезни зарождаются, если внутренняя сила-*ци* 氣человека не в состоянии справиться с сезонным изменением погоды (напомним, что в сельскохозяйственном календаре Китая насчитывалось 24 сезона, что учитывалось и китайской медициной). Комментарий к древнему трактату «Чжоуские ритуалы» (*Чжоу ли* 周禮) даёт определение болезни как «состояние человека, когда его жизненная энергия-*ци* не находится в состоянии гармонии: *лицзи ци бу хэ чжи цзи* 癘疾氣不和之疾 [*Кучера*, 2017: 106]. Объектом китайской медицины является человек, а не его болезнь, которая расценивается как указание на существование дисбаланса в самом человеке. Изучение особенностей жизнедеятельности человека (проживание в определённой внешней среде, жизненные ритмы, пища, которую он предпочитает или избегает, физические особенности, его личные взаимоотношения, семья) – всё это является инструментом для лучшего понимания его болезней. Когда дисбаланс выявлен, он может быть откорректирован, и баланс энергии (а следовательно, и здоровье человека) будет восстановлен.

В соответствии с таким подходом формировались и меры борьбы с эпидемиями, которые условно можно подразделить на три группы: 1) связанные с официальным ритуалом (политические, идеологические, пропагандистские); 2) медицинско-профилактические и лечебные; 3) социальные.

Меры борьбы с эпидемиями, связанные с ритуалом. В культуре Китая люди и мир природы жили наравне друг с другом и по единым законам.

Сама природа людей (их характер, темперамент, нравы, привычки, мнения) традиционно считалась в Китае точным слепком качества мировой энергии, «дыхания земли» в той местности, где они живут [*Малявин*, 2019: 16]. В связи с этим любые катаклизмы «снимали» с помощью жертвоприношений духам местностей, где эти катаклизмы происходили. Решения о жертвоприношениях (как правило, сельскохозяйственной продукцией местности) принимались на уездном, областном и высочайшем государственном уровне. Во главе властной иерархии в Китае находился император, называемый Сыном Неба. Небо вручало ему Небесный Мандат на правление, одаривая его высшей властью, имевшей ярко выраженные этические коннотации. И если моральные качества правителя не соответствовали его высокой ипостаси, то Небо могло изъять Мандат и передать его более достойному. Однако этому акту мог предшествовать ряд предупреждений.

Наряду с природными недобрыми предзнаменованиями, каковыми считались затмения, кометы, град, ливни, песчаные бури, а также стихийные бедствия (*тяньжань цзайхай* 天然灾害, *цзыжань цзайхай* 自然灾害, *тяньцзай* 天灾) – неурожай, наводнение, нашествие саранчи, – голод и эпидемии относили к важнейшим проявлениям недовольства Неба действиями правителя, поэтому необходимо было эти явления, во-первых, уметь истолковать и, во-вторых, всемерно обеспечить ликвидацию последствий этих бедствий. Умение с ними справиться считалось ответом на вызов Неба.

В энциклопедии сунского времени «Записи о главном эпохи Тан» (*Тан хуэй яо*) перечислены ведомства, которые должны были подавать информацию о знамениях в Историографическое бюро (*Шигуань* 史馆). О благоприятных знамениях ежеквартально информацию вносило министерство ритуала (*ли бу* 禮部). О счастливых и зловещих астрономических предзнаменованиях (*тяньвэнь сянъи* 天文祥異) также ежеквартально докладывал Главный астроном (*Тайши* 太史), который должен был также дать свою интерпретацию и предсказание. О наводнениях, засухах, нашествиях саранчи, морозах, ураганах, градах, землетрясениях, потопах (*фаньи* 泛溢) докладывали министерство финансов (ху бу 户部), а также местные администрации областей и уездов. В это министерство поступала также информация об эпидемиях и голоде (кстати, для голода использовался тот же смысловой иероглифический маркер *и*, что и для эпидемий болезней). Необходимо было сообщить точную дату, а также о мерах материальной поддержки, оказанной населению [Тан хуэй яо, цз. 63, с. 1089].

Медицинско-профилактические и лечебные меры борьбы с эпидемиями. В середине эпохи Чжоу (XI в. – 221 г. до н. э.) в Китае появляются «профессиональные» врачи-специалисты. В трактате «Чжоуские ритуалы» (*Чжоу ли* 周禮) упоминается дворцовая медицинская служба во главе с двумя лейб-медиками (*ишии* 醫師), под началом которых состояли два диетолога (*ишии* 食醫), восемь терапевтов (*цзии* 疾醫), восемь травматологов / врачевателей нарывов и язв (*янъи* 瘍醫) и четыре ветеринара (*шоуи* 獸醫) (об их обязанностях см. [*Кучера*, 2017: 77-79]).

Все перечисленные специалисты вели приём, при этом основная нагрузка лежала на терапевтах (*цзии* 疾醫), которые «ведали лечением болезней всего народа» (*чжан ян ваньминь чжи цзибин* 掌養萬民之疾病) [Чжоу ли,

цз. 5: 2а]. Хотя, конечно, круг пациентов ограничивался социальным статусом, сопоставимым со статусом самих врачей на государственной службе. Примечательно, что и древняя китайская ветеринария основывалась на тех же принципах, что и общая медицина. Ветеринары «во всех случаях лечения болезни животных поливали [водой] и заставляли ходить, чтобы привести их в норму, пробудить жизненную энергию (*ци*)», – сообщается в источнике [*Кучера*, 2017: 79].

Ежегодно проводилась и своего рода аттестация врачей: «В конце [каждого] года [лейб-медики] проверяли состояние дел в медицине, чтобы определить жалованье [врачей]. [Те врачи, кто из] десяти [больных вылечивали] всех, считались [врачами] высшей [квалификации], за ними шли [врачи], из десяти терявшие одного, затем терявшие двух и трёх; [те же, кто из] десяти терял четверых, считались [врачами] самой низкой [квалификации]» [Чжоу ли, цз. 5: 1а].

Государство в Китае с раннего времени заботилось и о распространении медицинских знаний среди населения, чему способствовал уходящий в глубь веков культ здоровья и долголетия. Но при всей социальной значимости медицины официальные власти относили её к т. н. «малым наукам» (*сяо сюэ* 小學) наряду с агрономией, садоводством, мантикой и т. п.: они необходимы, но «высокой наукой» не считались [Духовная культура Китая, том 6: 400]. Обучение медицине происходило в форме наставничества от учителя к ученику. Такими учителями могли быть как светские врачи, так и даосские и буддийские монахи. Со временем при монастырях появились и медицинские школы, для которых составлялись медицинские учебные тексты. Достаточно обширный корпус таких текстов был обнаружен в Дуньхуанской библиотеке. Начиная с эпохи Хань, получают распространение госпитали и приюты для калек.

Активнейшая работа по распространению медицинских знаний и профилактике болезней среди населения развернулась при династии Северная Сун (960–1127). В 1057 г. указом императора Жэнь-цзуна 仁宗 (1022–1063) было создано «Бюро по пересмотру и исправлению медицинской литературы» (*Цзяо чжэн и шу цзюй* 校正医書局) для обработки и печатания трудов по медицине. Благодаря бурному развитию ксилографии в этот период стало возможным быстрое тиражирование в т. ч. и медицинской литературы, которая через местные управы распространялась в провинции. Помимо научных медицинских трактатов различных жанров, это были травники (*бэньцао* 本草) и собрания рецептов (*фан шу* 方書). В практику китайских составительских бюро входил и поиск копий редактируемых ими в текущее время изданий по всей стране с их последующим текстологическим анализом. С древности большими частными собраниями рукописей и ксилографов владели местные интеллектуалы (*шэньши* 紳士), которые, как правило, были охотниками за редкими экземплярами, что также учитывалось государственными чиновниками.

Китайские трактаты по медицине впитывали достижения философии, этики, географии, астрономии, древней климатологии и пр. След в истории китайской медицины оставили выдающиеся врачи – фармакологи, диагносты, натуралисты Чжан Чжунцзин 张仲景 (150–219), Гэ Хун 葛洪 (284–363),

Тао Хунцзин 陶弘景 (456–536), Сунь Сымяо 孫思邈 (581–673), Чао Юаньфан 巢元方 (550–630), Ли Шичжэнь 李时珍 (1518–1593) и др.

Сложилась и «школа эпидемических болезней», ярким и известнейшим представителем которой был У Юсин 吳有性 (1582/1592–1652/1672), живший на рубеже эпох династий Мин и Цин. В 1641 г., когда в Китае вспыхнула мощная эпидемия (очевидно, чумы), У Юсин пытался с ней бороться, активно вводя карантины и одновременно исследуя причины и проявления болезни. Свои научные взгляды У Юсин изложил в 1642 г. в книге «Рассуждение об эпидемиях» (*Вэнь и лунь* 瘟疫論), которая считается основополагающим трудом в области китайской эпидемиологии. У Юсин описал различные признаки проявлений эпидемических болезней, а также предположил, что мор вызывается не метеорологическими патогенами, а «вредными пневмами» (*ли ци* 戾氣), т. е. инфекционными факторами.

У Юсин указывал, что проникновение «вредоносных пневм» осуществляется через кожу, рот и нос, тяжесть болезни зависит от их количества и вредоносности, и каждый вид болезни связан со специфическим видом «вредной пневмы». По мнению У Юсина, задача врача состояла в том, чтобы увеличить сопротивление (т. е. иммунитет) организма, поэтому, отмечал он, некоторые инфекционные болезни могут быть излечены травами. Кроме того, для очистки организма, что облегчает борьбу с инфекционными заболеваниями, полезны рвотные и слабительные средства.

Меры социального характера по преодолению последствий эпидемий были разработаны в Китае достаточно рано и практически без изменений просуществовали вплоть до настоящего времени. Местная администрация, следуя строгой иерархии (уезд, область, центральное правительство), была обязана докладывать о случаях массового распространения болезни. После этого двор направлял к месту представителя дворцового медицинского ведомства, который определял болезнь и масштабы её распространения. В своём отчёте он также предоставлял сведения о возможной причине эпидемии. Рано было замечено, что эпидемиям были в наибольшей степени подвержены регионы, где регулярно случались наводнения и, как следствие, неурожаи и голод, а также южные территории Китая, где природные условия были наименее пригодны для жизни.

Традиционно социальные меры по борьбе с эпидемиями в Китае включали следующее: изоляцию очага болезни; контроль над источниками воды; дезинфекцию; бесплатное врачевание, на что выделялись средства из государственного бюджета; раздачу лекарств и продуктов питания; налоговые послабления; оплату похорон из казны; заботу о немощных и детях, оставшихся без попечения.

Изоляция очага болезни включала перекрытие дорог, закрытие и взятие под стражу селений и городов. При этом на стражников возлагалась обязанность фиксировать количество выносимых покойников, что представляло собой своеобразную эпидемиологическую статистику, по ней составлялись рапорты, доносимые властям. На основании этих данных определялись суточная смертность населения, масштабы бедствия и, соответственно, меры борьбы с ним. Источники воды брались под контроль, возле них устанавливалось круглосуточное дежурство; жёстко контролировалось избавление

от бытовых нечистот. Проводилась дезинфекция поверхностей, для чего использовались яды, отвары и экстракты лекарственных трав. Врачевание осуществлялось за государственный счёт. Населению раздавали лекарства и продукты питания, в основном это было зерно из государственных зернохранилищ, запасы которого накапливались как минимум из расчёта на три года.

Применялись налоговые послабления, вплоть до полного освобождения от налогов (срок зависел от масштабов эпидемии). Домохозяйствам списывали часть налогов пропорционально числу умерших родственников: если вымирала половина семьи, налог сокращали на треть, если более половины, то наполовину. В районах, подверженных эпидемии в наибольшей степени, местным чиновникам поручалось объезжать территорию для информирования населения об ослаблении налогообложения, раздачи лекарств, сбора сведений о лечении болезни. Местным властям также предписывалось брать на себя заботу о детях, оставшихся полными сиротами, их надлежало пристраивать к родственникам, причём в течение двух месяцев власти могли оплачивать содержание таких детей до завершения процедуры оформления усыновления [ЦТШ, цз. 17.2: 545; ЦФЮГ, цз 145: 1б-2б].

В источниках есть сведения о поступавших с мест докладах, фиксирующих массовую гибель грызунов или падёж скота, после чего сразу же принимались различные меры с целью предупреждения возможной эпидемии. В частности, для этого могли сниматься с мест целые селения, жители которых находили укрытие в пещерах на возвышенностях.

Китай, в силу особенностей его географии и климата, был достаточно сильно подвержен действию стихийных бедствий и сопровождавших их эпидемий на протяжении всей своей истории. Однако китайское государство достаточно рано разработало целый ряд действенных мер по ликвидации последствий этих бедствий. Постулат китайской государственной идеологии о необходимости властей заботиться о народе имел вполне рациональное объяснение, ёмко выраженное великим философом Сюнь-цзы (313–238 гг. до н. э.): «Правитель – это лодка, народ вода; вода может нести лодку, но может и опрокинуть её» [*Сюнь-цзы*, цз. 5.9: 3а]. При этом оказываемая народу поддержка со стороны государства на протяжении столетий предоставила последнему кредит доверия, который стал залогом спокойного принятия народом Китая строгости и даже жёсткости ограничительных мер, вводившихся в стране во время пандемии «Ковид-19».

Список литературы

Духовная культура Китая. Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 6. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование, М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2009.

Имура Кодзэн 井村哮全. Тихоси ни кисай сэрарэтару Тюгоку экирэй рякко 地方志に記載せられたる中國疫癘略考 [Краткое исследование эпидемий в Китае на основе региональных хроник] // Тюгай идзи симпо 中外醫事新報 [Новый вестник медицины Китая и за его пределами], № 1232 (июнь 1936): 263-325.

Кучера С. Установления династии Чжоу (*Чжоу ли*). Раздел 1. Небесные чиновники. Цзюань 2. Пер. с кит., вступит. статья, коммент. и прил. С. Кучеры. М.: Наука – Восточная литература, 2017 (Памятники письменности Востока, CXXXVI, 2).

Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге нового времени. М.: ИПЦ «Дизайн», 2019.

Тан хуэй яо 唐會要 [Основные сведения об эпохе Тан]. Сост. Ван Пу 王溥. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 北京:中華書局, 1955.

Сюнь-цзы 荀子. Шанхай, 1936 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 1365–1368.).

ЦТШ – Цзю Тан шу 舊唐書 [Старая история династии Тан]. Сост. Лю Сюй 劉昫. Тайбэй: Динвэнь шуцзюй 臺北：鼎文書局, 1976 ([Серия:] Синь цзяо бяодянь бэнь 新校標點本 [Вновь сверенные и размеченные тексты]).

ЦФЮГ – Цэ фу Юань гуй 冊府元龜 [Свод книг из Хранилища Великой черепахи]. Сост. Ван Цинь-жо 王欽若. Тайбэй: Тайвань Чжунхуа шуцзюй 臺北：臺彎中華書局, 1965.

Чжан Цзяньгуан 張劍光. Сань цянь нянь ицин 三千年疫情 [Эпидемиологическая ситуация [в Китае] на протяжении трёх тысяч лет]. Наньчан: Цзянси Гаосяо чубаньшэ 南昌江西高校出版社, 1998.

Чжоу ли Го чжу 周礼郑注 [Чжоуские ритуалы с комментарием [господина] Го]. Шанхай, 1936 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 11–18).

Шо вэнь цзе цзы чжэнь бэнь 說文解字真本 [Происхождение китайских иероглифов]. Сост. Сюй Шэнь 許慎. Шанхай, 1936 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 313–318).

Борьба с эпидемиями в дореволюционной России

Ю.А. Петров

Аннотация. *В статье прослежена история борьбы с эпидемиями в России на протяжении последнего тысячелетия, со времён Древней Руси и до конца Российской империи. Представлены основные хронологические параметры эпидемических заболеваний, число их жертв, главные события (чума средневекового периода, холера, оспа и др. в XVIII–XIX вв.). Намечены этапы государственной политики по борьбе с эпидемиями, рассмотрена активная роль российского общества в деле развития здравоохранения в середине XIX – начале XX вв.*

Ключевые слова: *Россия, эпидемии, история.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.004

В своей истории Россия неоднократно сталкивалась с эпидемиями и, учитывая современную ситуацию с COVID-19, видимо, они не исключены и в будущем. Поэтому знание исторического опыта борьбы с эпидемиями в России представляет не только чисто научный интерес. Актуальность темы, прежде всего, связана со сложившейся в стране ситуацией вокруг эпидемии коронавируса, борьба с которой, а также с другими возможными в будущем эпидемиями будет более эффективной при условии адекватной оценки и грамотного использования исторического опыта, накопленного в этой сфере.

Эпидемии и голод в России на протяжении почти всей её истории (за исключением второй половины XX в.) были неотделимы друг от друга. Эта тема в России имеет давнюю традицию изучения. В дореволюционный период её исследование активизировалось в связи с поразившим Россию в 1891–1892 гг. голодом, сравнимым по воздействию на общество и власть с великим голодом начала XVII в. Следующим этапом в изучении истории голода в России стал советский период, когда внимание отечественных исследователей сосредоточилось на освещении позитивных действий советской власти в период голода 1921–1922 гг. В современной России появилось множество исследований, особенно на региональном уровне, в которых даётся аргументированная оценка причин, масштабов и последствий эпидемических заболеваний в разные исторические эпохи [см., напр.: *Хайдаров*, 2018; *Барабанова,* 2017; *Агафонова*, 2019; *Михель Д.*, *Михель И.*, *Сироткина*, 2004: 113-139 и др.].

Вплоть до середины XX в. тематика, отражающая исторический опыт противостояния общества эпидемическим угрозам, была представлена главным образом в русле традиционной истории здравоохранения. Со второй половины прошлого столетия на волне глобализации исторического знания и приоритета междисциплинарного подхода и кристаллизации методов отдельных направлений исследовательской практики (социальная история, экономическая история и т. д.) происходит зарождение исследовательского интереса к вопросам комплексного и кумулятивного влияния фактора эпидемий на развитие общественных систем, а вслед за этим формируется новая область исторического знания – эпидемическая история.

Однако, несмотря на имеющиеся исследования, отсутствует сводный труд об эпидемиях и голоде в дореволюционной России, борьбе с ними власти и общественности, включая анализ проблемы в международном контексте (мероприятия российской власти и общественности в условиях эпидемий и голода в сравнении с аналогичными мероприятиями в других странах). Автор данного текста предпринял попытку кратко обобщить имеющиеся в литературе сведения о борьбе с эпидемическими заболеваниями в России в досоветский период.

Как и Западная Европа, Россия за свою историю пережила практически все известные в мире эпидемии: чумы, холеры, оспы, тифа и других инфекционных болезней. Об эпидемиях в древней и новой России даёт представление составленная нами «Хроника». Она, конечно, не полна, но отражает самые массовые и зафиксированные источниками эпидемии в указанный период.

Хроника эпидемий в истории древней и новой России

Годы	*Эпидемии*	*Территория*	*Число заболевших и умерших*
1092	Неизвестная (грипп ?)	Полоцк	нет данных
1278	мор	Псков	нет данных
1346	чума	Северо-Восток	нет данных
1350	чума	Псков, Новгород, Белоозеро, Глухов, Юг России	нет данных
1601–1603 («Великий голод»)	холера	Центральные уезды России	500 тыс. умерших (включая от голода)
1610	оспа	Сибирь	нет данных
1654	чума	Москва, Казань, Астрахань и др.	700 тыс. (умерших)
1656–1657	чума	Смоленск, Казань и др.	нет данных
1770–1772	чума	Москва и др. города	нет данных
1788	оспа	Камчатка	нет данных
1823–1824	холера	Астрахань, Юг России	нет данных
1830–1831	холера	Санкт-Петербург и др. города	200 тыс. (умерших)
1845	тиф	Строительство железной дороги из Петербурга в Москву	6 тыс. (умерших)
1877–1878	тиф	Русско-турецкая война	44 тыс. (умерших)
1892, 1893, 1908–1911, 1913, 1916	тиф	Европейская Россия	1187,4 тыс. (заболевших)
1899–1914	чума	Юго-Восток России	1779 (умерших)

Можно отметить одну особенность эпидемий в истории России. В средневековье (в XI–XVII вв.) их было меньше, чем в Европе и остальном мире, но в XIX в. и особенно в первые десятилетия XX в. ситуация изменилась: пальма «первенства» в распространении некоторых видов эпидемий перешла к России.

Кратко напомним о самых известных эпидемиях рассматриваемого периода. В старину в России повальные болезни, приводившие к летальному исходу, именовались «мором», «великими поветриями», «моровыми поветриями», «лихими поветриями» либо просто «поветриями». Слово «мор» (смерть) применялось только по отношению к массовым потерям среди населения. Причинами мора являлись не только заразные эпидемии, но также и голод в неурожайные годы [*Эккерман*, 1884; *Васильев*, *Сегал*, 1960].

В Древней Руси сведения об эпидемиях фиксировали летописи. Но, как выяснили специалисты, они не содержат надёжных свидетельств о конкретном виде заболеваний. В частности, принято считать, что Русь страдала от той же чумы, что бушевала и в Европе. Однако летописцы различали болезни и зачастую описывали разные симптомы, определяя недуг иногда как «мор», иногда как «язву» или даже «прыщ» (скорее всего, речь идёт об оспе). Если болезнь оказывалась уже знакомой, то летописец указывал, когда она приходила прежде, и не описывал симптомы. Если же болезнь была новой, то её так и называли – «мор безымянный». Далеко не во всех случаях удаётся поставить диагноз повальных болезней из-за лаконичности и неточности описаний их симптомов, а также неоднозначной трактовки старинной русской терминологии.

Первая массовая эпидемия в России, упомянутая в летописях, поразила город Полоцк в 1092 г. Скорее всего это была тяжёлая форма гриппа, от которой за три месяца скончалось не менее 7 тыс. человек. Затем в XIII–XIV вв. на северно-восточные районы страны обрушилась пришедшая из Европы «чёрная смерть», одна из самых загадочных эпидемических болезней. По поводу её происхождения и распространения в науке до сих пор нет единства мнений [*Сунцов*, *Сунцова*, 2006; *Супотницкий*, *Супотницкая*, 2006].

Уже в период раннего средневековья проявилась характерная особенность эпидемий в России – «внешний фактор», как важнейшая причина эпидемий. Например, в Древнерусском государстве эпидемии проникали на территорию страны вместе с иностранными купцами и заморскими товарами. Поэтому чаще и сильнее всего они поражали пограничные города: Новгород, Смоленск и Киев. В 1387 г. в Смоленске, по данным источников, после чумы выжило всего 10 человек. В Пскове и Новгороде осталось две трети населения, Белозерск и Глухов вымерли полностью. Несомненно, впрочем, что передаче инфекции благоприятствовали и антисанитарные условия, несоблюдение элементарной личной гигиены, низкий уровень медицины.

И в дальнейшем «внешний фактор» оставался причиной или катализатором массовых эпидемий. Например, сильнейшая эпидемия чумы, обрушившаяся на Российское государство в 1654–1655 гг., очень подробно описанная и современниками, и исследователями, пришла в Россию из Персии через Астрахань или Украину и Крымское ханство. Причём в это время Россия вела войны с Речью Посполитой, и носителями чумы могли стать её участники.

Именно так и случилось и в 1771 г., когда новая эпидемия чумы поразила Москву. Болезнь проникла через Молдавию и Украину вместе с солдатами,

возвращавшимися с театра Русско-турецкой войны. Войны России с Турцией и Персией в первой половине XIX в. способствовали появлению в южных регионах страны самого смертоносного заболевания XIX в. – холеры. Сильнейшие эпидемии холеры поразили страну в 1830–1831, 1848 и 1892 гг.

Эпидемии холеры в XIX – начале XX вв.

Годы	*Число поражённых холерой губерний и областей*	*Число заболевших (чел.)*	*Число умерших (чел.)*	*Процент умерших от холеры к общему числу заболевших (%)*
1830	34	68091	37595	55,1
1831	51	466457	197069	42,3
1847	36	190846	77719	40,7
1848	50	1742439	690150	39,6
1853	50	249788	100083	40,1
1854	34	28052	13743	49,0
1855	36	331026	131327	39,6
1866	49	208853	72386	34,6
1870	32	21664	9386	43,3
1871	49	332711	124831	37,3
1872	46	510607	113196	36,4
1892	77	620051	300324	48,4
1893	70	106600	42250	39,6
1894	60	65140	31326	48,1
1895	12	30811	12066	39,0
1908	69	30705	15542	50,5
1909	50	22858	10677	46,7
1910	72	230232	109560	47,6

Источники: Оницканский М.С. О распространении холеры в России. СПб., 1911. С. 1–2.

XIX век отмечен новыми факторами и особенностями распространения эпидемий в России. Если прежде эпидемии, как правило, обуславливались воздействием внешнего фактора, то в XIX – начале XX вв. их возникновение и регулярность были связаны, прежде всего, с «внутренними причинами», а именно социально-экономическими факторами и состоянием народного здравоохранения.

Также в указанный период, в отличие от предшествующего, основным «объектом» и жертвами эпидемий становятся не городские, а сельские жители. Эпидемии и голод становятся постоянными спутниками российского крестьянства. После холеры 1830–1831 гг. в течение следующих 80 лет сельская Россия пережила, как минимум, 10 эпидемий и 8 голодовок (1833–1834, 1873–1874, 1891–1892, 1896–1898, 1901–1902, 1906–1907, 1911–1912 гг.), число жертв которых составило более 2 млн человек – в подавляющем большинстве крестьян. В XIX в. в сельской местности наряду

с холерой получили распространение эпидемии тифа, а также такие инфекционные заболевания как туберкулез, оспа, малярия, сифилис.

На основе имеющихся в литературе сведений можно выделить два этапа в истории борьбы с эпидемиями в России. Первый из них охватывает хронологические рамки со времён Древнерусского государства и до середины XIX в. Второй – с Великих реформ Александра II и до Великой российской революции 1917–1922 гг.

На первом этапе, как и в Западной Европе, борьба государственной власти с эпидемиями сводилась в основном к карантинным мерам. В Средневековье больных чумой или другими инфекционными болезнями не лечили в привычном смысле этого слова – их изолировали от других и просто ждали, пока болезнь отступит. Если эпидемия охватывала целый город, его жители бросали дома, имущество и больных, уходили в лес. Одновременно предпринимались попытки изоляции больных, содержания их в карантине, недопуска к ним с помощью выставления застав родственников, которые не заболели. С больными могли общаться лишь местные священники для утешения несчастных и проводов их в последний путь, хотя руководство церкви запрещало эти действия. Как правило, большинство священников делили печальную участь со своей паствой, оказавшейся в карантине.

Болезни, являющиеся неизбежным спутником повседневной жизни людей, по-особому проявляются в экстремальных ситуациях (голод из-за неурожаев, военные действия и т. д.). Так случилось в начале XVII в., когда совпали несколько неблагоприятных факторов, породивших русскую Смуту. Голод и болезни сыграли при этом едва ли не главную роль в охватившем страну политическом кризисе [*Корецкий*, 1975].

Накануне Смутного времени, в 1601–1603 гг., населению многих уездов России пришлось пережить страшный голод («велик глад»), вызванный крайне неблагоприятными климатическими условиями, неурожаями и социально-имущественным неравенством в обществе. Это невиданное по масштабам бедствие привело к массовым болезням и смертям, отражённым летописцем: «…бысть по всей Руской земли мор велик, якоже многие грады и селы опустели». При захоронении умерших не удавалось соблюсти все церковные традиции, не хватало священников для отпевания и даже гробов. Большинство погибло от голода и чумы, пришедшей в Россию с запада, из Прибалтики и Литвы.

Период после Смуты стал временем, когда с эпидемиями и смертностью от различных заболеваний начали бороться на государственном уровне, причём не только традиционными пассивными методами (установление на границах бедствующих уездов противокарантинных застав), но и путём создания соответствующих государственных координирующих органов (Аптекарского приказа и приказа Сыскных Заставных дел). Однако в целом картина не слишком изменилась. Показательным в этом плане является пример «Московской чумы» 1654–1655 гг.

Когда эпидемия достигла Москвы, столицу немедленно покинул патриарх Никон. Жену и детей царя Алексея Михайловича он увёз в Калязинский монастырь (сам царь в это время находился близ Смоленска на войне с Речью Посполитой). Вслед за царской семьёй город покидали бояре

и состоятельные горожане, стрельцы и тюремная стража. Кремль был закрыт, столица погрузилась в хаос. Большинство заболевших чумой помещали в карантины, но часто просто бросали без ухода. Заражаясь от трупов, умирали священники. Предписания хоронить умерших за чертой города постоянно нарушались. По всему городу бесчинствовали мародёры. Карантинными отрядами сжигались дома и имущество заболевших.

«Московская чума» 1654–1655 гг.

Для успокоения населения организовывались крестные ходы, но скопления людей способствовали новому распространению инфекции.

«Московская чума» 1654–1655 гг. Крестный ход

Карантин и строгие меры к его нарушителям рассматривались в качестве основных мер борьбы с распространением эпидемий и в XVIII в. Например, в петровское время, чтобы не допустить распространения по стране, особенно в новой столице, пришедшей из Османской империи чумы, по

распоряжению Петра I на дорогах были выставлены заставы, нарушителям карантина грозила смертная казнь на виселице, дома умерших от чумы сжигались вместе со скарбом и скотом, письма от курьеров принимались методом «бесконтактной доставки», с переписыванием по 3 раза, и только третья копия отдавалась дальше. Из заражённых губерний была прекращена отправка работников для строительства Петербурга, в самом городе полиция обязана была незамедлительно сообщать обо всех случаях заболеваний. В поражённых чумой селениях для дезинфекции помещения окуривались можжевеловым дымом, вещи умерших сжигались, деньги и предметы обихода обрабатывались уксусом.

Подобные же меры борьбы с эпидемиями практиковались и в последующие годы XVIII в. Самым ярким примером этого являются события так называемого «Чумного бунта» в Москве 1771 г. Тогда, чтобы прекратить буйство толпы, недовольной введёнными карантинными мерами и убившей на этой почве архиепископа Амвросия, власть использовала вооружённую силу, расстреляв около 100 нарушителей карантина, повесив четырёх и сослав 500 человек на каторгу.

Э. Лисснер. «Чумной бунт» в Москве 1771 г. (1930-е годы)

Вместе с тем в царствование Екатерины II в духе эпохи Просвещения государство стало уделять больше внимания мерам профилактики борьбы с эпидемиями. В это время на научной основе разрабатывались методы борьбы с голодом и эпидемиями. Большое значение приобретал международный опыт. Меры принимались как по линии правительства (карантинные заставы и другие мероприятия Петра I по предотвращению эпидемий), так и со стороны Академии наук и впервые возникающих научных обществ (Вольное экономическое и др.): начало оспопрививания, попытки распространения картофеля как новой продовольственной культуры и др.

Императрица Екатерина II вместе с малолетним сыном Павлом первая привилась от оспы в 1768 г., когда её очередная эпидемия была в разгаре. При этом жатва скорби эпидемии была устрашающей. От оспы умирало до 40% заражённых, особенно часто – маленькие дети. Как известно,

не обходила болезнь и высоких вельмож: в 1730 г. от оспы умер последний потомок Петра I по мужской линии 14-летний Петр II; незадолго до свадьбы перенёс оспу и жених Екатерины II, будущий царь Петр III.

Медаль за привитие оспы, учреждённая Екатериной II в 1768 г.

Противодействие пандемиям чумы актуализировалось в связи с продвижением России к берегам Чёрного моря, освоением Новороссии. Как известно, в наибольшей степени эта угроза исходила с территории Османской империи. В середине 1780-х гг. эпидемия чумы поразила города на побережье Чёрного моря (Херсон и др.), но дальнейшего её проникновения в Россию удалось избежать.

Таким образом, к началу XIX в. в России был накоплен определённый опыт борьбы с эпидемиями. Однако если чума с того времени отступила и уже не поражала Россию в значительных масштабах, то холера, тиф, дизентерия, малярия и др. инфекционные заболевания, наоборот, стали настоящим бедствием для страны.

Череду эпидемий холеры открыла эпидемия 1830–1831 гг., дошедшая и до Петербурга и совпавшая по времени с Польским восстанием. От неё скончались старший брат Николая I великий князь Константин Павлович, а также генерал-фельдмаршал И.И. Дибич, командующий русскими войсками, задействованными на подавлении восстания в Польше. Власти боролись с эпидемий холеры традиционными методами карантина. Но к ним, наряду с ограничением передвижения людей и изоляцией больных, добавились новые: закрытие учебных заведений, общественных мест, запрет «массовых мероприятий».

В Москве в доме генерал-губернатора Дмитрия Голицына каждый день заседала специальная комиссия по борьбе с холерой. В городе открывались больничные и карантинные бараки, бани, пункты питания. С болезнью помогали бороться волонтёры, люди жертвовали деньги, отдавали нуждающимся вещи и лекарства. Приехавший в Москву император Николай I лично посещал холерные палаты, наблюдал за тем, как устраивались больницы, отдавал распоряжения о денежной помощи неимущим, об учреждении приютов для детей, потерявших родителей.

Тем не менее действия власти не предотвратили «холерного бунта», который вспыхнул в Петербурге в 1831 г. на почве слухов о зловредных действиях врачей-поляков («польских шпионов») и иностранцев по распространению холеры: отравлению ядами воды, пищи и огородов, загрязнению

мышьяком Невы и т. д. Горожане избивали врачей-холерщиков», была разгромлена холерная больница. Усмирить толпу смог лишь Николай I, лично прибывший в эпицентр волнения.

Усмирение холерного бунта в 1831 году Николаем I.
Русский альбом (Album Russe).
(1839 г. Бумага, литография)

В дальнейшем традиция недоверия к людям в белых халатах, проводящим дезинфекцию колодцев, жилищ и хозяйственных построек, сохранялась, особенно в сельской местности, где во время борьбы с эпидемиями будут наблюдаться постоянные эксцессы на этой почве («скотину, людей травят» и т. п.).

Новый этап в истории борьбы российской власти с эпидемиями начался в годы Великих реформ Александра II, которые дали мощный импульс развитию государственной системы здравоохранения. При этом заслуживает внимания вопрос о связи эпидемий с динамикой потребления и хроническим недоеданием низших слоёв населения. Существует мнение, что снижение эпидемической смертности в Западной Европе в XVIII в. было, прежде всего, связано с улучшением питания, и лишь затем стало проявляться воздействие санитарно-гигиенических и медицинских факторов. Для России XIX – начала XX вв. вопрос о роли различных факторов в сокращении эпидемической смертности не разработан и требует дальнейшего изучения. Не вызывает сомнения тот факт, что новым важным фактором борьбы с эпидемиями стали земская медицина и возникшие общественные организации русских врачей (Пироговское общество). Это был огромный шаг вперёд по сравнению с предшествующим периодом, с точки зрения профилактики заболеваний.

Благодаря действиям земских врачей, членов Пироговского общества появилась эпидемиологическая статистика, установившая масштабы заболеваемости населения инфекционными болезнями, определены главные причины эпидемий, правительству был предложен перечень первоочередных мер по борьбе с ними и развитию народного здравоохранения в целом. Именно со второй половины XIX в. в России проводится целенаправленная

государственная политика борьбы с массовыми эпидемиями, начинается массовое оспопрививание, проводится активная работа по медицинскому просвещению населения в учебных заведениях, государственных учреждениях, силовых структурах (армии и т. д.).

Мероприятия в этом направлении, наряду с традиционными, сводились к созданию в городах и особенно в сельской местности новой сети медицинских учреждений, целью которых являлась профилактика эпидемий и организация борьбы с ними в их эпицентрах. Это земские губернские и уездные больницы, санитарные бюро, фельдшерские и лечебно-питательные пункты, санитарные отряды Красного креста, институт эпидемических врачей, фельдшеров. В борьбу с эпидемиями во взаимодействии с земствами включаются сельские общины (выделение в помощь земским врачам и фельдшерам во время оспопрививания помощников – крестьян-«оспенников» и т. п.).

В период эпидемий холеры, тифа и др. заболеваний высокий профессионализм и самоотверженность демонстрируют земские врачи и их помощники. Например, в 1889–1892 гг. сыпной тиф стал причиной смерти 25 % всех земских врачей. В 1905–1915 гг. в Европейской России было зарегистрировано 1 030 тыс. случаев заболевания сыпным тифом, в борьбе с которым умерло 288 врачей. Выдающийся эпидемиолог Николай Фёдорович Гамалей в 1888 г. принял препарат из холерных вибрионов, чтобы лучше описать ход болезни.

Зильберштейн Л.А. Портрет Н.Ф. Гамалеи. 1949 год

Но всё же перечисленных мер и подвижнической деятельности медицинских работников оказывалось недостаточно, чтобы предотвратить эпидемии и кардинально улучшить эпидемиологическую обстановку в России, прежде всего в сельской местности, где проживала основная масса населения. Эпидемии регулярно повторялись на фоне систематических недородов и голодовок. Во второй половине XIX в. их распространению способствовали такие факторы, как значительной рост населения, увеличение его мобильности в результате строительства железных дорог и крестьянского отходничества в новые промышленные центры и др. Но главной причиной, по мнению видных деятелей земской медицины и медицинского сообщества, были низкий уровень жизни населения и народного здравоохранения в целом из-за недостаточных мер царского правительства по поддержке общественных инициатив.

В частности, к 1910 г. в земских губерниях насчитывалось 2686 врачебных участков. Один земский врач обслуживал в среднем 42 тыс. человек. Для России с её огромными пространствами и преобладанием сельского населения это было каплей в море. Например, в Смоленской губернии 1 врачебная амбулатория в среднем приходилась на 39,5 тыс. человек, 1 кровать – на 1897 человек, 1 больница – на 52 тыс. человек. В губерниях, где отсутствовала земская организация, обеспеченность медицинской помощью была ещё хуже [Отчёт о состоянии народного…, 1914].

Один из основоположников русской санитарной статистики Пётр Куркин, проанализировав ход эпидемий тифа в Европейской России, установил их связь с неурожайными голодными годами. То есть эпидемии и голод, некачественное питание, антисанитария как спутник бедности и голода были взаимосвязаны и неотделимы друг от друга. Поэтому, по его мнению и многочисленных коллег, борьба с эпидемиями могла успешно вестись только на «социальной почве», с помощью улучшения культурных, бытовых и экономических условий жизни народа [*Куркин*, 1907–1912; *Куркин*, 1912]. В противном случае все усилия, затраченные на борьбу с заболеваемостью, могли иметь лишь узко ограниченное, сиюминутное значение.

В начале XX в. в области здравоохранения обнаружилось острое противостояние власти и общества. Правительственная политика строилась на стратегии огосударствления здравоохранения и создания соответствующего министерства (проект междуведомственной комиссии Г.Е. Рейна 1912–1916 гг.). Общественная инициатива была нацелена на расширение прав земского самоуправления и в целом находилась под влиянием либерально-оппозиционных политических кругов. В годы Первой мировой войны конфликт достиг апогея, что нашло отражение в конфронтации Главного Военно-санитарного управления, Военного министерства, Российского общества Красного Креста и, главным образом, Земского и Городского союза вкупе с членами Пироговского общества врачей.

Задача преодоления эпидемической угрозы оказалась не под силу ни царскому правительству, ни земской врачебной общественности, несмотря на их усилия и определённые успехи в этом направлении. Громадные потери населения от эпидемий тифа в годы революции и Гражданской войны свидетельствовали о необходимости коренной перестройки всего дела отечественного здравоохранения.

Список литературы

Агафонова А.Б. Санитарное состояние и благоустройство городов Вологодской и Новгородской губерний в 1870–1914 гг. Дисс. ...канд. ист. наук. Череповец, 2019.

Барабанова К.С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации. Дисс. ...канд. ист. наук. СПб., 2017.

Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960.

Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

Куркин П.И. Земская санитарная статистика, М., 1912.

Куркин П.И. Статистика болезненности населения в Московской губернии за период 1883–1902 гг., т. 1–4, М., 1907–1912.

Михель Д., Михель И., Сироткина И. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 113–139.

Отчёт о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи за 1913 год. СПб, 1914.

Сунцов В.В., Сунцова Н.И. Чума. Происхождение и эволюция эпизоотической системы (экологические, географические и социальные аспекты). М., 2006

Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. М., 2006. Кн. 1.

Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Чёрной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах. Казань, 2018.

Эккерман В. Материалы для истории медицины в России. (История эпидемий X–XVIII вв.). Казань, 1884.

Повседневность во время чумы (Франция XVI века)

П.Ю. Уваров

Аннотация. *Общественный интерес к пандемиям прошлого сегодня велик как никогда, что порождает массу публикаций на эту тему. Но многие утверждения, относящиеся в частности к чуме – Чёрной смерти, поразившей Запад в середине XIV века и затем возвращавшейся в течение последующих веков, нуждаются, как минимум, в серьёзной корректировке. В статье ставится вопрос об адаптации общества к волнам этого заболевания во Франции XVI века. Сведения об эпидемии 1580-х годов можно почерпнуть из мемуаров современников, медицинских трактатов, королевских и муниципальных распоряжений. Сопоставление полученных данных применительно к Парижу и к небольшому городу Провену позволяет выделить общий алгоритм действий властей и поведения горожан. Для современников было важно: констатировать начало эпидемии, описать и диагностировать болезнь; ввести карантинные меры, изолировать больных, обеспечив им медицинский уход и найдя для этого средства; сделать выбор между бегством от чумы и выполнением своего долга в городе; констатировать окончание эпидемии и подсчитать потери. При том, что в Париже от чумы погибло от 10% до 20% населения, столичные источники, похоже, были склонны поскорее забыть об эпидемии. В Провене суммарные потери были относительно невелики (около 3%), но их психологическое воздействие кажется более сильным. Выявляются механизмы формирования «чумных команд». Наличие медицинской помощи, при всем её кажущемся несовершенстве, приносило результаты. В малых городах и сёлах, поражённых чумой и лишённых помощи хирургов-цирюльников, чума уносила, порой, свыше половины жителей.*

Ключевые слова: *Чума, Франция, XVI век, Париж, Провен, Пьер де Летуаль, Клод Атон, Амбруаз Паре, чумные бараки, госпитали, корпорация хирургов-цирюльников, муниципальное управление, симптомы чумы, бубоны.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.005

Не стоит удивляться тому, что параллельно с ростом эпидемических угроз последнего времени растёт и общественный интерес к эпидемиям прошлого, в особенности – к «Чёрной смерти» середины XIV столетия и к тому, что за ней воспоследовало. Многочисленные книги, статьи, публичные лекции, выступления в СМИ, сюжеты пабликов в социальных сетях привели к тому, что в кратчайшие сроки все узнали о коварном хане Джанибеке, который при помощи катапульты забрасывал тела умерших от чумы воинов за стены осаждаемой им Кафы, о генуэзском «корабле-призраке», доставившем к берегам Европы чёрных крыс – разносчиков чумных блох, об опустевших городах и опустошённых областях – свидетелях пандемии, враз унёсшей то ли треть, то ли половину жителей Запада. При этом подчёркивается, что невежественное население, погрязшая в алчности и в суеверии церковь и псевдоучёные медики были совершенно беспомощны перед новой напастью, придумывая фантастические объяснения её природы, видя причину то в огненных червях упавших с неба где-то в Азии, то в дурном

воздухе, то в злокозненных действиях отверженных (прокажённых, евреев, еретиков), отравляющих колодцы и, конечно же, в гневе Господнем. Ничего другого от «чумазого Средневековья» [*Мишаненкова,* 2020] ждать якобы и не приходится.

При ближайшем рассмотрении становится ясно, что большинство «общеизвестных фактов», как минимум, нуждаются в корректировке. О катапульте Джанибека, равно как и о «корабле смерти», сообщает лишь нотариус из Пьяченцы Габриэль де Мюси [*Гринберг,* 2018: 75-89], но молчат все прочие современники, включая самых информированных. К тому же вряд ли в осаждённую Кафу забрасывали ещё и крыс с их блохами. Крысы, равно как и суслики, и тушканчики с их паразитами были лишь временными переносчиками чумной палочки (Pasteurella pestis), которая, угнездившись в человеческой популяции, уже не особо нуждалась в услугах зачумлённых блох. Неудивительно, что даже самые наблюдательные современники не могли увидеть в грызунах причину морового поветрия.

При общем согласии, что началом пандемии в Западной Европе стал 1347 г. [*Бергер,* 2019: 671], многие цитируют хрониста Джованни Виллани, описывавшего ужасы чумы во Флоренции и за её пределами, но почему-то не обращают внимания на его слова о том, что смертность в городе всё же была не столь высока, как от той эпидемии, которая поразила город семью годами ранее [*Виллани,* 2000: 26, 27]. Получается, что либо это свидетельство надо дезавуировать, либо пересмотреть общепринятую хронологию Чёрной смерти и картину её распространения.

Об этих и других нестыковках в популярной картине «Чёрной смерти» упоминать стоит вовсе не для того, чтобы опровергнуть выводы историко-медицинских исследований, но чтобы показать, как много ещё белых пятен и как мало непреложных фактов. Мы можем быть уверены лишь в том, что через некоторое время после очередного «смыкания мира» в результате создания Монгольской империи Старый свет охватила пандемия заболевания, обладавшего высокой летальностью и разнообразием симптомов, среди которых заметным, но далеко не единственным было образование бубонов (распухание лимфатических узлов). Трудно сказать, являлось ли это заболевание повторением пандемий, опустошавших Европу и Азию в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья, но в середине XIV века оно стало неожиданностью и оказало шоковое воздействие на современников. Произведя солидные опустошения, чума осталась частой гостью на просторах Евразии. Более определённо утверждать что-либо трудно. Тем более – историку, а не микробиологу или специалисту по истории медицины. На его долю остаются либо амбициозные макросоциологические построения в духе Уильяма Макнила [*Макнил,* 2021], или выполненного в размашистом стиле обзора Д.А. Левчика [*Левчик,* 2022]. Можно также вслед за академиком Д.М. Петрушевским стараться определить степень воздействия Чёрной смерти на социальное развитие Запада. [*Петрушевский,* 1937; *Postan,* 1973; *Huppert,* 1986]. Это всё – взгляд с «птичьего полёта», но представляется возможным и более приземлённый путь – посмотреть, как воспринималась чума не только в середине XIV века, когда она впервые обрушалась на средневековый Запад, но и во времена повторных вспышек этой уже знакомой,

но оттого не менее опасной болезни. Как адаптировалось общество к этим условиям, как реагировали власти, медики и простые обыватели на эту угрозу, насколько осознанными были их действия?

Одной из очередных волн чумы во Франции стала эпидемия 1580–1583 годов. О ней известно не только из официальных документов – королевских распоряжений, постановлений Парижского парламента и муниципалитета, но и из записок современников, чьи свидетельства пользуются заслуженным интересом историков. Парижанин Пьер де Летуаль, получивший юридическое образование, служил распорядителем королевской канцелярии, уже тем самым обладая ценными сведениями о жизни столицы. К тому же он был человеком весьма наблюдательным, скептически настроенным по отношению к тому, что считал проявлениями суеверия и фанатизма, но охотно воспроизводившим ходившие по городу слухи. Он вёл свои записи с небольшим временным лагом, возвращаясь к тексту спустя несколько месяцев, однако не готовил свой текст к публикации. Его творчество всегда интересовало историков, а его заметки неоднократно переиздавались[1] [*L'Estoile,* 1875–1876].

Священник из города Провена, расположенного на границе Шампани и Бри, Клод Атон был сыном крестьянина, не имел университетского образования, подчёркивал свою бесхитростность, обращаясь к «простому человеку». Будучи ярым католиком, он обвинял во всех бедах своего века еретиков-гугенотов и тех, кто им потворствует – представителей королевского правосудия и фискальных чиновников, придворных. Атон был неплохо осведомлён о том, что творится в столице, но центром его интересов оставался Провен, отстоящий от Парижа на 95 км. Его внимание к деталям и подробностям делают его рассказ ценным источником по истории повседневности [*Haton,* 2001–2007].

О чуме 1580-х г. Пьер де Летуаль упоминает лишь несколько раз вперемешку с другими событиями, тогда как Клод Атон создаёт два относительно развёрнутых и композиционно законченных повествования, датированных 1580 и 1582 годами. Атон рассказывает и о чуме в Париже, о которой знал лишь понаслышке, но при этом сообщает интересные подробности.

Комбинируя имеющиеся у нас свидетельства основных источников и, по возможности, привлекая источники дополнительные (постановления муниципалитета и Парижского парламента, медицинские трактаты, свидетельства современников), попробуем выделить основные этапы противостояния людей чуме – отдельно для столицы и для провинциального города.

Сперва обратимся к примеру Парижа.

Начало эпидемии освещается в источниках по-разному. Согласно Клоду Атону, болезнь поразила Париж в феврале 1580 г. Но он не был очевидцем,

---

[1] С 1621 по 2016 г. вышло девять полных и ещё не менее десятка фрагментарных изданий «Поденных мемуаров» Пьера де Летуаля. Выбор мной первого полного издания объясняется тем, что только оно пока доступно на «Галлике» – сайте электронной собрания Национальной библиотеки Франции и её партнёров [Электронный ресурс] URL: http://www.gallica.bnf.fr.

тогда как Летуаль же впервые упоминает о болезни лишь в конце марта. Впрочем, поскольку речь у него идёт о постановлении Парижского парламента, запрещавшего продавать какое-либо движимое имущество в публичных местах и в частных домах ввиду поразившей город болезни, то очевидно, что она начала распространяться раньше. Летуаль сообщает и о симптомах, говоря, что сыпь, похожая на корь или оспу, быстро распространялась даже у взрослого населения, что часто вело к внезапной смерти [*L'Estoile*, 1875: 265].

Однако затем он надолго замолкает о болезни. И даже землетрясение, которое 6 апреля 1580 г. произошло в Нормандии и ощущалось в Париже, не только не связывается с эпидемией им самим (что вполне понятно для гуманистически образованного и критически мыслящего человека), но при всём внимании к слухам, ходившим по городу, Летуаль не упоминает о том, что кто-то увидел в грозном явлении знамение Божьего гнева. Клод Атон, напротив, предваряет рассказ о чуме сообщением о землетрясении. Он указывает на возможные естественные причины подземных толчков и приходит к выводу, что это – одна из казней Господней, ибо сказано, что «знаками, предшествующими концу света, станут гражданские войны из-за веры, приход лжепророков, Антихриста, мора, голода и землетрясений во многих местах. Все эти вещи мы видим происходящими в Христианском мире» [*Haton,* 2007: 305].

И лишь в июне, когда, по словам Летуаля, в городе за первую неделю месяца заболели 10 тысяч человек, он, наконец, уделяет в своих «Записках» место для описания симптомов болезни. Но симптомы эти и не похожи на то, что мы знаем о чуме. «Болезнь имела вид кашля или катара, которую также называли "коклюшем" (coqueluche), она не обошла самого короля и придворных – герцога Меркёра, герцога де Гиза и сеньора д'О. Болезнь сопровождалась головной болью, резью в желудке, ломотой во всём теле. Врачи рекомендовали воздерживаться от вина, одним прописывали кровопускание, другим – ревень, третьих просто привязывали к кровати, давая лишь еду и питьё, без каких-либо медицинских средств. В Париже рассказывали, что от той болезни в Риме умерли более 10 тысяч человек. Но она была лишь предвестницей чумы» [*L'Estoile*, 1875: 361, 362].

Остаётся неясным, какая именно болезнь достигла, как сейчас бы сказали, пиковых значений распространения к началу июня: сама чума или предшествующее ей заболевание, названное «коклюшем»?

То, что мы сегодня называем «коклюшем», было описано в 1578 году парижским медиком Гийомом де Байю и названо «пятидневным кашлем» (*Tussis quintina*) [*Baillou*, 2021]. Так тогда назывались и многие другие болезни. По одной из версий название болезни происходит от того, что «лающий» кашель напоминал пение петуха (lecocq), по другой – от слова «капюшон» или «колпак» (capeluche), поскольку сопровождалась заболеванием головы.

Клод Атон также пишет о «коклюше»: «В Париже в месяце феврале началась болезнь, которую назвали коклюшем. Она сильно мучила людей, заразившихся ею, из коих многие умирали от поноса. Но, внезапно, с конца месяца февраля заметили, что болезнь заразна и является скрытой чумой. Каковая болезнь до середины следующего марта опознана была как явная

чума, со всеми своими признаками» [*Haton,* 2007: 305]. Далее он сообщает, что чума захватила все районы города и его предместья, начиная со дня святого Иоанна Крестителя (24 июня) и до конца июня. Отнеся «пик её заболеваемости» не к первой, как Летуаль, а к последней неделе июня, Атон, похоже, склонен считать коклюш скрытой стадией чумы.

Через два года, описывая ситуацию в Провене и его округе, Атон, приступая к рассказу о чуме, «от которой многие умерли, начиная с апреля 1582 г.» вновь предваряет своё повествование описанием «другой болезни», правда, уже не именуя её «коклюшем». От неё люди «повреждались в уме, трогались рассудком, становились помешанными, подобно идиотам, лишённым разума и чувств: и днём, и ночью они не могли оставаться на одном месте и не понимали, что делают и что говорят. От этой болезни умирали немногие, но по молитвам своих родственников, друзей и католической Церкви… и по заступничеству своих святых, быстро обретали прежнее здоровье тела и духа» [*Haton,* 2007: 479-480].

В изложении Атона первый случай чумы в 1582 году не был вовремя распознан именно потому, что больной за два дня до смерти стал заговариваться, и все подумали, что у него та болезнь, от которой люди трогались рассудком, но затем выздоравливали.

Обратим внимание – описывая симптомы предвестницы чумы в 1580 г. и даже называя её «коклюшем», Атон не упоминает о таком характерном её симптоме как кашель, но говорит о поносе, а через два года – о временном помешательстве. Но и Летуаль, начиная с указания на «катар», также говорит о болезни желудка и о головной боли – именно от этих недугов и применялся ревень, о котором он упоминает. На помешательство указывает и рекомендация врачей привязывать больных к кровати, обеспечивая им лишь питание.

По-прежнему не ясно, как связана первая болезнь с чумой? Она могла быть первой, «скрытой» фазой чумы, отдельным заболеванием, случайно совпавшим с началом эпидемии чумы, или же речь шла о трёх разных болезнях: чума (1580–1582 гг.), «коклюш» (весна 1580 г.), болезнь, вызывавшая помешательство (весна 1582 г.).

За разъяснениями уместно обратиться к свидетельствам медика того времени. Королевский хирург Амбруаз Паре спешно переиздаёт свою книжечку «О чуме» с посвящением Парижскому муниципалитету, которое датировано 27 июня 1580 г. [*Paré,* 1580; *Паре*, 2020]. Он так пишет об этой болезни – «чума часто сопровождается весьма страшными и опасными явлениями, которые постоянно являются с ней: лихорадка, бубоны, карбункулы, пурпур, понос, бред, слабоумие, грызущая боль в желудке, трепетание сердца, тяжесть и слабость всех членов, глубокий сон и притупление всех чувств». Поскольку эта болезнь «не всегда бывает одинакового вида, ... ей давали разные имена, например, чума, лихорадка, дизентерия, коклюш, потница, немощь, шишка, карбункул, пурпур и другие» [*Паре*, 2020: 138-139].

Для королевского хирурга речь шла об одном и том же заболевании. Но согласны ли были с ним авторы «Мемуаров»? Возможно, они и сами не вполне определились в свои мнениях.

Муниципалитет Парижа к середине мая 1580 г. уже оценил масштаб угрозы и начал действовать. В «Регистрах постановлений городского Бюро Парижа» о чуме, парализовавшей жизнь города, говорит лишь одна запись от 19 мая 1580 г. Она повествует о заседании, на котором помимо обычных членов городского Бюро присутствовали представители парижских суверенных судов (Парламента, Счётной палаты, Налоговой курии), депутаты от важнейших купеческих корпораций, капитулов, монастырей, госпиталя Отель-Дьё, а также медики и другие приглашённые лица [Registres des délibérations,1896: 228-229].

В ходе обсуждения было решено найти место для размещения заразных больных, где им бы оказывалась помощь. Для этого требовалось новое здание. Его строительство, а также оплата медиков, хирургов и иного персонала, ухаживающего за больными, требовали немалых средств. Пока собирались эти деньги, больных должны были доставлять в Отель-Дьё, (Божий дом), где им выделялось изолированное от остальных большое помещение, как это делалось и ранее.

Расположенный вблизи собора Нотр-Дам Отель-Дьё был, возможно, самым большим госпиталем на Западе того времени, он насчитывал 550 коек и был способен вместить до тысячи больных [*Babelon*, 1986: 174]. Но 19 мая ещё никто не ожидал, что совсем скоро произойдёт стремительный рост числа заболевших и запланированные меры окажутся явно недостаточны.

Следующую свою запись, относящуюся к чуме, Пьер Летуаль делает лишь в июле, но повествует и о предшествующих событиях. Он упоминает о консультациях, которые проводились в помещении королевской Канцелярии (во Дворце правосудия). Там заседала комиссия, состоящая из представителей муниципалитета и советников Парламента, призванная обсуждать вопросы борьбы с чумой. Летуаль как распорядитель Канцелярии был об этом хорошо осведомлён. Очевидно, что комиссия заседала как минимум с июня. Так, в Регистрах Парижского парламента сохранились постановления от 14 и 15 июня 1580 г., посвящённые мерам, предпринятым совместно с городским Бюро в связи со стремительным ростом расходов, необходимых для оплаты медиков, хирургов и аптекарей, а также для покупки земли под спешное возведение нового чумного барака (le sanitat) [Registre des délibérations 1896: 228, Note 1].

По словам Летуаля, комиссии не удавалось наладить помощь больным, пока, наконец, не была создана экстраординарная должность – «Санитарного прево» (Prevôt de la Santé, букв. «префект Здоровья»). Он должен был «выявлять заболевших чумой во всех кварталах города и при помощи своих подручных доставлять их в Отель-Дьё, если они не хотят или не имеют средств оставаться в своих домах. На эту должность был назначен [Симон] Мальмеди, королевский лектор математики, философ и учёный доктор». Летуаль с лёгкой иронией отмечает, что инспектируя заражённых и осуществляя о них общую заботу, Мальмеди хорошо послужил и своему долгу, и своей выгоде [*L'Estoile*, 1875: 365].

Там же он сообщает о спешной установке палаток у Монфокона[2], а также в предместьях Монмартр на Правом берегу и Сен-Марсель на Левом, куда направляли заболевших, чтобы обеспечить им питание и уход. Летнее время позволяло быстро развернуть «полевые госпитали» за чертой города. Из этого можно заключить, что Отель-Дьё уже к середине июня оказался не в силах принимать новых заболевших, а строительство загородного чумного барака затягивалось. Летуаль сообщает, что в июле строительство уже велось на землях, приобретённых госпиталем Отель-Дьё у аббата Сен-Жермен де Пре. Место называлось Гренель, по имени соседней деревушки. Здесь же автор повторяет формулировку постановления муниципалитета от 19 мая, сообщая о двух путях формирования «чумного бюджета»: добровольного на основе пожертвований и принудительного путём раскладки средств.

Клод Атон, не вдаваясь в подробности, неизвестные ему как провинциалу, рисует общую картину, вполне согласующуюся с заметками Летуаля: парижане поначалу надеялись, что чума скоро прекратится, «они не забирали больных из их домов, если те имели достаточно средств и возможностей чтобы за ними ухаживали и чтобы к ним домой ходили медики и хирурги, назначенные городом для лечения таких больных. Те же, у кого средств не было… направлялись в Отель-Дьё... дабы их врачевали и лечили хирурги этого госпиталя». Но, поскольку больных становилось всё больше, городские власти «принуждены были разбить палатки и шатры на манер военного лагеря за городом, и за [предместьем] Сен-Жермен… чтобы туда свозить больных, поскольку общий дом для этих нужд отсутствовал» [*Haton,* 2007: 306]. О палаточных лагерях на холмах Правого и Левого берегов Атон, возможно, не знал.

Ни Летуаль, ни Атон не сообщают, в какой именно момент стало ясно, что Отель-Дьё уже не может принять новых больных. У нас, впрочем, есть ещё одно свидетельство. Парижский кюре Жан де Ля Фос оставил своеобразные «Мемуары», правда далеко не столь информативные, как тексты Летуаля и Атона [*La Fosse*, 1865]. Он сообщает, что городские власти, видя, как усиливается чума, обратились к епископу Парижскому и попросили выделить группу священников для отправления Святых Таинств зачумлённым, обеспечив размещение и содержание этих клириков. Кюре парижских приходов провели совещание со своими церковными старостами, но те согласились оплатить лишь размещение группы «чумных клириков», предложив остальные расходы взять на себя городским властям. В итоге решили, что выделенная группа священников будет размещена в жилище цирюльника госпиталя Отель-Дьё, а для хранения Святых даров решили отвести одну из капелл этого госпиталя.

Согласно автору, решение было принято в среду, 13 июля [*La Fosse*, 1865: 185-186]. Но в соглашении ничего не сказано о том, кто будет окормлять тех, кто лежит в «полевых госпиталях». Значит ли это, что палаточных лагерей для зачумлённых тогда ещё не было? Или постановление 13 июля,

[2] Холм Монфокон, знаменитый своей виселицей, точнее комплексом виселиц располагался примерно в полутора километрах к северо-востоку от парижских ворот Тампль.

рождённое в результате переговоров, просто не поспевало за стремительными изменениями? Допустимо и иное предположение: «чумных батюшек» в первую очередь стремились изолировать от общения с обычной паствой, подобно тому, как чумным докторам категорически запрещалось лечить других пациентов. Возможно, что после ночёвки в здании Отель-Дьё кто-то из них оставался с местными больными, а кто-то затем направлялся в палаточные госпитали.

Неизвестно, когда было открыто здание в Гренель. 29 августа муниципалитет приказал описывать имущество жителей, не уплативших взносы на его строительство и на содержание зачумлённых [Registre des délibérations, 1896: 228, Note 1]. Но подобные распоряжения муниципалитета и Парламента будут появляться и впредь до середины следующего года, когда это вместилище больных уже давно функционировало. Речь шла о погашении задолженности по оплате уже произведённых расходов.

Вряд ли «палаточные госпитали» остались в пригородах Парижа надолго – недаром Клод Атон вообще о них не упомянул. Однако в начале сентября 1580 г. они ещё функционировали. Купеческий прево 6 сентября доносил губернатору Парижа о пожаре, случившимся прошлой ночью, когда в одном из лагерей больной в припадке безумия поджёг свою палатку. Огонь перекинулся на соседние палатки, и, пока сторожам удалось потушить пожар, погибло два или три человека [Registre des délibérations, 1896: 229].

Мы узнаем об этом из сохранившихся черновиков («минут») текущих постановлений муниципалитета. Там же можно найти предписание от 26 августа, обязывающее парижских квартальных представлять списки заболевших жителей. Постановление от 29 августа приказывало капитанам ополчения, лучникам, арбалетчикам и аркебузирам, охраняющим ворота, не пропускать в Париж никого из чумных больных, а сразу отправлять их в загородные палаточные госпитали. Мёртвых, которых везли на какое-либо парижское кладбище, велено было направлять на кладбища предместий [Registre des délibérations, 1896: 228, Note 1]. Скорее всего, это было лишь напоминание о прежних распоряжениях, ибо трудно предположить, что до конца августа городские власти не попытались пресечь появления «чужих» зачумлённых в столице и не выявить всех заболевших.

Как реагировали на угрозу заболевания жители города?

Амбруаз Паре в своей книге, опубликованной в конце июня, советовал, дабы спастись от чумы, немедленно уходить из заражённого места «туда, где здоровый воздух, и вернуться позже, если это возможно» [*Паре*, 2020: 153]. Но, поскольку распознать за «коклюшем» чуму удалось не сразу, момент был упущен. Исход из Парижа спас далеко не всех, зато способствовал распространению болезни по стране.

В записи, рассказывающей о событиях июля 1580 г., Пьер Летуаль лаконично замечает, «что страх перед чумой был столь велик, что большинство парижан из тех, у кого были хоть какие-то средства, покинули город, а чужестранцы не вернулись ранее, чем через полгода. Но тем самым чума из Парижа распространилась по многим сёлам и малым окрестным городам, причём она там была более жестокой и смертоносной, чем в Париже» [*L'Estoile* , 1875: 365].

Клод Атон рисует более яркую картину: «летом на дорогах не видно было никого, кроме бредущих толп клерков, студентов, и иных людей, возвращавшихся в свои края». Этот исход продолжался, по словам Атона, почти три месяца. Кроме иногородних, столицу покидали «президенты и советники судебных палат, адвокаты, прокуроры, нотариусы, сержанты, дворяне, буржуа, торговцы и ремесленники, составлявшие большую часть горожан. Одни стремились укрыться на своих фермах и в сельских домах… другие же направлялись к родственникам, друзьям и свойственникам, которые соглашались их принять у себя. В Париже остались лишь люди, у которых не было средств удалиться куда-либо. Бегство указанных жителей Парижа было причиной распространения чумы во множестве городов и деревень на 20 лье вокруг Парижа. Многие умирали на дорогах без какой-либо помощи, и с трудом удавалось найти того, кто бы их похоронил, даже если они были хорошо одеты и имели при себе деньги» [*Haton,* 2007: 306].

Париж опустел. В нём остался лишь бедный люд, которому некуда было идти. Положение его было тем тяжелее, что деловая активность в городе замирала, а запасов у бедняков не было. По словам Летуаля, подёнщики, не имея работы, «страдали от голода и убивали время тем, что играли в кегли на мосту Нотр-Дам и на других улицах Парижа и даже в Большом зале дворца Правосудия» [*L'Estoile*, 1875: 365]. В последнее, правда, верится с трудом, возможно, автор хотел подчеркнуть упадок королевского правосудия в городе, оставленном должностными лицами.

К концу июля стала очевидна опасность массового дезертирства как чиновников и судейских, так и буржуа. В регистрах Парламента упоминается письмо короля от 28 июля, запрещавшее должностным лицам этой курии покидать город, а тем, кто уже уехал, предписывалось срочно вернуться. Король ещё не раз в течение этого года будет призывать судей поскорей приехать в Париж. Беспокоился и муниципалитет. 22 августа всем квартальным, пятидесятникам и десятникам, покинувшим город, приказывалось в недельный срок приступить к исполнению обязанностей под угрозой потери должности [Registre des délibérations, 1896: 229, Note 1]. Беспокойство было понятным, ведь именно на должностных лицах низшего и среднего звена лежали все повседневные заботы по учёту заболевших и умерших.

О стремлении властей пресечь дезертирство пишет и Клод Атон: «Король… хотел эдиктом принудить под страхом наказания президентов и советников [Парламента] и парижских буржуа вернуться в свои дома, в противном случае, угрожал разместить в их жилищах военных на постой, чтобы те проели всё их имущество. Но этим угрозам не вняли ни парижане означенных статусов, ни все остальные» [*Haton,* 2007: 307].

Приходилось действовать личным примером. Первый президент Кристоф де Ту, которому шёл уже восьмой десяток лет, в своём паланкине курсировал по улицам Парижа, дабы успокоить горожан и показать, что Правосудие их не покинуло [*Babelon*, 1986: 176]. Да и король надолго не уезжал из своих пригородных замков и наведывался в опустевший город. По словам Клода Атона: «Его величество собственной персоной свершил два или три выезда в Париж в течение лета этого года… Всё же наконец он удалился в Фонтенбло, видя, что болезнь не стихает в Париже и его окрестностях,

не возвращался туда сам и уже не заставлял вернуться местных жителей» [*Haton,* 2007: 307].

Чтобы не создалось картины полного запустения Парижа, уместно привести ещё одно свидетельство Атона: «…набожный люд Парижа пребывал в постоянных молитвах и покаянии, исповедуясь в своих грехах, моля Бога смягчить Свой гнев и прекратить чумную заразную болезнь. И почти все католики от мала до велика, исповедавшись в день [Успения] Божьей Матери, причащались у алтаря... А на следующий день в праздник Святого Роха[3], присутствовали на всеобщей процессии, где весь город собрался вместе, в удивительном порыве благочестия. Большинство – самые богатые наравне с духовенством, судейскими и народом были босиком и с непокрытыми головами. Каждый держал свечу в руке в знак публичного покаяния перед Богом, чтобы примириться с ним и снискать благодать и милосердие, если Ему будет угодно прекратить столь опасную болезнь, бушевавшую среди них» [*Haton,* 2007: 453].

Когда можно говорить о том, что эпидемия отступила и подсчитать понесенные людские потери?

В 80-е годы XVI века в Париже жило не менее 350 тысяч человек [*Babelon*, 1986: 164-166]. Сюда же следует добавить ещё около 60 тысяч жителей парижских предместий. Пьер Летуаль после июльской записи к теме чумы в 1580 году больше не возвращается. В июле же, перед тем, как описать опустевший Париж, он, забегая вперёд, подводит итоги эпидемии: «моровое поветрие было злом великим, но скорее пугающим, чем опасным, так как в Париже и окрестностях умерло в 1580 году не более 30 тысяч человек» [*L'Estoile*, 1875: 365].

Иные оценки у Клода Атона: чума в Париже продолжала свирепствовать до начала декабря, да и после не вполне завершилась. «Число умерших от этой болезни превышало 60 тысяч человек. Некоторые же, опираясь на донесения квартальных комиссаров города, отмечавших умерших от этой и другой болезни, доводили это число до 100 тысяч человек, что мне кажется немного завышенным, хоть город и очень большой» [*Haton,* 2007: 306].

Возможно, столь сильное расхождение межу Атоном и Летуалем (определивших потери соответственно в 23 % и 8 % населения) вызвано тем, что оценка последнего могла быть сделана ещё до того, как эпидемия закончилась. К тому же надо учитывать контекст высказывания Летуаля, который, сожалея о запустении столицы, желал показать, что страхи горожан были преувеличены.

Эпидемия не закончилась с наступлением осени. 26 сентября парламентское распоряжение запрещало переезды внутри Парижа до дня Сен-Реми (13 января) из опасения, что перевозка по улицам скарба усилит угрозу заражения [Registre des délibérations, 1896: 228-229, Note 1].

Со второй недели сентября Парламент и другие курии традиционно рас-

[3] Святой Рох считался защитником от чумы, его праздник приходился на 16 августа

пускались на каникулы до ноября, но, по словам Клода Атона, «после дня Святого Мартина [11 ноября] заседания судов не велись, но многие адвокаты, прокуроры, клерки и прочие вернулись в Париж, надеясь, что с наступлением зимы болезнь остановится. Однако большая часть из тех, кто вернулся и оставался в своих домах, была поражена этой болезнью, и мало кому удалось от неё ускользнуть» [*Haton,* 2007: 307]. Атон явно сгущает краски, поскольку Парламент всё же начал работу. 15 ноября король предписывал тем советникам, кто задержался в сельской местности, немедленно вернуться под страхом конфискации жалования [Registre des délibérations, 1896: 229].

Королевское письмо от 30 октября разрешало муниципалитету взять 100 тысяч вязанок можжевельника в близлежащих к Парижу лесах королевского домена, «чтобы помочь очистить дурной воздух, который могла оставить чумная болезнь в домах данного города» [Registre des délibérations, 1896: 229, Note 1]. О пользе можжевельника писал и Амбруаз Паре, рассказавший, как в Афинах, поражённых чумой, Гиппократ приказал развести на улицах города огни и бросить в костёр пахучие вещества, такие как можжевельник, теребентин и тому подобное, издающее сильный ароматический дым, посредством чего чума прекратилась [*Паре*, 2020: 160].

Тревожная обстановка вынудила перенести сроки проведения ярмарки в Сен-Дени с 9 октября на 7 января 1581 года, причём неизвестно, состоялась ли она и в этот срок, поскольку ярмарку в Сен-Жермен, которая обычно открывалась 3 февраля, отменили. Её перенесли на день Квазимодо (в 1581 г. это было – 15 апреля), но 30 марта парламентское постановление вообще отменило ярмарку в этом году [Registre des délibérations, 1896: 229, Note 1].

Таким образом, угроза чумы оставалась сильной и в 1581 г., о чём свидетельствует официальный запрос городских властей медицинскому факультету. На него последовал ответ, содержавший обстоятельные рекомендации уже известного нам Гийома де Байю, в ту пору бывшего деканом факультета [*Baillou*, 1581].

Тем удивительнее, что у Пьера Летуаля никаких сведений об эпидемии после лета 1580 г. мы не найдём. Он словно специально стремится поскорее забыть о чуме. И только 29 июня 1581 г., рассказывая о прибытии послов из Англии, Летуаль вскользь упоминает, что король принял их в аббатстве Сен-Мор, куда он удалился по причине чумы, которая всё ещё продолжалась в Париже [*L'Estoile*, 1876: 11].

В целом же и Пьер Летуаль, и королевские, парламентские и муниципальные постановления оставляют без ответа вопросы – как всё-таки лечили больных, кто кроме Симона Мальмеди взял на себя заботу о зачумлённых?

Лишь Клод Атон вспоминает об их судьбе: «Многие цирюльники и хирурги, либо по собственной воле, либо по принуждению правосудия назначенные лечить больных, умерли. Значительная часть из них была в статусе подмастерья. Чтобы достигнуть метризы в своём деле в Париже, они осмелились презреть опасность, помогая мэтрам, каковые пообещали им обеспечить получение ими метризы хирургов и цирюльников, коли они выживут» [*Haton,* 2007: 307].

Таким образом, самую ценную часть сведений о чуме нам сообщает вовсе не парижанин, а провинциал. Поэтому, хотя до нас не дошли официальные документы из Провена, рассказ Клода Атона о том, как развивались события в его городе, ожидаемо интересен.

Провен, город средней величины (не более 10 тысяч жителей), чума посетила дважды – в 1580 и 1582 годах.

В июле 1580 г. к Жигору, зажиточному шляпнику, проживавшему в Провене, в Нижнем городе, близ коллегиальной церкви Сент-Айоль, где служил Клод Атон, приехала парижская тётушка. Муж отправил её из заражённого Парижа «дышать чистым воздухом». По этому поводу 13 или 14 июля Жигор устроил праздник, собрав с дюжину гостей из числа соседей и друзей. Но парижанка вскоре заболела и скончалась 18 июля.

Устроить достойные похороны тетушки Жигору помешали городские власти. Они не разрешили, чтобы на похоронах звонили колокола церкви Сент-Айоль, и спешно прислали двух хирургов-цирюльников Николя Дури и Жана Лелонга для освидетельствования тела. Не обнаружив признаков чумы, те написали об этом в своём заключении. Но, получив от Жигора гонорар, советовали ему поостеречься, раз причины смерти не известны. Муниципалитет велел Жигору закрыть свою лавку и не выходить на улицу. Но тот продолжал держать свой дом открытым, ссылаясь на мнение хирургов. Через пять дней умер его восьмилетний сын, но он не заподозрил чуму, поскольку мальчик уже полгода как был тяжело болен. Когда вечером после похорон заболели ещё два его сына, то Жигор, наконец, понял, что произошло. В тот же день он покинул город, чтобы отвезти уцелевшего старшего сына к бабушке. Вскоре заболевшие мальчики умерли [*Haton,* 2007: 308-309].

Тогда же болезнь обнаружилась ещё в нескольких домах как Нижнего, так и Верхнего города. Последнее было особенно важным, поскольку там жили более зажиточные и высокопоставленные горожане. И хотя до начала августа ни у кого из заболевших не обнаруживались бубоны, властям стало ясно, что началось моровое поветрие.

Надо было принимать меры для изоляции заболевших. Сразу после смерти двух мальчиков «жене Жигора и всем домочадцам решением суда было запрещено выходить из дома без белого прута в руках, чтобы их распознавали другие люди и не давали бы смешиваться с толпой» [*Haton,* 2007: 310].

В доме кроме слуг остались хозяйка на сносях, младенец и дочка пяти лет от роду. К дому теперь никто не осмеливался подходить, и, чтобы спасти хотя бы 20-месячного сына, мать обрила его наголо, затем вымыла его в горячей воде и обтёрла уксусом. После чего голым привязала к доске и вынесла на середину опустевшей улицы, чтобы его забрали соседи. Некая женщина взяла его к себе, «спасая от грозившей смертельной опасности, и с ним не случилось ничего плохого» [*Haton,* 2007: 313-314]. Судьба тех, кто остался в доме, была печальнее. 7 августа у служанки появились бубоны в паху, а 9 августа те же симптомы появились и у хозяйки, которая уже не скрывала ни своей болезни, ни болезни служанки.

Муниципалитет спешно искал место для чумного барака. После ожесточённых споров решено было занять уединённый дом в местечке Гарла, примерно в полутора километрах от города, и 11 августа туда переселили

оставшихся обитателей дома Жигора. Городские власти нашли женщину, которая за ежемесячную плату взялась заботиться о больных. Атон называет её «доброй кумушкой» [*Haton,* 2007: 312]. Сложнее оказалось организовать визиты хирургов-цирюльников, которые препирались друг с другом, кому идти в Гарла. «И в течение этой тяжбы бедные больные женщины страдали, не получая помощи» [*Haton,* 2007: 312]. Тем временем в Провен вернулся шляпник Жигор, пристроивший старшего сына к своей матери. В соседнем городке Вильнокс-ла-Гранд[4] он нашёл совсем ещё молодого подмастерье цирюльника, который за 6 экю в месяц (примерно за столько же, сколько Жигор заплатил хирургам за заключение о смерти парижанки) согласился отправиться в Гарла и врачевать больных.

Этим воспользовалась корпорация хирургов-цирюльников Провена, оказавшаяся в сложном положении. По предписанию властей она должна была по жребию определить двоих своих членов на должность чумных докторов. Жребий пал на мэтров Гийемена и Табю. Но они отказались идти к больным, заявив, что первыми положенные шесть недель должны отслужить Николя Дури и Жан Лолонг – те, кто, обследовав парижанку, получили плату за своё ложное заключение. Упорствуя, Табю предпочёл отправиться в тюрьму, а Гийемен пустился в бега. Узнав, что в Гарла появился нанятый Жигором подмастерье цирюльника, за то, что он останется в Гарла и будет лечить поступающих туда больных, молодому Тибо, сверх положенного муниципалитетом жалования, корпорация обещала принять его в свои ряды без экзаменов и без вступительной платы. В этом рассказе Атона отразились факты, о которых в том же году писал Амбруаз Паре. Королевский хирург осуждал методы набора «чумных докторов», когда принуждали опытных врачей и хирургов силой, угрожая, что их навеки выгонят из города, но ещё худшим, по его мнению, было обещание, что если неопытные цирюльники и аптекари «захотят лечить зачумлённых, то им дадут метризу. Но они никогда не видели ни одного больного этой болезнью, их надо бояться больше разбойников и убийц… Ибо от тех-то можно убежать, хирурга же несчастный больной сам ищет… надеясь получить помощь от того, кто его лишает жизни» [*Паре*, 2020: 161]. К молодому Тибо последнее не относилось, он неплохо выполнял свои обязанности. В Гарла он успел принять роды у жены Жигора и даже крестить новорождённого, до того как он умер. Роженица тоже вскоре скончалась – чума взяла своё. Служанку вылечить удалось. Мэтр Тибо неоднократно посещал новых заболевших в Верхнем городе и тянул свою лямку до конца сентября. Но вступить в корпорацию хирургов-цирюльников Провена ему так и не довелось. Он скончался от чумы 29 сентября.

Всё это время в Гарла за больными ухаживала «добрая кумушка» – Марион Полеве по прозвищу Бикетьер. Она явно вызывала у Атона сочувствие. Ей не с кем было оставить собственных детей, и она взяла с собой

[4] Небольшой город в 10 км к востоку от Провена.

своего десятилетнего сына и дочку лет шести. Сын заразился и умер, но дочь, как и мать, оказалась невосприимчивой к болезни. «Добрая кумушка» прижилась в импровизированном чумном бараке надолго.

Бедствия семьи Жигора дают возможность Атону показать лучшие качества окружающих. Сострадание и мужество проявила соседка, спасшая младшего сына Жигора. Сам Атон, вообще-то не склонный к самовосхвалению, рассказал, как в конце июня, когда жене уехавшего Жигора было предписано похоронить умерших сыновей и без отпевания, «мэтр Клод Атон, по слёзной просьбе несчастной отчаявшейся женщины… предал их земле на кладбище церкви Сент-Айоль, он с молитвами следовал за тем, кто нёс тела умерших детей» [*Haton,* 2007: 310].

Нёс же их слуга Жигоров – молодой парень лет двадцати. «В страшной опасности он не захотел оставить свою хозяйку, о которой он заботился столь хорошо и с такой нежностью, как если бы она была его матерью. Ухаживая за ней, он был поражён чумой и умер на пять или шесть дней позже своей хозяйки» [*Haton,* 2007: 312].

В целом же чума 1580 года в Провене оставалась локальной, не вызвав панику в городе. Болезнь характеризовалось высокой летальностью, но заражались лишь те, кто был в постоянном и тесном контакте с больными. Атон подробно описывает злоключения семьи Жигоров, видимо, потому, что они были его прихожанами, соседями и друзьями. Он указывает общее число заболевших (в его тексте упомянуты 19 человек). Если говорить о семье Жигора, из шести его детей выжили лишь двое сыновей – самый старший и самый младший. Жигор надеялся вернуться в свой опустевший дом через шесть недель после смерти жены, но этому воспротивились соседи (чума продолжалась до конца сентября). Лишь в декабре он договорился всё с той же Бикетьер (у которой, вероятно, уже не осталось пациентов), что она за семь экю полностью очистит и выветрит дом [*Haton,* 2007: 314].

Атон кратко характеризует положение дел в соседних городах. В Ножан заразу занесли из Парижа, очагом заболевания стала пригородная гостиница, в которой один за другим умерли постояльцы, лечивший их цирюльник и сам хозяин. Вильнокс-ла-Гранд пострадал из-за того, что один житель, похоронив путника, умершего на дороге, позарился на его пожитки, включая кошелёк, который «стоил жизни этому алчному человеку и всему дому, в котором он проживал» [*Haton,* 2007: 314].

Через два года Провен пострадал от чумы гораздо больше. На сей раз беда пришла не со стороны Парижа, а с юга, из небольших поселений, расположенных вдоль водных артерий Сены и Йоны. В начале апреля чума вспыхнула в деревне Шалостр-Ла Гранд близ Ножана, к 8 апреля болезнь перекинулась в деревню Сетвей в приходе Сент-Коломб[5]. В Провене

[5] Шалотр-ла-Гранд (Chalautre-la-Grande) – коммуна в 13 км к юго-востоку от Провена и в 8 км от г. Ножан-сюр-Сен (Nogent-sur-Seine). Сент-Коломб (Sainte-Colombe) – коммуна в 5 км к юго-западу от Провена. Деревня Сетвей (Septveilles) включена в состав этой коммуны.

выставлена была стража, чтобы пресечь контакты с жителями зачумлённых краёв. Но это не помогло «по причине алчности некоторых жителей» [*Haton,* 2007: 480]. Атон подробно рассказывает о том, как булочник и торговец облатками Пьер Фаруэ, проживавший вблизи церкви Сент-Айоль, 23 апреля тайно повёз товар в зачумлённый приход Шалостр, где жила семья, задолжавшая ему денег. Увидев, что все обитатели этого дома умерли, чтобы расквитаться, он сгрузил их пожитки в сундук и увёз его в Провен. Через неделю Фаруэ заболел, но утверждал, что это он надорвался, пытаясь передвинуть тяжёлую бочку вина в своём подвале. За два дня до смерти булочник стал заговариваться, но, по словам Атона, «по-прежнему выходил из дома, и все думали, что он заболел чем-то наподобие той болезни, от которой, как мы прежде говорили, трогались рассудком, но выздоравливали» [*Haton,* 2007: 479-480.]. Пьер Фаруэ умер девятого мая и был похоронен на кладбище Сент-Айоль при большом стечении родственников, соседей, других булочников, а также священников и монахов Нижнего города – как торговец облатками он был своим человеком в церковных кругах. Справлены были пышные поминки. А через две недели (24 мая) умерла вдова булочника, причём на теле у неё были обнаружены явные признаки чумы.

Впрочем, к тому времени уже все знали о том, что в город проникла чума, поскольку в середине мая в Верхнем городе заболел молодой советник президиального суда Провена мэтр Баранжон. По мнению Атона, советника заразил виноградарь из Шалостр-ла-Гранд, который принёс ему арендную плату. Медик мэтр Жан Сольсуа и хирург Николя Дури навестили больного, однако не сразу, а лишь после того, как им заплатили по 20 экю каждому. Это были местные «светила» – медик (терапевт) стоял во врачебной иерархии значительно выше хирурга, но и Николя Дури, один из тех, кто два года назад осматривал тело покойной Парижанки, был старейшиной цеха хирургов-цирюльников (lieutenant des barbiers et cyrurgiens de Prouvins). Баранжон умер 22 мая – перед смертью симптомы были ясны: сильный жар и появление чумных абсцессов. [*Haton,* 2007: 484]. Тогда в городе и началась паника.

Если смерть булочника Фаруэ (как двумя годами ранее – трагедия в семье шляпника Жигора) впечатлила в основном соседей из Нижнего города, населённого торговцами, ремесленниками, низшим и средним духовенством, то кончина советника Баранжона стала событием иного масштаба. В Верхнем городе обитали сливки местного общества – чиновники, судейские, представители королевской власти. Баранжоны были богатым чиновным родом, больного многие навещали, поэтому в группе риска оказались влиятельные люди.

Знакомая нам «добрая кумушка» Бикетьер ожидала в Гарла, что муниципальные власти вновь призовут её ухаживать за больными. Пока приглашения не последовало, к ней начали обращаться родственники заболевших, желая их изолировать и вместе с тем обеспечить уход. Уже в конце мая на её попечение передали вдову советника Баранжона.

Власти города «стали запасаться необходимыми вещами для ухода за больными, как уже заболевшими, так и теми, чья болезнь воспоследует».

Они заключили контракт на 60 экю в месяц с Николя Дури, чтобы тот взял на себя функции чумного доктора. Деньги хирург взял, но посещать больных, отказался, пока ему не придадут в помощь второго человека. Второй контракт заключили с мэтром Табю, которого ещё в 1580 г. посадили в тюрьму за отказ быть чумным доктором. На сей раз его удалось принудить по суду. Они должны были служить городу не дольше трёх месяцев и получить за это по 120 экю каждый[6].

Некий монах из приората Сент-Айоль обнаружил у себя признаки болезни и, прослышав, что Дури нанят городом для лечения больных, явился к нему домой накануне Пятидесятницы (первого июня). Он просил хирурга об уходе и лечении в том месте, куда тот велит ему направиться. Но Дури отказался его принимать, глумливо остря насчёт монашеского сословия. В итоге монаху пришлось уединиться в садовой сторожке своего приората, где он и умер через три дня.

Получив от города плату за два месяца вперёд, хирурги отправились туда, «где уже было несколько больных, ожидавших милосердия Божия» [*Haton,* 2007: 484]. Атон упоминает, что там за больными ухаживали две женщины, но не говорит, где располагался чумной барак. Ясно лишь, что на сей раз городские власти отказались использовать домик в Гарла, да и саму Бикетьер город не нанял. Она осталась в Гарла, где организовала частный приют для больных.

Хирурги-цирюльники имели все основания не спешить в «чумную команду»: из тех, кто в 1582 году исполнял обязанности чумных докторов, трое погибли на своем посту, один заболел, но чудом выжил, и лишь двоим удалось остаться невредимыми, хотя в последнем случае нанятый иногородний хирург практически «разминулся» с эпидемией. Но муниципалитету приходилось выделять всё новые средства для оплаты «чумных докторов», не говоря о расходах на содержание больных. Необходимо было формировать особый «чумной бюджет». Эшевены с согласия короля разверстали талью на всех жителей города без исключения. Атон, неизменно возмущавшийся любыми поборами, на сей раз отнёсся к ним с пониманием. И не только он – все горожане, включая духовенство, и даже те, кто изначально хотел опротестовать размер своей квоты, «увидев, что эти деньги идут на благотворительные нужды, согласились платить» [*Haton,* 2007: 486-487].

Если вспышка чумы 1580 года имела локальный характер и не привела к массовому исходу из города, то на сей раз беглецы не заставили себя ждать. Родственники советника Баренжона и многие богатые люди из числа его соседей и друзей «покинули дома в Провене и отправились на свои фермы в деревнях, чтобы дышать там воздухом, который они считали чистым» [*Haton,* 2007: 482-483]. Правда, некоторым это не помогло.

Атон сообщает немало сведений о чумных докторах. Наибольшее его негодование вызывал Николя Дури, который ещё в 1580 году, получив деньги,

---

[6] Срок, в течение которого требовалось служить чумными докторами тем, на кого указывал жребий, составлял 6 недель. Таким образом, речь шла о двойном сроке.

не распознал, от чего умерла парижанка в доме Жигора, что вызвало много смертей. Через два года он не сразу пришёл на помощь Баранжону, взял с него большие деньги, но не вылечил, а затем долго торговался с муниципалитетом, не торопясь помогать заболевшим. Николя Дури оставался последним в городе открытым гугенотом. Отказав в помощи больному монаху, он оскорбил его и сказал, что желал бы такой же судьбы для всех монахов, священников и прочих католиков Провена. А когда через 10 дней Дури умер в страшных мучениях, то в городе сочли, что его смерть «явилась карой Господней, особенно если учесть, что опыт, которым он обладал, был достаточен для того, чтобы уберечься от заразной болезни» [*Haton,* 2007: 485].

Его напарник, мэтр Табю, покинул свой пост, отслужив оговорённые 12 недель к концу августа, когда, казалось, болезнь шла на спад. Однако чума вспыхнула вновь, потому на следующие два месяца наняли новую пару хирургов-цирюльников – местного Жана Николя и приезжего Пьера из Нанжи. Про Жана Николя Атон писал, что это был высокомерный и жадный человек, который не желал помогать больному, если тот не платил ему денег [*Haton,* 2007: 485]. Городские власти, выдавшие хирургу положенное жалование, даже обвинили его в вымогательстве, но судебного преследования не последовало, так как алчный хирург вскоре умер. Пьер из Нанжи отказывался лечить без компаньона. Выбор корпорации хирургов-цирюльников пал на мэтра Жана Лелонга. Желая уклониться от выпавшего жребия, он быстро съездил в Париж и привёз оттуда себе на замену начинающего хирурга мэтра Жака, которому было не более 25 лет. Ему почти сразу пришлось взять на себя все заботы о больных, поскольку его напарник, Пьер из Нанжи, вскоре скончался.

Молодой хирург быстро завоевал всеобщую симпатию. «По велению сердца он дважды в день посещал и лечил больных на дому и довольствовался лишь благодарностью тех, о ком заботился. И почти месяц он работал один, без компаньона… и не просил никого себе в пару, пока сам не заболел. Но, по милости Господней и по молитвам горожан, быстро вылечился, и к нему вернулось здоровье» [*Haton,* 2007: 486]. Нанятый ему в помощь цирюльник-хирург из Мо не имел возможности проявить свои качества, поскольку болезнь в Провене завершилась так же внезапно, как и началась.

Марион Полеве по прозвищу Бикетьер, так и не добившись оплаты от городских властей, оставалась в Гарла, куда к ней доставляли некоторых больных из Провена, но главными её пациентами были несчастные жители зачумлённых деревень, которые были вовсе лишены помощи городских врачей. Имея большой опыт работы с хирургами, она сама бралась лечить больных, «изготавливала для них мази и накладывала на язвы, которые прокалывала ланцетами, иглами и прочими металлическими инструментами». Некоторых удавалось вылечить, ей же самой болезнь не причинила вреда.

«Она была бедна земным имуществом и якобы имела пятно на своей чести[7], но это не помешало ей найти счастье в браке и выйти замуж за сукновала Шастеро, за которым она ухаживала во время этой болезни, и потом завести с ним хорошее хозяйство» [*Haton,* 2007: 487-488]. Атон явно симпатизирует «доброй кумушке».

Не меньшее уважение вызывает Жером Сажо, викарий из прихода Сент-Коломб. Кюре этого прихода бежал из зачумлённой деревни, оставив попечение о душах викарию. Не желая туда возвращаться, кюре договорился с каноником из Провена об обмене прихода на небольшую часовню в этом городе. Узнав об этом, Жером Сажо хотел уступить место новому кюре, но тот, опасаясь чумы, отрицал, что получил права на этот приход. «Жером Сажо продолжал службы в этом приходе, и он, набравшись смелости и надежды на Бога, сам не заболел, исповедуя всех, кто был заражён, – как тех, кто позже умер, так и тех, кто выжил. За это его повсюду расхваливали» [*Haton,* 2007: 488].

Волна заболевания 1582 года, пошедшая на спад в ноябре, но завершившаяся лишь в феврале следующего года, по оценке Атона, унесла в Провене 210 человек [*Haton,* 2007: 485]. Неизвестно, включал ли он в это число малолетних детей и тех горожан, которые скончались уже покинув Провен. Но в целом его подсчётам можно верить. Если исходить из того, что население Провена не превышало 10 тысяч человек, то потери за 8 или 9 месяцев эпидемии составят до 3 % процентов от общей численности жителей. Это число выглядит смехотворно малым по сравнению с десятками тысяч умерших, о которых обычно говорят применительно к Парижу, Венеции и другим «мегаполисам» того времени. Но обратимся к сегодняшнему дню. За два с половиной года эпидемии Covid-19 в Москве болезнь унесла 44 546 человек. Это – **0,34** % от официальной численности москвичей. Иными словами, по отношению ко всему населению города в Провене погибло в десять раз больше людей, чем в Москве за втрое больший срок.

Случившееся в Провене было тяжёлым испытанием, но не катастрофой. В приходе Сент-Коломб, где служил викарий Жером Сажо, вымерло четыре пятых населения. В Шалостр-ла-Гранд, откуда болезнь потом была занесена в район Нижнего города булочником Фаруэ, умерла половина жителей.

Подведём итоги нашего изучения вспышек чумы в столице и в провинции.

– При том, что о чуме общество было неплохо осведомлено, её распознают не сразу, слишком разными оказались её первоначальные симптомы, и лишь позже они складываются в одну картину болезни (в данном случае таким определяющим признаком служит появление бубонов). Инкуба-

[7] Она была разведённой («оставленной») женой, с детьми на руках. Ещё в 1580 г, когда Атон рассказывает о смерти в Гарла молодого хирурга Тибо, он нехотя сообщает о том, что ходили слухи, будто тот развратничал с Бикетьер. Возможно, однако, что хирурги были недовольны её самостоятельной (и потому незаконной) медицинской практикой. Во всяком случае, муниципалитет отказался нанимать её на службу.

ционный период определяется сроком от недели до десяти дней. Не менее сложно было определить окончание эпидемии, которая двигалась волнами, постепенно затухая.

– После того, как чума становится явной, формируют корпус чумных докторов – хирургов и цирюльников. Они относились к «группе риска», и смертность среди них была высока, несмотря на все меры предосторожности. Остро стоял вопрос об их мотивации – им сулили неплохую оплату, но порой чумных докторов выбирал жребий, а тем, кто был не согласен с выпавшей долей, грозил суд. Часто привлекали «практикантов» – начинающих хирургов, которым сулили льготные условия для вступления в корпорацию. Чумным докторам помогали женщины, исполнявшие роль «сестёр милосердия».

– Лечили в основном от симптомов – вскрывали бубоны скальпелем, накладывали мази на раны. Иногда это помогало. Самым действенным было своевременное выявление заболевших, их изоляция, соблюдение карантинных мер. Выделялось место для чумного барака, где больным предоставлялись уход, питание и даже духовное окормление.

– Все вышеперечисленные меры экстренно требовали немалых расходов. При том, что французское общество времен Генриха III болезненно относилось к фискальным требованиям короны, «чумные деньги» собирались относительно быстро и безропотно – налоги раскладывались на всех, даже на самых привилегированных обитателей города. В необходимости расходов никто не сомневался.

– Соблюдение карантинных мер сулило немалые потери: сворачивалась экономическая активность, отменялись ярмарки, перекрывались торговые пути. Однако находились и те, кто стремился нарушить запреты.

– Эпидемия выдвигала этические дилеммы. Бежать «быстро, далеко и надолго» или оставаться исполнять свой долг. Этот вопрос стоял и перед парижанами, и перед жителями Провена. Но рассказ Клода Атона даёт возможность увидеть, как вырабатывалась авторская позиция по этому вопросу. В 1580 г. он видел в происходящем кару Господню, обрушившуюся на всех за грехи рода людского. Через два года у него ненавязчиво, но вполне определённо проступает этическое объяснение заболеваний. Жертвами становятся те, кто это заслужил: алчный булочник Фаруэ, хирург-вымогатель Жан Николя, спесивый гугенот Дури и те жители Верхнего города, которые пытались бежать из Провена. Те же, кто, уповая на Бога, честно помогают ближним, могут рассчитывать на спасение от болезни – молодой хирург из Парижа, отважный викарий из зачумлённой деревни, сердобольная соседка Жигора, с риском для жизни спасшая младенца, «добрая кумушка» Бикетьер да, пожалуй, и сам Клод Атон. Убедительных медицинских доказательств этого мнения, разумеется, не было. Но предполагаемый читатель или слушатель Атона обретал какие-то ориентиры перед лицом неизвестности.

В целом люди XVI века как-то смогли адаптироваться к эпидемической угрозе. И если нам их действия могут показаться нелепыми, то это только до той поры, пока мы сами не столкнёмся со страшной болезнью, природа которой нам не до конца понятна.

Список литературы

Бергер Е.Е. Чёрная смерть // Всемирная история в 6 тт./ Отв. ред А.О. Чубарьян М.: Наука, 2019. Т. 2. Мир в Средние века / Под ред. П.Ю. Уварова. С. 671–678.

Виллани Д. Новая Хроника /пер. и комм. М.А. Юсима / Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XVI веков. Сборник документов / Отв. ред Е.Е. Бергер и П.Ю. Уваров. М., 2000. С. 25–30.

Гринберг М. Последняя осада Каффы (1346–1347) ханом Джанибеком и Чёрная Смерть: К вопросу о достоверности источников и о хронологии // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. Казань, 2018. С. 75–89.

Левчик Д.А. Пандемии и общество: социальные и политические последствия главных пандемий в истории человечества от «Юстиниановой» чумы до ковида. СПб.: «СУПЕР» Издательство, 2022.

Мак-Нил У. Эпидемии и народы / Пер. Н. Проценко. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021.

Мишаненкова Е.А. Чумазое средневековье. Мифы и легенды о гигиене. М.: АСТ, 2020

Паре А. Трактат о чуме / пер. и комм. Е.Е. Бергер // Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XV вв. / сб. документов под ред. Е.Е. Бергер и П.Ю. Уварова. М.: ИВИ РАН. 2020. С. 133–162 (Приложение к журналу «Средние века». Вып. 11)

Петрушевский. Д.М. Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии. М.: Соцэкгиз, 1937.

Уваров П.Ю. Чума 1580-х голов во Франции: Взгляд из столицы и взгляд из провинции // Французский Ежегодник. 2021 / Под ред. А.В. Чудинова. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 9–42.

Babelon J.P. Paris au XVI siècle (Nouvelle histoire de Paris). Paris: Hachette, 1986.

Baillou G.de Les moyens et advis pour prévenir & remédier à la maladie dangereuse, requis par Messieurs de la police à Messieurs de la Faculté de médecine, & à eux présentez par le doyen d'icelle le deuxiesme mars. Paris, 1581.

Baillou G.de. Les Deux livres des Épidémies et Éphémérides /Introduction et notes de Joël Coste, Texte établi et traduit par: Hélène Maggiori, Joël Coste. Paris: Belles-letters, 2021.

La Fosse J. de. Journal d'un cure ligueur de Paris sous les trois derniers Valois /éd. par Edouard de Barthélemy. Paris: Didier & C, 1865.

L'Estoile P. de. Mémoires-journaux (1574–1611). Edition pour la première fois complète et entièrement conforme aux manuscrits originaux /par G. Brunet, A. Champollion, E.Halphen. Paris: Lemaitre, 1875–1896 12 vol.

Haton C. Mémoires 1553-1582/ éd. Intégrale sous la dir.de Laurent Bourquin. Paris: Paris : Comité des travaux historiques et scientifiques, 2001-2007 t 1-4.

Huppert G. After the Black Death: A Social History of Early Modern Europe. Bloomington : Indiana University Press, 1986.

Paré A. Traicté de la peste, de la petite Verolle & rougeolle : avec une brefve description de la lepre… a Messieurs les Prevost des Marchans & Eschevins de ceste ville de cesteville de Paris. Paris : G. Baon, 1580.

Postan M. Essays on Medieval Agriculture and General Problems of the Medieval Economy. New York: Cambridge University Press, 1973.

Registres des délibérations du bureau de la ville de Paris / publiés par les soins du Service historique т. 8. 1576-1586. Paris: Imprimerie Nationale, 1896.

Часть 2

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Гуманитарные науки в эпоху цифровизации» (15 апреля 2021 г.)

Параллельный корпус латинских и русских текстов: задачи и перспективы

И.М. Егоров, Н.Н. Казанский, М.Л. Кисилиер

Аннотация. *В 2020 г. в Институте лингвистических исследований РАН началась работа над параллельным латинско-русским корпусом текстов. Корпус основан на лучших и вошедших в отечественную культуру переводах, снабжён разметкой, позволяющей использовать гибкие алгоритмы поиска и анализа, открывая доступ к богатейшему лингвистическому материалу с перспективой исследования в области рецепции античной литературы и её влияния на отечественную культуру.*

Предполагается полная совместимость с НКРЯ и одновременно – возможность подключения латинского материала с полной филологической обработкой. На российской почве данный корпус, по сути, оказывается первым большим параллельным изданием латинских авторов, снабжённым целым спектром возможностей для сопоставления большого объёма материала с учётом очень разных параметров (включая рукописную традицию). Одна из важнейших особенностей готовящегося параллельного корпуса латинских и русских текстов – это комплексный подход, основанный на совмещении самых современных достижений корпусной лингвистики и традиционных методов классической филологии. В статье описаны принципы сочетания методов и возможности, которые открывают и перед исследователями, и перед «рядовыми» пользователями принципиально новые возможности, остававшиеся недоступными до сих пор.

Ключевые слова: *корпусная лингвистика, параллельный корпус, филологический корпус, корпус латинского языка, Национальный корпус русского языка.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.006

1. Введение

Бурное развитие лингвистики во второй половине XX в. и стремление приблизить её к естественным и точным наукам привели к возникновению целого ряда дисциплин прикладного характера и междисциплинарных направлений, в частности – корпусной лингвистики. На данный момент едва ли возможно представить серьёзный лингвистический анализ без использования корпусных данных. Для многих языков создаются корпуса, и часто для одного языка существует более одного корпуса (ср. [*Архангельский*,

Кисилиер, 2018]). Использование корпусных методов исследования не только позволяет количественно и статистически верифицировать выводы, но описать особенности, которым прежде не уделялось должного внимания (напр., [*Елоева*, *Кисилиер*, 2020]). В настоящей статье речь пойдёт о новом типе корпуса – одновременно являющимся филологическим и параллельным (латинско-русским), который сейчас разрабатывается в ИЛИ РАН. Предполагается, что этот корпус может использоваться как самостоятельно, так и в качестве параллельного к Национальному корпусу русского языка.

Перед тем как определять возможности и задачи параллельного корпуса латинских и русских текстов (раздел 4), стоит вкратце указать, что такое филологический корпус вообще и для чего он необходим (раздел 2). Поскольку для латинского языка уже существуют несколько корпусов, имеет смысл также их перечислить, дав краткое описание (раздел 3).

2. От лингвистического корпуса к филологическому

Первые корпусы возникли в 1960-е годы и в основном служили для получения статистических данных. Они едва ли могли оказаться полезными при проведении лингвистического исследования, в том числе и из-за своих сравнительно небольших размеров (ср. [*Kučera*, *Nelson*, 1967]). В 1990-е гг. начали разрабатываться корпусы «нового типа», которые позволяют получать не только разнообразные количественные данные, но и обеспечивают многовариантный поиск по широкому спектру языковых параметров, в т. ч. и по грамматическим и семантическим характеристикам.

История знаменитого корпуса древнегреческого языка Thesaurus Linguae Graecae (TLG) в целом отражает этапы развития корпусной лингвистики. TLG начал разрабатываться ещё в 1972 г. в университете Калифорнии как электронная библиотека. Его первые версии появились на кассетах, а с 1985 г. стали издаваться компакт-диски. В 2004 г. корпус был переведён в интернет (http://stephanus.tlg.uci.edu), что, с одной стороны, позволило значительно расширить хронологические рамки, добавить разные варианты поиска[1], словари[2], метаданные[3], возможность просмотреть все формы, представленные в корпусе и их географическую дистрибуцию (см. также [*Архангельский*, *Кисилиер*, 2018]). Тогда же в Packard Humanities Institute был создан набор латинских текстов (PHI-5), содержащий тексты архаического и классического времени.

Размер корпуса в настоящее время обычно составляет от нескольких десятков до нескольких сотен миллионов словоупотреблений. Например, в Британском национальном корпусе (British National Corpus, https://www.english-corpora.org/bnc/) – 100 млн словоупотреблений, в уже упомянутом TLG – более 105 млн, а в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ, http://ruscorpora.ru/) – свыше 600 млн. Существуют корпусы объёмом от

[1] В первую очередь речь идёт о поиске: по лексеме и по лемме.
[2] Это словари древнегреческого [Liddell et al., 1996] и новогреческого [Τριανταφυλλίδης, 2009] языков.
[3] К метаданным, в частности, относится информация об авторе, название текста и время его создания.

1 миллиарда, тексты для которых подготавливаются уже не группой специалистов, а собираются автоматически из интернета. Таким, в частности, является Греческий интернет-корпус (The Greek Web Corpus, elTenTen, https://www.sketchengine.co.uk/eltenten-greek-corpus/) объёмом 1,6 млрд слов[4].

Последние десятилетия принято считать, что без использования корпуса крайне трудно верифицировать лингвистические данные, поэтому число корпусов постоянно растёт. В нашей стране значительная часть корпусов создана при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Корпусная лингвистика» (2011–2015 гг., руководители академик РАН Вяч. Вс. Иванов и академик РАН В.А. Плунгян); некоторые корпусы разрабатывались при поддержке отдельных институтов Российской академии наук[5]. У перечисленных корпусов, как и у НКРЯ, есть одна важная общая особенность – большая часть задач решается не автоматически, а вручную. У такого подхода есть множество плюсов (главный – высокая точность интерпретации при использовании полностью обработанного материала), но нельзя не указать и на три существенных минуса: (1) трудоёмкость, (2) временные затраты, (3) стоимость. В связи с этим в последнее время всё чаще предпринимаются попытки перейти к полностью автоматизированному процессу, когда за основу берутся универсальные библиотеки и к ним применяется т. н. машинное обучение для конкретного языкового материала (ср. [*Lameris*, *Stymne*, 2021]). Подобный подход представляется в первую очередь продуктивным для языков и диалектов, не имеющих литературной традиции, и, таким образом, может в значительной степени упростить обработку полевых материалов.

Справедливости ради стоит отметить ещё одну проблему, которая может возникнуть при проведении корпусного исследования: иногда к корпусу относятся не просто как к очень важному и удобному инструменту поиска, а как к способу верификации данных, не требующему обращения к другим источникам или дополнительной проверки. Это порой приводит к различным казусам или даже не вполне верным выводам. Проиллюстрировать это можно на примере поискового запроса «нечаянная радость» в НКРЯ. Согласно НКРЯ, данное выражение впервые встречается в именительном падеже у Д.С. Мережковского («Пётр и Алексей», 1905 г.), в родительном/дательном – в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина (1793 г.), а в винительном падеже – у Д.И. Фонвизина в «Иосифе» (переводе французской поэмы П.Ж. Битобе, 1769 г.). Таким образом, если ориентироваться исключительно на НКРЯ, выражение появилось в третьей четверти XVIII в. Однако в русской

[4] Данные приводятся на август 2014 г. В дальнейшем корпус перестал разрабатываться.

[5] Здесь приводятся некоторые из созданных в ИЛИ РАН: Албанский национальный корпус (31,12 млн словоупотреблений, http://albanian.web-corpora.net/index_ru.html, руководитель проекта А. Ю. Русаков), корпус языка идиш (11,3 млн словоупотреблений, http://web-corpora.net/YNC/search/index.php?interface_language=ru, руководитель проекта М.Л. Кисилиер), корпус осетинского языка (12 млн словоупотреблений, http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru, руководитель проекта А.П. Выдрин), корпус греческого языка (37,5 млн словоупотреблений, http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru, руководитель проекта М.Л. Кисилиер).

иконографической традиции хорошо известна Божья Матерь «Нечаянная радость», образ которой, по-видимому, возник под влиянием рассказа, описанного Димитрием Ростовским в «Руне орошенном» (1683 г.). Вероятно, если обратиться к русской агиографической традиции, окажется, что выражение, хотя, возможно, и не совсем в искомом виде, возникло ещё раньше.

Описанная ситуация ни в коей мере не показывает недостатки корпуса. Она лишь оттеняет недостаток филологической культуры исследователя и/или вполне естественное желание найти быстрый и однозначный ответ, используя корпус для решения несвойственных для корпуса задач. На сегодняшний момент корпусы даже при работе с литературными текстами по разным причинам не учитывают разночтения и не дают возможности ознакомиться с комментариями. Например, при работе с TLG негласно предполагается, что исследователь должен сверить найденный в корпусе фрагмент текста с добротным современным изданием, ознакомиться с приведённым в нём критическим аппаратом и при необходимости обратиться к существующей справочной литературе. Выполнение всех этих этапов превращает получение верифицированного результата в достаточно длительный процесс. В эпоху цифровых технологий неизбежно стремление упростить описанную процедуру, позволив исследователю при обращении к корпусу ознакомиться не только с перечнем употреблений того или иного слова или выражения, но и получить доступ к культурному и филологическому наследию, прямо или косвенно связанному с предметом поискового запроса. Корпус, отвечающий подобным требованиям, не может состоять только из библиотеки текстов и поискового движка, а должен представлять собой разветвлённую информационную сеть (базу знаний), частично выходящую за пределы самого корпуса и обращающуюся к разнообразным (причём не только текстовым) источникам. Такой тип корпуса можно условно назвать филологическим (подробнее см. [*Казанский*, 2016]).

3. О корпусах латинского языка

Пока ещё трудно привести пример в полной мере функционального филологического корпуса, однако определённые шаги в обозначенном направлении уже есть. Среди классических филологов хорошо известен ресурс Catullus Online (http://www.catullusonline.org/CatullusOnline/index.php), где опубликованы все известные тексты Катулла, конъектуры к ним, важнейшие цитаты из Катулла, встречающиеся в античности, а также цветные и иногда специальные (например, в инфракрасном диапазоне) фотографии дошедших рукописей.

Филологическая составляющая частично присутствует и в корпусе латинского языка Perseus Digital Library (https://www.perseus.tufts.edu/hopper/collections), в основе которого лежит не только оцифрованная библиотека латинских текстов, но и схолии и комментарии, правда, представленные отдельно от авторов и произведений, к которым они относятся, и полноценный поиск по ним не предусмотрен. Важно отметить, что грамматический поиск в Perseus Digital Library возможен не только по словоформе, но и по лемме (то есть возможен поиск всех форм искомой лексемы), причём грамматический анализатор выдает все грамматические интерпретации любого слова в примере, иллюстрирующем результаты поиска.

Остальные корпусы латинского языка лишены филологической составляющей. Укажем два наиболее известных.

1. **PHI Latin Texts** (https://latin.packhum.org/search) включает в себя практически все латинские литературные тексты, написанные до 200 г. н. э. Стоит отметить важную особенность поискового движка – поиск ведётся не по словам, а по последовательности букв, то есть при поисковом запросе vim в результатах будет и *vim* ‘сила’ (acc.sg), и *na**vim*** ‘корабль’ (acc.sg), и *audi**vim**us* ‘[мы] услышали’ (1pl.prf), и *pa**vim**entum* ‘каменный пол’ и проч.

2. Проект **Musisque Deoque** (http://mizar.unive.it/mqdq/public/) представляет собой латинский поэтический корпус от римского периода до итальянского возрождения.[6] Помимо поиска по словоформам и леммам, здесь можно задавать разнообразные метрические параметры (стихотворный размер, позиция в строке и проч.),[7] искать словосочетания, отчасти определяя позицию между его компонентами.

Особенности упомянутых корпусов латинского языка можно представить в виде таблицы (Табл. 1).

Табл. 1. Особенности корпусов латинского языка

Корпус	*Грам. анализ.*	*Поиск по лемме*	*Поиск группы слов*	*Синтакс. поиск*	*Метрич. поиск*	*Коммент. и схолии*
Perseus Digital Library	+	+	+	–	–	–/+
PHI Latin Texts	–	–	–	–	–	–
Musisque Deoque	–	+	+	+	+	–

Во всех трёх корпусах, приведённых в Табл. 1, имеется доступ к полному тексту, но отсутствует грамматический поиск (то есть нельзя указать грамматические параметры, например, acc.sg, а не вводить в поисковый запрос конкретную словоформу). Кроме того, ни в одном из корпусов не снята грамматическая омонимия. Так, при поиске леммы *laudo* ‘хвалить’ среди результатов обнаруживаются следующие примеры:

(1a) *magn-am* <…> laud-em
большой-F.SG.ACC похвала.OBL-SG.ACC
‘великая <…> похвала’ (Perseus Digital Library)

(1b) *ver-am* *laud-em*
истинный-F.SG.ACC похвала.OBL-SG.ACC
‘истинная похвала’ (Musisque Deoque)

[6] Латинская поэзия средневековой Италии и периода Ренессанса представлена в подкорпусе «Poeti d’Italia in lingua latina tra Medioevo e Rinascimento» (http://mizar.unive.it/poetiditalia/public/).

[7] Для анализа метрики используется специально разработанный анализатор Pedecerto (http://www.pedecerto.eu/public/), который можно использовать и отдельно для анализа латинской метрики.

Ошибка объясняется тем, что аккузатив от *laus* ‘похвала’ омонимичен конъюнктиву 1 л. ед. ч. от глагола *laudo* (обе формы выглядят как *laudem*).

Грамматическую омонимию можно считать одной из основных проблем при разработке корпусов флективных языков. Отдельные случаи разрешаются автоматически [*Kisilier*, *Nikolaenkova*, 2020],

ср. (2) *mea mater*, *mea pater*, *filium vestrum lupus est*

‘иди, мать, иди, отец, вашего сына ест волк’ [*Schaps*, 2011: 16]

Пример (2) представляет собой знаменитую латинскую обманку с омонимами (или точнее омографами) *mea* ‘моя’ и ‘иди’ и *est* ‘[он] есть’ и ‘ест’. Если *mea* в *mea mater*, можно принять за местоимение, то в mea pater такая интерпретация невозможна, так как *pater* – существительное мужского рода, а местоимение *mea* – женского. Аналогичным образом *est* не может быть формой от глагола ‘быть’, поскольку управляет прямым дополнением *filium vestrum*.

Во многих же случаях снятие омонимии крайне трудно без обращения к контексту и без привлечения редактора-человека. Как показывает опыт, снятие омонимии «вручную» – достаточно непростая задача, требующая длительного и кропотливого труда, и практически ни в одном из существующих корпусов проблема грамматической омонимии не решена полностью.

4. Параллельные корпусы

Снятие грамматической омонимии и создание филологического корпуса кажутся совершенно разными, никак не связанными друг с другом задачами. Однако некоторые ключевые шаги по их решению оказываются тесно связанными. И одним из таких шагов можно считать создание параллельного корпуса. Параллельные корпусы позволяют сравнивать один и тот же текст на нескольких языках и регулярно создаются в виде подкорпуса какого-либо языка. Например, в НКРЯ есть 19 параллельных подкорпусов (Табл. 2) и один многоязычный подкорпус объёмом более 5 млн словоупотреблений (подробнее см. [*Сичинава*, 2015]).

Табл. 2. Параллельные корпусы в НКРЯ

Подкорпус	*Объём (количество словоупотреблений)*
английский	34570003
армянский	2189321
башкирский	550243
белорусский	10916835
болгарский	5322657
бурятский	352140
испанский	2343769
итальянский	4909494
китайский	3642569
латышский	3362404

литовский	705010
немецкий	28777994
польский	6355053
украинский	9383922
финский	1779041
французский	5669216
чешский	1497183
шведский	12204215
эстонский	725014

Как представляется, именно параллельность корпуса может оказать содействие при снятии грамматической омонимии как при работе редактора-человека, который сможет при работе учитывать перевод/переводы наравне с контекстом, так и при создании автоматизированных алгоритмов и машинном обучении. Так, одной из проблем латинского корпуса является совпадение многих именных флексий, ср. с примером из Тита Ливия (I.1):

(3) *Iam primum omnium satis constat Troia capta…*

‘Прежде всего достаточно хорошо известно, что по взятии Трои…’[8]

Формально Troia capta может быть и номинативом, и аблативом, а поскольку сказуемое представляет собой глагол в 3 л. ед. ч., при автоматическом снятии омонимии данное выражение, скорее всего, будет интерпретировано как номинатив, а не как независимый причастный оборот в аблативе. Привлечение перевода позволяет расширить критерии анализа[9] и облегчить редактирование вручную.

Чаще всего параллельные корпусы работают с литературными текстами, поскольку именно для них существуют переводы на другие языки. Таким образом, при создании филологического корпуса можно ориентироваться не только на оригинал, но на и перевод. Именно это используется в параллельном корпусе латинских и русских текстов, который начали разрабатывать в ИЛИ РАН в 2021 г.

5. Проект ИЛИ РАН: технические характеристики

С точки зрения технической реализации система (Corpus Latino-Rossicum – CLR) представляет из себя серверную часть с открытым программным интерфейсом и клиентские части: CLR-редактор[10] и CLR-сайт (поисковый интерфейс, адрес текущей версии: https://clr.iling.spb.ru). Открытый программный интерфейс делает возможным обмен динамическими

[8] Пример и перевод взяты с сайта http://lingvo.asu.ru/latin/texsts/livy01.html#1.

[9] В частности, в переводе искомое выражение оказывается в придаточном предложении, а глагол-сказуемое – в главном.

[10] Функции CLR-редактора: токенизация, морфологический разбор латинского, греческого и русского текстов, сопоставление оригинала с несколькими переводами и комментирование.

данными с другими заинтересованными системам и приложениями. Система позволяет экспортировать обработанные статические данные в формате параллельного корпуса НКРЯ.

Для морфологического разбора система использует данные сторонних сервисов: для латинского и греческого языков – Morpheus проекта Perseus Digital Library (http://www.perseus.tufts.edu), для русского – MyStem (https://yandex.ru/dev/mystem). Получаемые от сторонних морфологических сервисов данные сохраняются в системе, редактируются и формируют собственную морфологическую базу. Система автоматически определяет словоформы, различным образом помечая однозначные и многозначные. Она не предполагает алгоритмов автоматического снятия омонимии. Более того, даже однозначно определённые формы должны быть приняты редактором сознательно. Если же редактор решил, что та или иная однозначная форма справедлива для данного текста или языка в целом, он может создать правило, позволяющее автоматически принимать эту форму для конкретного текста или языка.

Сопоставление оригинальных и переводных фрагментов происходит в полуавтоматическом режиме: несмотря на то, что фрагменты сопоставляются автоматически по индексу, принятому в изданиях классических авторов, редактор имеет возможность более точного соотнесения контекстов. В части комментирования предполагаются следующие типы: реальный, лингвистический и критический.

Поисковый интерфейс (CLR-сайт) в текущей реализации предполагает следующие варианты поиска: определённой словоформы; всех словоформ леммы; словосочетания; словосочетания с интерпозицией; с учётом морфологических признаков; с учётом определённых произведений. Языки поиска: латинский, греческий и русский. Результат поиска: найденные фрагменты с параллельными текстами; маркированные искомые формы; все определённые формы сопровождаются морфологической справкой.

Для первого этапа было решено ограничиться наиболее значимыми прозаическими латинскими текстами классического периода римской литературы и в качестве параллели использовать соответствующие им русские переводы, обладающие несомненными литературными достоинствами: всего 14 авторов, 48 произведений и переводов.

6. Особенности Corpus Latino-Rossicum. Проблемы комментирования

Параллельный корпус латинских и русских текстов строится на тех же теоретических основаниях, что и другие параллельные корпусы, входящие в НКРЯ, за одним серьёзным исключением. Важное отличие заключается в том, что для живого языка молчаливо предполагается, что пользователь всегда правильно понимает текст, а сам текст не нуждается в серьёзном комментарии. С античными текстами дело обстоит иначе. Часто при работе с ними большинство комментариев не могут быть отнесены к конкретному предложению или строке, выражению или слову. При подготовке бумажных изданий эта проблема вообще казалась неразрешимой. Корпус открывает

новые возможности, позволяя не ограничиваться реальным комментарием и устанавливать разные типы связей между комментарием и текстом.

Проиллюстрируем это на примере небольшого комментария к известному стихотворению Катулла (Catul. 7, 1-7), которое неоднократно переводилось на русский язык. Русский текст, насколько можно судить, трудностей на поверхностном уровне не вызывает, однако М.Л. Гаспаров специально указывал: «Переводы упрощают Катулла, нивелируют его язык под современный, устоявшийся, гладкий и лёгкий. А на самом деле в нём соседствуют высокие архаизмы и словечки из модного разговорного языка, галльские провинциализмы и обороты, скопированные с греческого, тяжёлая проза и новые слова, сочинённые самим Катуллом. Киренский край он вычурно называет “асафетидоносным” (№ 7), буйство – на греческий лад “вакхантством” (№ 64) и в то же время в знаменитых стихах о поцелуях (№ 5 и 7) называет поцелуй не по-столичному, *suavium*, а по-областному, *basium*, просторечными же уменьшительными словцами у него пестрят все страницы: не глаза, а глазки; не цветок, а цветик; не друг, а дружок; не Септимий, а Септимчик. Некоторые особенности просвечивают даже в переводе: когда большое стихотворение № 65 укладывает 24 длинные строки в одну-единственную фразу с множеством сочинений, подчинений и перебивок, то здесь трудно не почувствовать педантствования, а когда поэт вновь и вновь называет себя в третьем лице, не “я”, а “твой Катулл” и пр. (№ 13; 14; 38; 44 и т. д.), то здесь трудно не почувствовать жеманничанья. Перед нами как бы плавильная печь, в которой выплавляется, но ещё не выплавился латинский поэтический язык. Катулл знает, какова его цель: изящество, лёгкость и соразмерность; но какие нужны для этой цели средства, он не знает и пробует то так, то иначе» [*Гаспаров*, 2021: 197]. Этими замечаниями М.Л. Гаспаров предвосхищает переводы С.В. Шервинского.

(3a) Первод С.В. Шервинского:

Спросишь Лесбия, сколько поцелуев
Хватит мне и вполне, что за вопросы?
Сколько в мире лежит песков ливийских
В смолоносной, сильфической Кирене,
Меж оракулом, где Юпитер знойный,
И могилою древнебога Батта,
Столько звёзд в тайниках молчащей ночи

(3b) Катулл VII:

Quaeris, quot mihi basiationes
tuae, Lesbia, sint satis superque.
quam magnus numerus Libyssae harenae
laserpiciferis iacet Cyrenis,
oraclum Iovis inter aestuosi
et Batti veteris sacrum sepulcrum;
aut quam sidera multa ...

Комментарий

Как в современном, так и в античном (в данном примере – в латинском тексте поздней республики) мы можем определить признаки нейтральной, официальной или неофициальной речи, даже просторечия и получить представление об интенциях автора (подробнее о различных аспектах лексического значения слова см. в [Казанский, 2022: 23–25]).

1) Обычно при успешном речевом акте следующая реплика должна «совпадать денотативно и сигнификативно с заданным вопросом», так что «неизвестный говорящему элемент денотата вопроса в ответе должен быть замещён конкретной денотативно-сигнификативной информацией», а сама «реплика должна иметь коммуникативную цель сообщения» [*Кобозева*, *Татевосов*, 2019: 174]. Например, вопрос Лесбии, заданный Катуллу – *Quaeris quot mihi basiationes tuae, Lesbia, sint satis superque,* – включает слово *basiationes*, что вместе с достаточно простым синтаксисом передаёт непринуждённую разговорную манеру Лесбии, на вопрос которой *poeta doctus* отвечает учёным исчислением песчинок на побережье Африки от Кирены до святилища Батта и звёзд на небе, но тут же вплетает простонародное и сохранённое в романских языках[11] слово *basium* в *figura etymologica: basia ... basiare.*

Уже Эллис в своём комментарии отмечал [*Ellis*, 1886: 17], что basiationes tuae следует понимать не как «поцелуи от тебя», а как «поцелуи для тебя» (“‘kissings of you’ not ‘from you’”). Здесь мы имеем различие, связанное с противопоставлением, похожим на двусмысленность латинского родительного падежа, который – в отличие от русского языка – одним и тем же выражением *amor patris* передаёт и ‘любовь отца’ и ‘любовь к отцу’. Следует также отличать слово *basium* от на первый взгляд синонимичного *osculum*. На самом деле последний скорее передаёт ‘целование’, а не ‘поцелуй’. Как заметил Сервий в комментарии к Энеиде Вергилия, «Следует понимать, что *osculum* относится к религиозному почитанию, а *sauium* – к желанию: кто угодно может дать детям поцелуй (*osculum*), жене – *basium*, любовнице – *sauium*».[12] Существовал также *Ius osculi*, позволявший достаточно дальним родственникам прилюдно поцеловать находившегося с ним или с нею в родстве.

Стихотворение Катулла позволяет расслышать интонацию Лесбии, хотя её вопрос только пересказан, и ответ Катулла, изысканно-шутливый в первой «учёной» части и заботливо-суеверный в конце, где неслучайно упоминаются любопытствующие и «злой язык».

Совершенно очевидно, что денотат здесь относится к исключительно личной сфере [*Апресян*, 1995], допускающей, впрочем, возможность упо-

---

[11] Фр. *baisé* представляет собой заимствование из латинского языка в XII в. Заметим, что в современном французском употребляется исключительно как эвфемизм.

[12] *Sciendum osculum religionis esse, sauium uoluptatis: quamuis quidam osculum filiis dari, uxori basium, scorto sauium dicunt* (Servius. Aen. I. 260).

требить вместо *basiatio* синонимичное *osculatio*[13], содержащее тот же суффикс, но представленное только в составе простонародного выражения *seges osculationis* (Cat. 48, 6) ‘жатва поцелуев’[14].

Важно при этом подчеркнуть, что (в отличие от *basiare*) глагол *osculare* ‘целовать’ может относиться и к публичной сфере, описывая благословение, которое дают детям, и любое знаковое целование. Можно видеть, что различие заключается не только в синтаксической сочетаемости (валентности) слова, но и в уместности его употребления в определённой ситуации, что́ уже полностью относится к прагматике. Таким образом, лексическая семантика изучает значение слов как единиц языка (лексем) и значение словоупотреблений как единиц речи.

2) Бесконечное число в фольклорных текстах часто выражается сравнением «сколько звёзд на небе, сколько волос на голове, сколько песка». Катулл как *poeta doctus* вводит в свой ответ Лесбии указание на мифологическое предание, а не просто отсылает к греческому источнику. Уже у Гомера Ахилл заранее отказывается от даров Агамемнона, даже если бы их было как песка и пыли (οὐδ’ εἴ μοι τόσα δοίη ὅσα **ψάμαθός τε κόνις** τε (Il. 9. 385). С песком и листами деревьев сравниваются бесконечные войска троянцев – λίην γὰρ **φύλλοισιν ἐοικότες** ἢ **ψαμάθοισιν** (Il. 2. 800). Когда нужно сказать о чём-то совершенно неисчислимом, Пиндар говорит, что число это превосходит число песчинок – ψάμμος ἄριθμὸν περιπέφευγεν (Pind. Ol. 2, 98).

Когда Каллимах (Callimach. *H. Dianae* 3) сообщает, что Лигдамид привёл «войско равное пескам» (στρατὸν … ψαμάθῳ ἴσον), он имел в виду невероятное число воинов, неисчислимое, как песок. Это большое число песчинок упоминает и Катулл *Magnus numerus harenae*, причём также как по-латыни можно сказать *numerus uini* (Phil. II. 27. 66), *frumenti, olei, fici, etc.*, где генитив обозначает субстанцию, а numerus – исчисление в принятых мерах. *Harena* не просто обозначение несчётного множества песчинок[15].

3) Географическое название *Libyssa* вместо обычного *Africa* или Λυβία отсылает к эллинистической поэзии – к «Гимну Аполлону» Каллимаха (Callimach. H. Apoll. 85).

4) В 67 г. до н. э. Рим объединил Киренаику с Критом в единую провинцию. Можно думать, что и о-в Фера (совр. Санторин) входил в эту новую провинцию. В основе новой объединённой провинции могли быть не только экономические соображения, но и мифологические и общекультурные

---

[13] Ср. исследование Ф. Моро [*Moreau,* 1978], который показывает, что у Катулла *basium* имеет значение любовного поцелуя в отличие от поцелуя, имевшего социальный смысл как поцелуй у Гомера (φίλημα) и в ранних гимнах Ригведы. Римский *ius osculi*, распространявшийся на родственников до шестой степени родства (ἕως ἐξανεψιῶν по Полибию), первоначальный смысл которого не совсем ясен, сохранялся как социально регламентированный обычай вплоть до времени Юлиев-Клавдиев.

[14] Слово *seges* стилистически маркировано при обозначении обильно получаемого, ср. плавтовскую *stimulorum seges* ‘жатву побоев’.

[15] Мн. ч. не употребляется, как отметил ещё Юлий Цезарь в трактете «De Analogia», который цитировали много позднее, например, Авл Геллий (Gell. N. A. 19.8.3).

представления, имевшие культурное значение далеко за пределами Крита и Ливии: согласно преданию, Батт был минийцем с о-ва Феры, сыном Полимнестора. В момент объединения население Киренаики традиционно делилось на 3 трибы (RE XII Sp. 161), первую из которых составляли выходцы Феры и периэки, вторую – переселенцы из Пелопоннеса и с Крита, а третью – жители других островов, от Родоса до Киренаики. Стихотворение появилось тогда, когда политическое решение только что было принятно римским Сенатом, так что, как можно видеть, материал для сравнения Катулл соотносит с политическими решениями, принятыми Римским правительством.

5) Сильфий[16] представлял собой культурное растение, распространение которого ограничивалось Киренаикой, которую называли поэтому σιλφιοφόρος (Eustath. Dion. perieg. 787). Растение очень ценилось и как лекарство и как пища. Название этого растения Катулл передаёт по-латыни, но сохраняет двусоставный эпитет для Кирены, калькируя σιλφιοφόρος как *laserpicifera*.

6) В стихотворении несколько спутана география: например, святилище Амона, греками понятое как храм Зевса, передано как храм Юпитера.

7. Corpus Latino-Rossicum и лексикография

Создание параллельного корпуса латинских и русских текстов может напрямую повлиять на двуязычную лексикографию. Сейчас Россия как никогда нуждается в подготовке нового издания словаря, основанного полностью на контекстах. Например, у Тита Ливия Камилл, обращаясь к воинам, говорит:

(4) *hostem an me an uos ignoratis? hostis est quid aliud quam perpetua materia uirtutis gloriaeque uestrae?*
‘Вы не знаете противника, меня или себя? Разве противник стал чем-то иным, чем обычная materia вашей доблести и славы’ (Liv. 6. 7. 3)

Словосочетание *perpetua materia* обозначает материальное препятствие, вновь и вновь возникающее в каждом столкновении с противником. Поэтому Камилл говорит, что противник есть только ***materia*** *uirtutis gloriaeque*. Обыгрываются сразу два значения: «материя доблести» обозначает, что противник только нечто, материализовавшееся как предмет приложения доблести. Одновременно противник оказывается ***materia*** *gloriae* для римлян уже потому, что приносит римлянам заслуженную славу. Ясно, что при передаче на русском языке ни *вещество* (первичное), *ни склонность*, ни все другие значения никак не описывают точное латинское выражение. Ближе всего к контекстуальному значению оказывается русское слово *оселок*. Такого значения мы не найдём словарях, но не исключено, что для описания семантики слова оно пригодится.

[16] Σίλφιον – сильфий, ферула мавританская (*Ferula tingitana*), использовался и в еде, и при залечивании ран.

8. Заключение

Создание параллельных корпусов и работа с ними – важное направление компьютерной лингвистики. Сопоставление оригинала с переводом/переводами может быть полезно не только для исследователя-пользователя, но и для развития самого корпуса. Как уже было указано в статье, параллельные корпусы могут способствовать снятию омонимии и расширению базы комментариев. Корпус латинского языка с параллельными русскими текстами позволяет увидеть неочевидные грамматические различия, а также включить в НКРЯ лучшие образцы русского языка блестящих переводчиков: Ф.Ф. Зелинского, А. Пиотровского, М. Кузьмина, М.Л. Гаспарова, С.С. Аверинцева, М.Е. Грабарь-Пассек, М.Е. Сергеенко и многих других. В некоторых случаях в параллельный корпус могут включаться несколько переводов разного времени. Такие переводы на русский язык для многих текстов существуют с XVIII в. Они не утратили ни силы языка, ни точности передачи – некоторая архаизация языка при переводе античных текстов неизбежна.

Кроме этого, параллельные корпусы открывают новые уникальные возможности для компьютерной лексикографии. Если прежде большинство компьютерных словарей основывалось на каком-либо бумажном прототипе (чаще всего одном), на базе параллельного корпуса должен быть использован принципиально иной подход: помимо того, что спектр значений лексемы для каждого хронологического периода и автора полуавтоматически выводится из сопоставления параллельных мест, частотность употреблений указывает на основные и второстепенные значения.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). Изд-е 2-е, доп. (Избранные труды. Т. I.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Архангельский Т.А., Кисилиер М.Л. Корпуса греческого языка: достижения, цели и задачи // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. Т. XXII. Ч. 1. С. 50–59.

Гаспаров М.Л. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2: Рим / После Рима. / Сост. Н.П. Гринцер, М.Л. Андреев. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Елоева Ф.А., Кисилиер М.Л. Предлог από в новогреческом языке: об одной особенности падежного управления // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2020. Т. XVI. Ч. 2. С. 102–126.

Казанский Н.Н. Проблемы лексикологии латинского языка. СПб.: Наука, 2022.

Казанский Н.Н. Проблемы создания филологического корпуса // Тишков В. А. (ред.). Труды Отделения историко-филологических наук. 2015. М.: Наука, 2016. С. 133–146.

Кобозева И.М., Татевосов С.Г. Семантика // Федорова О.В., Татевосов С.Г. (ред.). Введение в науку о языке. М.: Буки Веди, 2019. С. 164–214.

Сичинава Д.В. Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Вып. 6. С. 193–235.

Ellis R.A. Commentary on Catullus. Oxford: Claredon Press, 1886.

Kisilier M., Nikolaenkova O. Disambiguation in corpus of Modern Greek // Botinis A. (ed.). ExLing 2020. Proceedings of the 11th international conference of experimental linguistics. 10-12 October 2020. Athens, Greece. Athens: International Society of Experimental Linguistics, 2020. P. 109–112.

Kučera H., Nelson F.W. Computational analysis of present-day American English. Providence: RI: Brown University press, 1967.

Lameris H.F.K.M., Stymne S. Whit's the richt pairt o speech: PoS tagging for Scots // Zampieri M., Nakov P., Ljubešić N., Tiedemann J., Scherrer Y., Jauhiainen T. (eds.). Proceedings of the Eighth Workshop on NLP for similar languages, varieties and dialects. Kiyv: Association for Computational Linguistics, 2021. P. 39–48.

Liddell H.G., Scott R., Jones H.S., McKenzie R. A Greek-English lexicon. With a revised supplement. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Moreau Ph. Osculum, basium, sauium // Revue de philologie. 1978. T. 52. 1. P. 87–97.

Schaps D. M. Handbook for Classical research. London; New York: Routledge, 2011.

Τριανταφυλλίδης Μ. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. 8 έκδ. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης; Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], 2009.

Проект «Pushkin-digital» в контексте цифрового развития Пушкинского Дома

М.Н. Виролайнен

Аннотация. *В статье названы три этапа цифровой трансформации гуманитарного знания: 1) оцифровка объектов; 2) создание системы атрибутов (корпусные исследования); 3) организация связей (построение гипертекстов). Представлены три направления цифрового развития Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в наибольшей степени соответствующие каждому из этих этапов: 1) создание электронных библиотек (библиотека академических изданий, сайт «Пушкинский кабинет»); 2) деятельность лаборатории цифровых исследований; 3) проект «Pushkin-digital». Отмечена необходимость объединения проектов института в общую экосистему на единой цифровой платформе*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, корпусные исследования, гипертекст, электронная библиотека, электронное академическое издание, pushkin-digital, единая цифровая платформа.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.007

Как и большинство современных академических институтов, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН обладает весьма разнообразными электронными ресурсами. Это электронные каталоги, цифровые библиотеки, тематические сайты, посвящённые писателям и учёным, записи онлайн-конференций, электронные презентации выставок и экскурсии по ним. Всё это разнообразные и разноформатные продукты. И уже сегодняшний опыт говорит, что одной из центральных задач цифровой стратегии института должно стать соединение их в единую экосистему.

Построение перспективы цифровой трансформации предполагает выделение трёх её аспектов, которые могут быть рассмотрены как последовательные этапы создания объектов, атрибутов и связей.

Первый из них – *оцифровка* объектов (в нашем случае – текстов, печатных и рукописных). Несмотря на стремительное развитие электронных библиотек, объём отечественных текстов и документов, до сих пор недоступных в электронном виде, остаётся огромным.

Второй аспект связан с созданием системы *атрибутов*, наибольшие результаты в этой области, как кажется, достигнуты корпусными исследованиями.

Третий, и чрезвычайно важный, аспект – это организация *связей*, поскольку история культуры – это факты в связях. В данном аспекте речь, прежде всего, идёт о создании гипертекстов, соединяющих оцифрованные объекты через включение их в различные сюжеты и контексты.

Из множества электронных продуктов, созданных и создающихся в Пушкинском Доме, можно выделить три типа проектов, в каждом из которых отчётливо доминирует тот или иной из названных аспектов.

Проект «russian-literature.org» [URL: https://russian-literature.org/] служит прекрасным примером осуществления первого, базового этапа цифровой

деятельности. Он представляет собой электронную библиотеку – собрание академических изданий двадцати трёх авторов, подготовленное под руководством С.Н. Гуськова. Выходившие в XX веке академические собрания сочинений по большей части стали библиографической редкостью, что же касается новых изданий, то они печатаются смехотворными тиражами (нередко – 300 экземпляров), и это определяет ценность подготовленной цифровой коллекции. В ней представлен образец оцифровки, которая, не разрушая старый книжный формат, добавляет к нему удобные инструменты поиска и цитирования. Более подробное описание проекта доступно по ссылке: [URL: https://www.youtube.com/watch?v=xFZiTFURtvE].

Другой вариант реализации того же этапа цифрового развития Пушкинского Дома представлен сайтом «Пушкинский кабинет» [URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10183], созданным А.Ю. Балакиным. Это электронная библиотека, которая включает такие разделы как «Издания Пушкина», «Справочные издания» (посвящённые Пушкину энциклопедии, справочники, библиографии, описания рукописей), «Сериальные издания», «Отдельные сборники и тематические номера журналов». В специальные рубрики выделены исследования, посвящённые биографии Пушкина и отдельным его произведениям. На том же сайте представлена литература 1800–1840-х гг. (разделы «Произведения», «Периодика», «Мемуары. Письма. Документы», «Исследования»). Библиотека постоянно пополняется, и продуманный выбор собранных материалов делает её чрезвычайно полезной.

Второму аспекту цифровой трансформации в наибольшей степени соответствует связанный с корпусными исследованиями проект, который осуществляется в Пушкинском Доме в рамках специально организованной лаборатории цифровых исследований под руководством К.А. Маслинского. Здесь создан Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору, интегрированный в международную платформу Datavers [URL: https://dataverse.pushdom.ru/]. Он используется для размещения научно подготовленных и прошедших рецензирование датасетов (текстовых корпусов). В Репозиторий входят, в частности, корпус нарративной прозы XIX века (около 500 произведений), корпус русских элегий 1815–1835 гг., русские переводы Байрона 1810–1860-х гг. Каждый датасет получает идентификатор ДОИ и ссылку для цитирования. Существенно, что лаборатория не является замкнутой структурой Пушкинского Дома, она приглашает сотрудников других институтов размещать в Репозитории свои материалы. Важным направлением работы лаборатории является Корпус русской детской литературы XX–XXI веков [URL: http://detcorpus.ru/], для которого запущен веб-интерфейс, отчасти близкий известному интерфейсу Корпуса русского языка. Исследователю он даёт возможность осуществлять поиск и анализировать данные корпуса, не скачивая их и не используя дополнительное программное обеспечение. Подробное описание проекта доступно по ссылке: [URL: https://disk.yandex.ru/i/HosTBkQuk6DweA].

Следующий проект, который называется «Pushkin-digital», будет описан подробнее, поскольку он – в его реализованной и ещё только задуманной части – предполагая разработку двух первых аспектов цифровой деятельно-

сти, прежде всего нацелен на третий её аспект и связан с попыткой решить одну из важнейших, как кажется, задач, стоящих сейчас перед гуманитарной наукой.

Исторически наши методы сложились в индустриальную эпоху и связаны с книжным форматом. Если мы не хотим, чтобы вместе с этой эпохой оказалось отодвинутым в прошлое содержание книжной культуры, необходимо не только учиться применять к нему новый инструментарий, но и найти адекватные способы его цифрового экспонирования, которые, конечно, никак не сводятся к оцифровке существующих книг. Иными словами, необходимо без потерь осуществить перевод (или, выражаясь более современным языком, трансфер) традиционного содержания нашей науки с языка одной культуры на язык другой.

В поисках решения этой проблемы и возник проект «Pushkin-digital». Его инициатором выступил Г.Н. Беляк, научным руководителем – В.Е. Багно; проект был начат при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№ 15-04-12005) и затем некоторое время осуществлялся при поддержке Президиума РАН (программа «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде»). Исходная задача заключалась в отыскании адекватной формы цифрового представления материалов нового академического Полного собрания сочинений А.С. Пушкина, которое готовится в Пушкинском Доме (из печати к настоящему времени вышло пять книг). Предполагалось, что ту же форму можно будет использовать и для других аналогичных академических изданий.

Пилотной моделью проекта стало электронное издание «Маленьких трагедий». Выбирая материал для разработки этой модели, мы остановились на образцах стихотворной драматургии, произведениях, представленных достаточно простыми для чтения и экспонирования беловыми автографами. Позднее на сайт были добавлены ещё несколько произведений, более проблемных по материалу: «Подражания Корану» с чрезвычайно сложными черновыми автографами и «Сцены из рыцарских времён» (прозаический, а не стихотворный текст).

В книжном формате академическое издание включает три главных раздела: основной корпус текстов, раздел «Другие редакции и варианты» и, наконец, комментарии. Аналогичные разделы имеет и сформированный к настоящему времени электронный ресурс «Pushkin-digital» [URL: https://www.pushkin-digital.ru], но организованы они иначе, чем в печатной книге.

Раздел, в котором представлен основной текст произведения, снабжён возможностью, не отрываясь от него (не перелистывая страницы), открывать всплывающие окна, в которых можно увидеть либо его варианты, либо построчные примечания к нему.

Книжному разделу «Другие редакции и варианты» на сайте соответствует раздел «Рукописи и другие источники текста», где осуществлено то, что недоступно печатному изданию: представлены все без исключения автографы и прижизненные издания произведения. Обращаясь к книге, читатель вынужден полностью довериться учёному, так или иначе представившему автограф и расписавшему его варианты. Обращаясь к сайту, пользователь может соотносить научно подготовленную роспись вариантов с рукописью.

При подведении курсора к автографу в нём выделяется тот или иной фрагмент, соответствующий так же выделившемуся фрагменту росписи. В настоящее время такая возможность разработана как для стихов, так и для прозы, как для беловых автографов, так и для сложных черновых рукописей. Если же читатель не испытывает непосредственного интереса к автографу, он может обратиться к вариантам, представленным во всплывающих окнах в разделе «Текст произведения» (см. выше).

Электронный раздел комментариев полностью включает содержание академического печатного издания, но имеет два принципиальных отличия от него. Первое отличие электронного формата от книжного носит композиционный характер: построчные примечания расположены, как уже говорилось, во всплывающих окнах, которые можно открывать по ходу чтения основного текста. Второе отличие резко расширяет читательские возможности. Если в печатном комментарии мы даём краткие выжимки из научных работ, то здесь любую из них, перейдя по гиперссылке, можно открыть и прочесть полностью, будь то статья или монография. Если в бумажном издании мы только ссылаемся на издания XVIII или начала XIX века, которыми пользовался Пушкин, то здесь открывается возможность полнометражного знакомства с такими изданиями – например, с французскими и русскими переводами Корана XVII и XVIII века или с другими раритетами, имеющимися далеко не во всех крупных библиотеках России. Такими же гиперссылками снабжён построчный комментарий. В электронное издание мы можем включать и видео-, и аудиоматериалы. Скажем, если в «Каменном госте» Пушкин цитирует реплику Лепорелло из оперы Моцарта «Дон Жуан», в электронном комментарии к этому фрагменту текста даётся соответствующий фрагмент оперы.

Дополнительным разделом, не имеющим аналогов в печатном издании, является библиография, снабжённая гиперссылками. Она представляет собой нечто вроде электронной библиотеки художественных и научных текстов, посвящённых произведению или связанных с ним.

Описанный способ превращения бумажного издания в электронное без какой-либо утраты содержания обладает возможностями, бумажному изданию недоступными. Электронное академическое издание становится гипертекстом, пространство которого может постоянно расширяться и, что очень важно, – в отличие от бумажного издания – пополняться и уточняться.

И всё же необходимо сказать, что разрабатывая нашу модель, мы шли от печатной книги, и реализация этого способа позволила выявить ряд связанных с ним ограничений. А потому с учётом накопленного опыта была обдумана другая стратегия цифрового представления научных результатов академической пушкинистики и разработан новый проект, который в ноябре 2019 г. был представлен директором Пушкинского Дома В.В. Головиным на заседании Совета при Президенте по русскому языку и затем Указом Президента Российской Федерации от 5 июля 2021 года включён в программу подготовки к пушкинскому юбилею 2024 года (в министерских документах проект получил название «Пушкин цифровой»).

Необходимость создания нового проекта была обусловлена, прежде всего, тем, что движение от подготовленного бумажного издания к электрон-

ному предполагает огромное количество чрезвычайно длительной ручной работы, которую можно автоматизировать и многократно ускорить, если пойти другим путём, на котором будут совмещены три главных аспекта цифровой деятельности, о которых было сказано в начале статьи.

Первым этапом должна стать масштабная оцифровка – создание цифрового архива, или библиотеки, в который войдут все рукописи Пушкина, все прижизненные издания его произведений, все книги его личной библиотеки и другие книги, и периодические издания, которыми он пользовался, все научные издания пушкинских текстов и существующих комментариев к ним, вся пушкиниана, собранная в Пушкинском кабинете – уникальном книжном хранилище Пушкинского Дома.

На следующем этапе корпус пушкинских текстов должен быть снабжён метаданными, но уже не вручную, поскольку из оцифрованных на предыдущем этапе научных трудов можно автоматически извлечь такие сведения как датировка, выходные данные прижизненных публикаций, наличие или отсутствие автографов и их шифры, жанр, адресация, цензурное вмешательство, завершённость или незавершённость текста, стихотворный размер и т. д. Разумеется, атрибутированию и тегированию, осуществляемому на основании уже имеющихся научных материалов путём автоматического извлечения данных, должна предшествовать научная подготовка, а результаты работы подлежат научному редактированию. Результатом данного этапа станет создание корпуса, в котором каждый пушкинский текст будет не только снабжён системой атрибутов, но и соединён со своими рукописными и печатными источниками различными комментариями к нему и литературой, ему посвящённой.

Третий этап – создание гипертекста. Наличие единого корпуса материалов существенно сократит объём и время работы по прикреплению гиперссылок: часто повторяющиеся в издании ссылки на один и тот же художественный или научный текст можно будет не прикреплять каждый раз заново вручную, а сделать это автоматически.

Созданное электронное пространство может, в частности, стать основой для подготовки очередных томов академического издания и существенно ускорить её. Но само по себе оно пока ещё остается ризомным пространством, которому не хватает того главного качества книжной культуры, которое одновременно является и ограничением линейного повествования, и его главной ценностью. Ему не хватает *сюжета.*

Между тем академический гипертекст вполне может быть превращён в сюжетное повествование, причём разными способами. Один из них, наиболее очевидный, – выбор в качестве осевого сюжета истории жизни (и, разумеется, творчества) Пушкина. Двигаясь вслед за ним по пройденному им пути, мы можем задерживаться в любой его точке, узнавая всё новые и новые подробности. Так, например, можно выбрать один из годов Михайловской ссылки или одно из произведений, написанных в этот год, например, «19 октября» 1825 года, и от него идти к автографу и комментарию, к истории Лицея, лицейских товарищей и лицейских годовщин, истории декабризма, истории михайловской ссылки Пушкина, истории его отношений с Александром I, поэтическому творчеству Дельвига и Кюхельбекера,

младоархаистам, русскому горацианству, цензурной практике и т. д., и т. д. Двинувшись от одного такого пушкинского текста, можно построить достаточно объёмную картину эпохи. Большинство точек на возникающей при этом виртуальной карте окажутся связанными между собой. Что же касается степени погружения в материал, то она может быть любой – в зависимости от желаний и интересов пользователя, который волен по собственному выбору сворачивать на боковые тропинки или в достаточно быстром темпе следить за событиями. Существенно, что общий сюжет жизни Пушкина может включать самые разнообразные частные сюжеты – литературные (история жанров, история пушкинской прозы, история творческого взаимодействия с Байроном или Шенье и т. п.), биографические (любовные, дуэльные, отношения с царём, цензурой, сюжеты дружбы, вражды, издательская деятельность, путешествия), бытовые, исторические или политические.

Такая картина пока остаётся желаемым будущим. Очень хотелось бы осуществить его не как модель, а как полномасштабную реальность, но прежде должен быть реализован описанный выше трёхэтапный проект.

Важно понимать, что выполнение такого рода задач требует определённых условий, и не только самых очевидных – финансовых. Существует целый ряд проблем, которые касаются уже не того или иного отдельно взятого проекта. В настоящее время идёт масштабная деятельность по оцифровке культурного наследия и по созданию корпусов. Но одновременно с этой работой нужно уже сейчас думать о потребностях позднейших этапов. Для того чтобы завтра различные проекты хотя бы в рамках одного института могли быть превращены в общую экосистему, нам уже сегодня требуется создание единой для института цифровой платформы, на которой можно будет объединить разрозненные ресурсы, снабдив их общими инструментами: едиными метаданными, общим поисковым устройством, сервисом по выдаче агрегированных данных.

Разработка цифровых ресурсов и программного обеспечения различными внешними подрядчиками имеет целый ряд негативных следствий. К их числу относятся: отсутствие единых стандартов размещения и хранения данных; невозможность использования результатов предшествующих проектов; отсутствие регулярной практики совместного формирования технического задания, адекватного научным целям конкретного исследования. Поэтому первый организационный шаг, который представляется совершенно необходимым, связан с организацией в рамках каждого института собственного IT-отдела, в котором будут работать не научные сотрудники и не сотрудники цифровой лаборатории, решающей научные проблемы, а программисты различных специализаций, веб-дизайнеры, программные архитекторы, продакт-менеджеры и т. д. Только постоянный налаженный контакт с ними и взаимная погружённость в общее предметное поле обеспечит выполнение двух ключевых условий успешной цифровой деятельности. Одно из них – способность учёных составлять грамотное и проработанное техническое задание (а это главный залог продуктивности цифровых проектов). Другое – постоянное совершенствование создаваемой цифровой реальности.

Цифровые методы в издании и изучении древних и средневековых надписей

А.И. Иванчик

Аннотация. *Статья содержит краткий очерк использования цифровых методов в издании и изучении древних и средневековых, прежде всего, греческих и латинских надписей с 1980-х годов до настоящего времени. Обсуждается вопрос о достоинствах и недостатках печатных и электронных изданий корпусов надписей и делается вывод о необходимости их издания параллельно в обеих формах. Особое внимание уделяется проекту цифрового издания древних надписей Северного Причерноморья. Кроме того, в статье обсуждаются новые возможности для изучения и издания надписей, которые даёт применение метода трёхмерного моделирования.*

Ключевые слова: *эпиграфика, Северное Причерноморье, цифровые методы, трёхмерное моделирование.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.008

Информатика при издании и изучении древних надписей стала применяться уже довольно давно, во всяком случае по меркам истории этой молодой науки. Первые проекты такого рода начались в 1980-е годы, примерно одновременно с появлением, а затем распространением персональных компьютеров, но ещё в эпоху, предшествовавшую появлению интернета.

Один из первых успешных проектов в этой области связан с Институтом гуманитарных исследований Паккарда (Packard Humanities Institute, PHI)[1], частным благотворительным учреждением, основателем и президентом которого был Дэвид Вудли Паккард (David Woodley Packard), сын создателя всем известной фирмы Хьюлетт-Паккард. Он получил классическое образование, был профессором лингвистики в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA) и занимался главным образом компьютерной лингвистикой, в том числе использованием компьютерных методов для изучения табличек линейного письма А [*Packard*, 1974]. Паккард также стоял у истоков знаменитого Thesaurus linguae graecae (TLG) – тезауруса греческого языка, электронной базы, включающей все греческие литературные тексты, сначала античности, а затем и византийского периода (http://stephanus.tlg.uci.edu/history.php). Для TLG он разработал в начале 1980-х гг. программное обеспечение, включая поисковую систему Ibycus и систему кодировки греческих текстов (Beta Code).

Основанный Д. Паккардом благотворительный институт PHI финансировал целый ряд классических исследований, в том числе археологических, в частности в Херсонесе Таврическом и его окрестностях. Но, пожалуй, самым важным и знаменитым свершением этого института стало

[1] Официальный сайт института: https://packhum.org/

финансирование аналогичной TLG базы данных для греческих надписей. С конца 1980-х годов она разрабатывается и дополняется большой группой учёных и должна включать тексты всех опубликованных греческих надписей. До 2005 г. база распространялась на компакт-дисках, с 2005 г. доступна в интернете (https://inscriptions.packhum.org).

Главная ценность этой базы – возможность поиска любого сочетания букв (слова, его части, группы слов) по всему корпусу учтённых в ней надписей. Разумеется, это чрезвычайно полезный инструмент для того, чтобы собрать материал для анализа словоупотребления в надписях или чтобы найти похожие контексты для того текста, который изучает исследователь. Такого рода поиск, кроме того, служит важным подспорьем при реконструкции утраченного текста в лакунах надписей. Этой базой активно пользуются как эпиграфисты, так и специалисты в смежных областях, но у неё есть и очевидные недостатки или, скорее, особенности. Она не является публикацией надписей – это агрегатор существующих публикаций. Одна и та же надпись, если она публиковалась несколько раз, там и будет отражена несколько раз, причём текст будет воспроизводиться так, как он дан в соответствующей публикации. Соответственно, если для одной надписи в разное время разные исследователи предлагали разные чтения и восстановления, то в базу войдут они все на равных основаниях. Ещё один важный недостаток этой базы – то, что она содержит лишь самую минимальную информацию о каждой надписи: сам текст, место находки и ссылку на публикацию; даже датировка есть не всегда, а когда есть, не всегда надёжна. Соответственно, база даёт в распоряжение исследователя, по сути дела, сырой материал: если удаётся найти в этом ресурсе нужную надпись, затем необходимо обращаться к её первичной публикации или публикациям.

В то же время уже с 1990-х годов стали появляться проекты по настоящей цифровой публикации греческих и латинских надписей древности и средневековья. Одним из пионеров этого направления был Ален Брессон (Alain Bresson), ведущий современный специалист по античной экономике и эпиграфист, профессор древней истории сначала в университете Бордо-Монтень (Бордо 3), а затем – университете Чикаго. Параллельно со своими историческими исследованиями он профессионально занимался и информатикой. В конце 1980-х годов Брессон разработал формат формализованного описания надписей, подходящего для компьютерной обработки, и одну из первых, если не первую, программу для публикации и изучения древних надписей, которая получила название PETRAE – Programme d'Enregistrement, Traitement et Reconnaissance Automatique en Epigraphie. Её первая версия стала доступной в сентябре 1988 г. Впоследствии программа многократно перерабатывалась, но продолжает использовать тот же формат описания. В 2008–2012 гг. Натали Прево (Nathalie Prévôt) разработала новую версию программы, а база данных стала доступна в интернете (https://petrae.huma-num.fr/fr). PETRAE остаётся одним из самых известных проектов публикации надписей, включает на данный момент более 10 тыс. текстов из разных регионов (примерно половина находится в открытом доступе, остальные доступны участникам проекта) и продолжает активно пополняться. Разработанный А. Брессоном формат описания надписей ис-

пользуется во многих проектах цифровой публикации надписей, появившихся позже.

Начиная с 2000-х годов проекты цифровой публикации надписей становятся всё более многочисленными и популярными, и в настоящее время насчитывается несколько десятков активных, т. е. продолжающих поддерживаться и пополняться сайтов электронных публикаций греческих и латинских надписей. Здесь и общие своды вроде Гейдельбергской базы данных латинских надписей (Epigraphische Datenbank Heidelberg: https://edh.ub.uni-heidelberg.de) или частичной публикации Inscriptiones Graecae (http://telota.bbaw.de/ig/), и более частные, региональные (например, публикация надписей Афродисиады: https://insaph.kcl.ac.uk/insaph/) или тематические (например, начавшийся в 2021 г. проект по созданию электронного корпуса табличек заклятий Thesaurus defixionum: www.thedefix.uni-hamburg.de). Можно сказать, что публикация надписей в электронном виде или, чаще, одновременно и в печатном, и в электронном постепенно становится стандартным и общепринятым форматом публикаций.

Примером такого подхода к публикации древних надписей стал и новый проект издания корпуса надписей Северного Причерноморья (территории современных России и Украины). До сих пор единственным полным сводом надписей этого региона остаётся знаменитый корпус В.В. Латышева IOSPE [*Latyschev*, 1885-1901]. Латышев успел подготовить второе издание первого тома, которое вышло в 1916 г., второй том также был подготовлен и даже сдан в печать в 1917 г., но по понятным причинам так и не вышел. За 30 лет, прошедших между двумя изданиями первого тома, число известных надписей утроилось. Для западной части Северного Причерноморья (от устья Дуная до Центрального Крыма) второе издание первого тома Латышева, которому уже более ста лет, остаётся последней имеющейся версией корпуса надписей. В конце 60-х годов были изданы сборники надписей Ольвии и Херсонеса, обнаруженных после 1917 г., которые могут рассматриваться как дополнения к этому тому [*Книпович*, *Леви*, 1968; *Соломоник*, 1964-1973], однако другие надписи не переиздавались. Что касается восточной части региона, Боспорского царства, то второе издание соответствующего тома корпуса В.В. Латышева так и не вышло и оказалось заменено «Корпусом боспорских надписей», опубликованным в 1965 г. и подготовленным на основе полностью переработанной несколькими поколениями редакторов рукописи Латышева. В него были включены 1325 надписей, т. е. более чем в 2,5 раза больше, чем в корпус Латышева (509 боспорских надписей). Но и этому изданию уже больше 55 лет.

Таким образом, подготовка нового корпуса надписей Северного Причерноморья уже давно по общему признанию являлась насущной задачей российской науки о древности. На решение этой задачи и был направлен проект, предложенный мной в 2001 г. Первоначально он носил условное название IOSPE3 (третье издание IOSPE) для того, чтобы подчеркнуть преемственность с корпусом В.В. Латышева. Тогда же проект был принят под патронаж Международного союза академий (International Union of Academies – Union Académique internationale). В авторский коллектив и редколлегию будущего корпуса вошли А.И. Иванчик (руководство проектом,

надписи Тиры, Ольвии и Танаиса), И.А. Макаров (надписи Херсонеса и Западного Крыма), С.Р. Тохтасьев, И.А. Левинская и А.П. Бехтер (боспорские надписи) и А.Ю. Виноградов (византийские надписи).

Структура корпуса подразумевает издание надписей в виде двух серий: в первую войдут лапидарные надписи, во вторую – граффити и дипинти. Внутри каждой серии надписи сгруппированы по месту происхождения. Корпус разделён на четыре тома в соответствии с четырьмя регионами античного Северного Причерноморья (с запада на восток): Тира и её окрестности, Ольвия и её окрестности, Херсонес, Центральный и Северо-Западный Крым, а также Боспор. Внутри этих томов, в случае необходимости, предполагается разделение материала по выпускам на основе географических, лингвистических или хронологических критериев, в зависимости от характера материала. Византийские надписи в силу своей специфики и хронологической обособленности составляют отдельный том, который представляет весь регион в целом: в отличие от корпуса Латышева мы решили включить их в общую структуру корпуса. Кроме того, в будущем предполагается и публикация средневековых надписей на других языках помимо греческого (латинский, славянский, готский, древнееврейский). В результате издание предполагается в следующем виде:

Том I. Тира и окрестности

Том II. Ольвия и окрестности

II.1 Надписи догетской Ольвии (VI – I вв. до н. э.)

II.2 Надписи послегетской Ольвии (I – IV вв. н. э.)

Том III. Херсонес и окрестности (Западный, Центральный и Южный Крым)

III.1 Греческие надписи

III.2 Латинские надписи

Том IV. Боспор

IV.1 Надписи Пантикапея

IV.2 Надписи Европейского Боспора за исключением Пантикапея

IV.3 Надписи Азиатского Боспора

IV.4 Надписи Танаиса

Том V. Византийские надписи

Том VI. Негреческие средневековые надписи

Внутри томов надписи распределяются по месту происхождения. В отдельные разделы выделяются надписи сомнительного происхождения – место их находки неизвестно или сомнительно (в тех случаях, когда они происходят из грабительских раскопок и проданы коллекционерам: доверять информации о месте находки камня, предоставленной грабителями, невозможно). Наконец, ещё один раздел – поддельные надписи, которые публиковались как подлинные и которым приписывалось происхождение с соответствующего памятника.

Внутри каждого раздела тексты сгруппированы по жанрам или категориям. Конкретный набор жанров в каждом из томов индивидуален и зависит от набора надписей, происходящих с того или иного памятника. Тем не менее некоторые общие принципы в выделяемых жанрах имеются: вначале даются декреты и другие общественные надписи, затем посвятитель-

ные и другие сакральные, затем частные надписи, в частности надгробия, а в конце приводятся надписи, которые не могут быть отнесены ни к одной из категорий, главным образом в силу своей фрагментированности. Наконец, внутри этих тематических разделов надписи упорядочены в хронологическом порядке.

В основу издания положен принцип автопсии – все надписи в корпусе изучались по оригиналам в музеях, где они хранятся. Для этого были изучены коллекции трёх десятков разных музеев, расположенных на территории России, Украины, Великобритании и Германии.

С самого начала предполагалось издание корпуса в двух формах – печатной и электронной, с доступом через интернет – и на двух языках, русском и английском. Проект базировался главным образом в двух научных институтах – Институте всеобщей истории РАН (Москва) и Институте «Авзоний» Национального центра научных исследований (CNRS) и Университета Бордо Монтень (Бордо). Для электронной публикации был избран упомянутый выше формат PETRAE. С 2008 г. в проекте участвует Ирина Полинская, сотрудник Королевского колледжа (King's College) в Лондоне, благодаря которой он стал партнёром проекта для цифровой публикации. Основываясь на формате PETRAE, который мы с самого начала использовали при описании всех надписей, специалисты факультета Digital Humanities этого университета под руководством Гебриэля Бодарда (Gabriel Bordard) разработали сайт и формат описания; их разработки позволили создать двуязычную электронную публикацию «IOSPE: древние надписи Северного Причерноморья / Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea» на сайте Колледжа (https://iospe.kcl.ac.uk/index.html).

Стандартная лемма, или карточка описания каждой надписи, в соответствии с форматом PETRAE, делится на три раздела. Первый раздел посвящён носителю, для которого приводятся сведения о его размерах, форме, материале, степени сохранности, происхождении, месте, обстоятельствах и контексте находки, месте хранения и автопсии. Второй раздел посвящён описанию эпиграфического поля, т. е. материальной стороне надписи. Здесь приводится его описание и размеры, размеры полей, стиль письма, размер букв и расстояние между строк. Последний раздел посвящён самому тексту – здесь определяется его жанр и датировка и приводятся основания датировки. Затем перечисляются публикации надписи или связанные с ней. Отдельно приводятся издания текста – по возможности полно – и публикации, содержащие комментарии к нему, которые выборочно включают наиболее важные работы, содержащие интерпретацию текста без его переиздания. Следом за этой частью идёт сам текст, критический аппарат, в котором отмечаются чтения и восстановления предыдущих издателей, если они не совпадают с принимаемыми в текст, и перевод. Затем даётся комментарий, как филологический, так и исторический.

В электронной версии корпуса текст может быть представлен в трёх видах. Во-первых, это дипломатическая передача (маюскулами), которая передаёт, как текст выглядит на камне, без дополнений, словоделения и т. д. Во-вторых, он может быть представлен минускулами, со словоделением, расстановкой всех знаков и дополнениями утраченного текста. И, наконец,

в-третьих – в кодировке в соответствии с рекомендациями схемы EpiDoc, использующей платформу XML. EpiDoc [*Elliott*, *Bodard*, *Cayless et al.*, 2006-2021] – это система разметки и кодировки текстов, которая с середины 2000-х годов стала общепринятой в электронных эпиграфических публикациях. Она позволяет автоматически составлять самые разнообразные указатели, а также делать поиски в текстах по самым разным критериям, комбинируя их между собой, что, конечно, является важным и удобным инструментом. Все надписи в корпусе полностью проиллюстрированы или фотографиями, сделанными в музеях, или имеющимися в публикациях или архивах их изображениями, в тех случаях, когда надпись утрачена; иллюстрации выводятся в отдельном окне и могут быть увеличены для детального рассмотрения.

К 2017 г. на сайте «IOSPE: древние надписи Северного Причерноморья / Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea» были опубликованы предварительные версии трёх томов корпуса (I, «Тира и окрестности», греческая часть; III, «Херсонес и окрестности», греческая часть; V, «Византийские надписи»). Эта публикация является предварительной, в частности, в ней не полностью даются комментарии, часть надписей отсутствует, и указатели охватывают не все тексты. К сожалению, из-за прекращения финансирования электронная версия с 2017 г. не обновлялась, хотя и продолжает поддерживаться.

С 2019 г. в число участников проекта вошли Ю.М. Свойский и Е.В. Романенко, специалисты по фотограмметрии и трёхмерному моделированию. Проект «Виртуальный лапидарий надписей Северного Причерноморья», ставший частью проекта корпуса надписей, предполагает создание высокоточных трёхмерных моделей всех надписей региона, что позволит качественно улучшить иллюстративную часть электронного издания корпуса и даст в руки эпиграфистов новые методы изучения надписей (см. ниже). Проект осуществляется в Центре античной и восточной археологии Института классического Востока и античности (ИКВИА) НИУ ВШЭ. К настоящему моменту обработаны около 550 надписей, хранящихся в 12 музеях России и Украины. По примерным оценкам это около 15% всех надписей Северного Причерноморья.

В 2020 г. было решено принять для корпуса (в печатной и электронной форме) название «Надписи Северного Причерноморья / Inscriptions of the Northern Black Sea» (рекомендованное сокращение – НСП / INBS) и отказаться от сокращения IOSPE[3] – опыт его использования в предварительной электронной публикации показал, что такое сокращение способно ввести читателей в заблуждение. При ссылках на корпус его нередко смешивают с корпусом Латышева, что приводит к путанице. Кроме того, латинское сокращение IOSPE, уместное для корпуса Латышева, изданного на латыни, оказывается неподходящим для корпуса, издаваемого на английском и на русском. Наконец, эта аббревиатура тесно связана с именем Латышева, а новый корпус слишком далеко ушёл от своего прообраза как по числу включённых в него надписей, так и по их интерпретации, и было бы неправильно имплицитно приписывать этому корифею эпиграфики Северного Причерноморья как чужие ошибки, так и чужие достижения. В 2021 году

были опубликованы в печатном виде английская и русская версии первого тома корпуса [*Иванчик*, 2021; *Ivantchik*, 2021].

Электронная публикация надписей – да и не только надписей – имеет существенные преимущества перед традиционной печатной публикацией, но не лишена и недостатков. Начнём с достоинств.

Во-первых, такие публикации доступны самой широкой публике, для пользования ими не надо покупать дорогую книгу или находиться в хорошей библиотеке, достаточно иметь доступ в интернет. В то же время доступ к содержанию публикации легко настраивать, и он может быть многоуровневым и неодинаковым для разных пользователей – некоторые части публикации могут находиться в открытом доступе, а другие быть доступными для ограниченной группы лиц. Например, можно выкладывать предварительные версии, открытые только для ограниченного круга специалистов, от которых ожидаются комментарии и исправления.

Во-вторых, в электронной публикации неограничен объём, который в печатной ограничивается стоимостью печати – можно помещать и пространные тексты комментариев, и практически неограниченное число иллюстраций, что невозможно в печатном издании. В-третьих, в электронном издании можно использовать дополнительные средства, в принципе недоступные в печатном, в частности различные виды анимации, трёхмерные модели, интерактивные способы визуализации, геолокацию обнаруженного объекта и т. д. Далее, существует возможность использовать гиперссылки, как внутри публикации, так и на внешние сайты. Кроме того, электронная публикация позволяет использовать исследовательские инструменты, недоступные в печатной, – такие как разнообразные возможности поиска, составления групп текстов по заданным признакам (например, все надписи, сделанные на алтарях, или все надписи определённого периода, включающие одновременно имя того или иного божества и определённой категории посвятителей, и т. д.).

Наконец, самое важное. Как известно, эпиграфические корпусные издания неизбежно устаревают уже в момент своей публикации – археологические раскопки идут постоянно, и из них каждый год происходят новые надписи; соответственно, чем больше проходит времени, тем менее полным становится опубликованный корпус надписей, то есть он утрачивает свой статус корпуса. Соответственно, проблема актуализации издания стоит очень остро, и традиционно она решается путём публикации дополнений (Addenda), а затем переиздания корпусов. Это, конечно, медленно и не всегда удовлетворительно, как показывает, например, история с переизданием корпуса Латышева и множество подобных. В случае с электронной публикацией такая проблема не стоит – она может быть дополнена в любой момент, причём могут быть сделаны любые исправления в существующих текстах, от исправления опечаток до концептуальных изменений, а также могут вноситься новые тексты.

Однако в такой ситуации «текучести» и эластичности текста цифровой публикации есть и проблема. Она требует изменения практик научного цитирования. В самом деле, допустим, что в некоторой публикации даётся ссылка на электронную публикацию, а цитируемый текст в новой версии

неузнаваемо изменяется или исчезает. Или автору электронной публикации печатно указывают на ошибку, он соглашается и исправляет свой исходный текст, в результате чего ошибка исчезает. В обоих случаях ссылки оказываются выводящими на несуществующий более источник информации. Именно с этим связано обыкновение указывать при цитировании электронной публикации не только адрес источника в интернете, но и дату обращения к нему, однако такой способ цитирования не решает проблемы. По поводу того, как следует обходиться с подобными случаями, консенсуса пока нет. Одним из вариантов решения может быть сохранение истории изменений, как это делается, например, в «Википедии». Используя этот инструмент, легко выяснить, какие правки вносились в текст электронной публикации и когда это делалось.

Но, конечно, достоинств без недостатков не бывает, и у цифровых публикаций – как эпиграфических, так и любых других – есть важнейший недостаток, а именно отсутствие гарантий долговечности. В самом деле, для них характерен своеобразный эффект Чёрной королевы из «Алисы в Зазеркалье» – чтобы остаться на месте, надо постоянно бежать. Программное обеспечение эволюционирует очень быстро, и программы, если их не обновлять, уже через несколько лет становятся неиспользуемыми. Существует множество баз данных, в том числе и в области эпиграфики, в которые было вложено много труда и денег, но которые потом по разным причинам, чаще всего из-за прекращения финансирования, прекращали обновляться. Через несколько лет их данные оказывалось невозможно использовать из-за отсутствия совместимого с ними программного обеспечения. Было бы интересно исследовать, каков процент таких умерших проектов, от которых не осталось ничего, от общего числа профинансированных за последние 20 лет проектов в области цифровых гуманитарных наук и какие средства таким образом оказались потрачены впустую. По моим впечатлениям, этот процент довольно велик. Если говорить о публикации, прекращение поддержки сайта также нередко приводит к его исчезновению, и случается это нередко. В этом отношении печатная публикация имеет неоспоримые преимущества – научные книги могут становиться библиографической редкостью, но никогда не исчезают совсем и сохраняются по крайней мере в научных библиотеках, поэтому, на мой взгляд, в обозримом будущем электронные публикации не вытеснят печатные, а будут друг друга дополнять.

Следует сказать ещё об одном методе, который, на мой взгляд, способен революционизировать изучение и публикацию надписей и даёт в руки исследователей чрезвычайно важный и удобный инструмент. Речь идёт о 3-D моделировании – оно стало применяться в изучении надписей примерно десять лет назад и в последние годы всё более распространяется и совершенствуется. Первоначально трёхмерные модели использовались главным образом в демонстрационных целях – в качестве иллюстраций на докладах, в лекциях или других презентациях, однако в последние годы, с развитием программного обеспечения и самого метода, превратились в ценный исследовательский инструмент. В настоящее время в мире с трёхмерными моделями греческих и латинских надписей работает несколько исследовательских групп, и одна из наиболее успешных из них, на мой взгляд, – группа

под руководством Ю.М. Свойского и Е.В. Романенко, работающая в России (Лаборатория RSSDA и Центр античной восточной археологии ИКВИА НИУ ВШЭ).

Данные для создания модели обычно собирают одним из двух методов – с помощью сканера и с помощью фотографирования. Опыт показал, что для эпиграфических памятников лучше подходит второй метод. Каждый памятник, в зависимости от размеров и конфигурации объекта, требует от 200 до 1500 снимков с разных ракурсов; обычно на фотографирование одного объекта уходит 20-30 минут. Затем с помощью специальных программ из фотоснимков собирается трёхмерная модель, разрешение которой (размер пикселя) обычно составляет от 0.05 до 0.15 мм; такое разрешение необходимо для обеспечения качества изображения и проведения некоторых тонких измерений. Конечно, модели довольно объёмны, от 500 Mb до 8 Gb. Если модель выкладывается в интернет, что необходимо для электронной публикации, она уменьшается в среднем в пять раз (то есть разрешение становится 0.25-0.5мм) для больших плит, а для мелких фрагментов уменьшения может не потребоваться.

Трёхмерные модели на настоящий момент являются самым точным методом фиксации эпиграфического памятника, позволяющим во всех тонкостях зафиксировать и носитель надписи, и саму надпись – он далеко превосходит по этим параметрам традиционные методы: и эстампажи, и фотографии. Точность моделей такова, что их можно считать своеобразными «резервными копиями» памятников, аналогичными резервным копиям архивных документов. Это чрезвычайно важно – не секрет, что даже музеефикация памятника не гарантирует его сохранность, не говоря уж о многочисленных надписях, не попавших в музеи. Любой эпиграфист многократно сталкивался с ситуацией, когда надпись, известная по публикациям или по архивным документам, оказывается исчезнувшей. В этом случае единственным источником информации о ней является её фиксация – фотография, прорисовка, в лучшем случае эстампаж. Разумеется, чем выше качество этой фиксации, тем больший объём информации удаётся спасти, и качественная трёхмерная модель высокого разрешения не имеет себе равных.

Другим достоинством 3-D моделей является то, что они обеспечивают лёгкую доступность памятников для исследователей. Если существует трёхмерная модель, он может получить к нему доступ, не выходя из своего рабочего кабинета, и ему больше не нужно отправляться в музейное хранилище или другое место, где хранится надпись. Конечно, оригинал незаменим, и ознакомление с ним, если это возможно, продолжает оставаться необходимым методическим требованием при подготовке нового издания надписи, однако качественная трёхмерная модель лишь немногим уступает оригиналу.

Особая ценность моделей состоит в том, что они позволяют читать надписи, плохо читаемые или нечитаемые в оригинале, и в этом случае модель играет роль незаменимого исследовательского инструмента. С помощью разнообразных алгоритмов визуализации, использующих искусственные цвета, подчёркивающих контрастность, разницу в высотах и т. д., можно увидеть такие детали, которые неразличимы не только на фотографии, но и на

оригинале. Другой такой инструмент – управление светом, т. е. использование виртуальной подсветки под разными углами (Reflectance Transformation Imaging). Один из примеров удачного использования трёхмерных моделей для чтения нечитаемых другими способами надписей в недавнее время получил широкую известность из-за большого исторического значения прочитанного таким способом текста. А.А. Гиппиусу и С.М. Михееву благодаря использованию модели, подготовленной группой Ю.М. Свойского, удалось целиком прочесть надпись об убийстве Андрея Боголюбского, сохранившуюся на стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском: по оригиналу и фотографиям, сделанным под разными углами при контрастном освещении, почти половину строк прочесть не удавалось [*Гиппиус*, *Михеев*, 2020]. Подобные примеры есть и в античной эпиграфике.

Этим, однако, не ограничиваются возможности использования модели как рабочего инструмента. По моделям можно делать сечение любой части надписи, а также проводить измерения, точность которых далеко превосходит возможности инструментальных измерений по оригиналу. Это касается любых размеров самого камня и его отдельных частей, а также букв, полей и других элементов текста; по модели можно даже измерить глубины, на которые вырезаны буквы. Точность измерений может достигать сотых миллиметра, что, конечно, в большинстве случаев излишне. Кроме всего прочего, такие измерения помогают решить нередко возникающий вопрос о принадлежности одной надписи двух фрагментов, не сходящихся в контакте: сопоставление размеров различных элементов и носителя надписи и её самой имеет для решения этого вопроса решающее значение. Наконец, с помощью моделей можно виртуально «склеивать» фрагменты одной надписи, хранящиеся в разных музеях: такая ситуация не редкость, и в таком случае физически совместить в контакте фрагменты надписи оказывается невозможным.

Таким образом, цифровые методы за последние годы вошли в необходимый инструментарий специалистов по древней и средневековой эпиграфике. Без их использования невозможны ни фиксация, ни обработка, ни публикация надписей, в особенности их сводов, на современном уровне. Данная область, как и все области информатики, чрезвычайно быстро развивается, поэтому здесь необходимо постоянное сотрудничество между эпиграфистами, совмещающими квалификацию историков и филологов, и специалистами по информатике. К сожалению, эта работа требует и непрерывного финансирования: прекращение финансирования даже на один-два года чревато утратой уже полученных результатов и достижений.

Список литературы

Гиппиус А.А., Михеев С.М. «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // Slověne. 2020. Vol. 9, No 2. С. 63–102.

Иванчик А.И. Греческие и латинские надписи Тиры и окрестностей (Надписи Северного Причерноморья. Лапидарные надписи. Том 1). Москва, 2021.

Книпович Т.Н., Леви Е.И. Надписи Ольвии (1917–1965). Ленинград, 1968.

Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964–1973.

Elliott T., Bodard G., Cayless H. et al. EpiDoc: Epigraphic Documents in TEI XML (2006–2021). Online material, available: <http://epidoc.stoa.org/>

Ivantchik A.I. Greek and Latin Inscriptions of Tyras and Vicinity (Inscriptions of the Northern Black Sea. Lapidary Inscriptions. Vol. 1). Bordeaux, 2021.

Latyschev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I, II, IV. St-Petersburg, 1885–1901.

Packard D.W. Minoan Linear A. Los Angeles, 1974.

Собираемый пазл. Реконструкция рукописи до прочтения текста

И.Ф. Попова

Аннотация. *В статье представлен текущий проект работы по изучению и цифровизации Сериндийского фонда Института восточных рукописей РАН. Фонд составляют рукописи, обнаруженные в конце XIX – начале XX вв. в основном на территории Восточного Туркестана (ныне – Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики). История и подходы к формированию Сериндийского фонда обусловили его сложность: в настоящее время в нём содержится более 10 000 единиц хранения на 13 языках, включая редкие и вышедшие из употребления. Изучение и публикация рукописей Фонда начались более ста лет назад, наиболее ценные по содержанию и крупные по объёму фрагменты были сразу же введены в научный оборот, при этом в Фонде остаётся значительная часть неопубликованной россыпи, которая может оказаться перспективной для текстологической работы. С 2018 г. в ИВР РАН создана «Лаборатория Сериндика» для кодикологического и палеографического исследования рукописных фрагментов с целью их возможного соединения.*

Ключевые слова: *Институт восточных рукописей РАН, рукописные фрагменты, кодикология, палеография, Сериндийский фонд, «Лаборатория Сериндика».*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.009

В составе коллекции Института восточных рукописей РАН выделены 33 фонда, которые, как правило, объединяют рукописи на одном языке или в единой письменности. Состоящее из более чем 150 тысяч единиц хранения собрание ИВР РАН формировалось на протяжении трёхсот лет разными путями. Это были и передачи от государственных структур, учреждений, служащих министерства иностранных дел, и дарения или закупки от учёных, путешественников, собирателей. Особую роль в формировании российских рукописных коллекций играли научные экспедиции. Начиная с XVIII в. Российская академия наук поручала экспедициям, имевшим естественнонаучные цели, приобретать также и предметы, отражавшие культуру посещаемых регионов. В число «редкостей и письмен», доставленных Даниэлем Готлибом Мессершмидтом (1685–1735) в Санкт-Петербург в 1727 г., были рукописи на тибетском языке, переданные затем в Академию наук [*Зорин*, 2021]. Для экспедиций XVIII–XIX вв. поиск рукописей оставался второстепенной деятельностью и имел случайный, а не целенаправленный характер. Ситуация изменилась в конце XIX – начале XX вв., когда усилиями российских исследователей Центральной Азии были добыты уникальные рукописи, сформировавшие Тангутский, Дуньхуанский и один из сложнейших фондов собрания ИВР РАН – Сериндийский.

В настоящее время в Сериндийском фонде ИВР РАН содержится более 10 000 единиц хранения, включая мельчайшие фрагменты на 13 языках – санскрите, пракритам, тохарским А и Б (кучинском), хотано-сакском, согдийском, среднеперсидском (пехлевийском), древнеуйгурском, китайском, тибетском, монгольском, арабском, тумшукском, сакском. Значительную

часть Сериндийского фонда (4730 единиц хранения) составляют фрагменты рукописей и ксилографов на древнеуйгурском (древнетюркском) языке [*Дмитриева*, 1969; *Тугушева*, 2008; Азиатский Музей, 2018: 270-293]. Количество фрагментов Фонда в ближайшие годы возрастёт за счёт реставрации и инвентаризации россыпи. Локализация рукописей Сериндийского фонда в основном связана с оазисами обширного региона Восточного (Китайского) Туркестана, т. е. с территорией нынешнего Синьцзяна Китайской Народной Республики.

Появление в составе собрания Азиатского Музея (предшественника ИВР РАН) Сериндийского фонда именно в таком его сложном составе имело не только научную, но и политическую подоплёку.

С начала XIX в. на обширных просторах Евразии разыгралось открытое соперничество двух империй – России и Великобритании, которые стремились к установлению контроля над обширными рынками сбыта, торговыми путями и источниками сырья. В ходе «Большой Игры» правительства обеих держав регулярно организовывали экспедиции с разведывательной целью. Главный штаб Русской императорской армии, ведя систематическую топографическую и картографическую работу в регионе, выполнял не только военные и разведочные задачи, но и вменял командированным лицам в обязанность наносить на карты развалины древних храмов и крепостей. По инициативе начальника Главного штаба Николая Николаевича Обручева (1830–1904) был организован Военно-учёный комитет Главного штаба, который издавал «Сборники географических, топографических и статистических материалов по Азии». К началу первой мировой войны вышли из печати 87 выпусков этого сборника.

Одним из первых о древних памятниках Центральной Азии заговорил выдающийся исследователь Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888), чьи «научные рекогносцировки», как он сам скромно называл свои многолетние путешествия, открыли неизвестные ранее европейцам пути в Центральную Азию и таким образом способствовали осуществлению больших и регулярных экспедиций. Кроме того, Н.М. Пржевальский сделал ряд важных археологических наблюдений [1]. Его дело продолжили ученики и последователи, обратившие более пристальное внимание на памятники ушедших цивилизаций региона, – Михаил Васильевич Певцов (1843–1902), Всеволод Иванович Роборовский (1856–1910), Григорий Николаевич

[1] В отчёте о своей Четвёртой экспедиции в Центральную Азию Н.М. Пржевальский, в частности, писал: «Ещё красноречивее свидетельствуют путешественнику о том же уменьшении живительной влаги и о прогрессе мертвящих сил пустыни засыпанные песком некогда цветущие оазисы и города. Про многие из них известно из китайских летописей; некоторые мы видели сами; наконец об иных слышали от туземцев, которые говорят, что в старину на площади между Хотаном, Аксу и Лобнором лежали 23 города и 360 селений, ныне не существующих. В то время, по местному преданию, можно было из г. Куча пройти на Лобнор “по крышам домов” – так густо сидело население на пустынном ныне Тариме. Ещё и теперь жители Хотана, Кэрии, Ния и других пока уцелевших оазисов ежегодно осенью и зимой ходят в пески искать оголённые бурями остатки древних поселений. Там, как говорят, находят иногда золото и серебро. Попадаются даже уцелевшие сакли, а в них одежда и войлоки; то и другое обыкновенно истлело до того, что от прикосновения рукой рассыпается в пыль» [*Пржевальский*, 1888: 356].

Потанин (1835–1920), Пётр Кузьмич Козлов (1863–1935), Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (1860–1936).

Результаты изучения Центральной Азии вызывали огромный интерес в российском обществе. В конце XIX – начале XX вв. не только научное сообщество, но и широкая читающая публика с нетерпением ожидала выхода исследовательских работ по Востоку, а также переводов оригинальных сочинений с восточных языков. Существовал даже некоторый голод на буддологическую литературу, к путешественникам и востоковедам часто с самыми разными вопросами обращались любители, увлекавшиеся восточной философией, искусством и т. д.

Большой вклад в научное освоение региона внесли русские дипломаты: генеральный консул в Кашгаре Николай Фёдорович Петровский (1837–1908), его преемник на этом посту Сергей Александрович Колоколов (1868–1921), консулы Николай Николаевич Кротков (1869–1919), Яков Яковлевич Лютш (1854–?), Алексей Алексеевич Дьяков (1876–?), братья Борис Васильевич и Василий Васильевич Долбежевы, Александр Иванович Кохановский.

Н.Ф. Петровский стал первым дипломатом, получившим официальный статус от Цинского Китая. Российское консульство в Кашгаре было открыто в 1882 г. в соответствии с Санкт-Петербургским договором (1881), подписанным между Россией и Китаем, что было существенной победой над англичанами, которым открытия здесь своего консульства пришлось ждать до 1909 г.

Находясь на службе в Туркестане с 1867 г., Н.Ф. Петровский занимался коллекционированием предметов искусства и рукописей. Непременный секретарь Академии наук Сергей Фёдорович Ольденбург (1863–1934) отмечал: «Блестящие находки Н.Ф. Петровского начали собою новую эру в археологическом изучении Восточного Туркестана» [*Ольденбург*, 1904: 373].

Примеру поисковой деятельности Н.Ф. Петровского последовали и англичане, превращая, таким образом, собирательство в продолжение большой геополитики. Случайной, но сенсационной удачей стало приобретение в 1889 г. лейтенантом британской разведки Гамильтоном Бауэром (Hamilton Bawer, 1858–1940) рукописи на санскрите, записанной поздним брахми в V–VI вв. В историю она так и вошла как «рукопись Бауэра» (Bawer Manuscript). 56 разрозненных листов на бересте представляли собой медицинский текст и заклинания (дхарани). Исследования рукописи крупнейшими индологами того времени Рудольфом Хёрнле (Rudolf Hoernle, 1841–1918) и Генрихом Людерсом (Heinrich Lüders, 1869–1943) [*Hoernle*, *Lűders*, 1916] подтвердили гипотезу российского индолога Ивана Павловича Минаева (1840–1890) о широком распространении буддийской цивилизации в регионе Восточного Туркестана в древности. После обнаружения «рукописи Бауэра» британским дипломатам, служившим в регионе, было предписано приобретать рукописи и направлять Хёрнле для дешифровки. С 1890 по 1918 гг. в Кашгаре на службе находился британский дипломат Джордж Макартни (George Macartney, 1867–1945), который купил у местного населения множество рукописей и других находок.

Необходимо отметить, что именно изучение древних, «мёртвых» языков региона стало движущей силой поисковой работы в Восточном Туркеста-

не. Вдохновленные открытием текстов на забытых языках, исследователи начали охоту за рукописями, записанными неизвестными письменами. Наблюдая этот их голод, местные жители сами стали проводить раскопки, выставляя на продажу и подлинные находки, и подделки. От приобретения подделок не удалось уберечься почти никому, и позже, с лёгкой руки японского дуньхуановеда Фудзиэда Акира (1911–1998), в 1980–1990-е гг. выявление подделок из Синьцзяна в фондах восточных рукописей мировых собраний стало важным стимулом развития текстологии. Однако имитация древних текстов в Восточном Туркестане массового характера не имела, и в руки исследователей зачастую попадали раритеты, полностью менявшие представления о религиозной, этнической и языковой ситуации в регионе в древности и средневековье.

В 1891 г. Восточное отделение Русского археологического общества обратилось к Н.Ф. Петровскому с запросом о древностях Кашгарии. Н.Ф. Петровский приложил к своему ответу несколько фотографий и «Кашгарскую рукопись» (фрагменты «Лотосовой сутры») на тохарском языке. «Рукопись Петровского» опубликовал С.Ф. Ольденбург [*Ольденбург*, 1893], который ввёл в обиход международной науки конца XIX – начала XX вв. вышедший из употребления топоним «Сериндия», относившийся к региону нынешнего Синьцзяна Китайской Народной Республики. Позже, включая в собрание Азиатского Музея фрагменты, доставленные его Первой Туркестанской экспедицией 1909–1910 гг., С.Ф. Ольденбург включил в хранительскую деятельность шифр SI, став таким образом основателем Сериндийского фонда (в момент формирования его именовали также и Центральноазиатским) ИВР РАН.

В Фонд стали включать рукописи, присылаемые из Восточного Туркестана. Их описывали и публиковали, стараясь указать место приобретения: было понятно, что возможность дешифровки новых языков возможна только при условии сопоставления и соединения рукописей с одинаковой локализацией.

Экспедиция 1893–1895 гг. В.А. Роборовского и П.К. Козлова, осуществлявшая топографическое и метеорологическое обследование Люкчунской (Таримской) впадины к югу от Турфана, доставила в Санкт-Петербург мешок с обрывками рукописей. С.Ф. Ольденбург и профессор Петербургского университета Алексей Осипович Ивановский (1863–1903) разобрали содержимое мешка и выделили обрывки китайских, уйгурских, санскритских и двуязычных (уйгурско-санскритских) рукописей. Материалы были представлены академику Василию Васильевичу Радлову (1837–1918), который сделал о них доклад Академии наук. По результатам доклада, вызвавшего значительный интерес, в 1898 г. Академия наук командировала в Турфан Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914).

Экспедиция Д.А. Клеменца, продолжавшаяся лишь около полугода, обследовала главным образом памятники Туюк-мазара и Идикут-шари, но при этом ознаменовалась сенсационными в научном отношении открытиями [*Klementz*, 1899]. На XII Международном конгрессе востоковедов в Риме в 1899 г. академики В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург сделали сообщение об обнаруженных в Турфане письменных памятниках на тюркских

языках (включая руны) и предметах искусства. Регион был представлен как весьма перспективный для археологического исследования. Данные о находках настолько заинтересовали учёных, что было решено создать программу международного сотрудничества в изучении памятников Восточного Туркестана. 2 (14) октября 1899 г. была основана Международная ассоциация для изучения Центральной и Восточной Азии, задачами которой стало исследование этих регионов в географическом, этнографическом и археологическом отношении. И хотя созданные во многих странах подразделения данной Ассоциации договорились о разграничении территорий для исследований в Восточном Туркестане, соглашения эти выполнены не были.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСА), находившийся в ведении Министерства иностранных дел, долго и упорно добивался от государства выделения средств на экспедицию в Восточный Туркестан, указывая, что у русских учёных имеется большой «задел» в изучении региона, много превышающий заслуги других стран, и что экономическое и торговое развитие Синьцзяна, в частности, распространение земледелия повлечёт за собой «беспощадное истребление памятников прошлого: штукатурка стен пойдёт на удобрение полей, здания будут разбираться на постройку жилищ» [*Веселовский*, *Клеменц*, *Ольденбург*, 1901: XI].

В первое десятилетие XX в. в России средства находились лишь на небольшие экспедиции. В 1905–1907 гг. Кучу посетила экспедиция Михаила Михайловича Березовского (1848–1912), доставившая в Санкт-Петербург рукописные фрагменты по большей части на тохарском языке [*Воробьева-Десятовская*, 2008; *Popova*, 2015]. Привезённая им коллекция рукописных фрагментов имеет особую ценность, т. к. М.М. Березовский очень тщательно фиксировал места обнаружения фрагментов.

В этот период возможность приобретения рукописей в Синьцзяне реализуют в основном дипломаты. Врач Российского консульства в Урумчи в 1904–1906 гг. А.И. Кохановский находился в Турфане в 1906–1907 гг. Его коллекция, в которую входили китайские и в небольшом количестве древнеуйгурские и тибетские рукописи, поступила в АМ в 1907 г. [*Попова*, 2011].

В 1907 г. в Петербург приходит «первая коллекция Кроткова», собранная Н.Н. Кротковым, российским консулом в Урумчи, а затем секретарём консульств в Гирине, Цицикаре и Кульдже. Вторая часть коллекции доставляется в 1909 г, третья и четвёртая в 1911 г. Большинство рукописей были на древнеуйгурском, но среди них были фрагменты на согдийском и тибетском языках. Коллекция Кроткова является самой объёмной в Сериндийском фонде ИВР РАН, она включает интересные переводные буддийские и апокрифические тексты, а также оригинальные деловые документы. Малоизвестным фактом является поступление от Н.Н. Кроткова посылки, содержащей две тибетские и две китайские рукописи из Дуньхуана [Архив востоковедов ИВР РАН, Ф. 152. Оп. 1, ед. 52, л. 52].

В августе 1908 г. небольшой городок Астана (Турфанский оазис) посетил А.А. Дьяков, секретарь, а позднее и консул в Кульдже (1906–1912) и Урумчи (1913–1915). Из Астаны он привёз крупный фрагмент древнеуйгурского ксилографа, два рукописных уйгурских свитка и 81 фрагмент, 70 из кото-

рых были на древнеуйгурском языке. Эти материалы были переданы РКСА в Азиатский Музей в декабре 1909 г.

Между тем к обследованию Восточного Туркестана активно подключилась Германия, где решение об организации экспедиции в Турфан было принято сразу же после доклада В.В. Радлова и С.Ф. Ольденбурга. Экспедиция под руководством Альберта Грюнведеля (Albert Grünwedel, 1856–1935) в 1902–1903 гг. провела археологические раскопки в Турфане, посетила Карашар, Кучу, Аксу и Кашгар [*Grünwedel*, 1905]. За ними последовали ещё три «прусские экспедиции» (1904–1905, 1905–1907, 1913–1914 гг.), которые преследовали не только исследовательские, но и музейные цели, и многие доставленные из Восточного Туркестана произведения искусства сразу же были помещены в экспозицию.

РКСА долго не удавалось найти средства для организации большой экспедиции с археологическими целями в Центральную Азию, но в это время продолжались географические и естественнонаучные исследования региона, осуществляемые Русским географическим обществом и Главным штабом Русской императорской армии. В 1906–1907 гг. состоялась экспедиция полковника Карла Густава Эмиля Маннергейма (Carl Gustaf Emil Mannerheim, 1867–1951), который был высочайше командирован в Китай с «негласной целью». Маннергейм много времени уделил также осмотру, описанию, фотографированию памятников древности, особенно в Карашаре и в районе Турфана, и с некоторых снял планы.

Выдающиеся результаты принесла экспедиция Петра Кузьмича Козлова, открывшего в 1907–1909 гг. в пустыне Гоби остатки мёртвого города Хара-Хото и доставившего в Санкт-Петербург уникальные памятники тангутского искусства и письменности. Ныне ИВР РАН хранит самую большую в мире коллекцию рукописей, которая составляет более 90% от всего количества сохранившихся в мире документов на вышедшем к XIV в. из употребления языке тангутов.

Первая относительно крупная экспедиция в Восточный Туркестан, организованная РКСА, отправилась из Петербурга 6 (19) июня 1909 г. Её возглавил С.Ф. Ольденбург, многолетний непременный секретарь Академии наук, крупнейший индолог. Комплексное изучение археологических памятников буддийского искусства было научной целью экспедиций С.Ф. Ольденбурга в Турфан (1909–1910 гг.) и Дуньхуан (1914–1915 гг.), получивших название Первой и Второй Русских Туркестанских экспедиций. В результате работы Первой экспедиции в Турфане было приобретено несколько сотен фрагментов, но С.Ф. Ольденбург был разочарован результатами экспедиции. Ф.И. Щербатской (1866–1942) писал по этому поводу так: «В результате, когда экспедиция, возглавляемая С.Ф. [Ольденбургом] двинулась в путь, страна уже была посещена целым рядом экспедиций, которые буквально опустошили край в археологическом отношении» [*Щербатской*, 1935: 26]. Первоначальную систематизацию рукописей, доставленных из Турфана, провёл сам С.Ф. Ольденбург.

Ценные поступления в Сериндийский фонд ИВР РАН были связаны с поездками в Восточный Туркестан Сергея Ефимовича Малова (1880–1957) в 1909–1911 и 1913–1914 гг. Его экспедиции имели целью не столько

археологические, сколько этнографические и лингвистические исследования малоизученных тюркских народов (сарыг-уйгуров, саларов, лобнорцев, уйгуров и других народов). В экспедициях С.Е. Малову удалось приобрести и множество фрагментов рукописей и документов на древнеуйгурском и других языках, в т. ч. хотаносакском, санскрите, монгольском, тибетском и китайском. Среди этих материалов особо следует отметить уникальную уйгурскую рукопись «Алтун ярук» («Сутра золотого блеска») и примыкающее к ней «Благословение» (Buyan ävirmäk).

В начале XX в. изучение рукописей Сериндийского фонда и ввод в научный оборот значительной части рукописного материала связаны с именами знаменитых учёных-востоковедов В.В. Радлова, Карла Германовича Залемана (1850–1916), С.Ф. Ольденбурга. Большая часть материалов была опубликована В.В. Радловым и С.Е. Маловым совместно. Они издали наиболее «объёмные» фрагменты: манихейское покаяние в грехах «Хуастванифт» [*Radloff*, 1909], уйгурскую версию «Дишаствустик» (санскр. Diśāsauvāstikasūtra) [*Radloff*, 1910], Авалокитешвара-сутру или 25 главу китайского перевода Саддхармапундарика-сутры (Kuanši-im Pusar) [*Radloff*, 1911], Суварнапрабхасоттама-сутры (Altun Yaruk) [*Радлов*, *Малов*, 1913–1917], а также многочисленные фрагменты буддийских сочинений и деловые документы [*Малов*, 1951].

Прерванное Великой Отечественной войной изучение рукописей из Восточного Туркестана было продолжено в начале 1950-х гг. Владимиром Святославовичем Воробьёвым-Десятовским (1927–1956), Маргаритой Иосифовной Воробьёвой-Десятовской (1933–2020) и другими сотрудниками Ленинградского отделения / Санкт-Петербургского филиала ИВ АН СССР.

В.С. Воробьёв-Десятовский впервые выполнил полную систематизацию Сериндийского фонда и составил его инвентарную книгу, которая была утверждена в 1953 г. Он также опубликовал ряд важных памятников [*Воробьёв-Десятовский*, 1953; *Воробьёв-Десятовский*, 1957; *Воробьёв-Десятовский*, 1958; Сказание о Бхадре, 1965] и выделил в Фонде коллекции, связав их с именами фондообразователей. В настоящее время Сериндийский фонд состоит из 15 коллекций, существенно различающихся по объёму и составу. Тринадцать коллекций носят имена людей, приобретших материалы, переданные ими в Азиатский Музей. Коллекции различаются по шифрам: SI/B для коллекции Березовского; SI/D – Дьякова; SI/Kl – Клеменца; SI/Koz – Козлова; SI/K – Кохановского; SI/Kol – Колоколова; SI/Kr – Кроткова; SI/L – Лаврова; SI/M, MA, Мтд – Малова; SI/O – Ольденбурга; SI/P – Петровского; SI/Rob – Роборовского; SI/Strel-D – Стрелкова[2]. Коллекция со старым

[2] Стрелков Александр Семёнович (1896–1938) – сотрудник Государственного Эрмитажа, специалист по искусству эллинистического Востока, был помощником С.Ф. Ольденбурга, после его смерти занимался подготовкой к печати памятников искусства. После ареста А.С. Стрелкова материалы, с которыми он работал, вошли в состав рукописного фонда Института востоковедения в Ленинграде (ныне – ИВР РАН). Это были деревянные таблички, предположительно доставленные экспедицией М.М. Березовского [*Воробьёва-Десятовская,* 2008: 69-70]. В составе коллекции Стрелкова – 80 единиц хранения текстов, записанных письмом брахми [Азиатский Музей, 2018: 287].

шифром SI/Uig включает материалы на древнеуйгурском языке, сведения о приобретении которых на момент инвентаризации требовали уточнения. Отдельно под шифром Merv хранится рукопись на бересте, обнаруженная в 1965 г. в Мервском оазисе близ города Байрам-Али в Туркмении [*Воробьёва-Десятовская*, 2006].

К настоящему моменту издано три печатных каталога Сериндийского фонда ИВР РАН: согдийских фрагментов А.С. Рагоза [Согдийские фрагменты, 1980], среднеперсидских и парфянских фрагментов О.М. Чунаковой [Манихейские рукописи, 2011], а также части древнеуйгурских материалов международной группой, в которую помимо сотрудников ИВР РАН вошли консультанты с германской и японской стороны [Catalogue of the Old Uyghur Manuscripts and Blockprints, 2021]. Эти каталоги известны и широко используются в мировом научном сообществе.

В последние годы стремительное распространение Интернет-технологий предоставило новые возможности для работы с рукописными текстами, прежде всего с точки зрения обеспечения их большей доступности и одновременно неконтактного использования исследователями, что повышает сохранность оригиналов.

С начала 1990-х гг. ведущие научно-образовательные учреждения Европы открывают долгосрочные проекты с обширными бюджетами, направленные на описание, хранение, обработку и использование рукописных материалов на разных языках, их изучение и поэтапное размещение в сети Интернет.

Первым внедрением передовых технологий в изучение рукописей из Восточного Туркестана занялся основанный Британской библиотекой в 1994 г. *International Dunhuang Project*[3] («Международный дуньхуанский проект»), который со временем превратился в большое международное объединение, созданное для обеспечения свободного доступа через сеть Интернет к описанию и цифровым изображениям всех рукописей, икон, тканей и прочих находок из Дуньхуана и других городищ Великого Шелкового пути. ИВР РАН (в ту пору Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) подключился к Международному дуньхуанскому проекту в 2004 г., воспользовавшись, как и остальные участники, Интернет-порталом Британской библиотеки. Позже были запущены аналогичные проекты: *"Turfanforshung" Turfan-Archive*[4] Берлин-Бранденбургской академии наук, предоставляющий доступ к древнеуйгурским, среднеперсидским и прочим рукописным фрагментам из немецких коллекций; *Thesaurus Indogermanischer Text und Sprachmaterialien, TITUS*[5] («Тезаурус индо-европейских текстов и языков») Франкфуртского университета имени Гёте, содержащий ценные уйгурские, согдийские, хотано-сакские тексты; *Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts, CEToM*[6] («Корпус полного издания тохарских рукописей»)

[3] International Dunhuang Project (bl.uk)
[4] www.bbaw.de/bbaw/Forschung/Forschungsprojekte/turfanforschung/de
[5] TITUS: INDEX (uni-frankfurt.de)
[6] https://www.univie.ac.at/tocharian

Венского университета, предоставляющий описания большинства сохранившихся в мире текстов на тохарском языке.

На далёкую перспективу предполагается объединять виртуальные коллекции в рамках международного сотрудничества, поскольку экспедиции разных стран зачастую обследовали одни и те же археологические памятники, и фрагменты одной и той же рукописи могли оказаться в хранилищах разных стран. На протяжении последних нескольких десятилетий изучения сходных по составу мировых коллекций такие соединения разрозненных фрагментов уже выполнялись [*Zieme*, 2020]. Объединение фрагментов в виртуальном пространстве с помощью многофункциональных электронных баз данных представляется весьма перспективной задачей будущего.

Для работы по идентификации текстов из Восточного Туркестана важное значение имеет наличие в сети Интернет текстовых баз с буддийскими текстами – наиболее ранний по времени основания ресурс *Chinese Buddhist Elictronic Tripitaka Association, CBETA*[7]. Ресурс был запущен 15 февраля 1998 г. при поддержке ряда буддийских фондов и институтов Тайваня и представляет собой поисковую систему по «Трипитаке годов Тайсё», важнейшему изданию китайских текстов с японскими комментариями, подготовленному в 1924–1934 гг. коллективом учёных-текстологов под руководством Такакусу Дзюнтаро (1866–1945). Данный компендиум доступен также благодаря японской системе *SAT Taishō Database*[8]. В сети существует несколько текстовых баз с санскритскими текстами, самые известные из которых – *Guttingen Register of Electronic Texts in Indian Languages* (GRETIL)[9] («Гёттингенский реестр электронных текстов на индийских языках»), поддерживаемая Гёттингенским университетом, в которой представлены в том числе материалы из Центральной и Юго-Восточной Азии, а также база *Thesaurus Literaturae Buddhicae*[10] («Корпус буддийской литературы»), поддерживаемая Университетом Осло.

По сравнению с другими мировыми собраниями рукописей из Восточного Туркестана коллекция ИВР РАН значительно обширнее, сложнее и содержит гораздо более редкие экземпляры, чем представленные в большинстве аналогичных зарубежных научно-исследовательских фондах и институтах. Поэтому работа с Сериндийским фондом ИВР РАН предполагает разработку собственной методологии, позволяющей встраивать в базу данных рукописи на разных языках и разрабатывать возможность вести по ним адаптивный поиск. Решение этой задачи является одним из важнейших вызовов для отечественной восточной текстологии.

В конце 2018 г. по поручению Министерства науки и высшего образования РФ на основе принятой Стратегии научно-технологического развития

---

[7] CBETA (https://cbeta.org/cbreader/help/index_e.htm)
[8] https://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/
[9] http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil.html
[10] https://www2.hf.uio.no//polyglotta/index.php?page=library&bid=2

Российской Федерации, Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» в рамках проекта «Новых лабораторий» в ИВР РАН в составе Отдела рукописей и документов была создана «Лаборатория Сериндика» с целью ускорить переход результатов исследований в стадию практического применения. Предполагалось, что сотрудники Лаборатории – 9 молодых исследователей (на момент создания структуры средний возраст 32 года) – будут заниматься изучением языковой и культурной ситуации на границах средневековых империй Центральной Азии на основе рукописного наследия народов данного региона, представленного в Сериндийской коллекции рукописного собрания ИВР РАН.

Важной частью деятельности Лаборатории предполагались реставрация, оцифровка и размещение в базе данных для внутреннего пользования рукописей и фрагментов, первичное исследование которых позволит разработать схему описания рукописей. Эта схема станет основой для дальнейшего формирования структуры базы данных и создания гибкого поискового аппарата, ориентированного на нужды исследователя-рукописника. Цель Лаборатории – создание корпуса текстов Сериндийского фонда на разных языках. Начало было положено обработкой материалов на санскрите, древнеуйгурском, тибетском и тохарском языках, что связано с наличием специалистов по данным направлениям.

Порядок описания рукописей и ксилографов (печатных книг) в базе «Лаборатории Сериндика», разработанный на основе традиционной отечественной системы каталогизации с учётом достижений мировой науки, состоит в следующем. (Раздел 1). Общая информация (топография): шифр рукописи, инвентарный номер, старый шифр, старый инвентарный номер, место хранения, фонд, коллекция, место приобретения, история приобретения, прилагающиеся материалы (публикации, факсимиле, ассоциации внутри фонда, ассоциации между фондами), примечания, общее количество листов или фрагментов. (Раздел 2). Текстология: автор, текст/заглавие, переводчик, переписчик, редактор, резчик, заказчик, язык, датировка, место издания, издательство/типография, примечания. (Раздел 3). Кодикология: тип (рукопись/ксилограф и т. д.), формат, описание (особенности внешнего вида), функциональные и декоративные элементы, размер, количество строк, расстояние между строками, материал, описание материала, вещество для письма, орудие письма, письмо, стиль письма, примечания.

С учётом перспектив работы с Фондом большое значение имеет кодикологический аспект. Известно, что по мере поступления рукописей в европейские собрания в первую очередь реставрировались и публиковались наиболее ценные в научном отношении, содержательные и крупные по размерам фрагменты. Принятая вплоть до начала XX в. практика позволяла иностранным учёным вывозить артефакты из Азии в Европу, что сформировало универсальные музеи в Лондоне, Париже, Берлине и Санкт-Петербурге. Однако со временем власти азиатских стран перестали выдавать разрешения на вывоз. В 1930 г. известному британскому исследователю Центральной Азии Марку Аурелу Стейну (Mark Aurel Stein, 1862–1943) впервые не позволили вывезти археологические находки за пределы Китая.

Последние поступления в Сериндийский фонд ИВР РАН также относятся приблизительно к этому же периоду.

В настоящее время надежды на передачу в европейские собрания вновь обнаруженных рукописей из Азии практически нет, поэтому весьма перспективной является работа над имеющейся в составе многих коллекций россыпью, ранее находившейся на периферии внимания исследователей. Работая с мельчайшими фрагментами, важно выявлять рукописи с максимально сходными кодикологическими и палеографическими характеристиками. Мельчайшие фрагменты зачастую несут лишь несколько знаков, поэтому важно выявлять системы и типы письма, определять тип бумаги (тканая, вержированная, с большим или малым количеством фибры), устанавливать наличие или отсутствие графления, расстояние между строками, среднюю высоту и ширину графического знака. Эти данные подскажут, могли ли отобранные фрагменты быть частью одного листа.

Кодикологический и палеографический анализ имеющегося материала позволяет рассматривать возможность соединения разрозненных фрагментов (даже мельчайших) в единое целое. Конечно, для того, чтобы эта работа продвигалась, необходим «массовый» оцифрованный материал, и тогда возникнет надежда на возможное сложение «пазлов» и появление возможности для более детальной систематизации и изучения текстов.

Список литературы

Азиатский Музей – Институт восточных рукописей РАН. Путеводитель. Под ред. И.Ф. Поповой. М.: Издательство восточной литературы, 2018. 894 с.

Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф. Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. Т. XIII (1900). Вып. 1. СПб, 1901. С. IX–XVIII.

Воробьёв-Десятовский В.С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С.Е. Маловым // Учёные записки ИВ АН. Т. VI. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. С. 167–175.

Воробьёв-Десятовский В.С. Вновь найденные листы рукописей Кашйапапариварты // Rocznik Orientalistyczny. T. XXI. 1957. С. 491–500.

Воробьёв-Десятовский В.С. Памятники центральноазиатской письменности // Учёные записки ИВ АН. Т. XVI. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 280–308.

Воробьёва-Десятовская М.И. К вопросу о догматике раннего буддизма // Письменные памятники Востока. № 2(5). 2006. С. 104–124.

Воробьёва-Десятовская М.И. Экспедиция М.М. Березовского в Кучу (1905-1908) // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. Под ред. И.Ф. Поповой. СПб: Славия, 2008. С. 65–74.

Дмитриева Л.В. Древнеуйгурские материалы (уйгурским письмом) в Институте востоковедения АН СССР // Страны и народы Востока. Вып. VIII. География, этнография, история. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. С. 222–228.

Зорин А.В. О тибетских рукописях из коллекции Д.Г. Мессершмидта в собрании Института восточных рукописей РАН // К 300-летию экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). Сб. статей. Отв. ред. И.В. Тункина. СПб: Реноме, 2021. С. 291–305.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.Л.: Издательство АН СССР, 1951. 451 с.

Манихейские рукописи из Восточного Туркестана: среднеперсидские и парфянские фрагменты. Введение, транслитерация, перевод, комментарий, приложения О.М. Чунаковой. Факсимиле рукописей. М.: Восточная литература, 2011. 159 с. (Памятники письменности Востока, CXIX).

Ольденбург С.Ф. Кашгарская рукопись Петровского // ЗВОРАО. Т. VII [1892]. 1893. С. 81–82.

Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCCLIII. 1904, № 6. Отд. II. С. 366–397.

Попова И.Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. Под ред. И. Ф. Поповой. СПб: Славия, 2008. С. 11–39.

Попова И.Ф. Турфанская коллекция А.И. Кохановского в собрании ИВР РАН // В потоке научного творчества. К 80-летию академика В.С. Мясникова. М: Наука, 2011. С. 161–166.

Пржевальский Н.М. Четвёртое путешествие в Центральную Азию. От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Исследование Северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб: Имп. Русское географическое общество, 1888. 537 с.

Радлов В.В., Малов С.Е. Suvarṇaprabhāsa (Сутра Золотого Блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В.В. Радлов и С.Е. Малов. СПб: Типография Имп. Академии наук, 1913 (I-II), 1914 (III-IV), 1915 (V-VI); Пг: 1917 (VII-VIII). (Bibliotheca Buddhica, XVII).

Роборовский В.И. Труды экспедиции Имп. Географического общества по Центральной Азии. Ч. 1. Отчёт начальника экспедиции В.И. Роборовского. СПб: Имп. Русское географическое общество, 1900. 708 с.

Сказание о Бхадре (новые листы сакской рукописи «E»). Факсимиле текста, транскрипция, перевод, предисловие, вступительная статья, глоссарий и приложение В.С. Воробьёва-Десятовского и М.И. Воробьёвой-Десятовской. М., 1965. 297 с. (Памятники письменности Востока, I).

Согдийские фрагменты Центральноазиатского собрания Института востоковедения. Факсимиле, издание текстов, чтение, перевод, предисловие, примечания и глоссарий А.И. Рагоза. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 184 с.

Тугушева Л.Ю. Экспедиции в Центральную Азию и открытие раннесредневековых тюркских письменных памятников // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. Под ред. И.Ф. Поповой. СПб: Славия, 2008. С. 40–49.

Щербатской Ф.И. Академик С.Ф. Ольденбург как индианист // Записки Института востоковедения АН СССР. Вып. IV. Л.: Издательство АН СССР, 1935. С. 23–30.

Catalogue of the Old Uyghur Manuscripts and Blockprints in the Serindia Collection of the Institute of Oriental Manuscripts. Vol. I. Ed. by IOM, RAS & The Toyo Bunko. Tokyo: The Toyo Bunko, 2021. 386 c.

Hoernle, Rudolf & Lűders, Heinrich. Manuscript Remains of Buddhist Literature found in Eastern Turkestan. Oxford: Oxford University Press, 1916. 495 c.

Grünwedel, *Albert*. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschahri und Umgebung im Winter 1902-1903. München: Verlag der K. Akademie der Wissenschaften, 1905.

Klementz, Dmitry A. Turfan und seine Alterhümer. Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Hf. 1. St.-Pétersbourg: Типография Имп. Академии наук, 1899. 53 с.

Popova, Irina. M.M. Berezovsky's Expedition to Kucha (1905–1908) as a Step in Russian Exploration of Central Asia // Tocharian Texts in Context. International Conference on Tocharian Manuscripts and Silk Road Cultures. Vienna, June 25-29th 2013. Ed. by Melanie Malzahn, Michaël Peyrot, Hannes Fellner and Theresa-Susanna Illès. Bremen: Hempen Verlag, 2015. P. 187–198.

Radloff, Wilhelm. Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer. Herausgegeben und Überzetzt von W. Radloff. St.-Pétersbourg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1909. 51 p.

Radloff, Wilhelm. Kuan-si-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe d e s Saddharmapundanka. Herausgegeben und übersetzt von W. Radloff. Mit vier Beilagen und zwei Tafeln. St.-Pétersbourg: Имп. Академия наук, 1911. VIII, 119 c. (Bibliotheca Buddhica, XIV).

Radloff, Wilhelm. Ṭišastvustik: ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra. I. Transcription und Übersetzung von W. Radloff. II. Bemerkungen zu den Brāhmīglossen des Tišastvustik-Manuscripts (Mus. As. Kr. VII) von Baron A. von Staël Holstein. St.-Pétersbourg: Имп. Академия наук, 1910 (Bibliotheca Buddhica, XII). 143 c.

Zieme, Peter. The first leaf of an Old Uyghur 觀無量壽經 "Guanwuliangshoujing" translation // Written Monuments of the Orient. No. 1(11), 2020. P. 47–55.

Проект «История письма европейской цивилизации»: коллекции памятников письменности академических институтов Санкт-Петербурга – оцифровка и изучение

А.В. Сиренов

Аннотация. *Статья посвящена проекту «История письма европейской цивилизации», который реализуют четыре академических института Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотека РАН и Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Одной из задач проекта является создание информационного ресурса, посвящённого традициям письма народов Европы с античности до Нового времени. Основой ресурса станут богатые и малоисследованные коллекции памятников письменности академических институтов Санкт-Петербурга.*

Ключевые слова: *источниковедение, палеография, история письма, цифровые копии средневековых рукописей.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.010

В академических учреждениях Санкт-Петербурга хранятся богатые и малоисследованные собрания рукописей. На их материале в настоящее время реализуется проект «История письма европейской цивилизации»[1]. Собирание рукописных памятников было одним из важнейших направлений гуманитарной науки России XIX – начала XX в. Этот процесс начался ещё в XVIII в., но тогда он не был связан с Академией наук. На принципиально новый уровень собирание памятников письменности вывела Археографическая экспедиция Академии наук, действовавшая под руководством П.М. Строева в 1828–1834 гг. Принимавший активное участие в экспедициях Н.П. Румянцева, П.М. Строев ещё в 1823 г. предложил Обществу истории и древностей российских при Московском университете программу собирания источников по российской истории, которые хранятся в провинциальных и церковных архивах, но тогда его инициатива не встретила поддержки. Спустя несколько лет Строев обратился к вице-президенту Академии наук С.С. Уварову с аналогичным предложением. Будучи любителем истории, Уваров поспособствовал тому, чтобы Академия наук выделила средства на экспедицию Строева, и весной 1828 г. экспедиция начала свою работу. За четыре сезона Строев и его помощник Я. И. Бередников обследовали около 200 архивов и привезли в Петербург несколько сотен сред-

[1] Проект объединяет Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотеку РАН и Санкт-Петербургский филиал Архива РАН – грант конкурса крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития в рамках подпрограммы «Фундаментальные научные исследования для долгосрочного развития и обеспечения конкурентоспособности общества и государства» государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (номер проекта 075-15-2020-786).

невековых документов XIV–XVII – в подлинниках и копиях. Для издания этих источников и была образована Археографическая комиссия [*Брачев*, 1997]. Подготовленная сотрудниками комиссии научная публикация наиболее важных из собранных Археографической экспедицией документов стала первым издательским проектом Археографической комиссии. За ним последовали другие: Акты исторические, Акты юридического быта, Полное собрание русских летописей и др. Но наиболее важным с точки зрения систематизации собранных документов явилось издание Актов юридических (полное название «Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства») [Акты юридические, 1838]. Инициатор этого издания Я.И. Бередников предпринял попытку представить документы как образцы делопроизводства разных эпох. Подобную задачу ставил и А.И. Андреев в опубликованном в 1922 г. Словаре частных актов, в котором сведены воедино названия русских средневековых частных актов в археографической практике XIX – начала XX в. [Терминологический словарь, 1922]. Таким образом, изучение образцов средневекового письма в Археографической комиссии предпринималось через призму дипломатики.

Параллельно с издательской деятельностью Археографической комиссии образцы письма исследовали и публиковали учёные-палеографы. Впервые образцы письма древнерусских рукописей опубликовали в приложении к первому исследованию Тмутараканского камня его авторы А.Н. Оленин и А.И. Ермолаев в 1806 г. [*Оленин*, 1806: табл. IX]. Следует отметить, что гравированные изображения средневековых документов имели хождение среди членов кружка Н.П. Румянцева. Так, известны копии новгородских грамот XIII в., которые были награвированы для Н.П. Румянцева [*Кеппен*, 1822: 52]. По его же распоряжению была изготовлена гравированная копия грамоты князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю, которая сопровождает исследование этого документа, выполненное митр. Евгением (Болховитиновым) [Вестник Европы, 1818: 320; *Кеппен*, 1822: 33]. Немало гравированных изображений средневековых рукописей хранится в личном архиве П.И. Кеппена, который проводил обследование западноевропейских архивохранилищ и библиотек на предмет выявления древнерусских рукописей и впервые поставил целью описать образцы письма важнейших древнерусских памятников. Правда, издание своего труда Кеппен не сопроводил копиями рассмотренных им рукописных текстов. Во второй половине 20-х годов XIX в., уже после смерти Н.П. Румянцева, его сотрудниками было подготовлено издание Устюжской кормчей, которое предполагалось начать с воспроизведения образца почерка этой рукописи [*Корогодина*, 2020: 715-716].

Постепенно, с развитием книгоиздательского дела, литографированные изображения образцов средневекового рукописного текста стали появляться в самых разных научных изданиях историко-филологического профиля. Так, например, в некоторых томах серии Полного собрания русских летописей встречаем образцы письма списков привлечённых к изданию летописей. В последней четверти XIX в. для воспроизведения образцов письма обращались к фототипии, в результате чего количество факсимильно опубликованных рукописей существенно возросло. Так, основанное в 1877 г.

Общество любителей древней письменности ставило своей задачей именно факсимильное воспроизведение древнерусских рукописей. С 80-х годов XIX в. факсимильные издания средневековых рукописей в России носили уже массовый характер. Их вершиной стала факсимильная публикация в 1912 г. Архангельского Евангелия 1092 г. методом цинкографии. В этом издании воспроизведены не только страницы рукописи, но и её переплет со всеми утратами, загрязнениями и поздними наклейками. Традиция факсимильного издания рукописей получила развитие в советское время, она продолжается и сейчас. Однако в настоящее время факсимильное издание существенно уступает практике интернет-коллекций, на которых представлены цифровые копии средневековых рукописей. Эта традиция наибольшее развитие получила в научных центрах Западной Европы и США. Так, в настоящее время существуют коллекции образцов письма в качестве иллюстративного материала к каталогам, опубликованным на бумажных носителях (например, проект Калифорнийского университета в Беркли «Digital Scriptorium» включает фотографии образцов рукописей из 34 учреждений США: http://bancroft.berkeley.edu/digitalscriptorium/). Большее распространение получили проекты полнотекстовой оцифровки рукописей из крупнейших хранилищ: почти 20 000 оцифрованных рукописей Ватиканской библиотеки (https://digi.vatlib.it/mss/), более 12 000 рукописей немецких библиотек (http://www.manuscripta-mediaevalia.de/); около 10 000 рукописей из Национальной библиотеки Франции (http://gallica.bnf.fr) дополняют 7700 рукописей из других библиотек Франции, объединённых в проекте IRHT Bibliothèque Virtuelle des Manuscrits Médiévaux (http://bvmm.irht.cnrs.fr); около 4000 рукописей вывешены на сайте библиотеки Медичи (http://mss.bmlonline.it/); на сайте Британской библиотеки доступны ок. 2000 кодексов (http://www.bl.uk/manuscripts/); виртуальная библиотека швейцарских средневековых рукописей даёт доступ к 1400 кодексам (http://www.e-codices.ch/en); 400 кодексов проекта Digital Walters из Музея искусств Балтимора (http://www.thedigitalwalters.org/), 300 кодексов из «Beinecke Digital Collections» из собрания Йельского Университета (http://brbl-dl.library.yale.edu/).

В России наиболее значительные коллекции цифровых копий средневековых рукописей включают рукописные фонды крупных хранилищ: Российской государственной библиотеки (на сайте Троице-Сергиевой лавры: https://lib-fond.ru/), Российской национальной библиотеки (http://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?digital=1), Российского государственного архива древних актов (http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&page=1), Государственного исторического музея (https://catalog.shm.ru/) и др. В рамках реализации национального проекта «Культура» (федеральный проект «Цифровая культура») создан портал «Книжные памятники» (https://kp.rusneb.ru/), где помимо печатных книг представлены и рукописные кодексы – в разделе «Славяно-русские рукописные книги» (https://kp.rusneb.ru/item/thematicsection/slavic-manuscripts).

Иначе обстоит дело со специализированными коллекциями, где цифровые копии рукописей составляют комплексы исторических источников, в которых материал сгруппирован по хронологическому или тематическому принципу. Такие ресурсы отражают результаты многолетних фун-

даментальных исследований. В качестве примера можно привести базу подлинных документов до 1120 г., хранящихся на территории Франции. Этот проект предполагает размещение транслитерации текста и библиографии применительно к каждому акту (http://www.cn-telma.fr/originaux/index/, его продолжение см.: http://rmblf.be/2014/02/15/base-de-donnees-chartes-originales-1120-1220-conservees-en-france/). Следующим этапом стало создание базы данных «Chartae Galliae», включающей все актовые источники Франции до конца XIII в. (http://www.cn-telma.fr/chartae-galliae/index/). Подобные базы с прибавлением цифровых копий представляют средневековые рукописные источники почти с исчерпывающей полнотой и имеют значительный исследовательский потенциал. К таким ресурсам относится, например, коллекция документов VII–XIX вв. «Florilège» Национального архива Франции (http://www.culture.gouv.fr/documentation/archim/exposition_florilege.htm).

Подобным образом организован и международный проект Monasterium (MOM), объединяющий коллекции цифровых копий средневековых документов латинского алфавита из хранилищ ряда европейских стран (http://monasterium.net/mom/fonds). Особенность этого проекта состоит в том, что любой пользователь может предложить свою транслитерацию документа или комментарий к его содержанию.

В России коллекция образцов письменности разных культур была собрана в начале XX в. Н.П. Лихачёвым. На собственные средства в течение двух десятилетий учёный составил коллекцию памятников письменности, начиная от эпиграфики Древнего Востока и Египта и заканчивая автографами писателей начала XX в. Средневековые рукописи европейской традиции из коллекции Н.П. Лихачёва в настоящее время хранятся в Санкт-Петербургском институте истории РАН. Желая на основе своей коллекции создать Институт вспомогательных исторических знаний, Н.П. Лихачёв предполагал, что собранная им коллекция будет изучаться не только с точки зрения особенностей написания текста [*Климанов*, 1991: 424-436; *Климанов*, 1993: 7-28]. Будучи автором первой в российской науке монографии, посвящённой бумаге как материалу письма средневековых рукописей, Н.П. Лихачёв уделял большое значение материалам письма как объекту исследования. Именно с этой целью он прилагал все старания для того, чтобы в его коллекции разные культуры и эпохи истории человечества были представлены хотя бы несколькими подлинными образцами письма. К сожалению, исследовательская деятельность научных учреждений, в которые были переданы собранные Н.П. Лихачёвым образцы письма, была сосредоточена вокруг содержания их текстов, а также изучения культурного и исторического контекста их создания. Собранные Н.П. Лихачёвым материалы, имеющие первостепенное значение для изучения истории письма, например коллекция исторических образцов бумаги разного времени, специально собиравшихся учёным фальсификаты памятников письменности, до настоящего времени в полной мере не введены в научный оборот. Особое место в научном творчестве Н.П. Лихачёва занимают памятники эпиграфики. Будучи убеждённым сторонником необходимости собирания и исследования эпиграфики, Н.П. Лихачёв сам почти не занимался изучением

эпиграфических памятников[2]. Однако такая работа в основанном им Музее палеографии проводилась, и её результатом следует считать классический справочник по древнерусской эпиграфике, опубликованный в 1936 г. директором Института книги, документа и письма АН СССР А.С. Орловым [*Орлов*, 1936; *Орлов*, 1952][3].

Отдельные коллекции образцов письма сформированы и в других собраниях академических учреждений Санкт-Петербурга. Так, история письма была предметом изучения в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук. Здесь хранятся коллекции палеографов второй половины XIX – начала XX в., которые целенаправленно собирали образцы почерков и оформления средневековых кириллических рукописей. Такие подборки присутствуют в собраниях Археографической комиссии, Археологического института, А.Е. Бурцева, А.А. Дмитриевского, еп. Павла (Доброхотова), И.П. Мордвинова, Н.К. Никольского, А.И. Яцимирского, а также в составе Основного собрания, собраний Текущих поступлений, Приенисейского музея и ряда других, включающих в себя собранные частными лицами коллекции памятников письменности [Исторический очерк, 1958: 79-105, 112-114, 138-145, 179-181, 184-190, 196-204]. Особое место среди этих материалов занимает собрание выдающегося русского слависта И.И. Срезневского, который ещё в 1863–1866 гг. опубликовал один из первых и наиболее полный по представленному материалу обзор образцов древнерусского письма [*Срезневский*, 1863; *Срезневский*, 1866]. Эти материалы учёный собирал всю жизнь, пополняя их копиями как рукописей, так и памятников эпиграфики (по терминологии того времени, «вещевой палеографии»). В Отделе рукописей БАН хранится коллекция И.И. Срезневского, в которой находятся не только уникальные рукописные книги и фрагменты, но и собрание копий – по существу, это собрание образцов кириллического средневекового письма, выполненное на уровне технологий середины – второй половины XIX в. [Исторический очерк, 1958: 121, 125; *Сапожникова*, 2018: 47-62]. Разумеется, воспроизведение образцов из коллекции И.И. Срезневского в настоящее время имеет значение преимущественно для изучения истории палеографии, однако принцип формирования этой коллекции, выбора образцов может быть использован при создании базы данных по истории кириллического письма и в настоящее время.

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 1949 г. было образовано Древлехранилище, которое в настоящее время носит имя своего основателя В.И. Малышева. В нём собраны более 12 000 кириллических рукописных книг и документов XII–XIX вв., большая часть которых привезена из археографических экспедиций Пушкинского Дома в старообрядческие районы СССР. Экспедиционные находки распределены по

[2] Исключением является его статья о надписях на кровле владимирского Успенского собора, которые ныне хранятся в Отделе рукописей БАН [*Лихачёв*, 1901: 290-292].

[3] Этот труд практически утратил своё значение после выхода из печати справочника Б.А. Рыбакова [*Рыбаков*, 1964].

территориальным собраниям, представляющим собой важнейшие источники по истории местных крестьянско-старообрядческих рукописно-книжных традиций. В Древлехранилище представлены пергаменные, бумажные, берестяные книги, столбцы и иной актовый материал; все они содержат как литургические, так и четьи датированные, лицевые, орнаментированные, нотированные тексты, представляющие собой разные виды и образцы письма старообрядческой традиции, до настоящего времени недостаточно исследованной.

Необычная, но тем не менее важная коллекция образцов письма хранится в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН – это собрание эстампажей Русского археологического института в Константинополе, которое поступило в Архив АН СССР в 1930 г. из расформированной после смерти академика Ф.И. Успенского Византийской комиссии АН СССР. Эстампажи были перевезены из Стамбула в Ленинград вместе с другими научными материалами Русского археологического института в Константинополе. Долгое время они хранились в Архиве РАН в числе необработанных материалов. В 2016 г. была составлена опись коллекции эстампажей фонда РАИК (СПбФ А РАН. Фонд 127. Опись 3. Дела 1-51), и они оказались доступными для изучения [*Тункина*, *Бондарь*, *Поникаровская*, *Павличенко*, *Чернова*, 2020: 194-201]. Ценность этого комплекса образцов письма в его хронологическом охвате – от I в. до н. э. (малоазийские надписи) до 1342 г. (надгробная надпись сербского военачальника Стефана Драговола). Таким образом, эстампажи из собрания Русского археологического института в Константинополе дополняют комплекс образцов письма из собраний СПбИИ РАН, ИРЛИ РАН и БАН как хронологически, так и типологически.

Кроме собирательской деятельности в академических учреждениях Санкт-Петербурга большое значение имеет изучение собранных коллекций. В настоящее время к традиционным историко-филологическим методам добавились методы естественнонаучные. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в качестве подразделения действует Лаборатория консервации и реставрации документов, где помимо реставрационных работ проводятся исследования памятников средневековой письменности оптическими методами. Так, в качестве примера можно привести работу Лаборатории реставрации и консервации документов над Изборником 1076 г. из собрания РНБ, французским легендарием из БАН и другими рукописями, которые были изучены с помощью оптических методов, в результате чего были прочитаны утраченные фрагменты текстов [*Эрастов*, 2009: 120-122; Неизвестный памятник, 1963]. В Санкт-Петербургском институте истории РАН с 2019 г. работает Лаборатория комплексного исследования рукописных памятников. Учитывая особую ценность и уникальность рукописных памятников, к ним предполагается применять неразрушающие технологии, не требующие пробоподготовки, такие как оптическая микроскопия, мультиспектральная съёмка, фотосъёмка в ультрафиолетовой и инфракрасной части спектра, рентгенофлуоресцентный анализ, молекулярная спектроскопия. В результате предполагается дополнить палеографическое и кодикологическое описание образцов письма в части характеристики материалов, а также реконструкции утраченных элементов текста.

В качестве основного результата проекта предполагается создать интернет-портал, иллюстрирующий историю письма Европы от античности до Нового времени на материале образцов письма разных традиций (http://gis.spbiiran.ru:88/). Новизна заключается в комплексном исследовании латинской, греческой и кириллической систем письма на протяжении исторически длительного периода на материале репрезентативной подборки подлинных образцов письма и с использованием новейших методов исследования, включая естественнонаучные. Рукописные памятники академических собраний до сих пор не имеют адекватной репрезентации в виде современных баз данных или корпусов цифровых изображений с онлайн-доступом, возможностью поиска по разным параметрам и аккумулированной научной информацией, имеющейся к настоящему дню по каждому памятнику – по аналогии с тем, как это сделано в вышеупомянутых международных проектах. Так, в настоящее время ведётся работа над следующими разделами интернет-портала: памятники эпиграфики, рукописи латинского алфавита, рукописи греческого алфавита, рукописи кириллического алфавита. Эпиграфическую традицию предполагается представить за счёт памятников античной эпиграфики, в том числе Северного Причерноморья, византийской и кириллической[4]. Помимо лапидарной эпиграфики в раздел планируется включить также граффити, берестяные грамоты, надписи на денежных слитках и др. Основная цель здесь состоит в отборе образцов, на которые следует опираться при датировке и локализации других памятников эпиграфики. Рукописи латинского алфавита представлены образцами преимущественно из коллекции Н.П. Лихачёва. Фактически этот раздел является воплощением в жизнь идеи собирателя. Раздел греческих рукописей включит кодексы и акты на греческом языке из собраний Санкт-Петербурга. До настоящего времени полностью не описанные, они малоизвестны, однако вполне могут служить образцами для иллюстрации основных положений греческой палеографии. Раздел, посвящённый кириллическим рукописям, включает несколько частей. Так, в одной из них представлены датированные кириллические кодексы XI–XVI вв. Первая по времени подборка датированных кириллических рукописей была осуществлена Н.П. Лихачёвым для филигранологического исследования [*Лихачёв*, 1899]. Археографическая комиссия с 1984 г. выпускает каталог древнейших кириллических рукописных книг. К настоящему времени описаны рукописи XI–XIII вв., часть рукописей XIV в., опубликован предварительный список рукописей XV в. и дополнения к нему [Сводный каталог, 1984; Сводный каталог, 2002; Предварительный список, 1986; Дополнения, 1993]. Появилось исследование А.С. Усачёва о русских датированных кодексах XVI в. [*Усачёв*, 2018]. Однако в перечисленные издания не вошли многие рукописные кодексы, которые хранятся за пределами Российской Федерации и бывшего СССР.

[4] Так, предполагается проанализировать особенности изменения написания букв в лапидарных памятниках Боспорского царства. Для решения этой задачи предполагается сделать репрезентативную выборку боспорских надписей и исследовать особенности изменений в их написании.

Таким образом, раздел интернет-портала, посвящённый средневековым кириллическим кодексам, должен включать информацию обо всех известных в научной литературе датированных кириллических кодексах до конца XVI в., в результате чего появится репрезентативная база палеографических признаков для датировки и локализации средневековых кириллических рукописей. Рукописным кодексам средневековой традиции, которые датируются XVII–XIX вв., посвящён особый раздел интернет-ресурса, на котором предполагается представить выговскую старообрядческую традицию на материалах, собранных в Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Раздел, посвящённый кириллическому деловому письму, должен включить в себя информацию обо всех известных русских средневековых актах до конца XV в. и также иметь значение для палеографических исследований. Кроме того, в части за XVI–XVII вв. предполагается представить линейку документов, в наиболее полной мере отражающих номенклатуру русского средневекового документа XII–XVIII вв. В международной практике известны проекты, направленные на разработку единой системы формализованного описания актового материала (CEI – Charters Encoding Initiative: http://www.cei.lmu.de/index.php) и на разработку алгоритма формализованного кодикологического описания рукописных памятников (проект «eCodicology»: http://www.ecodicology.org/index.php?id=1&L=2). Существует специальное программное обеспечение для формализованного описания рукописей по их цифровым изображениям, см. ПО IRHT «Graphoskop» на основе технологии ImageJ (http://www.palaeographia.org/graphoskop/index.htm). Участниками проекта на базе СПбИИ РАН и РНБ было разработано ПО «Vestigium» (http://www.spbiiran.nw.ru/vestigium/) и ПО «LinneyCollector» (http://expositions.nlr.ru/rusautograph/program/). Однако до настоящего времени отсутствует единая номенклатура документов. Имеется несколько вариантов классификации русских средневековых актов, наиболее полной из которых является классификация, предложенная С.М. Каштановым [*Каштанов*, 1970; *Каштанов*, 1988]. На её основе с привлечением обширного комплекса документов из собраний Санкт-Петербургского института истории РАН, Российского государственного архива древних актов, Отдела письменных источников Государственного исторического музея и других архивохранилищ участники проекта разрабатывают номенклатуру русских документов, начиная от первой известной грамоты князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю (ок. 1130 г.) и до начала XVIII в., когда номенклатура документов была официально регламентирована. Эта работа позволит представить стандарт описания документальных источников русского Средневековья.

Таким образом, интернет-портал «История письма европейской цивилизации», работы над которым ведутся в четырёх академических учреждениях Санкт-Петербурга, призван стать информационным ресурсом для работы по научному описанию и изучению рукописей разных времён и письменных традиций Европы от античности до Нового времени.

Список литературы

Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства / ред. Я.И. Бередников. СПб., 1838.

Брачев В.С. Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.). СПб., 1997.

Вестник Европы. 1818. № 20.

Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)» / Сост. Н.А. Охотина, А.А. Турилов. М., 1993.

Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2: XIX–XX века / А.И. Копанев [и др.].

Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988.

Кеппен П.И. Список русским памятникам. М., 1822.

Климанов Л.Г. Учёный и коллекционер, «известный всей России, ещё более Европе» // Репрессированная наука. Л., 1991.

Климанов Л.Г. Н.П. Лихачёв – коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекций акад. Н.П. Лихачёва: каталог выставки. СПб., 1993.

Корогодина М.В. К истокам описания рукописей как науки (XVIII – начало XIX в.) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2020. Вып. 8.

Лихачёв Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1–3.

Лихачёв Н.П. Владимирская эпиграфическая запись XIV в. // Известия ОРЯС. СПб., 1901. Т. 6. Кн. 3.

Неизвестный памятник книжного искусства: Опыт восстановления французского Легендария XIII в.: Сб. ст. М.; Л., 1963.

О[ленин] А. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792-м году. СПб., 1806.

Орлов А. С. Библиография русских надписей XI–XV вв. Л., 1936.

Орлов А. С. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952.

Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР: (Для «Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР») / сост. А.А. Турилов. М., 1986.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964.

Сапожникова О.С. Коллекция воспроизведений И.И. Срезневского в отделе рукописей БАН: забытые факты и неизученные материалы // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 1.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская). М., 2002.

Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863.

Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (XI–XIV вв.). Приложение: снимки с памятников. СПб., 1866.

Терминологический словарь частных актов Московского государства / под ред. и с предисловием А.И. Андреева. Пг., 1922.

Тункина И.В., Бондарь Л.Д., Поникаровская М.В., Павличенко Н.А., Чернова Н.В. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: Научная реставрация, комплексное изучение, создание высокоточных цифровых 3D-моделей // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4.

Усачёв А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1–2.

Эрастов Д.П. Оптико-фотографическое исследование рукописи // Изборник 1076 года. М., 2009. Т. 1.

Цифровые технологии в археологии: проекты Института археологии РАН

Н.А. Макаров, М.В. Вдовиченко, О.В. Зеленцова

Аннотация. *В статье представлены последние цифровые проекты Института археологии РАН: открытая база данных полнотекстовых научных отчётов, Археологическая карта России, «Петроглифы Нижнего Амура и Уссури» и экспозиция археологического онлайн-музея. В современной археологии проведение полевых исследований и камеральной обработки уже совершенно немыслимо без цифровых технологий. Документирование, ведение раскопок и камеральные исследования проводятся сейчас исключительно с использованием точного оборудования и труда очень разноплановых специалистов: геофизиков, геодезистов, программистов.*

Ключевые слова: *Институт археологии Российской академии наук, научно-отраслевой архив, карта археологических памятников России, петроглифы, археологический онлайн-музей.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.011

Применение цифрового оборудования и первых цифровых методик в археологических исследованиях в России началось с 1990-х гг., с тех пор количество исследований с использованием специальных компьютерных программ, платформ и баз данных в разы увеличилось, и полевые работы уже не мыслятся без разнообразных цифровых ассистентов. О нескольких последних цифровых проектах Института археологии РАН (ИА РАН) – разных по своим масштабам и целям – пойдёт речь в этой статье.

Одним из важнейших подразделений в Институте археологии РАН является научно-отраслевой архив [*Кочкаров*, *Селезнёва*, 2019: 110-116]. В нём с 1945 г. собираются отчёты о полевых археологических исследованиях, проведённых на территории нашей страны. Централизованная система сбора и хранения отчётных материалов сложилась в России вместе с учреждением в 1859 г. Императорской археологической комиссии. В результате позднейших преобразований уже в Москве в 1945 г. начал работу научный археологический архив.

Четыре года в архиве ведётся планомерная работа по оцифровке бумажных отчётов. Для этих целей Институт приобрёл специальные сканеры для работы с книжными (переплетёнными) фолиантами и форматами больше А3. На таких крупных листах в советское время часто представляли отчётные археологические чертежи, для их качественного сканирования требуется сканер соответствующего формата. За первый год были отсканированы 100 отчётов первых послевоенных лет. Был получен большой массив pdf-файлов, который было необходимо структурировать в цифровом формате с возможностью их онлайн-презентации.

В результате на портале ИА РАН был разработан и размещён ресурс с простым и понятным для пользователя интерфейсом: онлайн-таблица, данные в которую переносятся из Exel.

https://www.archaeolog.ru/ru/archive/elektronnye-polevye-otchety

В таблице представлена вся необходимая и достаточная информация: архивный шифр, автор отчёта, его название, год, название экспедиции и pdf-файл в виде активной ссылки, после открытия которой посетитель имеет возможность либо посмотреть, либо целиком скачать отчёт. Все странички скачиваемого отчёта защищены «водяным знаком» ИА РАН. Встроенная функция сортировки содержания позволяет расположить информацию в каждом столбце как в алфавитном, так и в обратном порядке, как по возрастанию, так и по убыванию. «Прикрученный» к странице модуль поиска может помочь при необходимости быстро найти конкретный отчёт (*рис. 1*)

Рис. 1. Первая страница базы данных полевых отчётов, хранящихся в архиве.

В онлайн-архиве на сайте Института размещены в данный момент 372 отчёта, охватывающие период с 1944 по 1949 гг. Этот ресурс собрал 19 000 посещений, при этом скачиваний pdf-файлов отчётов было зафиксировано около 11 000. Институт продолжает сканировать отчёты последующих лет, планирует выкладывать их на институтский портал.

Собирание и хранение в архиве Института данных обо всех выявленных к настоящему времени российских объектах археологического наследия инициировало создание цифровой информационной системы – интегратора

сведений об археологических памятниках России. Она в перспективе должна аккумулировать данные обо всех памятниках, но в качестве первоочередной задачи в неё были занесены сведения из отчётов послевоенного двадцатилетия и последних лет – 2009–2014 гг., 2019 г. [*Володин*, 2021: 423-436].

Фонд научных отчётов о раскопках последних десятилетий огромен. Общее количество отчётов о полевых исследованиях, собранных в архиве Института за время после распада СССР, уже в три раза больше, чем количество отчётов за предшествующие 46 лет (1945–1991 гг.). В отчётной документации последнего десятилетия содержатся точные координаты памятников, зафиксированные в системах глобального позиционирования. Этого нельзя сказать о предшествующей отчётной документации, в которой места расположения памятников обозначаются неточно.

Инициатором идеи создания консолидированной базы данных по археологическим памятникам выступил директор ИА РАН академик РАН Н.А. Макаров. Над этим проектом трудится коллектив сотрудников института с привлечением сторонних специалистов-программистов. Руководит наполнением электронных карт научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ИА РАН О.В. Зеленцова. Концептуальные основы и первые результаты работы над созданием базы отражены в нескольких публикациях [*Макаров* и др., 2015 а: 7-19; *Макаров* и др., 2015 б: 85-93; *Макаров* и др., 2016: 5-15; *Макаров* и др., 2017: 622-634; Россия как археологическое пространство, 2016; *Makarov* and others, 2016: 555-569]. Проект дважды был поддержан научными фондами: РНФ (№ 14-1803755), РФФИ (№ 18-09-40053/20).

Попытки сбора и учёта информации об археологических памятниках в масштабах Российской Федерации уже проводились. Наиболее продуктивной следует считать работу по составлению археологического раздела «Свода памятников истории и культуры народов России», инициированную Министерством культуры СССР. В рамках этой программы в 1970–1980-е гг. было развернуто систематическое обследование областей и республик, задачами которого также являлись выявление и документирование археологических памятников. Организатором той работы в области археологии выступал созданный в 1972 г. в ИА СССР сектор археологических сводов, который возглавил Валентин Васильевич Седов (1924–2004 гг.). В результате по единой форме были подготовлены более 42 тыс. паспортов на объекты археологического наследия. Однако выполнить программу в полном объёме не удалось в силу объективных причин.

После прекращения централизованной работы по своду в 1991 г. этот проект был трансформирован уже внутри Института в подготовку издания «Археологическая карта России». За всё время подготовлены 30 выпусков археологических карт по 14 регионам. Они получили определённое признание в профессиональной археологической среде, но издания не могли стать полноценным инструментом для решения масштабных научных задач: выпуски выходили небольшими тиражами, каждый из них описывал памятники отдельного региона, в них не было сведений о памятниках, открытых позднее публикации, и, таким образом, эти карты устаревали буквально через несколько лет после выхода.

Реализация задуманного цифрового свода памятников потребовала создания специальной программы – автоматизированной системы обработки информации. Она выстроена в соответствии с алгоритмом описания археологического памятника. За основу описания были взяты признаки, которые в своё время легли в основу Паспорта памятника археологии. Стандарт описания памятника для введения информации в базу включает: название объекта; тип объекта; двухуровневую хронологическую атрибуцию; общее отнесение памятника к исторической эпохе и узкую датировку; культурную принадлежность; адрес памятника; привязку к ближайшему населённому пункту; принадлежность к речному/морскому бассейну; точные географические координаты. Сведения об исследовании памятника носят справочный характер и имеют важное значение как ссылка на источник информации.

К концу сентября 2021 г. в базу данных были внесены 108 340 записей, из которых памятников – 50 385, пустых шурфов – 57 955. Эти данные визуализируются при помощи публичных цифровых сервисов Яндекс.Карты (схема, спутник) и Open Street Map.

Для большинства учёных-археологов «археологический памятник» – абстрактное понятие. Археология изучает не «объекты археологического наследия», а типы и хронологические группы памятников: палеолитические стоянки, скифские курганы, античные города. Лаконичная статистика воспринимается обычно как прикладная задача, лишённая серьёзного научного смысла. Однако статистический подход представляется исключительно ценным для структурирования данных об археологическом наследии России в целом, для оценки соотношения в нём разных хронологических пластов и основных типов памятников. И тем самым даёт фундированные основания для изучения материального и нематериального наследия.

Специфика археологической отчётности такова, что в базу данных попадают сведения и о тех шурфах, в которых при проведении археологических разведок не выявлены признаки наличия объектов археологического наследия. Это так называемые пустые шурфы: присутствие их в базе данных даёт представление о специфике проведения экспертиз и исследований территорий на предмет выявления объектов археологического наследия.

При помощи фильтров и инструментов системы можно формировать самые разнообразные карты. Сводная карта курганных могильников демонстрирует присутствие в степном коридоре однотипных погребальных памятников, сооружавшихся в массовом количестве в течение более четырёх тысячелетий – от эпохи бронзы до средневековья. При всех возможных поправках карта курганных некрополей впервые подробно документирует местоположение основных массивов курганов на всём пространстве между Байкалом и Днепровским левобережьем и в южной своей части ярко иллюстрирует культурную общность степного пояса.

Можно сформировать карту городов и городищ. Городища как тип поселений в целом широко представлен на территории России, в том числе на юге её европейской части, Северном Кавказе, в Калининградской области, Западной Сибири. Известно, что древнейшие городища на территории России относятся к эпохе бронзы, которые трудно датировать. Из городищ,

имеющих надёжную хронологическую атрибуцию, чуть меньше половины относятся к раннему железному веку и чуть больше половины – к средневековью.

Городские поселения, вынесенные на карту, за исключениями античных городов на Юге России, являются памятниками средневековья и раннего Нового времени. Их атрибуция как городских поселений основывается не только на характере археологических материалов, но и на письменных источниках. Сводная карта городских поселений показывает, что основная зона их концентрации локализуется в центре европейской России, при этом ареал городских поселений значительно у́же ареала городищ. Пространственные рамки средневековой урбанизации, таким образом, значительно меньше, чем зона формирования городищ периода раннего железного века – средневековья.

При помощи выгрузок различных данных на карты базы можно проанализировать ещё множество аспектов: расположение археологических объектов в разнообразных ландшафтных зонах, хронологические срезы различных типов памятников и различных водных бассейнов и т. д. [*Зеленцова* и др., 2021 а; *Зеленцова* и др., 2021 б]. Критериев анализа достаточно много. Однако разработчиков базы сейчас более всего занимает вопрос создания приложения, позволяющего визуализировать данные информационной системы на общедоступных, публичных картах.

Главные проблемы, которые необходимо решать при размещении карты в открытом доступе, – наличие в базе указаний на точное местоположение памятников археологии. При открытии этой информации карта рискует стать отличным путеводителем для археологических грабителей. Поэтому в опубликованной в Интернете публичной версии памятники отображаются на карте в достаточно крупном масштабе, а близлежащие памятники консолидируются в единую область. При таком отображении мы видим только примерное местоположение объектов без точной привязки. Позднее к памятникам предполагается систематически привязывать справочную информацию, которая уже имеется на сайте (статьи по отдельным объектам, полевые иллюстрации, изображения находок), то есть сделать эту карту максимально насыщенной разнообразными данными.

18 августа 2021 г. Археологическая карта России была опубликована в сети Интернет на портале Института археологии РАН, о чём стало известно в средствах массовой информации и публикациях в соцсетях. По общедоступной ссылке теперь каждый желающий может осуществить мониторинг памятников археологического наследия:

https://www.archaeolog.ru/ru/map

При обновлении сведений в базе данных систематически происходит их выгрузка на общедоступный ресурс. Таким образом, со временем планируется представить весь массив отчётных документов, хранящийся в научно-отраслевом архиве, и пополнять сведения об археологических памятниках по мере их поступления.

Одновременно с функционированием публичной карты необходимо определять режим доступа к ней для профессионалов. Пока решение этого вопроса намечено следующим образом. В научно-отраслевом архиве планируется установить модуль системы и организовать различные уровни доступа к картам, от 100% доступа до ограничения информации по координатам памятников – в зависимости от поступивших запросов.

Создание геоинформационной системы показывает, что учёт данных об археологических работах при полном охвате территории России – реальный путь для формирования национального атласа археологических памятников. Обращение к этим материалам позволяет уточнить и аргументировать некоторые базовые положения, характеризующие древнее и средневековое расселение в Северной Евразии, которые в целом известны археологам, но требуют проверки и подкрепления цифрами. Большую часть археологического наследия России составляют памятники, не выраженные в современном ландшафте. Численные данные позволяют яснее представить специфику археологического ландшафта как ландшафта, историческое содержание которого в основном скрыто от невооружённого глаза. Одновременно они дают возможность осознать ценность сравнительно немногочисленных археологических памятников, выраженных в рельефе (городища, курганы), необходимость их физического сохранения и превращения в объекты музейного показа.

Один из последних цифровых проектов Института археологии – «Петроглифы Нижнего Амура и Уссури»: https://aurockart.ru/. Он создан при поддержке РФФИ (проект № 17-29-04389) и запущен в феврале 2021 г. Идея проекта принадлежит основателю Центра палеоискусства ИА РАН Екатерине Георгиевне Дэвлет (1965–2018 гг.), а реализован он её учениками – сотрудниками Центра палеоискусства ИА РАН при руководстве заведующей центром Е.С. Левановой. Проект обобщает опыт работ по документированию и мониторингу памятников наскального искусства Хабаровского края (Сикачи-Алян, Шереметьево и Кия).

https://aurockart.ru/

Проект выполнялся совместно с Лабораторией цифрового документирования НИУ ВШЭ (руководитель Ю.М. Свойский) и Хабаровским краевым центром охраны памятников истории и культуры.

Портал включает описание всех доступных для изучения памятников наскального искусства Амуро-Уссурийской провинции, историю их исследований и методы современного документирования, базу данных «Каталог камней и поверхностей с петроглифами», трёхмерные модели памятников и трёхмерные карты расположения петроглифов in situ. Посетитель может перейти от уровня всего региона на любой памятник, а с памятника на уровень плоскости с рисунками или её фрагментов.

В базе данных «Каталог камней и поверхностей» суммированы материалы работ предшественников и данные, собранные в ходе проекта. На сайте представлены более 100 моделей камней и поверхностей с петроглифами. Сайт постоянно пополняется новыми данными обработки трёхмерных моделей, а также предполагается его пополнение материалами будущих экспедиций (https://www.archaeolog.ru/ru/online-museum).

В ситуации недоступности музеев во время пандемии 2020 г. на портале ИА РАН было положено начало реализации идеи виртуального музея трёхмерных моделей археологических находок. Такой проект обсуждался давно, и одной из причин его создания стало законодательное требование сдачи полевых коллекций на музейное невиртуальное хранение. По истечении 3-летнего срока руководитель экспедиции обязан расстаться с находками и передать их в государственный музей. После чего археологи могут обращаться к собственным полевым коллекциям только на общих основаниях. Конечно, виртуальная модель предмета не сможет заменить подлинной находки, но те модели, которые научились создавать наши партнёры из Лаборатории цифрового документирования НИУ ВШЭ, обладают первичным исследовательским инструментарием.

https://www.archaeolog.ru/ru/online-museum

Рассмотреть каждую находку можно в деталях с помощью встроенных в программу опций. Модель можно повернуть под нужным углом, приблизить, поменять её освещение или совсем обесцветить, разрезать под любым углом, сделать сечения, зафиксировать результат (*рис. 2 а, б)*.

В программу встроена линейка, с её помощью онлайн можно измерить любой фрагмент предмета и получить его общие габариты. Можно подкрасить предмет, сделать его поверхность более контрастной. При помощи этих технологий были прочитаны процарапанные на штукатурке надписи, разобраны граффити на фресках и кирпичах. Кроме этого, простое самостоятельное разглядывание предметов на собственном компьютере с многократным увеличением без потери качества доставляет эстетическое удовольствие.

В археологических материалах Московской Руси перстней-печаток довольно много, как и среди находок в монастыре, что не обязательно связывать с пребыванием здесь людей высокого статуса. Подобные изделия выполняли не столько функцию украшения, сколько служили печатью владельца – многие горожане и, возможно, крестьяне стремились оттискивать и удостоверять своей печатью какое-то имущество. Его оттискивали на воске или сургуче, используя в качестве пломбы для корреспонденции, документов, товаров, дверей и т.п., а также заменяя ею подпись владельца. Традиционно простая, лишенная всяких украшений поверхность округло-овального щитка литого перстня, изготовленного из белого металла, несет гравированное изображение бегущего льва. Изогнутый хвост, артикуляция пышной гривы, высунутый язык и «панталончики» над тонкими лапами скорее подошли бы рыцарю. Но композиция и гравировка говорят о высоком профессионализме мастера. Лев – царь зверей, двойственный символ добра и зла, спасения и погибели, а также многих достоинств (неусыпного бдения, отваги и др.) – был исключительно популярным персонажем средневекового бестиария, его часто изображали и на перстнях.

Где почитать

Чернецов А. В. Два перстня-печати из Старой Рязани // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археологич. ежегодник. – Москва, 1980.

Седова М. В., Курганова Н. М. Перстни-печати XVI–XVII вв. из Суздаля // Историческая археология. Традиции и перспективы. – Москва, 1998.

Нелобов С. Ратники на средневековых русских перстнях // Старый Цейхгауз. – 2001. – № 15.

Нелобов С. Символика средневековых русских перстней // Старый Цейхгауз. – 2002. – № 17.

Вакслер А. Г., Беркович В. А. Московские печатки XVI–XVII вв. по материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг. // Российская археология. – 2006 – № 2.

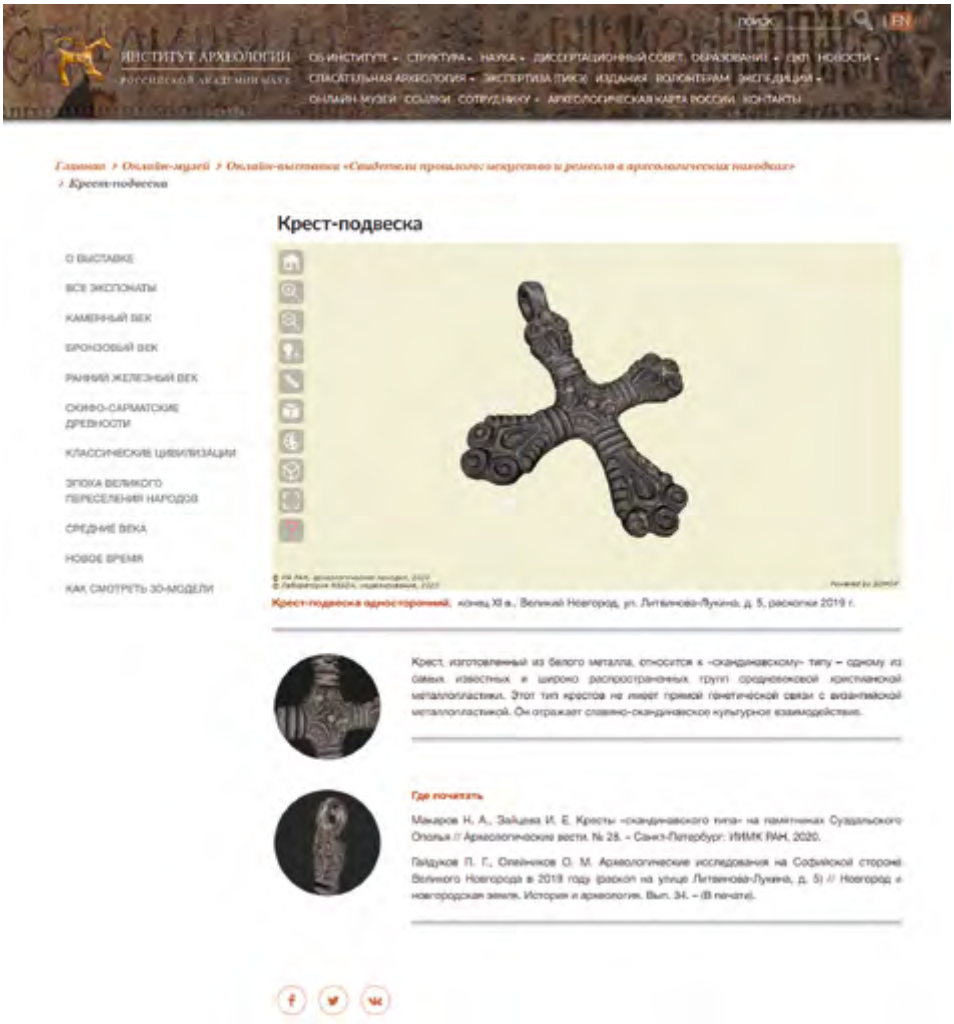


Рис. 2: а, б. Страницы находок онлайн-музея на портале Института археологии РАН.

Сейчас на сайте Института представлены находки, сделанные в экспедициях 2020 года, – выставка «Свидетели прошлого» и Херсонесской экспедиции в самом начале 2021 г., когда был раскопан могильник, давший уникальную коллекцию намогильных стелл с личинами.

Технология создания подобных моделей позволяет в кратчайшие сроки обрабатывать находки и выводить их в открытый доступ. И только работа по атрибуции находок может занимать бóльшее время. Но минимальные описательные тексты сопровождают экспонаты виртуального музея в обязательном порядке.

В современной археологии проведение полевых исследований и камеральной обработки уже совершенно немыслимо без цифровых технологий. Документирование, ведение раскопок и камеральные исследования проводятся

сейчас исключительно с использованием точного оборудования и труда очень разноплановых специалистов: геофизиков, геодезистов, программистов.

Цифровые технологии не только придают математическую точность и подводят неопровержимые основания для гуманитарных исследовательских заключений, но и помогают представлять научные результаты широкой аудитории на качественном художественном уровне. Археологи вплотную подошли к созданию специализированных баз данных, основанных на российских исследованиях – по антропологии, изотопам, созданию общероссийского виртуального некрополя. Однако до реализации планов необходимо хотя бы подступиться к решению важнейших вечных вопросов как юридического свойства – защиты авторских прав на данные, так и вопросов научного администрирования – в рамках каких финансовых программ подобные базы данных и другие цифровые проекты могут осуществляться.

Список литературы

Володин С.А. Анализ развития полевой деятельности экспедиций и отрядов Московского отделения ИИМК / ИА АН СССР в 1945–1964 гг. // Краткие сообщения Института археологии. М., 2021. №. 262. С. 423–436.

Зеленцова О.В., Ворошилов А.Н., Строков А.А. Археологические памятники России: предварительная апробация возможностей информационной системы ИА<РАН на материалах Таманского полуострова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021 а. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. № 3 (73). С. 160–175.

Зеленцова О.В., Ворошилов А.Н., Строков А.А. К вопросу о реконструкции местоположения памятников археологии России //Проблемы истории, филологии, культуры. 2021 б. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. № 4 (74). С. 209–214.

Кочкаров У.Ю., Селезнёва С.В. Научно-отраслевой архив // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М., 2019. С. 110–116.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Ворошилов А.Н., Черников А.П. Геоинформационная система «Археологические памятники России»: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // Краткие сообщения Института археологии. М., 2015 а. №. 237. С. 7–19.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Ворошилов А.Н., Черников А.П. Первые шаги по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России» // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2015 б. Т. 43. №. 4. С. 85–93.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России» // Российская археология. М., 2016. №. 4. С. 5–15.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Ворошилов А.Н. Пространство древности: археологические памятники на карте России // Вестник Российской академии наук. М., 2017. Т. 87. №. 7. С. 622–634.

Россия как археологическое пространство / Под ред. акад. Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2016.

Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Voroshilov A.N. Realms of Antiquity – Archaeological sites in the GIS «archaeological monuments of Russia» // Archaeologisches Korrespondenzblatt. Mainz, 2016. Т. 46. №. 4. С. 555–569.

Наука о данных и технологии искусственного интеллекта: возможности и ограничения в исследованиях историков

Л.И. Бородкин

Аннотация. *Цифровая трансформация науки XXI века затрагивает и различные области исторического знания. В статье рассматриваются новые методы и технологии исторических исследований, основанные на применении концепций и инструментария науки о данных, искусственного интеллекта (ИИ) (включая искусственные нейросети, машинное обучение, большие данные). Даётся обзор работ раннего этапа использования историками методов ИИ (1970-е – 1990-е гг.) и современного этапа. Акцент делается на обсуждении масштабных исторических проектов, инфраструктура которых основана на использовании больших оцифрованных историко-ориентированных ресурсов (в частности, это Venice Time Machine). Делается вывод о необходимости разумного сочетания искусственного интеллекта и интеллекта историка в таких проектах, следуя известному высказыванию «отца» кибернетики Норберта Винера: «Отдайте же человеку – человеческое, а вычислительной машине – машинное».*

Ключевые слова: *методы исторического исследования, распознавание рукописных текстов, атрибуция древних текстов, наука о данных, искусственный интеллект, искусственные нейросети, большие данные.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.012

Традиция использования историками статистических методов и ЭВМ насчитывает уже шесть десятилетий. Однако с началом XXI века пришло время заметного обновления инструментария, пригодного для обработки анализа данных исторических источников. Речь идёт о стремительном развитии науки о данных, новых «интеллектуальных» методах и технологиях работы с данными (когда данные стали «большими»).

Наука о данных (Data Science). Этот термин получил широкое распространение с начала 2000-х годов, когда привычные методы обработки и анализа данных, основанные на методах математической статистики, стали активно дополняться методами и технологиями искусственного интеллекта, а также «больших данных». Сегодня эта область рассматривается как часть современной информатики, ориентированной на работу с данными, представленными в цифровой форме.

Статистические методы и сегодня являются важной компонентой науки о данных, однако неотъемлемой её частью стали методы и технологии искусственного интеллекта. Основная цель универсального специалиста по анализу данных («датасаентиста») – выявить закономерности в имеющихся данных и извлечь скрытую в них информацию на базе широкого набора аналитических инструментов: от методов математической статистики до машинного обучения, искусственных нейросетей и технологий больших данных. Примерный набор компетенций такого специалиста иллюстрируется на рис. 1.

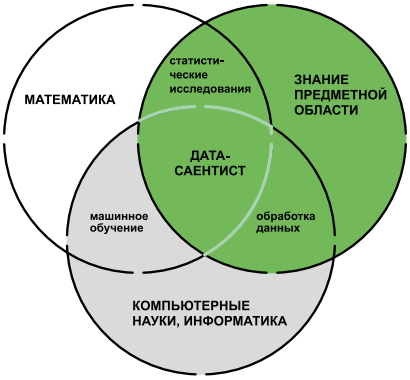


Рис. 1. Примерный набор компетенций специалиста по анализу данных: диаграмма Венна (из сети Интернет)

В отличие от традиционного статистического анализа в науке о данных меньше внимания уделяется проверке априорных гипотез, предварительная загрузка данных в модели может не проводиться, но при этом требуется иметь больше компетенций в информационных технологиях, программировании, методах визуализации. И хотя большинство таких специалистов работают в сфере бизнес-приложений, спрос на них растёт и в социально-гуманитарных исследованиях. Сегодня уже можно говорить о наметившейся тенденции введения курса «Наука о данных» в учебный план образовательных программ гуманитарного профиля. Так, на истфаке МГУ уже 40 лет читается семестровый курс математической статистики, обязательный для всех студентов 2-го курса, с 2021 г. введён обязательный для всех магистрантов истфака курс «Наука о данных и искусственный интеллект в исторических исследованиях», а специализация на кафедре исторической информатики включает такие дисциплины как «Моделирование исторических процессов» и программирование на языках R и Python (с 2020 г.).

В данной статье рассматривается опыт использования историками новых методов науки о данных и технологий искусственного интеллекта, обсуждаются их возможности и ограничения с учётом специфики исторических исследований.

Методы искусственного интеллекта в исторических исследованиях: ранний опыт

В толковом словаре 1992 г. по искусственному интеллекту предложено такое определение этого термина: «Искусственный интеллект – это научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными» (авторы – известные учёные в данной области М.Г. Гаазе-Рапопорт, Д.А. Поспелов и А.Н. Аверкин). Эта область информатики (первоначально – кибернетики) развивается с 1950-х годов. Одной из стран-лидеров в этой области был СССР. Сегодня искусственный интеллект – широкая область теоретических исследований

и прикладных разработок, она включает целый ряд направлений. Для гуманитарных наук актуальными являются машинное обучение (наиболее популярный его вид связан с использованием искусственных нейронных сетей), распознавание образов, экспертные системы (основанные на базах знаний), репрезентация знаний, обработка естественного языка (NLP), нечёткие модели и др.

Имеют ли историки опыт применения методов искусственного интеллекта? Да, такой опыт имеется, и он, в общем-то, немалый, берущий начало ещё в прошлом веке. Первые публикации в этой области появились в 1980-х – 1990-х гг. и были связаны с применением когнитивных компьютерных моделей понимания текста, а также с разработкой экспертных систем [*Бородкин*, 1992].

Чем объяснить интерес гуманитариев к такой, казалось бы, далёкой области науки, ориентированной на моделирование и автоматизацию некоторых аспектов интеллектуальной деятельности человека, создание «разумных» автоматов, интеллектуальных роботов, доказательство теорем на ЭВМ, моделирование человеческих эвристик и т. д.? Дело в том, что если начальный этап работ по искусственному интеллекту был направлен на создание автономных от человека и даже конкурирующих с ним автоматизированных систем, то в течение 1970-х гг. исследования в области искусственного интеллекта развивались в рамках новой парадигмы, выдвинувшей на первый план проблему представления в ЭВМ человеческих личностных знаний. В те годы внимание представителей гуманитарного знания привлекала разработанная кибернетиками концепция человеко-машинной интеллектуальной системы; основным достижением работ по искусственному интеллекту являлась когнитологическая программа построения интеллектуальных систем. По определению Ю.А. Шрейдера, когнитология, или инженерия знания (*knowledge engineering*) – это профессиональная область деятельности, связанная с выявлением и представлением человеческих знаний для использования в интеллектуальных системах [*Шрейдер*, 1988]. В этом плане для историков, применявших математические методы и ЭВМ, интерес представляли, во-первых, когнитивные компьютерные модели понимания текста и, во-вторых, экспертные системы. Именно так виделись контуры этой области и участникам II международной конференции «History and Computing», состоявшейся в Лондоне в 1987 г., где обсуждался доклад на тему: «Технологии искусственного интеллекта для историков: экспертные системы, репрезентация знаний и программирование высокого уровня» [*Schulte*, 1989].

Когнитивные модели понимания текста

В этой области в 1980-х гг. были предложены специальные методики анализа историко-политических текстов, ориентированные на реконструкцию политического мышления. В нашей стране это направление разрабатывалось В.М. Сергеевым и связанной с ним группой исследователей, которые подвергли когнитологическому анализу исторические тексты целого ряда политических деятелей [*Луков*, *Сергеев*, 1983].

Достаточно полное представление об опыте разработок в этой области даёт сборник статей, выпущенный в конце 1990 г. Институтом США и Канады РАН (отв. редактор В.М. Сергеев), «Когнитивные исследования за рубежом (Идеи и методы искусственного интеллекта в изучении политического мышления)». Авторами были предложены алгоритмы компьютерного моделирования способов анализа текста, используемых человеком. Здесь возникала неожиданная «стыковка» новых, компьютеризованных подходов с традиционными герменевтическими методами анализа текста, имеющими корни в работах Хайдеггера, Рикера, Гадамера. Интеграция герменевтических идей в искусственный интеллект осуществлялась в форме заимствования отдельных эвристик. Первое характерное заимствование связано с самой идеей герменевтического круга – анализ частей с точки зрения целого и, далее, целого с точки зрения частей; оно было реализовано в компьютерной программе «бутстрепинга», используемой при построении баз знаний и когнитивных моделей. Важную роль в этом процессе «переноса» играет специфика герменевтической парадигмы, акцентирующей внимание на «включённость» текста в рамках диалога.

Далее, один из принципов герменевтического подхода, заключающийся в том, что интерпретация каждого текста осуществляется с учётом истории интерпретации других текстов того же объекта, реализован в известной компьютерной системе РЕЛАТУС, которая является системой искусственного интеллекта для представления и анализа текстов на английском языке. Она использовалась не только для анализа структуры политических выступлений, но и для построения когнитивных моделей, основанных на семантическом содержании этих текстов. С этой целью использовались алгоритмы синтаксического, лексического, референциального анализа, обработки семантических сетей и технологии представления знаний. В те годы программа РЕЛАТУС могла обрабатывать страницу текста за одну-две минуты.

Таким образом, создаваемая «вычислительная герменевтика» позволяла извлекать информацию из текста. Этот подход обеспечивал воспроизводимость результатов и создавал возможности для компьютерной обработки больших массивов текстов, вводимых в ЭВМ на естественном языке, без какой-либо предварительной кодировки.

Не меньший интерес представляли и фреймовые системы.

RESEDA и фреймы. Один из первых примеров использования историками концепций искусственного интеллекта связан с проектом RESEDA, реализованным в Париже, в Национальном центре научных исследований [*Zarri*, 1984]. Основу проекта составляет биографическая база данных, включающая сведения о сотнях персонажей истории Франции конца XIV – начала XV вв. Структура этой базы данных позволяла акцентировать внимание на выявлении причин тех или иных событий, что достигалось за счёт введения системы «эпизодов», которые формализуются в виде *фреймов*, т. е. формальных смысловых конструкций, задающих определённый тип действия. Более строго фрейм можно определить как фрагмент знания, предназначенный для представления стандартных ситуаций. Фреймы имеют вид структурированных наборов компонент ситуаций, называемых слотами. Слот может указывать на другой фрейм, устанавливая тем самым связь между

двумя фреймами. Например, фрейм, формализующий путешествие некоего лица из одного пункта в другой в течение определённого времени, может иметь такую структуру: *X1 T1 - T2 - P1 - P2*. Это означает, что персонаж *X1* покинул пункт *P1* в момент времени *T1* и прибыл в пункт *P2* в момент *T2*. Каждый эпизод «расписывается», вообще говоря, в нескольких фреймах. При заполнении такой базы данных в «ячейки» (слоты) фрейма заносятся конкретные сведения – фамилии, даты, топонимы и т.д.

Система RESEDA имела *метаязык* для оперирования информацией об «эпизодах». Существенно, что этот язык позволяет связывать информацию, представленную в различных «эпизодах», дополнять её. Такая интеллектуальная деятельность системы обеспечивается базовыми элементами метаязыка – *модуляторами*, указывающими на общий характер «эпизода», и *предикатами*, определяющими тип действия в соответствующем «эпизоде». В качестве модуляторов используются, например, термины «ментальный», «юридический», «социальный» и т. д. Интересно, что гибкость средств системы RESEDA позволяет проводить анализ сложного просопографического материала на основе всего пяти предикатов, означающих следующие типы действия: «иметь отношение к X», «быть», «иметь влияние со стороны X, «перемещаться», «производить определённое действие».

Таким образом, программное обеспечение системы RESEDA давало возможность проводить не только обычный информационный поиск, в рамках которого можно делать запросы об объектах, имеющих перечисленные в формуле запроса признаки. В этой системе реализована способность производить индуктивный вывод, осуществлять эвристические процедуры. Например, если источники не содержат прямых указаний о мотивах того или иного поступка какой-либо персоналии из базы данных, исследователь может сформулировать одну или несколько рабочих гипотез и, пользуясь возможностями данного метаязыка, провести верификацию этих гипотез. Вопрос может иметь, например, такой характер: «Почему исторический персонаж X потерял благожелательность короля или кардинала?». Исследователь «расщепляет» этот вопрос, выдвигая несколько возможных вариантов ответа. Система, используя семантические связи между «эпизодами», отыскивает опосредованную информацию, подтверждающую ту или иную гипотезу. При этом RESEDA воспроизводит логику исследователя, решающего подобную задачу.

Дальнейшее совершенствование системы было направлено на создание сложных программ грамматического анализа текста, направленного на автоматизацию процедуры «росписи» каждого «эпизода» в соответствии со структурой фреймов.

Экспертные системы

Второе перспективное для исторических исследований направление работ по искусственному интеллекту 1980-х гг. было связано с феноменом *экспертных систем* (ЭС), нередко рассматривавшихся в те годы как наиболее значительное практическое достижение в области искусственного интеллекта. Экспертная система – это компьютерная система, в которую

включены знания специалистов о некоторой проблемной области и которая в пределах этой области способна принимать экспертные решения.

Структура ЭС состоит из трёх основных блоков:

1) база данных;

2) база знаний (БЗ) – модель знаний эксперта, представленных в виде особых правил («продукций»), имеющих логическую форму «если ..., то...»;

3) «решатель проблем» (РП), иногда называемый «машиной логического вывода».

Принципиально новым открытием, обусловившим широкий практический успех ЭС, было создание баз знаний, позволивших представить профессиональные знания специалистов-экспертов в некоторой области.

Экспертные системы целесообразно применять при анализе слабо структурированных проблем, где логика действий достаточно запутана, а профессионал опирается на интуицию. Поэтому следует собирать и моделировать знания профессионалов-экспертов, представлять их в виде логических правил (используются ещё фреймы, тезаурусы и другие средства моделирования знаний).

Для каких областей исторических исследований возможности экспертных систем оказались наиболее перспективными?

Бесплодной оказалась дискуссия о том, можно ли построить экспертную систему в области военной истории, способную интерпретировать аргументацию Клаузевица или (в историко-политических исследованиях) – аргументацию Макиавелли [*Schulte*, 1989]. Ещё более очевидной была бесперспективная надуманность вопроса о возможности создания ЭС для вывода исторического знания на теоретическом уровне [*Schulte*, 1989: 93-94]. Как показал опыт использования ЭС в различных предметных областях, именно в прикладных задачах эти системы оказываются эффективными. В данном случае речь идёт о вспомогательных исторических дисциплинах, исторической демографии, археологии и т. д. Например, ЭС, вобравшая в себя знания опытного палеографа, может стать незаменимым помощником для историка, работающего со средневековыми рукописями.

Интересную экспертную систему для проведения историко-топонимических исследований разработал в начале 1990-х гг. Ю.Е. Храмов. Эта система, получившая название ГИДРОНИМИКОН, предназначена для анализа происхождения гидронимов Восточной Славии (Белоруссии, Украины и Европейской России). В качестве программной оболочки ГИДРОНИМИКОНа было использовано средство создания экспертных систем ЛОТА, включающее блок распознавания образов и процедуры дедуктивного вывода. Основные функции, реализованные в ГИДРОНИМИКОНе – это анализ гидронимов с подготовкой текстового материала, обосновывающего выводы; подбор и картографирование примеров лингвистических явлений, наблюдаемых в гидронимии; выдача подробных справок по источникам и по сопредельным областям науки – истории, археологии, исторической лингвистике. Существенно, что все используемые в процессе работы системы правила вывода, образы и выдаваемые справки снабжены ссылками на источники. Исследователь может предварительно указать те из них, которым он по каким-либо причинам не доверяет, и тогда основанные на этих источниках правила и об-

разы не будут использоваться для выдвижения и анализа гипотез. Первая реализация ГИДРОНИМИКОНа предназначена для анализа гидронимов на территории Восточной Славии – очень разнообразной по топонимическому ландшафту и в то же время связанной общностью происходивших здесь исторических процессов. Помимо славянских, балтских, тюркских и финно-угорских гидронимов, на этой территории выделяются и иранские, и протоевропейские и, возможно, балкано-иллирийские глоссы [*Храмов*, 1992].

Разработка программных средств для реализации процедур искусственного интеллекта требует использования специальных языков программирования. Особый интерес для гуманитарных приложений искусственного интеллекта представляли языки LISP и PROLOG (*PROgramming in LOGic*). Эти языки высокого уровня обладают гибкостью, сравнимой (не только в смысле логической структуры) с возможностями «естественных» языков.

PROLOG: восстановление истории семей. Именно гибкость PROLOGa позволила Ж. Карвалью разработать экспертную систему, воплощающую опыт специалистов, по восстановлению истории семей (ВИС) [*Carvalho*, 1989]. В исторической демографии хорошо известны проблемы, возникающие при идентификации имён и фамилий людей, зафиксированных в различных средневековых источниках. В результате исследовательской практики сформировались эвристические приёмы, позволяющие подтверждать или отвергать гипотезы об идентичности персоналий, упомянутых в различных источниках, в условиях совпадения имён и фамилий различных людей («homonomy») или вариаций в их написании, относящихся к различным людям. Существенно, что конкретный вид этих правил (известных под названием *record linkage*[1]) зависит от периода времени и региона, к которым относятся анализируемые данные.

Элементы искусственного интеллекта использовались ранее при работе с просопографическими базами данных – для реализации частных методик *record linkage* [*Wrigley*, 1969]. Преимуществом экспертной системы, разработанной Ж. Карвалью (Португалия) с помощью средств языка PROLOG, является её общность, возможность использования для реализации различных методик ВИС; при этом в каждом случае надо изменять лишь конкретные правила «связывания» записей, структура же системы остаётся неизменной. Другое преимущество рассматриваемой ЭС заключается в том, что она даёт возможность проводить генеалогический анализ, а также исследовать «сети» – т. е. отношения родства, территориальной или социальной близости, которые (в опосредованном или явном виде) содержатся в большой базе данных демографического характера.

Процедура *record linkage* в данной экспертной системе осуществляется на основе целого набора правил вывода, формализующих исследовательский

[1] *Record linkage* – широко используемый термин, перевод которого («связывание записей») отражает смысл поисковых процедур, направленных на идентификацию объекта (например, индивидуума), зафиксированного (возможно, с «помехами») в различных источниках (или файлах, если речь идёт о машиночитаемых данных).

опыт специалистов. Пусть, например, в базе данных есть две следующие записи: «Джон Смит умер в 1756 г.» и «5-го октября 1665 г. Мэри, жена Роберта Смита, родила сына Джона». Одно из правил ЭС, используемых для связывания записей, имеет следующую формулировку: «Люди не живут обычно более 90 лет». Ясно, что такое правило отвергает гипотезу о связи этих записей.

Существенно, что структура экспертной системы позволяет модифицировать набор правил вывода за счёт добавления новых, удаления или изменения правил, введённых ранее. В тех случаях, когда сведения источника характеризуются неопределённостью или неполнотой, ЭС может «подключать» более гибкие правила, основанные на концепциях теории нечётких множеств или теории вероятностей.

Экспертные системы в изучении античности и средневековья

Первая монография, посвящённая использованию экспертных систем в гуманитарных науках, была издана в 1988 г. под редакцией знаменитого французского археолога Жана-Клода Гардена [*Gardin, Guillame, Herman*, 1988], хотя идеи о привлекательности археологии как области приложения методов искусственного интеллекта высказывались ещё в 70-е годы [*Doran*, 1977], а в 80-х годах вышел целый ряд статей об использовании ЭС в историко-археологических исследованиях [*Lagrange*, *Renand*, 1985; *Baker*, 1988; *Ducasse*, 1987]. В упомянутой книге Ж.-К. Гарден отмечает, что руководимая им группа историков и археологов пришла к необходимости использования ЭС через понимание того, что нужна более прочная основа для аргументации выводов в гуманитарных исследованиях.

Используя возможности экспертной оболочки SNARK, Гарден и его коллеги провели исследование шести проблем древней и средневековой истории:

- связи Древней Греции и государств Центральной Азии (на керамическом материале);
- производство металлов в Бактрии;
- происхождение кипрских статуэток (конец бронзового века);
- происхождение древнеримских амфор;
- идентификация средневековых фортификаций;
- анализ иконографического материала сельджукского периода (SUPERIKON).

Оценивая итоги использования ЭС в данной работе, Гарден отмечает, что, во-первых, полученные результаты доказывают полезность ЭС в гуманитарных приложениях, где (справедливо или нет) искусство аргументации считается обычно свободным; во-вторых, применение ЭС требует более чёткого определения компонент процедуры аргументации в «естественной» логике исследователя-гуманитария. Работа с ЭС заставляет глубже задуматься о проблемах соотношения гносеологического уровня исследования с конкретными аналитическими процедурами, о необходимости конструирования эксплицитных правил логического вывода при работе с эмпирическим материалом. Разработка экспертных систем, содержащих базы данных,

базы знаний и правила вывода, построенные Ж.-К. Гарденом и его коллегами, потребовала чёткой формулировки «эмпирико-индуктивных и гипотетико-дедуктивных» процедур аргументации, которые могут использоваться при решении широкого круга историко-археологических задач.

Атрибуция текстов и экспертные системы

Ещё одной перспективной областью для использования ЭС в гуманитарных науках является атрибуция литературных и исторических текстов.

В. Кнопперт (Голландия) разработала экспертную систему для атрибуции стихотворных текстов [*Knoppert*, 1991]. Пользователь этой системы, работая с ней в интерактивном режиме, получал ответы на ряд вопросов о форме и содержании произведений. Далее ЭС предлагала список возможных авторов с указанием степени надёжности атрибуции («низкая», «средняя», «высокая»). Естественно, на предварительном этапе создавалась база знаний, содержащая экспертные оценки различных характеристик содержания, стиля и формы определённого набора авторов. В своей работе В. Кнопперт создала базу знаний о произведениях 20 голландских авторов XIX–XX вв. на основе информации о голландской поэзии этого времени. Использовавшаяся программная оболочка экспертной системы (KES.HT, разработана в Англии) оказалась весьма эффективной при решении проблем атрибуции: в большинстве случаев идентификация авторов тестируемых произведений была правильной, даже при работе с ней пользователей с невысокой квалификацией.

Многомерная классификация «с учителем»

С конца 1970-х гг. концепции теории нечётких множеств (внёсших свой вклад в одно из направлений ЭС) получили применение в гуманитарных науках, включая историю. Эти концепции учитывают специфику задач типологии в социально-гуманитарных исследованиях, где границы между классами (типами) могут быть «размытыми»; они были реализованы в задачах многомерной классификации с «учителем». Так, в эти годы нами был предложен алгоритм распознавания AMCOP, в котором принадлежности объектов обучающей выборки к классам определяются экспертом, при этом решающее правило является «нечётким» в режиме «экзамена», оценивая значения *степени* принадлежности предъявляемых объектов к классам [*Бородкин*, *Стадник*, 1985]. С помощью этого алгоритма машинного обучения, реализованного в программе *FuzzyClass* и основанного на экспертном знании, была проведена, например, многомерная классификация губерний Европейской России конца XIX – начала XX вв., давшая оценку пространственного соотношения двух путей аграрного развития Российской империи [*Бородкин*, *Ковальченко*, 1984; *Borodkin*, *Koval'chenko*, 1988].

В целом дискуссии раннего периода отражали поиск баланса в приложениях методов ИИ в гуманитарных исследованиях – баланса между искусственным интеллектом и интеллектом учёного-гуманитария.

Историк и большие данные

Прежде чем обратиться к характеристике современного этапа использования концепций и технологий искусственного интеллекта (ИИ) в работах историков, рассмотрим кратко понятие о *больших данных*, существенное для понимания структуры исследований XXI века в области искусственного интеллекта. Является ли проблема больших данных актуальной для историков?

Если говорить об использовании оцифрованных исторических данных, то и в России, и в других странах абсолютное большинство возникающих задач можно решить на «продвинутых» персональных компьютерах (или, в особых случаях, на суперкомпьютерах). В то же время появляются задачи, для решения которых мощностей такой вычислительной техники уже не хватает. Это порождает вопрос: работают ли историки сегодня с большими данными (*Big Data*)? Ответ зависит от того, какого определения мы придерживаемся. Недавно в России был принят Национальный стандарт РФ «Большие данные», в котором подробно определены соответствующие дефиниции и технологии. *Big Data* определяются как большие массивы данных, с учётом таких их характеристик, как объём, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа. Масштабирование подразумевает возможность расширения репозиториев поступающих *потоковых* данных и их обработку на параллельно работающих распределённых ресурсах.

Эти технологии альтернативны традиционным технологиям баз данных. Хотя строгое определение больших данных подразумевает их потоковую природу (непрерывное их поступление), в практике социально-гуманитарных исследований такие данные встречаются редко (исключение сводится, пожалуй, к исследованиям социальных сетей с их непрерывным информационным потоком, порождаемым Интернет-сервисами); зато в исторических исследованиях возникает необходимость анализа огромного объёма разнородных источниковых данных, работа с которыми не может производиться с использованием компьютеров и стандартного программного обеспечения, привычных для пользователей-историков. Даже при отсутствии потоковых данных хранение и обработка информационного массива, объём которого исчисляется десятками и сотнями терабайт, требует специальных технических и программно-алгоритмических решений, поскольку стандартные аппаратные и программные средства в подобных ситуациях бесполезны. При этом данные должны быть распределены, как правило, по вычислительным узлам, кластерам компьютеров.

В широком смысле «Большие данные» рассматривают как социально-экономический феномен, связанный с появлением технологических возможностей анализировать огромные массивы данных. В качестве определяющих характеристик для больших данных традиционно выделяют «три V»: объём (англ. *volume*, в смысле величины физического объёма данных), скорость (velocity в смыслах как скорости прироста, так и необходимости высокоскоростной обработки и получения результатов), многообразие (*variety*,

в смысле возможности одновременной обработки различных типов структурированных и неструктурированных данных). Встречаются в публикациях предложения учитывать и пять V, и семь V.

Материалы ряда недавних конференций по технологиям Big Data позволяют сделать вывод о том, что сегодня в отмеченных ситуациях говорят о допустимом расширении определения больших данных, когда данные могут не иметь потоковой природы, но объём их настолько велик, что не может храниться и обрабатываться стандартными средствами. Характерной особенностью таких данных в *исторических* исследованиях является не только огромный объём источниковых данных, лежащих в основе масштабных компаративных исследовательских проектов, реализуемых историками в составе международных коллабораций, но и вариативность, поливидовой характер используемых источниковых комплексов.

В этом ключе трактуется понятие *Big Data* и в коллективной монографии «Information. A Historical Companion», рассматривающей исторические аспекты информационных процессов и опубликованной в 2021 г. в Принстоне:

«Это массив данных, который в силу своего огромного объёма предъявляет особые требования к вычислительной мощности компьютера и его аналитическим возможностям для обработки и понимания таких данных. Главной целью сбора больших данных и их анализа является выявление скрытых паттернов или трендов, которые недоступны (“невидимы”) при использовании других исследовательских подходов» [Information. A Historical Companion…, 2021: 833].

Отметим, что и в этом случае предлагается упрощённое определение *Big Data*, которое существенно отличается от «канонического», зафиксированного в международном и российском стандартах. Приведённому выше определению больше соответствует всё чаще используемый термин *Big dataset* («большой массив данных» или большой *датасет* – с 2022 г. термин датасет «узаконен» в РФ).

Исходя из приведённой трактовки больших данных, на сегодняшний день можно обратиться к нескольким масштабным историко-ориентированным проектам, в которых используются большие данные (в указанном выше понимании).

Международный проект «Mining Microdata: economic opportunity and spatial mobility in Britain, Canada and The United States, 1850-1911». Этот проект, завершённый в 2014 г., базировался на огромном информационном ресурсе, использовавшем первичные данные переписей населения США, Канады и Британии 1850–1911 гг. [http://miningmicrodata.org]. Проведённые в рамках проекта исследования внесли существенный вклад в длительные дебаты историков об эволюции социальной структуры населения в Северной Америке и Великобритании. Так, сравнивая профессии отцов и сыновей в одинаковые периоды их жизни, участники проекта рассматривали вопрос: имели ли мужчины в Канаде и Соединенных Штатах больше возможностей улучшить своё социальное положение, чем мужчины в Великобритании, и насколько велики были различия между странами в этом аспекте? В ходе работ по проекту были предложены также оригинальные компьютеризованные методики

источниковедческого анализа больших массивов данных переписей (с использованием алгоритмов *record linkage*). Так, в работе К. Шурера и Т. Пенькова рассмотрены методы стандартизации и классификации записей о месте рождения и профессиональной деятельности, содержащихся в данных переписи Великобритании 1851–1911 гг. [*Шурер*, *Пенькова*, 2016], представлены алгоритмы формирования классификационных кодов профессий и идентификации населённых пунктов (мест рождения) на основе сопоставления исходных и справочных данных. В общей сложности объём анализируемых авторами данных охватывает сведения из более чем 180 миллионов (!) переписных листов, полученных в ходе семи последовательных британских переписей населения. Говоря точнее, этот цифровой ресурс, созданный изначально для генеалогических изысканий, содержит 183 470 969 персональных записей. На основе этого огромного массива данных было выявлено 7 304 708 уникальных записей с описанием профессиональных занятий и 6 703 779 уникальных записей с указанием места рождения. Столь большое количество этих записей объясняется тем, что полученные в ходе переписей ответы респондентов были очень разнообразны: например, вариации того или иного топонима или занятия могли включать несколько десятков разночтений. Так, в записях о профессиональных занятиях профессия '*watchmaker*' (часовщик) зафиксирована 41 вариантом. Очевидно, аналитическому этапу такого проекта должна предшествовать рутинная, кропотливая работа по составлению списка категорий, объединяющих идентичные значения. Такую работу можно реализовать лишь с помощью специальных программ, использующих элементы искусственного интеллекта и способных работать с большими данными, что и было сделано в рассматриваемом проекте.

Обратим внимание на тот факт, что нечастые пока примеры «Больших данных» в проектах историков относятся, как правило, к микроданным (например, из области исторической демографии). Это неслучайно. Агрегированные данные (например, представленные на уровне административно-территориальных единиц, регионов, стран), представленные даже в динамике большой длительности, можно хранить и обрабатывать, используя привычные для нас СУБД или табличные редакторы. Здесь не возникают информационные массивы терабайтовых объёмов (да и поливидовой характер данных здесь не часто встречается). Так, проекты анализа исторической глобальной динамики вполне реализуются на обычных компьютерах, с использованием привычного программного обеспечения. Оснований рассматривать такие проекты в контексте анализа больших данных (использующего, как правило, технологии NoSQL, MapReduce, Hadoop, R), пожалуй, нет.

Проект CLARIAH (Common Lab Research Infrastructure for the Arts and Humanities). Этот проект вносит существенный вклад в создание современной инфраструктуры гуманитарных и социальных наук на базе Международного института социальной истории (IISH) в Амстердаме [https://www.clariah.nl/about-clariah]. Реализация проекта проводится при поддержке голландского научного фонда (NWO) и предусматривает два этапа: 2014-2018 гг. и 2019–2024 гг.; объём финансирования на каждом этапе – 12 млн евро CLARIAH рассматривается как голландская часть учреждённого в 2014 г. Европейского сетевого консорциума DARIAH (Digital Research Infrastructure

for the Arts and the Humanities), целью которого является совершенствование и развитие европейской цифровой инфраструктуры для исследований в области гуманитарных наук [https://www.dariah.eu/about/dariah-in-nutshell].

Инфраструктура CLARIAH предоставляет исследователям доступ к большим коллекциям цифровых данных, а также к инновационным и удобным для пользователя инструментам для обработки этих данных. Основные области приложений охватывают социально-экономическую историю, лингвистику и медиа-исследования. Решается задача привлечения и оцифровки не только больших объёмов текстовых источников, аудио- и видеоматериалов, имиджей из газет и других изданий, записей телепрограмм и других медиа-материалов, но и произведений искусства (живописи, скульптуры и др.). Эта цель достигается во многом использованием системы описания ресурсов RDF (Resource Description Framework), позволяющей связывать разнородные данные. RDF основана на идее делать заключения о веб-ресурсах в форме межкатегориальных связей «субъект – предикат – объект». Эти связи (суждения) в рамках RDF известны как триплеты (triples). Такая формализация может быть применена к любым оцифрованным объектам, будь то записи в базе данных социально-экономического характера, или оцифрованные газеты, или имиджи.

Важной задачей проекта является компьютеризованный интеллектуальный поиск разнотипной релевантной информации и формирование поисковых запросов в целях содержательной интерпретации собранного материала. Так, в проекте производится поиск материалов оцифрованных газет, содержащих в глобальном измерении сведения о трудовых конфликтах в 1870–1990 гг. Извлечение этих данных из неструктурированных источников потребует использования сложных алгоритмов и программ обработки текстов на естественном языке (предварительно распознанных с помощью машинного обучения).

Интерес представляет и другой раздел проекта: оцифровка большого массива травелогов – книг, путевых записок, написанных путешественниками (начиная с позднего Средневековья), и использование алгоритмов интеллектуального поиска для выявления тех фрагментов текста, в которых авторы затрагивали тему труда и трудовых отношений, а также восприятия людьми этих аспектов профессиональной деятельности.

Масштаб проекта, охват процессов на протяжённых периодах, привлечение огромных массивов разнородных данных – от структурированных до текстовых и медийных, долговременный мониторинг сетевых ресурсов с целью пополнения коллекции оцифрованных данных проекта позволяют говорить о переходе к использованию концепций больших данных. Проект даёт возможность получить новые ответы на старые вопросы по данной проблематике (истории труда), а также и поставить новые вопросы, которые раньше не рассматривались ввиду отсутствия столь масштабной коллекции данных и новых компьютеризованных методов их обработки и анализа.

Проект «Венецианская машина времени» (The Venice Time Machine). Этот масштабный проект, основанный на цифровизации огромного архивного материала, ориентирован на дальнейшее многоцелевое комплексное использование оцифрованных данных, был инициирован в 2012 г.,

а активная работа началась в 2014 г. в рамках коллаборации Государственного архива Венеции, Швейцарского федерального технологического института в Лозанне (EPFL) и Университета Ка´ Фоскари в Венеции. Руководитель проекта проф. Фредерик Каплан, IT-специалист, учёный из EPFL, отметил, что документы, подлежащие оцифровке, занимают более 80 км полок в Государственном архиве Венеции (подробнее об этом см. статью в журнале *Nature* [*Abbott*, 2017]). Рассмотрим этот уникальный проект более подробно, основываясь на материалах указанной статьи в *Nature* и сайта этого мега-проекта [https://www.epfl.ch/research/domains/venice-time-machine/].

Общей целью проекта является создание многомерной динамической «модели» Венеции путём создания открытого цифрового архива культурного наследия города, охватывающего более 1000 лет его эволюции. К 2019 г. в рамках проекта были отсканированы 190 000 архивных документов (включая рукописи, карты, делопроизводственные материалы, книги, ноты и т. д.) общим объёмом более 8 терабайт.

Важной компонентой проекта является продвижение современных технологий распознавания текста рукописных документов с использованием алгоритмов машинного обучения для автоматического чтения миллионов страниц и разметки (тегирования) их содержания. Оцифровка многочисленных карт помогает провести анализ эволюции городской инфраструктуры, показывает, как изменялась историческая застройка Венеции, дороги, улицы и каналы, как формировались структуры коммунального хозяйства (водоснабжение, освещение города и т. д.). Архивные документы дают материал для реконструкции генеалогических связей венецианской знати, структуры социально-профессиональных сетей в их темпоральном измерении. Анализ оцифрованных и размеченных документов позволяет проследить динамику распространения эпидемий в городе, миграционных процессов, финансовых рынков, морских связей Венеции (в портовых книгах фиксировались сведения о каждом судне, которое входило в гавань или выходило из неё).

Короткий период правления Наполеона способствовал передаче в архив Венеции массовых государственных административных документов, включая свидетельства о смерти, медицинскую документацию, нотариальные документы, карты и архитектурные планы, патентные реестры и множество других документов, включая сообщения послов из европейских государств и Османской империи, содержащих уникальные сведения об их политике и повседневной жизни, а также кадастровые карты, которые очерчивали границы собственности и фиксировали право собственности на небольшие земельные участки (некоторые из этих документы имеют размер от 4–7 метров, их оцифровка потребовала использования специализированных сканеров, оснащённых современной аппаратурой). Кадастровая карта Венеции предоставила надёжные данные, расширившие географический контекст анализа переписи 1740 года, в которой перечислены граждане, владевшие недвижимостью в городе (или арендовавшие её) [*Di Lenardo*, *Barman*, *Pardini*, *Kaplan*, 2021]. Объединив эти сведения с 3D-информацией о городских зданиях, полученной из изобразительных источников, команда проекта создала анимационный тур по Венеции, показывая, какие предпринимательские структуры были связаны с каждым зданием в то время. Первая виртуальная реконструкция историче-

ской застройки Венеции, показывающая её эволюцию между 900 и 2000 гг., была показана на выставке *Венеция Биеннале архитектуры* в 2018 г.

«Наполеон, возможно, положил конец Венецианской республике, – говорит Каплан, – но для нас он был отправной точкой для восстановления её истории» [*Abbott*, 2017].

Методология проекта предполагает, что существует связь между людьми, чьи имена указаны в одном и том же документе, и это позволяет выявлять социальную сеть каждого человека, «вписывая» её в мега-сеть большого исторического социума. Это добавляет новое измерение в традиционную методологию изучения социальной структуры города и её эволюции (авторы проекта подчёркивают, что в фокусе внимания при этом находятся «обычные» горожане, а не только городская знать). С этой целью около 23 000 фрагментов архивной документации, содержащих 55 000 имён жителей города и городских мест (локаций), были вручную транскрибированы архивистами, обученными читать рукописные тексты, на этапе аннотации, который длился два года. Эти аннотации использовались для машинного обучения и тестирования нейросети, с тем чтобы сделать весь отсканированный материал, включающий более двух миллионов страниц, доступным для информационного поиска. При этом уровень ошибок распознавания был около 10 %, что авторы проекта считают приемлемым результатом. Это позволяет пользователю найти нужное имя в одном документе, а затем сделать запрос в систему для выявления всех рукописных документов в базе данных, где это имя появляется в сочетании с другими персоналиями.

«Венецианская машина времени» дала старт ещё более амбициозному европейскому проекту по созданию и объединению подобных «машин времени» в целом ряде исторических центров культуры и торговли Европы [https://www.timemachine.eu/] (включая Париж (1000–2000 гг.), Дрезден (1200–2000 гг.), Будапешт (1660–1990 гг.), Иерусалим (2000 до н. э. – 2000 н. э.) и др. Такой масштаб интегрального европейского проекта «машин времени» (с бюджетом 1 млрд евро (!)) потребовал формирования координационного Совета в рамках «TimeMachine Organisation»; президентом организации является Ф. Каплан, а основное финансирование мега-проекта, имеющего целью «создание планетарного масштаба инфраструктуры, обеспечивающей прямой и свободный доступ к Большим данным о Прошлом», осуществляется Europeana Foundation.

Думается, подобный проект мог бы реализоваться и в России – на принципах коллаборации архивов ряда российских городов с богатой историей и региональных университетов, с участием профильных академических институтов.

Искусственный интеллект в исторических исследованиях: опыт XXI века

Цифровая трансформация последнего десятилетия способствовала резкому увеличению интереса к возможностям применения технологий искусственного интеллекта во всех прикладных областях. Особенно это коснулось методов машинного обучения в его наиболее распространённом варианте,

связанном с возможностями искусственных нейронных сетей. Смысл работы исследователя, применяющего методы ИИ, в простейшем случае связан с тем, что «сеть» (программа) получает на входе объекты обучающей выборки, каждый из которых принадлежит к одному из двух классов (A или B). Сеть «настраивается» на параметры объектов класса A и класса B, а затем может распознавать объекты, принадлежность которых к классам неизвестна.

В XXI в. появились исследовательские проекты, в которых машинное обучение использовалось (уже на новом технологическом витке цифровых технологий и алгоритмов) для решения различных задач в области археологии, изучения и сохранения культурного наследия, в источниковедческих и конкретно-исторических исследованиях. Библиография таких работ к середине 2022 г. насчитывает уже сотни публикаций. В данном разделе рассмотрим лишь некоторые из них, дающие представление о возможностях применения методов и технологий ИИ историками.

Распознавание рукописных текстов

Актуальной задачей является распознавание отсканированных рукописных и старопечатных текстов – ведь ежедневно в мире делаются доступными пользователю тысячи страниц оцифрованных, но не являющихся машиночитаемыми источников, даже информационный поиск в таких случаях невозможен. Надо признать, что существующие методы распознавания знаков таких текстов пока ещё не обладают достаточной степенью универсальности. Машинное обучение ориентируется, как правило, на распознавание текстов, написанных на определённом языке, в определённую эпоху, в той или иной форме письма.

В этом контексте представляет интерес научно-исследовательский проект «Автографы Петра Великого: Чтение технологиями искусственного интеллекта», инициированный в 2020 г. Российским историческим обществом и ПАО «Сбербанк». В работе над проектом приняла активное участие исследовательская группа Санкт-Петербургского института истории РАН. В основу источниковой базы были положены рукописи из собраний института и РГАДА. Эта база была сформирована из материалов последних томов «Писем и бумаг Петра Великого», охватывавших период с 1709 по 1713 год. Ход работы по проекту описан в публикации участников коллектива [*Базарова*, *Димитров*, *Потанин*, *Проскурякова*, 2020].

После оцифровки рукописных текстов Петра I проводилась их загрузка в web-приложение Computer Vision Annotation Tool (CVAT) – необходима была построчная разметка цифровых копий документов.

Главной задачей проекта было создание алгоритма, способного автоматически распознавать и транскрибировать автографы (оригинальные рукописные тексты Петра), преобразовывая изображение со скорописью в текст. С этой целью использовались алгоритмы глубокого обучения со специальной структурой искусственной нейросети. Были сформированы два датасета, состоящих из транскрибированных и «разрезанных» на строки документов с автографами Петра. Первый датасет необходим для обуче-

ния нейронной сети, т. е. настройки параметров нейросети под конкретную задачу работы с текстами царя. Второй датасет использовался для оценки качества распознавания, то есть тестирования обученной нейросети, эти два набора не пересекались. Размер обучающей выборки (первый датасет) составил 6196 строк, второго – 3042 строки автографов Петра. Полученная точность распознавания (97,6%) существенно превышает точность, полученную при использовании известной платформы Transkribus, созданной в рамках европейских проектов, имеющих целью машинное чтение древних рукописей (http://transkribus.eu). При этом время распознавания составляет 35 страниц в минуту, тогда как традиционная работа по расшифровке каждой страницы столь сложного почерка требует несколько часов.

Существенным итогом первого этапа работы стало размещение компьютерной программы по распознаванию петровских автографов на сайте «Digital Пётр» (https://www.sber.ru/digital-petr/). На этом сайте пользователь может за несколько секунд получить в удобном и понятном формате расшифровку рукописей Петра Первого. Для тех, кто хочет понять принцип работы алгоритма, на сайте предусмотрен режим ознакомления и описание того, как работает нейросеть. Как отмечают разработчики сайта, посетители могут загрузить рукопись Петра I самостоятельно, а могут воспользоваться функцией расшифровки заранее заготовленных рукописей.

Важным преимуществом созданной программы является гибкость, способность модели быстро дообучаться на новом почерке, не требуя большого количества транскрибированных и размеченных данных. Достаточно нескольких страниц с новым почерком. Как отмечают участники проекта, «Создание отечественного программного обеспечения для распознавания и транскрибирования автографов Петра I откроет возможности для построения аналогичных моделей чтения русской скорописи XVI – начала XVIII веков, а также письма других эпох».

Реализацию модели на языке Python можно найти на следующем ресурсе: https://github.com/ sberbank-ai/digital_peter_aij2020.

Источниковедческие аспекты исследований в рамках проекта рассмотрены в упомянутой статье его участников, а также в интервью с директором Санкт-Петербургского института истории РАН членом-корреспондентом РАН А.В. Сиреновым [https://historyrussia.org/polemika/intervyu-s-istorikami/zdes-my-vidim-dejstvitelno-nauchnyj-metod.html].

Текущие результаты проекта были представлены авторским коллективом на общем собрании Отделения историко-филологических наук РАН в рамках научной сессии «Пётр Первый и его место в истории и культуре России» 31 марта 2022 г.

Атрибуция древних текстов (эпиграфика)

Методы искусственного интеллекта в последние годы нашли применение и в такой традиционной области изучения античной истории как эпиграфика. В течение прошедших столетий многие надписи были повреждены до неразборчивости (см. рис. 2), перенесены далеко от своего первоначального места, а дата их написания является предметом дискуссий

специалистов. Новый импульс в исследованиях таких проблем дают технологии машинного обучения. Пример такого исследования представлен в совместной работе учёных из Великобритании, Греции и Италии – историков античности и IT-специалистов, опубликованной в журнале Nature [*Assael*, *Sommerschield*, *Shillingford*, 2022].

В рамках этой работы создана Ithaca, глубокая нейронная сеть для реконструкции текста, географической и хронологической атрибуции древнегреческих надписей. Архитектура системы *Ithaca* ориентирована на совместную работу с историком, поддержку принятия решений и интерпретируемость выводов. В то время как использование возможностей *Ithaca* в автоматическом режиме позволяет достичь точности 62 % при восстановлении повреждённых текстов, работа с ней в режиме диалога с историком повысила точность с 25 % до 72 %, подтверждая эффект синергии этого исследовательского инструмента. Ithaca может соотносить имеющиеся надписи с их первоначальным местоположением с точностью до 71 % и может датировать их менее чем 30-летним интервалом достоверности. Это исследование показывает, как такие модели, как *Ithaca*, могут раскрыть потенциал сотрудничества между искусственным интеллектом и исследователями античности.

Рис. 2. Эта надпись (Inscriptiones Graecae, том 1, издание 3, документ 4, лицевая сторона B (IG I3 4B)) содержит указ об Афинском Акрополе и датируется 485/4 г. до н. э. Marsyas, Epigraphic Museum, WikiMedia CC BY 2.5. Выделены утраченные фрагменты текста. Источник: Assael Y., Sommerschield T., Shillingford B. et al. Restoring and attributing ancient texts using deep neural networks // Nature. 2022. 603, 280-283. P. 281.

Как удаётся получить с помощью *Ithaca* такие впечатляющие результаты?

При восстановлении повреждённых надписей специалисты по эпиграфике полагаются на доступ к обширным хранилищам релевантной информации, чтобы найти текстовые и контекстуальные параллели. Эти репозитории в последнее время состоят из цифровых корпусов для выполнения поиска «сопоставления строк». Однако различия в поисковом запросе могут исказить релевантные результаты, и практически невозможно оценить истинное распределение вероятностей возможных реставраций. Точно так же проблематична и атрибуция надписи: если она была перемещена или отсутствуют полезные элементы внутренней датировки, историки должны

найти альтернативные критерии для определения места и даты написания (например, формы букв, диалекты). Нередко это приводит к высокому уровню обобщения (так, хронологические интервалы атрибуции могут быть очень длинными).

Здесь на помощь могут прийти методы глубокого машинного обучения, позволяющие, как считают авторы, преодолеть ограничения традиционных методов эпиграфики, используя возможности нейронных сетей, которые могут обнаруживать и использовать сложные статистические закономерности в огромном количестве данных.

С помощью *Ithaca* изучались надписи, написанные на древнегреческом языке и разбросанные по всему древнему Средиземноморью между VII веком до н. э. и V веком н. э. Такой выбор был обусловлен двумя основными причинами. Это, во-первых, изменчивость содержания и контекста греческой эпиграфической записи, что делает её хорошей аналитической задачей, и, во-вторых, доступность оцифрованных корпусов древнегреческого языка, важного ресурса для обучения нейросети.

Чтобы обучить *Ithaca*, был разработан «конвейер» для извлечения необработанного набора данных из коллекции Packard Humanities Institute (PHI) [*Gawlinski*, 2017], который состоит из расшифрованных текстов 178 551 надписи. Этот процесс потребовал преобразования текста в нужный машинный формат, нормализации эпиграфических обозначений, уменьшения «шума» и эффективной обработки всех искажений. Каждой записи PHI присваивается уникальный числовой идентификатор и помечаются метаданные, относящиеся к месту и времени написания. PHI перечисляет в общей сложности 84 региона античности; тогда как хронологическая информация записана в самых разных форматах, от исторических эпох до точных интервалов года, написана на нескольких языках, не имеет стандартизованной записи и часто использует нечёткие формулировки. После создания расширенного набора правил для обработки и фильтрации данных результирующий набор данных I.PHI, как отмечают авторы работы, является крупнейшим многозадачным набором данных эпиграфического текста, обрабатываемого машиной, и содержит 78 608 надписей.

*Ithac*а рассматривается её разработчиками в качестве образца для современного подхода к решению задач эпиграфики. Система основана на архитектуре нейронной сети, называемой трансформатором, которая использует механизм взвешивания влияния различных частей ввода (таких как символы, слова) на принятие решений моделью.

Статья содержит ссылки на десятки работ, в которых методы ИИ применяются в задачах эпиграфики и смежных проблем.

Классификация занятий репрессированных в 1930-е – 1940-е годы

Рассмотрим конкретно-историческое исследование, на примере которого можно выявить проблемы, которые историк должен решать при использовании технологий ИИ. В работе Л.А. Лягушкиной [*Лягушкина*, 2022] изучается вопрос о классификации занятий репрессированных в СССР, сведения о которых внесены в базу данных «Жертвы политического террора

в СССР», включающую более трёх миллионов записей о людях, которые подвергались репрессиям в советское время. На первом этапе исследования автор располагала данными о 65 тыс. человек, репрессированных в ходе «Большого террора» (1937–1938 гг.) в пяти регионах РСФСР, с указанием их занятий и категорий их социального положения. На следующем этапе (для изучения гендерного аспекта репрессий) она расширила временной интервал исследования (включив 1941–1945 гг.) и географический масштаб работы (добавив 20 регионов), что привело к необходимости классифицировать занятия ещё примерно 320 тыс. человек.

Следует отметить, что в этой базе сведения о профессиях и занятиях репрессированных – разрозненные и неполные. В то же время эти признаки играют заметную роль в исследованиях «социального портрета». Для восполнения отсутствующих данных автор обратилась к возможностям машинного обучения «с учителем», используя имеющиеся в базе данных сведения об этих признаках по тысячам репрессированных – для обучения нейросети и последующей автоматической разметки. Наилучшим из опробованных алгоритмов оказался метод опорных векторов, который на тестовой обучающей выборке показал точность 95%. Но для некоторых (редких) профессий процент ошибок был достаточно высок. Тем не менее применение данного алгоритма позволило быстро разметить 350 тыс. новых записей из базы данных.

Однако в базе данных «Мемориала» занятия репрессированных представлены очень разнообразно и с разной степенью подробности. У одних написана, например, просто профессия или социальная группа – «колхозник» или «рабочий», у других указано ещё и место работы («колхозник колхоза "12-я годовщина Октября"»), иногда весьма подробно указана и должность, и место («землекоп "Союзводстроя" при ГОГРЭС»). Такие различия в формате описания занятий объясняются как спецификой создания этой базы данных (она основана на «Книгах памяти» жертв репрессий, составлявшихся в разных регионах по разным принципам), так и огромным объёмом записей (даже в рамках одной «Книги памяти» могли быть различия в подходах к набору информации).

Стоит также учитывать, что в некоторых случаях база данных может содержать не совсем достоверную информацию о занятиях репрессированных из-за сложности самого источника, на основе которого она составлялась. Тем не менее исследования, в которых такие сведения проверялись и сопоставлялись, не выявили существенного искажения картины. Соответственно, «Книги памяти» могут оказаться не самым лучшим источником биографической информации о жизни конкретного человека, однако, в целом, должны достаточно корректно отражать общую картину.

В рамках исследования для обучения нейросети был использован датасет (набор данных) с двумя основными переменными: во-первых, занятие человека – как оно было указано в базе данных «Мемориала», во-вторых, его социальное положение. Репрессированные делились на 13 групп (классов), а именно: колхозники; рабочие; служащие; единоличники; кооперированные кустари; некооперированные кустари; домашние хозяйки, иждивенцы, пенсионеры; лица без определённых занятий и другие деклассированные элементы; служители религиозного культа; красноармейцы и младший

начсостав; комсостав РККА; сотрудники НКВД; статус не определён. Последняя категория была введена для тех случаев, когда по занятию человека сложно определить, к какой группе по переписи он бы относился. Например, в эту группу попали заключённые, так как при проведении переписи 1939 года их учитывали либо по их занятиям в лагерях и колониях (так они пополняли ряды «рабочих»), либо по их занятиям до ареста (в случае тех, кто находился под следствием), либо же как «заключённых» (тех, кто был в тюрьме) [*Жиромская*, *Киселёв*, *Поляков*, 1996: 119].

Далее этот датасет был загружен в программную среду Python и обрабатывался с использованием библиотеки *scikit-learn*. Тестировались разные настройки и методы предобработки исходного текста. Из опробованных Л.А. Лягушкиной моделей лучшие результаты показал линейный классификатор – метод опорных векторов (SVM) со стохастическим градиентным спуском (SGD) [*Жерон*, 2018: 199-200].

Результаты работы модели (на тестовой выборке) показали, что в целом модель довольно успешно «предсказала» классы записей по социальной группе репрессированных: в 95% случаев классы на тестовой выборке были определены правильно.

Тем не менее основной проблемой являлось то, что некоторые классы социального положения систематически определялись хуже. Самые худшие показатели были у категорий «красноармейцы и младший начсостав» и «комсостав» РККА, «некооперированные кустари», «сотрудники НКВД». Из-за их маленькой численности в тестовой выборке их общий «вклад» в общий результат не такой большой, но недоучёт отдельных категорий может в некоторых случаях повлиять на качественные выводы исследования.

В результате ручной проверки Л.А. Лягушкиной удалось выявить ряд типичных причин ошибок: во-первых, некоторые категории занятий автоматически плохо определялись из-за особенностей их написания; то касалось, например, групп военных «красноармейцы и младший начсостав» и «комсостав РККА». В такого рода записях много специфических сокращений и цифр (например, «198-й СП 66-й СД, ком. отделения»), важно сочетание слов («в/ч 5499, ком. роты»). Всё это затрудняет классификацию, по крайней мере, на тех объёмах данных, которые использовались для обучения (эта группа репрессированных, в целом, в используемом датасете была относительно небольшой – около 1%). Во-вторых, плохо работала разбивка в сложных случаях, когда нужно выбрать из нескольких разных занятий. Например, в данном исследовании было решено размечать заключённых по их предыдущим занятиям, если это было указано, а если не указано, помечать как «статус не определён». В итоге запись «заключённый, сл. культа – ксендз» была размечена как «статус не определён», хотя по методологии её нужно было отнести к категории «служители культа».

Таким образом, несмотря на некоторую условность подобной разметки записей о репрессированных и неизбежность того, что ряд записей будет классифицирован неправильно, в результате применения этой методики удалось быстро разметить 320 тыс. записей о репрессированных в СССР. По итогам ручной проверки случайных выборок (по 30 записей) из этих новых размеченных данных корректировались социальные группы

от 6,6 до 10% записей, т. е. можно считать, что в среднем 92% записей автоматически удалось классифицировать верно. Поскольку эти записи использовались в рамках исследования гендерного аспекта репрессий для сравнений между собой разных частей одной и той же выборки: двух волн террора (1937–1938 гг. и 1941–1945 гг.) и положения мужчин и женщин, – есть основания полагать, что некоторый неизбежный (и небольшой) процент ошибок в этой разбивке не должен заметно повлиять на качественные выводы исследования.

Как отмечает автор работы, вероятно, есть способы улучшить качество классификации. Во-первых, имел бы смысл добавить в обучающую выборку больше примеров классов (групп по социальному положению), которые мало представлены в ней. Например, больше примеров военных – их гораздо больше встречается в базе данных в период войны. Во-вторых, возможно, необходимо пересмотреть классификацию, укрупнить категории военных (у них две категории: комсостав и рядовой состав) и кустарей (они разбиты на «некооперированных» и «кооперированных») в две соответствующие группы. В-третьих, возможно, определённые категории либо те наблюдения, где меньше всего «вероятность» отнесения к определённому классу, лучше перепроверять вручную, если объём разметки относительно небольшой.

Интересно, что авторы ещё одного исследования на основе баз данных «Мемориал» и «Память народа» использовали тот же метод ИИ (опорных векторов) для определения национальности военнослужащих по фамилии (при этом они определяли только то, относился ли человек к титульной русской национальности или нет) и получили точность предсказания 96,5% [*Rozenas*, *Talibova*, *Zhukov*, 2021].

* * *

В заключение можно высказать несколько соображений об опыте и перспективах использования в исторических исследованиях методов науки о данных и искусственного интеллекта.

Эти методы применяются историками с 1980-х гг. На раннем этапе использовались преимущественно методы экспертных систем (в задачах классификации и типологии) и когнитивного анализа исторических текстов. В течение последнего десятилетия в центре внимания оказались технологии машинного обучения, искусственные нейронные сети, масштаб их использования в исторических (и – шире – гуманитарных) исследованиях заметно расширился.

Быстрое развитие концепций «Больших данных», их адаптация с учётом специфики различных наук и массовая цифровизация данных во всех областях научного знания оказали определённое воздействие и на гуманитарные науки, включая историю. Методы ИИ, основанные на современном этапе на использовании машинного обучения, искусственных нейросетей, требуют, как правило, обучающих выборок большого объёма, что создаёт спрос на формирование больших массивов данных.

В течение последнего десятилетия реализован ряд крупных междисциплинарных исследовательских проектов историков, в рамках которых сформированы большие массивы (базы) данных, на основе которых решаются

взаимосвязанные задачи, позволяющие получить новые ответы на «старые» вопросы и поставить новые вопросы, исходя из диалектического принципа «количество переходит в качество». Как показывает опыт, для осуществления таких проектов (нечастых пока) необходимы масштабное финансирование и чёткая логистика в реализации поставленных задач.

Использование методов ИИ в исторических исследованиях требует совместной работы историков и IT-специалистов. Не следует полагать, что обученная машина сделает всё сама и нейросеть даст историку «правильный» результат. В такой работе есть немало «подводных камней», которые можно учесть в междисциплинарном взаимодействии историков и информатиков.

Об этом писал на заре компьютерной эпохи Норберт Винер, «отец» кибернетики: «Отдайте же человеку – человеческое, а вычислительной машине – машинное. В этом и должна, по-видимому, заключаться разумная линия поведения при организации совместных действий людей и машин» [*Винер*, 1966: 82-83].

Список литературы

Базарова Т., Димитров Д., Потанин М., Проскурякова М. Распознать и транскрибировать: Автографы Петра Великого и технологии искусственного интеллекта // Вестник «Воронцово поле». 2020. № 4. С. 64–71.

Бородкин Л.И. Методы искусственного интеллекта: новые горизонты исторического познания // Информационный Бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при отделении истории РАН. 1992. № 5. С. 4–16.

Бородкин Л.И., Ковальченко И.Д. Вероятностная многомерная классификация в исторических исследованиях (по данным об аграрной структуре губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв.) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1984. С. 6–30.

Бородкин Л.И., Стадник О.Е. Алгоритм построения решающего правила в задаче распознавания образов с использованием размытых множеств // Автоматика и телемеханика. 1985. № 11. С. 108–116.

Винер Н. Творец и робот. М., 1966.

Жерон О. Прикладное машинное обучение с помощью Scikit-Learn и TensorFlow: концепции, инструменты и техники для создания интеллектуальных систем. СПб: Диалектика, 2018.

Жиромская В.Б., Киселёв И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. Москва: Наука, 1996.

Луков В.Б., Сергеев В.М. Моделирование мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866-1878 гг. // Вопросы кибернетики: Логика рассуждения и её моделирование. М.: Наука, 1983.

Лягушкина Л.А. Опыт классификации социального положения репрессированных в СССР с помощью метода опорных векторов // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 128–139. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37719.

Храмов Ю.Е. ГИДРОНИМИКОН – экспертная система по гидронимии Восточно-Европейской равнины // Информационный Бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при отделении истории РАН. 1992. № 5.

Шрейдер Ю.А. Концепции интеллектуальных систем. М.,1988.

Шурер К., Пенькова Т. Методы стандартизации и классификации записей о месте рождения и профессиональной деятельности в данных переписи Великобритании 1851–1911 гг. // Историческая информатика. 2016. № 3–4. С. 41–56.

Abbott A. The 'Time Machine' reconstructing Ancient Venice's social networks // Nature. 2017. 546, 341–344. DOI: https://doi.org/10.1038/546341a.

Assael Y., Sommerschield T., Shillingford B. et al. Restoring and attributing ancient texts using deep neural networks // Nature. 2022. 603, 280–283. DOI: https://doi.org/10.1038/s41586-022-04448-z.

Baker K.G. Towards an Archaeological Methodology for Expert Systems // Computer and Quantitative Methods in Archaeology / Ruggles C.L.N., Rahtz S.P.Q. (eds.). Oxford, 1988.

Borodkin L.I., Koval'chenko I.D. Two Paths of Agrarian Evolution in European Russia: An Essay in Multivariate Analysis // Russian Review. V. 47. 1988. № 4. P. 391–408.

Carvalho J. Expert Systems and Community Reconstruction Studies // History and Computing II / P. Denley, S. Fodelvik, and Ch. Harvey (eds.). Manchester University Press, 1989.

Di Lenardo I., Barman R., Pardini F., Kaplan F. Une approche computationnelle du cadastre napoléonien de Venise // Humanités numériques. 2021. № 3. DOI: https://doi.org/10.4000/revuehn.1786.

Doran J. Knowledge representation for archaeological inference // Machine Intelligence 8 / Elcock E. and Michie D., (eds.). Ellis Horwood, 1977.

Ducasse H. Systemes experts et sciences humanies //Archeologues et ordinateurs. 1987. № 12.

Gardin J.-C., Guillame O., Herman P., et al. Artificial Intelligence and Expert Systems: Case Studies in the Knowledge Domain of Archaeology. John Willy & Sons, N.Y., Chichester, Brisbane, Toronto, 1988.

Gawlinski, L. Review: Packard Humanities Institute's Searchable Greek Inscriptions (2017) (https://classicalstudies.org/scs-blog/laura-gawlinski/review-packard-humanities-institutes-searchable-greek-inscriptions).

Information. A Historical Companion / Edited by Ann Blair, Paul Duguid, Anja-Silvia Goeing, and Anthony Grafton. Princeton: Princeton University Press, 2021.

Knoppert W. An Expert System that Uses Abstract Features of a Poem to Identify it's Most Probable Author // Computers in the Humanities and the Social Sciences. (Achievements of the 1980-s. Prospect for the 1990s). Proceedings of the Cologne Computer Conference 1988. / Ed. by H Best, E. Mochmann, M. Thaller. – K.G.Saur, Munchen, London, N.Y., Paris, 1991.

Lagrange M.-S., Renand M. Intelligent Knowledge-based systems in Archaeology: a computerized simulation of reasoning by means of an expert system // Computers and Humanities. 1985. Vol. 19 (1).

Rozenas A., Talibova R., Zhukov Y.M. Fighting for Tyranny: State Repression and Combat Motivation [Working paper, 2021]. URL: https://www.royatalibova.com/_files/ugd/c3f304_38dc519b11794aa180a7527cf79cd406.pdf .

Schulte Th.J. Artificial Intelligence Techniques for Historians: Expert Systems, Knowledge Representation and High-Level Programming // History and Computing II / Ed. by P. Denley, S. Fogelvik and Ch. Harvey. Manchester University Press, 1989. P. 90–96.

Wrigley E.A. Population and History. London, 1969.

Zarri G.P. An Overview of RESEDA: An Artificial Intelligence Question – Answering System Dealing With a Biographical Data Base // A. Gilmor-Bryson (ed.). Computer Applications to Medieval Studies. Western Michigan University, Kalamazoo, MI, 1984.

О некоторых вопросах применения цифровых технологий в архивном деле

В.П. Козлов

Аннотация. *Рассмотрены проблемные вопросы применения цифровых технологий в архивах по предоставлению услуг пользователям и обеспечению внутриархивных процессов, связанных с оказанием этих услуг.*

Ключевые слова: *архив, архивный документ, автоматизированный учёт архивных документов, документальная историческая память, страховой фонд на архивные документы, фонд пользования архивных документов, научно-справочный аппарат архива, Центральный фондовый каталог, архивный интернет-проект, удалённый доступ к документам архива, электронный документ, программный комплекс «Архивный фонд».*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.013

В настоящей статье речь пойдёт о личных наблюдениях автора над внедрением современных информационных технологий в архивное дело в государственных архивах России на протяжении приблизительно последних 25 лет с учётом определённого собственного участия в этом процессе[1]. При этом можно выделить не менее четырёх проблемных направлений, связанных с информатизацией архивного дела: 1) последствия внедрения электронного документирования, в результате которого создаётся комплекс документов документальной исторической памяти для будущих исследований истории нашего времени; 2) масштабы и формы применения электронных технологий в управлении собственно архивными процессами (ведение списков источников комплектования, централизованный и внутриархивный учёт архивных документов и их движения в архиве, прежде всего, при использовании, создание электронного фонда пользования архивных документов, создание страхового фонда пользования архивных документов и др.); 3) разработка централизованного и внутриархивных систем электронного научно-справочного (поискового) аппарата по документам Архивного фонда страны (НСА); 4) применение электронных технологий в реализации проектов, связанных с использованием архивных документов.

Первое проблемное направление. К настоящему времени документирование человеческой жизнедеятельности в электронном формате – дело состоявшееся. Рано или поздно оно в своей подавляющей части выдавит бумажное документирование. Для историков и архивистов это означает, что современную историю в будущем будут изучать по электронным документам.

Внедрение электронного документирования в организацию человеческой жизнедеятельности ставит перед архивистами и историками несколько принципиально важных вопросов: что такое электронный документ, как проводить

[1] Использованы также материалы, размещённые на портале «Архивы России»: rusarchives.ru

и надо ли проводить экспертизу ценности электронных документов, как их учитывать, как организовывать их хранение внутри архива, каким должен быть поисковый инструментарий по таким документам, наконец, как обеспечить их сохранность. При этом нужно иметь в виду, что затраты на сбережение электронных документов сегодня остаются ещё очень высокими и к тому же с неясными для их сохранности последствиями. Определённый опыт разрешения этих вопросов в российских архивах накоплен, но он основывается на интуиции, конкретных обстоятельствах и чрезмерно разнообразен. Пока это даже не эксперименты, а импровизации, хотя программность их решения всё больше усиливается. При этом достаточно неопределёнными остаются решения вопросов стыковки систем хранения электронных документов в ведомствах и в госархивах, особенно когда речь идёт о крупных электронных базах данных, например, Госкомстата или Пенсионного фонда. Опыт в этом смысле мы имеем не только позитивный, но и негативный, если вспомнить, что в результате смены платформ и административных преобразований ряд крупных ведомственных баз данных, созданных в советские времена, утрачен. Поэтому важное значение будет иметь создание в Обнинске в строящемся комплексе архивных зданий Центра хранения электронных документов и унификация программно-аппаратных платформ сначала федеральных, а затем вообще государственных архивохранилищ. Но одной из первостепенных задач остаётся законодательное регулирование электронного документирования, причём не только в части регулирования собственно документирования, но и с учётом неизбежного перехода электронных документов в документальный исторический источник. Сейчас, в переходный период, в целях сохранения документальной исторической памяти придуман промежуточный вариант парирования угрозы *остаться* без такой памяти о современности – правительством принят и действует перечень видов и разновидностей документов, которые создаются только или параллельно в бумажной форме. Это документы пока только, безусловно, с вечным сроком хранения.

Второе проблемное направление. В принципе любой архив, а тем более крупный, это своеобразное предприятие со своими специфическими процессами деятельности. Условно такие процессы можно разделить на те, которые напрямую связаны с оказанием услуг, и те, которые обеспечивают оказание этих услуг. Сегодня цифровые технологии в обоих случаях стали играть всё более заметную роль. Про первый случай мы поговорим чуть ниже. Здесь же заметим, что внедрение информационных технологий в собственно архивные процессы связано, прежде всего, с автоматизированным учётом движения архивных дел, например, из архивохранилища в читальный зал, оттуда – к пользователю и от пользователя – в архивохранилище. Традиционно существующий бумажный учёт такого движения трудозатратен и не свободен от ошибок. Автоматизированный учёт постепенно внедряется в федеральных архивах, например, в ГА РФ. Речь идёт об информатизации всех процессов, связанных с оказанием услуг, – от регистрации пользовательского запроса до его удовлетворения в виде предоставления оригиналов или электронных копий архивных документов. Закольцовывание этого процесса должно привести к тому, что, например, пользователь, придя в архив и заказав нужные документы на первом этаже, имел бы их

уже на закреплённом за собой рабочем месте за столом на втором этаже в читальном зале или мог на пользовательском компьютере тут же получить доступ к полнотекстовой базе данных и, найдя нужные документы, получить их копии. Не за горами и обеспечение удалённого доступа пользователей к электронному НСА, электронным копиям документов и полнотекстовым базам данных. И это не фантастика, а уже во многом реальность. Движение к этому мы видим, например, в Тульском областном государственном архиве, где успешно внедряются даже элементы искусственного интеллекта.

Сегодня всё чаще услуга архивов по предоставлению копий архивных документов осуществляется в электронном виде. В результате в архивах создаётся копийный фонд пользования в значительной степени случайный, но требующий сохранения, развития и создания поискового аппарата. Можно только приветствовать такую практику создания фонда пользования в электронном формате. Но в современных условиях открываются возможности сплошного сканирования или даже оцифровки тех или иных архивных фондов. Соблазн сканирования и оцифровки архивных документов фонда пользования и страхового фонда многим кажется хорошей альтернативой аналогичным фондам, создающимся с помощью микрографии. Заметим на это следующее. Массовое сканирование, тем более оцифровка, – дело не только затратное. Они не дают должного эффекта без электронных поисковых средств, что ещё больше удорожает процесс. Вряд ли сегодня может быть принято и решение о создании страхового фонда на электронных носителях вместо традиционного на носителях плёночных. И дорого, и неизвестна временная продолжительность сохранности цифровых копий без угрозы их искажения или даже утраты.

Это не значит, что оцифровки архивных документов для фондов пользования не должно быть. Во-первых, она оправдана при создании тематических оцифрованных образов архивных документов, обеспечивающих многоплановые исследовательские запросы, например, по истории коллективизации. Во-вторых, очевидна целесообразность оцифровки активно используемых фондов или определённых видов документов в них, например, постановлений исполкомов советов.

Электронные технологии показали высокую эффективность при реставрации угасающих архивных текстов, включая фотографии и кинодокументы. Одним из примеров этого является реставрация цветного документального фильма о Параде Победы в 1945 г.

Третье проблемное направление. Здесь большой простор открывается для автоматизированных технологий при переводе описей архивных документов в электронный формат с системами, обеспечивающими по ним тематический поиск интересующей пользователей информации. Сегодня это наиболее распространённый и эффективный способ обеспечения пользователя поисковым инструментарием в электронном формате.

Приблизительно со второй половины 90-х годов в государственных архивах началось создание полнотекстовых баз данных на наиболее активно востребуемые фонды или отдельные комплексы документов в них, например, репрессированных, угнанных в фашистскую неволю. Крупные базы данных созданы и в федеральных архивах. Начало этому было положено созданием полнотекстовой базы данных архивной жемчужины мировой истории

XX в. – архива Коминтерна – здесь на сегодня имеется 240 тыс. записей в базе данных и привязанных к ним 1 млн 700 тыс. электронных копий.

Эта база данных размещена на портале «Документы советской эпохи», включающем базы данных на 242 тыс. электронных копий из фондов ГКО, 330 тыс. электронных копий из фондов Политбюро ЦК ВКП(б) и архива Сталина, 41 тыс. электронных копий документов СНК СССР периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., почти 1,5 млн электронных копий документов фондов Советской военной администрации в Германии (СВАГ), 120 тыс. копий документов о событиях 1917 г.

Архивное законодательство России предусматривало и предусматривает обязательный централизованный учёт документов АФ РФ. Ранее он вёлся в карточной форме. С начала XXI в. этот учёт постепенно переводится в электронный формат. В результате создана не имеющая аналогов в мировой архивной практике Единая автоматизированная информационная система по учёту документов АФ РФ, состоящая из трёх самостоятельных программных комплексов: 1) базовый программный комплекс «Архивный фонд», применимый для использования в любом архиве; 2) программный комплекс «Фондовый каталог» для органов управления архивным делом в субъектах федерации и 3) программный комплекс «Центральный фондовый каталог» в Федеральном архивном агентстве. Это позволило обеспечить не только единство учёта архивных документов вечного хранения, но и тематический поиск архивных фондов по всем архивам страны. Размещённый в Интернете, на декабрь 2020 г. ЦФК включил данные о почти 960 тыс. архивных фондов 13 федеральных архивов, 2 225 государственных и муниципальных архивов 62 субъектов федерации. Эти данные включают: название фонда, аннотацию фонда, историческую справку о фонде, название описи, аннотацию описи, название единицы хранения. Всего на данный момент ЦФК содержит информацию о приблизительно 30-40 млн дел. К сожалению, вопреки требованиям архивного законодательства, данные по архивным собраниям учреждений, ранее подчинявшихся РАН, в этой базе отсутствуют. Исключением пока является Архив РАН.

Дополнением к этому уникальному учётно-поисковому средству можно считать полнотекстовые базы данных Росархива «Путеводители по российским архивам», включившие 135 справочников, изданных в 1987–2011 годах, и «Рассекреченные документы федеральных архивов».

В настоящее время сделаны реальные шаги по созданию системы удалённого использования НСА архивов и использования архивных документов как одной из форм оказания государственных услуг. Существующий и меняющийся перечень таких услуг, выполняемых в электронной форме, в целом пока выглядит ещё достаточно скромно, но по ряду направлений он заслуживает внимания своей фундаментальностью. Речь идёт прежде всего о выставочных интернет-проектах, например «Лидеры советской эпохи», «Польско-советская война 1919–1921 гг.», «Вторая мировая война в архивных документах» и др. Они привлекательны не только новизной обнародуемых архивных документов, но и межведомственным и трансграничным характером использованных архивохранилищ.

Наконец, ещё одно направление применения в архивах электронных технологий связано с подготовкой документальных публикаций в электронной

форме. Такие публикации в принципе могут снять дискуссионные вопросы об отборе документов, принципах воспроизведения текстов и др. Они способны решать эффективно проблемы поиска нужной информации по документальной публикации. Опыт их подготовки пока только накапливается. Укажем, например, на документальную публикацию «Атомный проект СССР», существующую в традиционной типографской и электронной формах. В настоящее время во ВНИИ документоведения и архивного дела впервые в мировой архивной практике началась работа по подготовке специальных методических рекомендаций по публикации документов в электронной форме.

Подводя итоги сказанному, отметим несколько обстоятельств.

Во-первых, внедрение цифровых технологий в архивное дело страны проходило и проходит поэтапно: в 1995 г. была утверждена Концепция информатизации архивного дела России, в 1996 г. принята Программа его информатизации на 1997–2010 г. С 2011 г. реализовывалась аналогичная программа информатизации на 2011–2020 гг.

Во-вторых, приблизительно в первое десятилетие после 1996 г. внедрение цифровых технологий в значительной степени происходило за счёт финансовых средств в рамках сотрудничества с зарубежными партнёрами, спонсорства или привлечения отечественных и иностранных научных фондов. Таковыми стали, например, проекты по архиву Коминтерна и фондам СВАГа. Позитив здесь сопровождался и неблагоприятными последствиями, главным из которых стала зависимость программного обеспечения проектов от зарубежных разработчиков, в том числе не всегда в удачных вариантах.

В-третьих, нам кажется, что внедрение цифровых технологий должно проходить с разумным консерватизмом. Мы назвали выше несколько точек возможного использования современных информационных технологий в архивном деле. Разумный консерватизм использования электронных технологий в каждой из этих точек в первую очередь касается сканирования больших объёмов документов в качестве фондов пользования и страховых фондов. Слишком большие текущие и неопределённые в будущем затраты на их сохранение с неизвестными пока результатами заставляют быть осторожными. Зато развитие электронного НСА, автоматизация внутриархивных процессов кажутся сегодня наиболее актуальными.

В-четвертых, стержневым моментом информатизации архивов является соблюдение законодательной нормы о централизованном государственном учёте документов Архивного фонда Российской Федерации. Эта норма распространяется на все государственные архивохранилища, включая те, которые имеют статус депозитарного хранения. Она касается и архивных собраний бывших академических учреждений, в которых внедрение программного комплекса «Архивный фонд», согласно архивному законодательству, должно быть обязательным.

В-пятых, состоявшийся факт электронного документирования современной жизнедеятельности остро ставит вопрос о готовности к этому наших архивов. И здесь мы сталкиваемся с безбрежным и тревожным морем нерешённых проблем, которые неизбежно придётся решать, если мы обеспокоены сохранением документальной памяти в первую очередь по истории современности.

Мифология цифровой трансформации

Ю.М. Батурин

Аннотация. *На примере поветрия всеобщей цифровизации рассматриваются последствия неверного употребления научной терминологии: отход от сложного мышления, ответственного изучения текстов и истории, смещение фокуса от изучения объекта к анализу данных об объекте и др. Как результат происходит мифологизация многих подлежащих изучению процессов. Основой околонаучных мифов оказывается отчуждение знака от материального носителя, что и является сутью цифровизации. Объяснение этому феномену даёт семиотика.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровая трансформация, цифровая гуманитаристика, мифология науки, семиотика.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.014

Что будет, если мы допустим ошибку в управлении? Например, автомобилем. То же происходит и с нашими ошибками в управлении словами, в частности, терминами. Люди не всегда понимают, как «слово наше отзовётся», не думают о последствиях сказанного.

Любая теоретическая система разрабатывает и использует свой понятийный аппарат, свою терминологию, правильно интерпретировать которую можно только в рамках выбранной теории. Термин, выдернутый из понятийной системы, в которой он был введён, начинает бродить сначала по близлежащим словарным окрестностям, а затем и по дальним лингвистическим полям, приобретая новые смыслы и утрачивая исходное значение. Это делает термин многозначным, включая и пустые значения. Такое упрощённое, если не сказать примитивное использование терминологии дезориентирует исследователя и создаёт новые пустые области якобы знания.

Часто возникает ситуация, когда определяющую роль играет чувство языка первых переводчиков термина.

Есть в английском языке слово «digit» (цифра, число, знак, символ, разряд и даже палец). Сегодня по частотности употребления, как в научной, так и в практической, и даже в бытовой сферах на первый план вышло появившееся четверть века назад понятие «digitalization». Его ввёл в обиход в 1995 году американский ученый Николас Негропонте из Массачусетского технологического университета [*Negroponte N.*, дата обращения: 13.02.2022]. Оно было связано с глобальным явлением, получившим в минувшем десятилетии название «Цифровой поворот» (Digital Turn) [см., например: *Westera W.*, 2013] и охватившим все виды деятельности. И однажды некий безвестный переводчик на русский язык взял, как ему казалось, самое простое значение слова «digit» – «цифра». И совершил грубейшую ошибку. В двоичной системе счисления, используемой в ряде компьютеров, «0» и «1» – вовсе не цифры, а числа. И те, кто учился в советской школе, которая была основательнее нынешней, помнят, как пропагандировали в газетах станки с числовым программным управлением (ЧПУ) на производстве. С числовым, а не с цифровым.

А дальше сделали своё дело мода и СМИ. Всю страну обуяла цифровизация. Появляется Минцифры России. Затем распоряжением главы прави-

тельства во всех министерствах и регионах вводятся должности заместителей министра по цифровизации. Появляются стратегические программы по цифровизации. Страна строит цифровую экономику. Цифровизация становится философией бизнеса. Появляется особая цифровая культура. Началось мощное цифро-лингвистическое наступление на все сферы жизни и охватило все виды деятельности. Но почти никого не беспокоит (в полном согласии с полученным «образованием»), что тем самым от развития отсекаются такие направления вычислительной техники как аналоговые, гибридные, квантовые и биокомпьютеры и многие другие нецифровые устройства. Мода переменчива, и очевидно, когда на первый план выйдут, например, квантовые компьютеры, мы будем изучать программы «квантовой экономики», что бы это ни означало. Сложись терминологическая мода несколько иначе, вместо «цифровизации» мы вполне могли бы сегодня говорить о «числовизации» (потому что речь и на самом деле идёт о числах в двоичной или троичной системах счисления, а не о цифрах), а вместо «цифровой» развивать «числовую экономику». Давайте, не заглядывая далеко вперёд, поймём, чем оборачивается сегодня столь легкомысленное обращение с терминологией.

Первое очевидное следствие: смысл одних и тех же слов будет отличаться у собеседников, для которых родные языки разные – английский и русский. Понятие «цифра» в русском языке начнёт быстрее сближаться по своему содержанию и объёму с понятием «digit» или – что более соответствует сути дела – с понятием «знак» в англо-американском. Следующее следствие – обеднение русского языка, ведь наличие слов «цифра» и «знак» с разными оттенками соответствующих понятий, разными объёмами давало языку присущую ему глубину, а суждениям – точность. Ведь «цифра» может быть «знаком», а «знак» – «цифрой» далеко не всегда. Таким образом, подмена понятий в суждениях собеседников повлечёт логические ошибки.

И, наконец, ещё одно внеязыковое следствие: благодаря моде бюджетные деньги вы можете получить только под «цифровизацию», но не под «компьютеризацию», не под «автоматизацию», не под «точные методы», не под «математическое моделирование», не под «организационные изменения» и даже «организационную трансформацию», а вот под «цифровую трансформацию» – пожалуйста.

Сегодня мало кто сомневается, что «цифровизация» – высшая стадия нашего развития. Для них удивительно будет узнать, что первым программистом и информационным теоретиком был немецкий учёный Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), кстати, короткое время советник Петра Великого. Именно он изобрёл перфокарту и вычислительную машину в 1679 г., а в 1703 г. – двоичную систему счисления. Отсюда и начиналась «цифровизация». А ещё через век «цифровизация» стала проникать в производство. Разве не были цифровизацией в изобретённых французским изобретателем Жозефом Мари Жаккардом (1752–1834) в 1804 году сменяемых программ на перфокартах, в которых закодированы два возможных положения («0» и «1») исполнительного механизма (челнока), так что опуская и поднимая его, получали ткань с узорами?

Но вернёмся к нашим дням. Наряду с «цифровой экономикой», в которой никто не узнаёт Общегосударственную автоматизированную систему (ОГАС) учёта и обработки информации, предназначенную для управления экономикой СССР (вот она цифровая экономика – полвека назад!), создаваемую в 1970-х годах академиком В.М. Глушковым, задумавшим её на основе сети вычислительных центров по всей стране, возникли странные химеры: «цифровое право» [Цифровое право, 2020], «цифровая этнография» [*Murthy D.*, 2008], «цифровая история» [*Salmi H.*, 2020] и даже «цифровая гуманитаристика» [*Можаева*, *Можаева-Ренья*, *Сербин*, 2014].

Стали множиться и распространяться удивительные идеи, легко преодолевающие рамки «классики» и «формализма». Например, М.А. Егорова полагает: «…Цифровое право преодолевает формальные рамки традиционных отраслей права и их законодательных кодификаций. Цифровое право исходно не нуждается в классической правотворческой систематизации… Это явление, в котором предметы и методы регулирования совпадают: метод становится предметом…» [Цифровое право, 2020: 18].

А.И. Савельев справедливо пишет, что «информация, существующая в цифровой форме, обладает значительной степенью независимости от носителя. Но это её качество почему-то стало обозначаться в литературе как “дематериализация информации”». Так, Л.А. Ефимова говорит о «дематериализации активов» [Там же: 207]. Г.Э. Добрякова не совсем точно отмечает, что когда деньги переводятся в электронную форму, они «теряют опознавательные знаки… и вещную форму» [*Добрякова*, 2012: 51-52]. На самом деле знаки не теряются, а отчуждаются от носителя, и дальнейшие операции осуществляются со знаками. А.И. Савельев пишет о том же, как об устойчивой тенденции «к дематериализации денег – процессу, при котором деньги получают существование лишь в виде записей по счетам в отсутствие физической формы воплощения владения ими. По меткому выражению известного банкира Уолтера Ристона, “информация о деньгах приобрела такое же значение, как и сами деньги”» [*Савельев*, 2010: 459]. И здесь тоже никакой «дематериализации» не происходит, а описываемый достаточно точно процесс есть отчуждение знака от носителя. Уточним и слова У. Ристона (Walter Riston): не информация о деньгах, а сигналы о деньгах приобрели такое же значение, как сами деньги.

Выясним сущность процессов, о которых идёт речь. Все материальные носители информации, которые имеются в виду при попытках управления «цифровой экономикой», применения «цифрового права», интерпретации «цифровой истории», вообще в «цифровой гуманитаристике» используют двоичную систему счисления. Каждому из двух положений технического носителя может быть сопоставлен свой знак: если триггер или магнитная ячейка имеет два равновероятных устойчивых состояния, то одному из них присваивается знак «0», а другому – знак «1» (не цифры!). Поскольку ключевые действующие лица в «цифровизации» – знаки (а именно – «0» и «1»), логично обратиться к науке о знаках – семиотике.

Наглядно ситуация отображается классическим треугольником Г. Фреге (рис.1).

Рис.1 Треугольник Фреге

В примере банкира У. Ристона денотат – деньги. Отчуждение знака от денотата означает разрыв связи между ними (обозначено облачком на рис. 2). Знак («0», «1» или их сложные сочетания) проявляется в виде сигнала. При правильном управлении ситуацией сигнал о деньгах становится корректным управляющим параметром и приобретает смысл (интерпретируется, декодируется) самих денег.

Рис.2. Отчуждение знака от денотата

От того, как мы будем понимать «цифровизацию», зависит успех или провал «цифровой экономики». Чиновник, не понимающий сути «цифровизации», управляет «цифровой экономикой» в соответствии с устоявшимся в результате моды, но неправильным её пониманием. И если он отдаёт указание, скажем, о «дематериализации активов», то его действия равносильны управлению наугад. Точно так же обстоит дело и в любой другой области. Когда мы начинаем небрежно использовать слова, такие как «цифра», мы начинаем управлять своей мыслью неправильно, приходя, соответственно, к неверным выводам. Например, читаем: «Как известно,[1] невещественные материальные объекты, будучи дискретным[2] …» [Цифровое право, 2020: 30]. Стоп! С чего бы такое обобщение? Да, излучение и поглощение энергии носит дискретный характер. Но пространство, в котором мы живём (а не абстрактное пространство из области математической топологии), – невещественно, материально, но непрерывно. Поле – невещественно, материально, но непрерывно.

Как верно отмечает А. Соломоник, «если мы имеем дело со знаковой системой, то очень важно выделить в ней базисный знак, потому что его характер и семиотическое наполнение определяют ведущие закономерности

[1] Приём представления неочевидного в качестве очевидного использованием словосочетания «как известно» работает безупречно. Мало кто хочет демонстрировать свои сомнения в «очевидном».

[2] Цифровой объект – частный случай дискретного (прерывного) в противоположность непрерывному объекту.

функционирования данной системы» [*Соломоник*, дата обращения: 25.02.2020]. В «цифровом» мире такими базисными знаками (даже символами) вполне естественно оказываются символы «0» и «1» – дискретные объекты, используемые для представления информации. Именно информация принимает «цифровую» форму, а не мир (общество), хотя и здесь есть свое клише – «информационное общество». В любой управленческой (если говорить, например, об экономике) или – шире информационной среде для обмена данными используются те или иные коды, называемые сигналами. Сигнал – это изменение любой физической величины (например, напряжения электрического тока) во времени и пространстве. Физические сигналы информацией не являются, но служат знаками сообщения, в котором содержится эта информация.

Сигна́л – код (от лат. *signum* – знак, символ), созданный и переданный в пространство (по каналу связи) одной системой (генератор сигнала) и адресованный другой системе (приёмнику сигнала), т. е. кодированная форма сообщения, которое может быть расшифровано и интерпретировано (понимание информации). Таким образом, именно «сигнал», а не цифры «0» и «1», становится базовым знаком. «Сигнал», как вторичный по отношению к «информации» объект (знак), стал основой для появления производных объектов, таких как электронные деньги, услуги, цифровой контент и др.

Теперь суть новой мифологии – «цифровизации» – становится предельно ясной. Функция, которая описывает сигналы, возникающие в природе, как правило, непрерывна. Такие сигналы называются аналоговыми. Наши органы чувств воспринимают всю поступающую в них информацию в аналоговом (непрерывном) виде, поэтому основной технологией, применяемой для работы с информацией ранее, была аналоговая технология, при использовании которой информация описывается уровнем напряжения электрического сигнала. Потом начался переход от аналоговой технологии к цифровой. Для этого необходимо сначала сделать сигнал дискретным (прерывным – от лат. discretus). Разобьём значения функции непрерывного сигнала на несколько уровней и округлим их до ближайшего уровня. Дискретный сигнал огрубляет непрерывную функцию аналогового сигнала так, что плавная кривая превращается в ступенчатую. Каждая «ступенька» – отдельный сигнал. Переход от «ступеньки» к «ступеньке» – разрыв функции.

Следующий шаг – переход к цифровому сигналу. Каждая «ступенька» сжимается в «столбик», отделённый от соседних. Затем все значения сигналов преобразуются в двоичный код («0» и «1»), как принято в цифровой технологии. Основой кода является «бит» (сокращение от binary digit). Для записи числа в двоичной системе счисления используются знаки «0» и «1» (ещё раз повторим: не цифры!). Особенность информации, существующей в цифровой форме, в том, что она обладает лёгкостью дистанцирования и значительной степенью независимости от носителя. Поэтому, например, характерным признаком цифровой этнографии была названа возможность ответить одним «кликом», что «делает электронные вопросники гораздо более удобными по сравнению с бумажными» [*Murthy*, 2008: 840], а сами вопросники «потенциально рассчитаны на гораздо большую аудиторию, а ответы на их вопросы возвращаются к исследователю оперативнее. Причём

ему несложно повторно переслать их респондентам по электронной почте, тем самым напомнив о себе» [Там же]. И очень показательным является такое объяснение: «Ещё одной цифровой технологией, получившей широкое распространение в этнографии, является цифровое видео. Увеличение объёма памяти жёстких дисков и карт памяти способствовало облегчению загрузки видеодневников на исследовательские блоги и форумы» [Там же].

Можно согласиться, что такие направления цифровой гуманитаристики подталкивают учёного «в сторону предпочтения логики средств перед логикой содержания гуманитарных исследований», а отсюда и их опасность: «акцент на инфраструктуру исследований в ущерб аналитическим методам и инструментам» [*Можаева*, *Можаева-Ренья*, *Сербин*, 2014: 73-74]. И абсолютно прав В.Н. Владимиров в том, что даже под мощным «цифровым» напором сохраняет свои «представления и убеждение в том, что цифровая история не является ни научной дисциплиной, ни ветвью исторической науки» [*Владимиров*, 2021: 171].

Часто в качестве «доказательства» достижений «цифровизации» приводится цифровое искусство. Да, иногда оно создаётся с помощью цифровых компьютеров. Но начинали сочинять стихи и музыку – аналоговые машины [*Зарипов*, 1971: 163]. Нейронные сети, которые сегодня всё чаще используют для создания произведений искусства, – не цифровые, а гибридные. А музыкальные синтезаторы – все аналоговые.

Историки и филологи сами себя могут завести в тупик, если не будут воспринимать «цифровизацию» критически. К первому упомянутому нами выше последствию погружения в цифровую мифологию добавим ещё несколько.

Цифровой – по смыслу – бинарный: «0» и «1». Мышление, оперирующее исключительно бинарными оппозициями, волей-неволей ведёт к чёрно-белому, без оттенков представлению о мире. Учёный уводит себя от сложного мышления, ответственного изучения текстов и истории.

Происходит смещение фокуса от изучения объекта (общества, литературного произведения и др.) к анализу данных об объекте. При этом «цифровые» гуманитарии не понимают, что происходит с данными, которые они вводят в машину, и доверяют «чёрному ящику»[3], программное обеспечение которого не безошибочно.

Выводы

1. Цифровизация нуждается в демифологизации, особенно в гуманитарной среде.

2. Суть цифровизации – в отчуждении знака от материального носителя, что и оказывается основой многих мифов.

3. Цифровизация – модный термин, без упоминания которого не выделят ни бюджетные средства, ни гранты.

---

[3] «Чёрный ящик» – кибернетическое понятие, обозначающее устройство, принципы действия которого неизвестны. Исследователь понимает лишь сигнал, поступающий на вход устройства, и интерпретирует выходной сигнал.

4. Единственная оправданная причина сослаться на цифровизацию – получение денег. Но прежде чем использовать модный термин, убедитесь, что в предмете вашего исследования есть цифра. Если же захотите забраться в «чёрный ящик», помните, что там не «цифра», а «знак». Попытка интерпретации «чёрного ящика цифровизации» как раз и приводит к результатам вроде «дематериализации» объекта.

Коллеги, не поддавайтесь моде! Не позволяйте опутать вас мифологическими представлениями о происходящем.

Список литературы

Владимиров В.Н. И всё-таки – что такое цифровая история? Историческая информатика. 2021, №1. С. 168–172.

Добрякова Г.Э. Оборот исключительного права в сети Интернет. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.RG, 2012. 160 с.

Зарипов Р.Х. Кибернетика и музыка. М.: «Наука», 1971. 536.

Можаева Г.В., Можаева-Ренья П.Н., Сербин В.А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований. – Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 73–81.

Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2010. 640 с.

Соломоник А. Неогеография и картография: семиотическая оценка. – URL: http://neogeography.ru/rus/news/articles/neogeography-and-cartography-semiotic-approach.html (дата обращения 25.02.2020).

Цифровое право. М.: Проспект, 2020. 637 с.

Murthy D. Digital ethnography: Examination of the use of the new technologies for social research. Sociology. L., 2008. Vol. 42, N 5. P. 837– 855.

Negroponte N. Being Digital – NY : Knopf, 1995.

Salmi H. What is Digital History? – Medford: Polity Press? 2020. 130 p.

Westera W. The Digital Turn. How the Internet Transforms Our Existence. – AuthorHouse, 2013.

Гуманитарная наука и образование в условиях цифровизации. Опыт РГГУ

Е.И. Пивовар

Аннотация. *Статья посвящена характеристике основных направлений цифровизации научно-образовательной деятельности Российского государственного гуманитарного университета на протяжении его тридцатилетней истории, а также зарождения ряда направлений на стыке естественно-научного и гуманитарного знания в стенах Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ) – предшественника Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Особое внимание при этом уделяется исследованиям и образовательным программам историков, архивистов, востоковедов, искусствоведов, лингвистов и литературоведов. Автор характеризует многоплановую деятельность таких структур РГГУ, как Историко-архивный институт, Институт филологии и истории, Институт лингвистики, УНЦ социальной антропологии, Институт восточных культур и античности, Институт постсоветских и межрегиональных исследований и др.*

Особое внимание в работе уделено достижениям в сфере информатизации таким структурам РГГУ, как Отделение интеллектуальных систем в гуманитарной сфере, Институт информационных наук и технологий безопасности, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий, а также Международному институту новых образовательных технологий. Приводятся также примеры успешных бакалаврских и магистерских программ в сфере больших баз данных, информатизации, безопасности гуманитарной информационной среды, искусственного интеллекта в гуманитаристике и др.

Ключевые слова: *историко-филологические науки и информатизация, гуманитарные науки и образование в РГГУ, образовательные и научные программы в сфере цифровизации гуманитарного и естественно-научного знания, безопасная информационная среда, искусственный интеллект, интеллектуальные системы в гуманитарной сфере, интеллектуальные роботы.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.015

Российский государственный гуманитарный университет с первых шагов своей тридцатилетний истории уделял в своих научно-образовательных программах большое внимание проблематике на стыке естественно-научного и гуманитарного знания и, прежде всего, математическим методам обработки и анализа массовых архивных документов. Эта традиция восходит, конечно, ещё к МГИАИ на базе которого и возник РГГУ[1].

1 В качестве плодотворных примеров этой деятельности отмечу лишь усилия заведующего кафедрой отечественной истории XX века МГИАИ проф. В.З. Дробижева и его учеников, создавших успешно действовавшую лабораторию по применению математических методов в исторической науке МГИАИ. См. об этом [*Наумов*, *Пивовар*, *Соколов*, 1988; *Пивовар*, 2021].

Если же рассматривать ситуацию наших дней, то следует, прежде всего, выделить те структурные подразделения РГГУ историко-филологического профиля, где реализуются образовательные и научные программы в сфере цифровизации гуманитарного знания и на стыке гуманитарного и естественно-научного знания (см. Схему 1).

Схема 1

Для всех этих структур характерны примеры оперирования большими данными или открытыми базами знаний, применение методов искусственного интеллекта и когнитивных наук, привлечение электронных и цифровых ресурсов в практику подготовки кадров и др.

Всё это характерно для деятельности в стенах РГГУ историков и архивистов, литературоведов и лингвистов, этнологов и антропологов, востоковедов и антиковедов, международников и политологов, искусствоведов и музеологов, дизайнеров и др.

Эта активность проявляется в самой научно-образовательной практике Российского государственного гуманитарного университета, в том числе и на международной арене.

Так, например, повестка заседаний последнего на сегодняшний день Форума ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов России и Франции, инициированного РГГУ (март 2020 года), так и звучала: «Информационные технологии и гуманитарные науки».

На панелях Форума по проблематике цифровой трансформации выступали профессора и научные сотрудники РГГУ – архивисты, искусствоведы, лингвисты, психологи, математики, логики, философы.

Теперь обратимся к ряду опорных центров цифровой трансформации, представленных в университетской среде (см. Схему 2).

Схема 2

Я указал здесь далеко не все подобные структуры Российского государственного гуманитарного университета. Но общим моментом для всех указанных выше структур является то, что они как опорные центры цифровой трансформации РГГУ не только применяют те или иные цифровые технологии в гуманитарной, научной, образовательной деятельности, но и сами являются создателями цифрового продукта, который применяется в гуманитарной практике как в РГГУ, так и далеко за его пределами.

Приведу несколько конкретных примеров, подтверждающих сказанное выше.

Отделение интеллектуальных систем в гуманитарной сфере берёт своё начало со сформировавшейся в МГИАИ, а затем и в РГГУ научной школы «Искусственный интеллект в гуманитарной сфере» под руководством доктора технических наук, профессора В.К. Финна [*Финн*, 2021а; *Финн*, 2021б; *Финн*, *Михеенкова*, 2020].

Само Отделение начало свою деятельность в 1992 году и включает в себя кафедру математики, логики и интеллектуальных систем в гуманитарной сфере, а также учебно-научный центр «Проблемы и методы интеллектуального анализа данных», Учебно-научный центр программного и лингвистического обеспечения интеллектуальных систем и Учебно-научный центр интеллектуальной робототехники.

Отделение ведёт образовательную деятельность по программам бакалавриата и магистратуры:

45.03.04 «Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере» (бакалавриат).

45.04.04 «Когнитивное и программное обеспечение интеллектуальных роботов и программирование интеллектуальных систем» (магистратура).

Проблемы искусственного интеллекта в последние несколько лет оказались весьма востребованными, широко обсуждаемыми и рекламируемыми в нашей стране. На самом высоком уровне приняты серьёзные решения, я имею в виду и Указ Президента Российской Федерации.

Однако буквально 5–7 лет назад ИИ (искусственный интеллект) в гуманитарной сфере считался во многих высоких кабинетах делом почти несерьёзным, и контрольные цифры приёма по этому направлению для гуманитариев РГГУ получить было очень непросто, я это помню по собственному опыту на посту ректора университета.

Замечу, что и сейчас основное внимание уделяется технологическому прорыву и машинному обучению, что оправдано. Однако для гуманитариев не менее важна философско-логическая, науковедческая основа и гуманитарная составляющая искусственного интеллекта. Именно в этой сфере научная школа РГГУ под руководством профессора В.К. Финна стала первооткрывателем.

Речь идёт о проблематике ДСМ-методов автоматического порождения гипотез. ДСМ – это аббревиатура от Дж. Ст. Милля. Труд этого мыслителя благодаря стараниям профессоров и сотрудников РГГУ и прежде всего В.К. Финна был опубликован на русском языке через сто лет после первого издания, в 2011 году [*Милль*, 2020].

Начиная с 80-х годов прошлого века ДСМ-методы применяются в различных программных системах математической обработки первичных данных в фармакологии, медицине, почерковедении и криминалистике, а также в таких социологических областях, как прогнозирование действий и мнений индивидов. Сотрудники Отделения интеллектуальных систем РГГУ получили ряд свидетельств о достижениях в данной области. Продукты искусственного интеллекта включают собственно системы ИИ, а также т. н. партнёрские интеллектуальные системы и роботизированные интеллектуальные системы. Ключевым элементом всей этой многогранной работы является интеллектуализация, проникающая в управление, коммуникации, научные исследования как таковые. Нетрудно заметить, что всё перечисленное – гуманитарные стороны процесса интеллектуализации в современной «цифровой» жизни общества. Отсюда вытекает целый ряд новых направлений исследований и образовательной практики, характерных для Российского государственного гуманитарного университета в наши дни: когнитивная социология, когнитивная психология, интеллектуальное управление, когнитивная история и др.

Причём в современных условиях т. н. человеко-машинные системы призваны генерировать новое знание, но при этом не заменять, а поддерживать и усиливать содержательную работу исследователя в различных предметных областях гуманитарного знания.

Теперь обратимся к другой структуре РГГУ, которая также имеет уже достаточно долгую историю. Ещё в конце 70-х годов XX века в МГИАИ под руководством профессора А.И. Алексенцева был создан факультет специального документоведения, преобразованный впоследствии в факультет защиты информации, ставший в настоящее время основой для Института информационных наук и технологий безопасности РГГУ.

В институте ведутся исследования и готовятся кадры в области управления большими данными в компьютерных сетях, теоретических проблем защиты информации и компьютерной безопасности, включая противодействие деструктивным явлениям в сети интернет, модели противодействия угрозам нарушения информационной безопасности, модели и методы оценки защищённости информации того или иного объекта и др. По этой проблематике готовятся кадры на уровне бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, причём в центре внимания этих программ и разработок – гуманитарная информация, а также государственные и общественные структуры гуманитарного, в том числе и историко-филологического профиля.

Международный институт новых образовательных технологий ориентирован, прежде всего, на дополнительное образование школьников и студентов младших курсов, экскурсионную работу в стенах РГГУ, а также продвижение в научно-образовательную практику новых информационных технологий.

Так, в Институте организован учебный процесс для школьников и студентов 1 и 2 курсов по интегральной дисциплине «История и теория развития науки, техники и технологий», ведётся работа по технической поддержке программы «Интеллектуальная робототехника», сетевые мультимедийные занятия с использованием мобильных роботизированных систем, действует культурно-экспозиционный комплекс, предназначенный для продвижения культуры цифровых технологий в деле подготовки музейных специалистов XXI века и др.

Говоря о развитии гуманитаристики в РГГУ в области цифровизации, нельзя не отметить и плодотворную междисциплинарную деятельность Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий под руководством доктора филологических наук, профессора В.И. Заботкиной. Центр объединяет лингвистов, литературоведов, психологов, историков, искусствоведов и информатиков РГГУ. Он регулярно организует международные конференции и круглые столы по когнитивной проблематике, курсы лекций и мастер-классы ведущих исследователей-когнитологов мира, публикует коллективные монографии, реализует международные научно-образовательные проекты, ведёт магистерские программы и т. п.

В качестве лишь нескольких примеров этой работы приведём ряд последних событий и мероприятий 2021 года.

Так, в 2020 г. из печати вышел коллективный труд «Когнитивные науки и историческое познание», в котором были собраны результаты исследований учёных из самых разных областей научного знания – нейронаук, психологии, философии, лингвистики, истории, посвящённых взаимодействию исторического и когнитивного знания [Когнитивные науки и историческое познание, 2020].

В апреле 2021 г. увидел свет сборник «Когнитивные исследования языка», в котором опубликована работа Заботкиной В.И. и Бархатовой Э.И. «Новые подходы к когнитивной неологии: концептуальные модели и механизмы» [*Заботкина*, *Бархатова*, 2021].

28 октября 2021 года в РГГУ в очередной раз стартовал ежегодный цикл лекций специалистов разных стран мира, посвящённых искусственному интеллекту – «Шанхайские лекции 2021». В этом мероприятии принимали участие ведущие профессора 12 университетов ряда стран мира [Шанхайские лекции, 2021].

В условиях пандемии ковид-19 существенно возросла роль всех служб университета, обеспечивающих научно-образовательный процесс, и, прежде всего, Управления по информатизации и информационных технологий. Значительная часть деятельности всех подразделений РГГУ, да и сам учебный процесс, приёмные кампании, выпускные квалификационные работы и др. проходят в смешанном формате с активным использованием онлайн-форм и цифровых технологий. В этом отношении цифровая повестка стала неотъемлемой частью повседневной научной и образовательной жизни Российского государственного гуманитарного университета, определяет новые условия, новые задачи и новые вызовы перед коллективом студентов, преподавателей и сотрудников РГГУ, что нашло уже отражение и в ряде публикаций [*Архипова*, 2021].

Вместе с тем эти условия определяют ближайшие и среднесрочные перспективы цифровой повестки, которые связаны также и с некоторыми магистральными направлениями гуманитаристики в целом, и историко-филологических исследований, в частности. Так, повсеместный переход на электронный документооборот предполагает существенную активизацию и модернизацию всего комплекса архивоведческих исследований в области комплектования, хранения и использования электронных документов и больших электронных баз социальной информации. А это направление исторической науки прямо связано с формированием и исследованием огромных информационных массивов практически по всем областям гуманитарного знания, включая и историческое и филологическое знание в самом широком смысле слова. Ведь к большим базам данных будут всё больше прибегать и специалисты по социальной и экономической истории, археологи и этнологи, антропологи, и искусствоведы, лингвисты и литературоведы.

И в этом отношении цифровизация научной и образовательной деятельности для РГГУ – это не только настоящее, но и важнейшее направление деятельности на перспективу.

Список литературы

Архипова Н.И. Образовательный процесс в период пандемии: опыт РГГУ // Вестник ИЭУП РГГУ. 2021. № 2. С.10–18.

Заботкина В.И., Бархатова Э.И. Новые подходы к когнитивной неологии: концептуальные структуры и механизмы // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1(44). С. 132–139.

Когнитивные науки и историческое познание: коллективная монография / Б.М. Величковский, О.В. Воробьёва, В. Вжосик [и др.]. Москва: Аквилон, 2020. 372 с.

Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. М., 2020. 832 с.

Наумов О.В., Пивовар Е.И., Соколов А.К. Исторические источники и ЭВМ. В кн. «Историки спорят: тринадцать бесед». М., 1988. 508 с.

Пивовар Е.И. Андрей Константинович Соколов: становление исследователя и грани таланта / В кн. Профессионал с большим сердцем. К 80-летию со дня рождения историка А.К. Соколова. М., 2021.

Финн В.К. Интеллект, информационное общество, гуманитарное знание и образование: Понятийные и логические основания искусственного интеллекта. Гуманитарное знание и когнитивные исследования в информационном обществе. Образовательные программы для искусственного интеллекта. М., 2021а. 464 с.

Финн В.К. Применение интеллектуальных систем в изучении общества: методы логики и искусственного интеллекта в гуманитарном знании, строение интеллектуальных систем и социальные последствия их использования. М., 2021б. 352 с.

Финн В.К., Михеенкова М.А. Точная эпистемология, искусственный интеллект и интеллектуальный анализ данных в науках о жизни и социальном поведении// Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 3-й международной конференции (6–7 февраля 2020 г., Москва). М., ИПМ им. М.В. Келдыша, 2020. С. 218–226.

Шанхайские лекции 2021 / Официальный сайт Центра когнитивных программ и технологий. [Электронный ресурс]. URL: http://cognitive.rggu.ru/news/detail.php?ID=784091 (дата обращения: 05.12.2021 г.).

Часть 3

Актуальные вопросы гуманитарных наук

Фольклорный текст и аспекты его изучения

С.М. Толстая

Аннотация. *Статья содержит обзор актуальных аспектов и направлений фольклорной текстологии, т. е. изучения фольклорного текста со стороны его структуры, вариативности, в аспекте типологии, географии, истории, языка. Анализируются имеющиеся подходы и практические опыты исследований последних лет. Отмечается неравномерность развития отдельных направлений: при высокой теоретической и практической результативности лингвофольклористики и фольклорной лексикографии (особенно выделяется курская школа во главе с А.Т. Хроленко), при заметном расцвете региональных этнодиалектных (этнолингвистических) исследований (примером может служить Пермский центр фольклористов, этнологов и диалектологов), в области теории фольклорного текста, его структуры, поэтики и типологии пока ещё нет столь же заметных успехов.*

Ключевые слова: *фольклор, текстология, этнолингвистика, лексикография, типология, география, язык фольклора.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.016

Фольклорный текст – это то, с чем прежде всего имеет дело фольклорист, это то, что он записывает в поле, находит в архиве или в публикациях, и то, что становится объектом его внимания и изучения. Об этом писал выдающийся фольклорист Б.Н. Путилов: «Абсолютной реальностью вербального фольклора является текст. Все нити творческого процесса сводятся к нему и все реалии его (непосредственные носители фольклорной культуры, среда, искусство исполнения и его особенности, формы функционирования текстов) так или иначе сосредоточены вокруг текста, обращены к нему, им в конечном счёте определяются» [*Путилов*, 1994: 154]. Но оказывается, что текст – понятие непростое и неоднозначное. В самом общем виде текст – это высказывание, которое с точки зрения содержания характеризуется смысловой целостностью и законченностью, а с точки зрения формы – отдельностью, отграниченностью, обозначенностью начала и конца [ЭРЯ: 788]. Такое определение годится для любого высказывания – словесного, изобразительного, музыкального, хореографического и т. п. Годится оно и для комплексного высказывания, такого как песня (где есть и слово, и музыка), танец (где есть хореография и музыка) и даже обряд (где есть и персонажи, и действия, и реквизит, и слово, и музыка). В этом, наиболее общем виде понятие текста принадлежит семиотике, в которой текст – это и некоторая упорядоченная последовательность знаков любой природы, и в то же время некий единый комплексный знак. В рамках филологии речь идёт о словес-

ном тексте, а дисциплина, его изучающая, называется текстологией и имеет отношение прежде всего к литературному тексту и подразумевает изучение структуры и истории создания текста, его редакций и изданий. Раньше, чем текстология литературных, т. е. авторских текстов нового времени, возникла текстология памятников письменности, их вариантов, редакций и изводов (ср. [*Лихачёв*, 1983]. Теория и практика текстологии как филологической дисциплины в широком смысле, включающем как литературные, письменные, так и фольклорные, устные тексты, обобщена в книге «Текстология» польских исследователей Е. Бартминьского и С. Небжеговской-Бартминьской [*Bartmiński*, *Niebrzegowska-Bartmińska*, 2009].

В отличие от сугубо филологической текстологии, во второй половине 20 века, появилась дисциплина, известная у нас как **структура текста**[1]. У этой дисциплины сначала был узколингвистический аспект, в рамках которого текст изучался как чисто языковое явление или даже как самая крупная языковая единица в продолжение линии «слово – словосочетание – предложение – текст»[2], который также назывался лингвистика текста.

Но в 60-е годы в рамках структурно-семиотического подхода возникло и другое направление, в котором текст рассматривался со стороны его структуры (композиции и соотношения частей), со стороны семантики и смысловых связей между его частями, а также и со стороны прагматики, т. е. (вслед за Бахтиным) как коммуникативный акт, предполагающий своего отправителя (создателя) текста, его получателя (адресата), цель и обстоятельства создания и употребления текста, независимо от того, о каком тексте (вербальном, музыкальном или ином) шла речь. Такой (семиотический) подход к тексту независимо от природы составляющих его знаков отчётливо выразился уже в знаменитом «Симпозиуме по структурному изучению знаковых систем» (1962), где, кроме вербальных текстов, рассматривались такие семиотические тексты, как правила уличного движения, карточные игры, жестовая коммуникация или этикет. В дальнейшем, начиная со второй половины 1970-х гг., в Институте славяноведения РАН прошёл ряд симпозиумов по структуре текста (или по этнолингвистике текста), и были изданы несколько сборников под названием «Структура текста» (1980), «Текст: семантика и структура» (1983) и «Исследования по структуре текста» (1987). Инициатором и редактором всех этих изданий была Т.В. Цивьян. В сборниках содержались исследования разного рода текстов: мифологических, фольклорных, обрядовых, литературных, изобразительных и др.

---

[1] В отечественных и зарубежных работах этого направления использовалась разная терминология: кроме «структура текста», также «лингвистика текста», «грамматика текста», «семантика текста», «теория текста» и др. [*Николаева*, 1987: 28].

[2] Вот как говорил об этом Вяч. Вс. Иванов в статье 1987 г.: «Современный этап в развитии не только лингвистики, но и всех примыкающих к ней семиотических дисциплин связан с выдвижением на первый план понятия текста как основного предмета исследования. На более ранних этапах лингвисты (в особенности в работах по общему языкознанию) сосредоточивали своё внимание на слове (и словоформе) как знаке, позднее на предложении как правильно построенной последовательности словоформ; текст как последовательность предложений, образующих целое, стал объектом детального изучения в последующий период» [*Иванов*, 1987: 5].

Но вернёмся к понятию фольклорного текста. В нём есть черты и параметры, общие с литературным текстом, и – черты и параметры специфические, отличающие его от литературного текста. Специальной дисциплины «текстология фольклора» у нас нет, но если бы она существовала, то многое в такой дисциплине совпадало бы с литературной текстологией и особенно с текстологией памятников письменности, но и много в ней было бы особого, специфического. Рассмотрим эти параметры (аспекты) кратко по отдельности.

1. Структура текста. К самым общим, универсальным понятиям, приложимым к тексту любой субстанциональной природы, относится понятие его **структуры.** В узком, прямом, строгом значении она представляет собой модель организации текста на формальном (звуковом, морфологическом, грамматическом) уровне и на содержательном, семантическом, смысловом уровне. Речь идёт о членении текста на отрезки (фрагменты, части), выделенные и по формальным, и по содержательным признакам, т. е. о своего рода композиции текста, наличии в нём завязки, кульминации и развязки, существовании кольцевой или цепочечной схемы изложения, повторов, выделенности начала (инципита, например, *Жили-были* или *В некотором царстве в некотором государстве* и т. п.) и конца (например, *И я там был, мёд-пиво пил* или *Тут и сказке конец, а кто слушал, молодец* и т. п.). Но это далеко не всё, что относится к структуре текста: она включает также все составные элементы текста (персонажи, их действия и атрибуты, их функции, их соотношение, предметы, локусы, временны́е и прочие характеристики), т. е. то, что В.Я. Пропп называл морфологией: «В области народной, фольклорной сказки рассмотрение форм и установление закономерностей строя возможно с такой же точностью, с какой возможна морфология органических образований» [*Пропп*, 1969: 7]. Если продолжать мысль Проппа в направлении лингвистики, то структура текста – это его морфология (т. е. составляющие его элементы и их функции) и его синтаксис (т. е. правила их организации и сочетаемости). К лингвистической метафоре прибегали многие. Широко известна статья Р.О. Якобсона «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» [*Якобсон*, 1961]. Одна из статей Н.И. Толстого называлась «Из грамматики славянских обрядов» [*Толстой*, 1982/1995], она оказалась очень популярной и нашла продолжателей: на основе этого подхода было осуществлено масштабное описание одного из польских календарных обрядов [*Smyk*, 2020].

Разумеется, с этой точки зрения и в этих параметрах может быть описан каждый конкретный, индивидуальный фольклорный текст, но такое описание будет содержательным только в том случае, если этот индивидуальный текст будет поставлен в некий ряд, сопоставлен с другими текстами, прежде всего с текстами того же жанра. «Морфология сказки» В.Я. Проппа явилась результатом анализа и сравнения структуры огромного числа конкретных сказочных текстов. Польский фольклорист и этнолингвист Ежи Бартминьский [*Bartmiński*, 1973: 58-60] исследовал специально на огромном материале инципиты польских народных песен и установил, что типичным для этого жанра является выделенное начало всего текста или отдельных строф и даже строк: они не только организуют весь текст и членят его, но и выпол-

няют содержательную функцию, вводя фигуры героев песни или локализуя пространство, т. е. сцену, на которой разыгрывается сценарий песни (типа русск. *Во поле берёза стояла*). Точно так же А.А. Зализняк смог дать анализ структуры текста берестяных грамот, только изучив сотни конкретных писем, на материале которых оказалось возможным установить значение «этикетных» формул (начальных и заключительных) и «содержательных» частей письменного сообщения [*Зализняк*, 1987]. Функции составляющих текст элементов можно определить только на систематическом, массовом материале. Это положение верно и для литературоведческого анализа, поскольку каждый роман или поэма характеризуются в их отношении к другим произведениям этого жанра или этой эпохи. Однако для фольклорного текста это положение имеет особое, кардинальное значение, поскольку одним из основных характеристик фольклора признаётся вариативность фольклорных текстов.

2. Вариативность фольклора – категория, которой принципиальное значение придавали такие видные теоретики фольклора, как Б.Н. Путилов и К.В. Чистов, считавшие это свойство органическим и неотъемлемым для фольклора, связанным с его устной, надындивидуальной и импровизационной природой. Б.Н. Путилов писал: «Вариативность – одно из самых очевидных, ярко выраженных, постоянных качеств фольклора, с исключительной обязательностью обнаруживаемых на самых разных его уровнях – начиная от микроэлементов любого текста и кончая целостными национальными системами. Под вариативностью мы понимаем обычно видоизменения каких-либо устойчивых данных, существующих в традиции со своими сложившимися признаками сюжетов, мотивов, образов, текстов или их частей, жанровых особенностей и т. д. и т. п.» [*Путилов*, 1994: 190]. В отличие от Б.Н. Путилова, который говорит о вариативности фольклора как общем свойстве целостной системы, К.В. Чистов говорит о вариативности фольклорного текста: «фольклорный текст в процессе многократного устного воспроизведения варьируется. Эта идея стала в международной фольклористике “школьной”. <…> Весь опыт современной фольклористики приводит к позитивному отношению к вариантам фольклорных произведений, известных нам в записях XIX–XX веков, к доверию к ним: они не могут оцениваться по степени близости к некоему и теоретически проблематичному “исходному произведению“. Варианты принципиально равноценны, и вне их нет никакого “уникального произведения“, которое можно было бы реконструировать. Текст фольклорного произведения динамичен. Словесные воплощения, в которых он воспроизводится исполнителями, варьируют по отношению друг к другу, а не к какому-то вымышленному “исходному” или “нормальному” тексту» [*Чистов*, 2005: 77-79].

Хотя в формулировке Б.Н. Путилова субъектом (носителем) свойства вариативности является фольклор как некое целое, а в формулировке К.В. Чистова – фольклорный текст, речь идёт, в сущности, об одном и том же, а именно о том, что каждый конкретный, индивидуальный фольклорный текст входит в ряд близких ему по жанру, сюжету, функции и другим признакам индивидуальных фольклорных текстов. И если придерживаться логики, то носителем свойства вариативности следует признать именно этот

ряд, а не его конкретный член и не некий абстрактный инвариант или систему фольклора в целом. Параметры, по которым противопоставляются члены таких рядов, могут относиться к самым разным характеристикам сопоставляемых текстов – элементам структуры, сюжетным ходам, персонажам сюжета, обрядовому контексту, функциям, географии и т. п. Различными могут быть и сами ряды, в которые может быть включён каждый отдельный текст (например, по особенностям структуры текст может сближаться с одними текстами, а по обрядовой или коммуникативной функции – с другими). Каждый из таких параметров создаёт свою перспективу, в которой может изучаться индивидуальный фольклорный текст, – перспективу типологическую, ареальную, историческую, языковую.

Понятие вариативности с необходимостью предполагает существование некоего общего основания, относительно которого индивидуальные образцы выступают как конкретная реализация этого инварианта, прототипа или некоего абстрактного, идеального конструкта, который, не будучи исторической реальностью, становится своего рода типологической матрицей, обладающей безусловной эвристической значимостью. Вероятно, именно это имел в виду Ю.М. Лотман, когда писал: «Всякий текст обладает механизмом, благодаря которому он может рассматриваться и как группа самостоятельных текстов, и как некий единый текст более высокого уровня, и в качестве части некоторого текста высшего порядка. Изолированный текст научная фикция, возможная лишь в качестве эвристической условности. <…> Чтобы любое, самого высокого уровня, сообщение могло функционировать как текст, необходимо ему соположить другой (хотя бы нулевой) текст, с которым он составил бы единство высшего порядка» [*Лотман*, 1981: 105].

В совместной статье П.Г. Богатырёва и Р.О. Якобсона, опубликованной впервые в 1929 г. по-немецки, индивидуальное фольклорное произведение уподобляется речи, а «объективированное» фольклорное произведение – языку: «В фольклоре соотношение между художественным произведением, с одной стороны, и его объективацией, то есть так называемыми вариантами этого произведения при исполнении его разными людьми, с другой стороны, совершенно аналогично соотношению между langue и parole. Подобно langue фольклорное произведение внелично и существует только потенциально, это только комплекс известных норм и импульсов, канва актуальной традиции, которую исполнители расцвечивают узорами, подобно тому, как поступают производители parole по отношению к langue» [*Богатырёв*, *Якобсон*, 1971: 374].

Из всего сказанного вытекает, что в идеале фольклорное исследование должно начинаться с конкретного, индивидуального текста или группы текстов, имеющихся в распоряжении фольклориста, затем в этом тексте (текстах) должны быть выделены все значимые структурные элементы как на формальном, так и на содержательном уровне, т. е. в жанровом, сюжетном, мотивном, семантическом, функциональном, коммуникативном, поэтическом, языковом отношении, установлена его география, и по каждому из указанных параметров должны быть найдены другие тексты, совпадающие с данным или близкие к нему.

Перечисленные параметры неодинаковы по своей типологической значимости. На первом месте, вероятно, стоит признак жанра: типологические сопоставления производятся, как правило, в рамках одного жанра, т. е. сказки сопоставляются со сказками, песни с песнями, заговоры с заговорами, хотя бывают сюжеты и тексты с разным жанровым оформлением (например, сказка, рассказ или песня могут служить магическом оберегом или загадкой). На это указывал и Б.Н. Путилов: «Особенности варьирования, как и результаты его, во многом обусловлены тем, в каких жанровых системах оно происходит. Прежде всего системы эти даже внешне сильнейшим образом отличаются одна от другой; вариативность не может не проявлять себя по-разному в жанрах песенных и прозаических, в жанрах большой или малой формы, жанрах, жёстко инклюзивных и более свободных от уз включённости, в жанрах с высокой степенью организованности и таких, где строгая организация действует лишь частично. Всякий жанр задаёт некоторый набор правил, ставит пределы, определяет возможности варьирования» [*Путилов*, 1994: 195].

Но рамки жанра слишком широки для типологии текста – даже в универсальной типологии сказок Проппа учтены не все сказки, а только волшебные; при изучении заговора тексты группируются прежде всего по их функции: сравниваются друг с другом не любые заговоры, а заговоры одного типа и назначения: лечебные (от лихорадки, ушиба, кровотечения и т. д.) с лечебными, скотоводческие со скотоводческими, любовные с любовными и т. д. Вполне возможны и типологические исследования текстов одного жанра в более узких рамках сюжетного типа, различающихся какими-то особенностями структуры, прагматики или поэтики, например, вариантов одной баллады или песни. Именно в таких узких жанровых и прагматических рамках проявляет себя вариативность. Выявляемые варианты могут принадлежать одной и той же локальной традиции, но могут иметь и более широкое распространение и охватывать несколько локальных или даже несколько этнических традиций. И только такой типологический и пространственный охват сравнения открывает путь для постановки (но ещё отнюдь не для решения) вопроса о происхождении и истории текста (жанра). Дальше я хочу на примере некоторых исследований последнего времени показать, как могут ставиться и решаться вопросы структурной типологии, истории, географии и семантической реконструкции фольклорных текстов.

3. Типология текстов. До недавнего времени понятие типологии существовало только в лингвистике, причём в довольно специальном значении: «сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними (в противоположность сравнительно историческому изучению родственных языков)[3]. Но типология имеет и более общий смысл: «классификация, представляю-

[3] В дальнейшем это ограничение было снято, и появилась возможность говорить о типологии родственных и даже близкородственных языков.

щая соотношение между разными типами предметов, явлений внутри их системы в целом» [ТСРЯ: 983]. К фольклору это понятие не применялось, хотя на практике типологический подход, т. е. систематизация и классификация фольклорных текстов по тем или иным признакам, конечно, использовался (Ср., например, [*Рейдзане*, 1988]).

Примером фольклорного исследования в рамках «большой типологии» (на материале текстов разных культурных традиций на разных, в том числе неродственных языках) может служить фундаментальная монография «Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы», изданная в 2017 г. [Сисиниева легенда, 2017]. В ней представлено некое обширное текстовое пространство, в котором каждый анализируемый текст находит своё место рядом с ближайшими к нему версиями, но при этом тексты, занимающие маргинальное положение в этом пространстве, могут не иметь между собой никаких общих черт. Представленные в книге материалы охватывают огромную территорию Ближнего Востока, балканских стран, Украины и России. Среди этих текстов есть устные и письменные, есть тексты разных жанров – легенды, заговоры, молитвы, жития, обереги, амулеты и т. д. Они включают разные сюжетные эпизоды и разных персонажей с разными именами. Что же оказывается общим для всех этих текстов, на основании чего они рассматриваются как некий единый, но варьирующий текст? Как всегда, при таком широком охвате эмпирического материала общий объединяющий их признак оказывается очень абстрактным и представляет собой некую голую сюжетную схему: поединок, противоборство, столкновение двух главных персонажей – условно: святого и демона. Первый из них представлен разными святыми (Илья, Михаил, Сисиний, Сисой и др.) или ангелами; второй – демоническими персонажами, за некоторыми исключениями, женского пола (Лилит, Гилу, вещица, трясовицы и т. д.). Различен и набор сюжетных эпизодов: не во всех версиях присутствует убийство детей, возвращение детей, выпытывание имён и др. Такое фронтальное сопоставление огромного числа текстов разных этнических и культурных традиций по большому списку релевантных признаков дало возможность в ряде случаев пролить свет на происхождение некоторых типов и их зависимость от других типов (например, зависимость восточнославянских заговоров от лихорадки, в которых действуют 12 трясовиц, от южнославянских версий). Большую роль в классификации и сравнении текстов играют языковые показатели, особенно имена персонажей.

Типологические исследования в области фольклора могут иметь разный масштаб и разный охват сравниваемых традиций и культур. Образцом максимальной, универсальной типологии является беспримерный труд Ю.Е. Берёзкина по созданию аналитического всемирного каталога «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» (https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm) См. также [*Белова*, *Петрухин*, 2021].

4. География текста. Примером исследования в рамках «малой типологии», т. е. типологии фольклорных текстов, принадлежащих одному, относительно однородному в культурном и языковом отношении ареалу, мо-

жет служить четырёхтомная антология полесской народной демонологии [НДП], представляющая собой коллекцию быличек и поверий, собранных в полесских экспедициях под руководством Н.И. Толстого и хранящихся в Полесском архиве Института славяноведения РАН. Тексты упорядочены по ряду признаков – структурных и географических. За основу были взяты типологические характеристики мифологических персонажей, и выделены четыре большие группы демонических существ и характерных для них проявлений: 1) люди со сверхъестественными свойствами (ведьма, колдун, колдунья, залом, знахарь и знахарка, «знающие» люди, волколак); 2) духи умерших людей (душа, покойник, души предков, дети некрещёные, «ходячий покойник», самоубийца, русалка); 3) духи природных явлений и человеческих состояний (сглаз, порча, колтун, вихрь, цветение папоротника, дождь при солнце, клад, персонификация страха, персонажи-устрашители, персонификация судьбы-доли, персонифицированные болезни, персонификация смерти, персонификация календарных праздников и дней недели); 4) духи домашнего и природного пространства (домовик, ласка, домашний уж, водяной дух, лесной дух, плевой дух, полудница, змеи, летающий змей, чёрт, блуждающие огни, подменыш). Главным и принципиальным новшеством НДП является то, что образ каждого описываемого мифологического персонажа накладывается на матрицу-схему типологических показателей (признаков), единую для всех демонических существ, разработанную ранее для целей сравнительного изучения низшей мифологии славян [*Виноградова*, *Толстая*, 1994] и модифицированную применительно к каждому конкретному персонажу. И уже в пределах описания отдельного персонажа соблюдается территориальный принцип приведения записей – с запада на восток. Публикуемые в НДП записи отражают самые разные стороны полесской мифологической традиции: терминологию, т. е. имена и эпитеты персонажей, обозначения различных свойств и действий самих демонов, действий человека по отношению к нечистой силе и т. п.; поверья, ритуалы, запреты, магические формулы, используемые для отгона демонов, и т. п. НДП содержит готовый и прекрасно препарированный материал для картографирования самых разных явлений народной демонологии как в пределах Полесья, так и в более широком – восточнославянском и общеславянском – контексте. Таким образом, типология и география оказываются тесно связанными: разные структурные типы имеют разную ареальную приуроченность.

Другой способ представления корпуса текстов одного региона избрали пермские фольклористы, составившие «Этнолингвистический словарь мифологических рассказов Пермского края» [ЭСМРПК]. Хотя первоначальное членение всего корпуса мифологических рассказов (быличек) совпадает с тем, какое мы находим в НДП (в первый выпуск включены былички о людях со сверхъестественными свойствами), сами тексты в их целом виде не приводятся, они оказываются разъятыми на составляющие их содержательные компоненты («ключевые слова»), присутствующие в разных текстах. Каждый признанный релевантным содержательный элемент характеризуется в особой словарной статье, где фрагменты текстов служат лишь иллюстрациями. Мы получаем в результате лексикографическую проекцию

текстов, но структура самих текстов при этом остается скрытой, так же как и их ареальное соотношение. Выделенные в отдельные словарные статьи элементы относятся к разным сторонам содержания текстов: это могут быть сами мифологические персонажи (например, *бес, банник, ведьма, икота*), их жертвы (например, *беременная женщина*), их свойства (например, *белый*, *горбатый*, *жёлтый*), вредоносные или защитные действия (например, *брызгать, говорить, присушить, напоить, тыкать, вернуть, перешагнуть*), используемые в магии предметы (например, *веник, гвоздь, дверь, обруч, печь, пояс, трава*), субстанции (например, *водка, воск, дёготь, квас, молоко, моча, слизь*), абстрактные понятия (например, *добро, зло, душа, воздух, грех, имя*) и т. д. Преимущество такого «поэлементного» подхода состоит в том, что словарь даёт возможность соотнесения данного корпуса текстов с другими текстовыми пространствами (другими группами текстов этого жанра), а также с текстами других жанров и даже с другими, невербальными текстами, в которых фигурируют те же элементарные единицы содержания.

5. Прагматика текста. К прагматическому аспекту фольклорной текстологии относятся коммуникативные параметры текста, т. е. наличие отправителя и адресата текста, его цель, назначение и функции, временны́е и локативные условия его использования, а также весь так называемый этнографический контекст (обрядовая или повседневная ситуация и связь с другими, невербальными элементами обряда). Прагматический признак имеет значение для любого фольклорного текста, хотя и неодинаковое для разных жанров. В качестве основания для типологической классификации текстов он наиболее последовательно используется в изучении заговоров, которые подразделяются в зависимости именно от их цели и направленности на тот или иной объект как жертву вредоносного действия или как объект защиты. Как правило, заговоры, принадлежащие одной функциональной группе, имеют и сходную семантическую и языковую структуру. Примером такого исследования заговоров может служить книга Т.А. Агапкиной о восточнославянских лечебных заговорах [*Агапкина*, 2010], в которой выделены универсальные и полифункциональные сюжеты, мотивы, образы, формулы и – сюжеты и мотивы, характерные для заговоров от отдельных болезней. Содержательная и формальная структура оказывается внутренне связанной с характером и мифологической интерпретацией самой болезни, а нередко определяется и языковой магией (ср. *грыжа – загрызание*, *родимец – перерождение* и т. п.).

И даже внутри одного функционального типа текстов одной локальной традиции возможна типология, основанная на структурных и отчасти прагматических признаках (типе исполнителя и адресата). Такое исследование мы находим, например, в книге Е.Ф. Югай, посвящённой вологодским причитаниям [*Югай*, 2019]. В прилагаемой к исследованию антологии причитаний тексты сгруппированы соответственно этапам погребального и поминального ритуалов (при оповещении, на пути к дому умершего, в доме после обмывания, при выносе гроба, по пути на кладбище, по прибытии на кладбище, по дороге с кладбища домой, на крыльце дома; в ритуале бужения покойника, на девятый день, другие поминальные дни и т. д.). Каждый

такой тип имеет свой набор мотивов, свои сюжетные, структурные и поэтические особенности[4].

Начиная с конца 60-х гг. прошлого века по инициативе и под руководством Б.Н. Путилова и К.В. Чистова в Ленинграде на базе Института этнографии Академии наук проводились конференции на общую тему «Фольклор и этнография», материалы которых получили отражение в серии сборников: «Фольклор и этнография» (1970), «Фольклор и этнография Русского Севера» (1973), «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор» (1974), «Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами» (1977), «Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» (1984), «Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры» (1990), «Фольклор и этнографическая действительность» (1992). Это движение фольклористики и этнографии навстречу друг другу стало мощным стимулом для развития комплексных исследований в разных областях традиционной культуры (как в рамках отдельных традиций, так и в сравнительно-типологическом плане) и появления фундаментальных трудов, в которых данные фольклорных текстов, обряды, мифологические представления и свидетельства языка (прежде всего лексика и фразеология) изучаются в их взаимной связи.

Прагматическое направление в изучении фольклора активно развивается фольклористами Санкт-Петербургского университета под руководством С.Б. Адоньевой. Его отличительной чертой является особый акцент на субъекте носителей фольклорной традиции, его сознании, психологии, целях, социальном поведении (см. [*Адоньева*, 2004] и последующие труды, изданные под редакцией *С.Б. Адоньевой*).

6. История и текст. Эта проблема имеет две стороны: 1) история текста (его создания и трансформаций) и 2) отражение в фольклорном тексте реальных исторических событий и обстоятельств. По словам Вяч. Вс. Иванова, «Всякий текст содержит в себе свою историю. Она может ожить в зависимости от условий его использования» [*Иванов*, 1988: 5]. Так же как в языкознании этимология далеко не всегда может восстановить реальную праязыковую форму, но о происхождении слова могут свидетельствовать какие-то его черты (звуковая форма, словообразовательные аффиксы, характер ударения, семантика и др.), так же и на историю фольклорного текста могут указывать разные его параметры: иногда целый сюжет, иногда отдельный мотив, часто формула, зачин или концовка, иногда отдельные языковые черты. В случае наиболее архаических фольклорных текстов может даже ставиться вопрос о реконструкции праславянского или индоевропейского пратекста или их фрагментов [*Иванов*, *Топоров*, 1963]. История фольклорного текста должна строиться на основе изучения всех рассмотренных ранее аспектов, потому что каждый из них может содержать в себе

[4] О коммуникативном и функциональном аспекте причитаний (полесских и севернорусских) см. также: [*Толстая*, 2019].

какие-то данные, релевантные для исторической реконструкции, а все они вместе (структура, вариативность, типология, география, язык) в их взаимном соотношении должны быть учтены при определении генезиса текста[5].

Лишь в случаях, когда фольклорный текст восходит к известным книжным, письменным источникам, например к библейским или литературным текстам, мы можем говорить об исходном, первичном тексте, но всё равно история текста от его первоначальной книжной формы до реально засвидетельствованных вторичных, фольклорных форм требует для своего восстановления приёмов типологического сравнения и классификации всего корпуса фольклорных вариантов. Мне самой пришлось иметь дело с фольклорными версиями евангельского сюжета о Самарянке – грешной девушке, набиравшей воды из колодца, у которой Господь попросил воды напиться [*Толстая*, 1999]. Сравнение 47 вариантов, относящихся к белорусской, полесской, карпатской, польской, моравской, лужицкой традициям, позволило выделить ядерный состав текста с относительно устойчивой структурой и некоторую вторичную группу вариантов, в которые были включены дополнительные мотивы назидательного характера (мотивы наказания, искупления греха, спасения души и т. п.).

Исторический аспект изучения фольклорных текстов имеет, конечно, и другую сторону, а именно отражение в тексте исторических событий, явлений и реалий. Этими вопросами как раз очень много занимались отечественные фольклористы, в особенности на примере былин, исторических песен, сказаний и т. п.

7. Язык фольклорного текста. Фольклорный текст в его отношении к лингвистике также имеет два аспекта. С одной стороны, язык фольклорного текста, его лексический состав, его синтаксис, фразеология и даже морфология и звуковые черты могут служить характеристиками самого текста, соответствующего жанра и фольклора как языкового идиома в целом. С другой стороны, фольклорный текст нередко содержит в себе языковые черты, существенные для истории языка или диалектологии, и в этом смысле он может служить одним из лингвистических источников, наравне с литературным, разговорным языком, диалектным языком, языком письменных памятников. Иначе говоря, в одном случае фольклорный текст выступает как объект изучения, а язык – как его характеристика, а во втором – объектом изучения является язык в целом, а фольклор и его язык рассматривается как один из источников. Это различие подходов отметила более 30 лет тому назад Т.М. Николаева, которая, правда, имела в виду не фольклорный текст, а текст вообще, т. е. любой вербальный текст: «Выявление функционально-семантической нагрузки языковых категорий в текстах, несмотря на обилие очень интересных результатов и тонких наблюдений, в основном способствовало характеризации именно этих категорий и мало давало – тексту.

---

[5] Ср. важнейшее положение В.Я. Проппа: «Ясно, что прежде, чем ответить на вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой представляет» или «Пока нет правильной морфологической разработки, не может быть и правильной исторической разработки» [*Пропп*, 1969: 10-11, 21].

Текст рассматривался как арена реализации языковых феноменов, их коммуникативный фон. В этом отношении коммуникативно ориентированная лингвистика текста оказалась онтологически неотличимо связана с лингвистической прагматикой» [*Николаева*, 1987: 29]. Специальных трудов, посвящённых языку фольклора как лингвистическому источнику, кажется, нет, но материалы фольклорных текстов, их лексика, грамматика и фонетика нередко привлекается в лингвистических исследованиях, особенно в этимологии, в толковании письменных памятников прошлых эпох, где фольклорные факты рассматриваются в ряду других языковых данных.

Гораздо многочисленнее и значительнее труды, в которых данные фольклорных текстов анализируются ради характеристики самого фольклора и его языка как отдельного языкового идиома. Пионером этого направления (называемого часто «язык фольклора») была Анастасия Петровна Евгеньева, которой принадлежит фундаментальное исследование «Очерки по языку русской устной поэзии» [*Евгеньева*, 1963], рассматривающее такие типичные особенности фольклорного текста, как повторение предлогов, тавтология, синонимические сочетания, постоянный эпитет. В дальнейшем исследования языка фольклора превратились в самостоятельную филологическую дисциплину – лингвофольклористику, наиболее систематически и результативно развивающуюся в курской школе во главе с А.Т. Хроленко. Курская лингвофольклористика в рамках глобальной задачи создания словаря русского фольклора [*Бобунова*, *Хроленко*, 2000] разрабатывает два взаимосвязанных, но самостоятельных направления – фольклорная лексикография [*Бобунова*, 2004] и фольклорная диалектология [*Праведников*, 2010]. Новаторские подходы и выдающиеся достижения этой школы требуют отдельного анализа и, конечно, не могут сколько-нибудь подробно рассматриваться в таком коротком обзоре.

Второй аспект изучения языка фольклора (как источника сведений об общенациональном языке) пока ещё не разработан систематически ни в теоретическом, ни в практическом плане. И этот вопрос, естественно, интересует в первую очередь лингвистов (так же как язык фольклора как характеристика фольклорного текста интересует прежде всего фольклористов). Известный диалектолог И.А. Оссовецкий в своей теоретической статье о языке фольклора писал: «Изучение языка произведений устной поэзии имеет очень большое значение не только само по себе, но и для познания данного языка в целом» [*Оссовецкий*, 1975: 66]. Среди лингвистов язык фольклорных текстов интересует больше всего диалектологов (поскольку диалектные черты фольклорных текстов не всегда удаётся однозначно идентифицировать) и историков языка (поскольку в фольклорных текстах часто сохраняются архаизмы, находящие соответствие в памятниках письменности прежних эпох). В качестве примеров такого подхода можно привести работы известного диалектолога С.К. Пожарицкой об архаических глагольных формах и отглагольных дериватах в севернорусских говорах, в устойчивых конструкциях и фольклорных текстах [*Пожарицкая*, 1991, 1996, 2010], данные которых использовались в работах исследователей древнерусского языка для воссоздания истории определённых языковых категорий, в частности плюсквамперфекта [*Шевелева*, 2001, 2006, 2007; *Сичинава*, 2009, 2013] и др.). Особое внимание на фоль-

клорные тексты обращают лексикологи и этимологи, находящие в них слова и выражения, не имеющие подтверждения в диалектных или исторических словарях или находящие показательные соответствия в других славянских языках. С этой точки зрения изучались многие фольклорные тексты – былины, причитания, заговоры, песни и др. Из недавних работ этого плана укажу на серию статей О.Д. Суриковой, посвящённых лексике и ономастике севернорусских причитаний [*Сурикова*, 2017, 2019, 2020]. Ономастика заговоров в широком этимологическом и функциональном аспекте (топонимия, имена камней, имена деревьев, имена змей) стала предметом исследования в серии работ группы екатеринбургских и московских авторов [*Агапкина*, *Березович*, *Сурикова*, 2018, 2018а, 2019, 2021, 2021а]. Можно указать ещё работы А.С. Алексеевой и А.А. Гиппиуса, посвящённые языку олонецкого рукописного сборника заговоров XVII в. [*Алексеева*, *Гиппиус*, 2019; Алексеева, 2020].

Выделенные выше и кратко охарактеризованные аспекты изучения фольклорного текста, конечно, не исчерпывают его эвристического потенциала. Некоторые из рассмотренных параметров имеют давнюю историю изучения и теоретического осмысления, сложившуюся методику и внушительные результаты, но есть и относительно новые и пока ещё недостаточно оформившиеся направления, которые нуждаются в дальнейшем развитии в теоретическом и библиографическом отношении и соотнесении с другими направлениями сегодняшней гуманитарной науки.

Список литературы

Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010.

Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Топонимия заговоров Русского Севера. I: Моря и реки // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 65–114.

Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Топонимия заговоров Русского Севера. II: Земли. Горы. Острова. Города // Вопросы ономастики. 2018а. Т. 15. № 2. С. 28–69.

Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Топонимия заговоров Русского Севера. III: Камни // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 7–68.

Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Имена деревьев в восточнославянских заговорах // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 9–61.

Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Имена змей в восточнославянских заговорах: Скоропея // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. 2. М.: Индрик, 2021а. С. 305–348.

Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: изд. СПбУ, 2004.

Алексеева А.С. Русскоязычные тексты Олонецкого сборника: фонетика и грамматика // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 128–150.

Алексеева А.С., Гиппиус А.А. Наблюдения над текстом Олонецкого сборника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 141–157.

Белова О.В., *Петрухин В.Я*. К 75-летию Ю.Е. Берёзкина // Живая Старина. 2021. № 4. С. 56–57.

Бобунова М.А. Фольклорная лексикография. Курск, 2004.

Бобунова М.А., *Хроленко А.Т*. Словарь языка русского фольклора: Лексика былинных текстов. Вып. 1. Курск, 2000.

Богатырёв П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырёв П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.

Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 16–44.

Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1963.

Иванов Вяч.Вс. О взаимоотношении динамического исследования эволюции языка, текста и культуры // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 5–26.

Иванов Вяч.Вс. О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых (коротких) текстов // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 5–9.

Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. Доклады советской делегации к V Международному съезду славистов. М.: АН СССР, 1963. С. 88–158.

Зализняк А.А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 147–182.

Лихачёв Д.С. Текстология. На материале русской литературы XI-XVII веков. Л.: Наука, 1983. Изд. 2.

Лотман Ю.М. Текст как динамическая система //Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М., 1981. С. 104–105

НДП – Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века) / Сост.: Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами. М.: Языки славянских культур, 2010; Т. 2. Демонологизация умерших людей. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012; Т. 3. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. М.: Издательский дом ЯСК, 2016; Т. 4. Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Николаева Т.М. Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 27–57.

Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66–77.

Пожарицкая С.К. Семантика некоторых форм прошедшего времени глаголов в севернорусском наречии // Revue des Ètudes Slaves. 1991. LXIII/4. P. 787–799.

Пожарицкая С.К. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // ОЛА. Материалы и исследования. 1991–1993. М., 1996: 268-279.

Пожарицкая С.К. Модальные слова, производные от глаголов *быть*, *бывать* в севернорусской диалектной речи // РЯНО 2010/1: 103-131

Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. Курск: Изд. Курск. ун-та, 2010.

Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. Изд. 2-е. (1-е изд. 1928).

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

Рейдзане Б.П. Аспект вариативности и изучение глубинной структуры народно-поэтических текстов // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М.., 1988. С. 196–198.

Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / Отв. ред. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2017.

Сичинава Д.В. Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С.К. Пожарицкой / Сост. С.В. Князев, А.В. Птенцова. Отв. ред. М.Л. Ремнева, С.В. Князев. М.: МГУ, 2009. С. 192–199.

Сичинава Д.В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: ЯСК, 2013.

Сурикова О.Д. К изучению архаической лексики в «Причитаниях Северного края» Е.В. Барсова // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 73–82.

Сурикова О.Д. «Причитания Северного края» Е.В. Барсова как источник изучения лексики Русского Севера // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. М.: Индрик, 2019. С. 330–353.

Сурикова О.Д. Ономастика «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 104–155.

Толстая С.М. «Самарянка»: баллада о грешной девушке в восточно- и западнославянском фольклоре // W zwierciadle języka i kultury / Pod red. J. Adamowskiego i S. Niebrzegwskiej. Lublin, 1999. S. 58-81 [То же в кн. Толстая С.М. Образ мира в слове и ритуале. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 151–168].

Толстая С.М. Полесские похоронные причитания в сопоставлении с севернорусскими // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. М.: Индрик, 2019. С. 291–329.

Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов // Труды по знаковым системам. Вып. 15. Типология культуры и взаимное воздействие культур. Тарту, 1982. С. 57–71 [то же в кн.: *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 63–77].

Топоров В.Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 99–132.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка. С включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.

Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005.

Шевелева М.Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и её развитие во времени и пространстве. Сб. статей к 80-летию К.В. Горшковой. М.: МГУ, 2001. С. 199–216.

Шевелева М.Н. Некнижные конструкции с формами глагола *быти* в псковских летописях // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006: ЯСК. С. 215-241.

Шевелева М.Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // РЯНО. 2007/2. С. 214–252.

ЭРЯ – Энциклопедия «Русский язык». М.: Словари XXI века, 2020. Изд. 3-е.

ЭСМРПК – Этнолингвистический словарь мифологических рассказов Пермского края. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами / Сост. И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, С.Ю. Королёва. СПб.: Маматов, 2019.

Югай Е.Ф. Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке. М.: Индрик, 2019.

Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa: PWN, 1961. С. 397–407.

Bartmiński J. O języku folkloru. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.

Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. Tekstologia. Warszawa, 2009.

Smyk K. Obrzęd jako tekst kultury. Przykład Bożego Ciała w Spycimierzu. Lublin, 2020.

Об изучении японского языка в отечественной науке

В.М. Алпатов

Аннотация. *По сравнению с другими областями востоковедного языкознания японистика в России имеет ряд особенностей. Она поздно сформировалась, в связи с чем сравнительно легко здесь произошло отделение лингвистики от изучения памятников; она чаще имела книжную, а не полевую направленность, и среди отечественных японистов довольно часто наблюдался интерес к вопросам теории. В российской и советской японистике отразились общие процессы мировой науки о языке, где в разные эпохи по-разному решался ключевой вопрос о том, насколько следует учитывать интуитивные представления носителей языка.*

Ключевые слова: *Япония, японский язык, японоведение, теория языка, антропоцентризм, системоцентризм, интуиция, влияние родного языка лингвиста.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.017

Мне здесь хочется не столько рассмотреть собственно историю науки, сколько, во-первых, выделить специфику русского лингвистического японоведения по сравнению с другими областями языкознания в нашей стране, во-вторых, отметить, как в данной области частного языкознания отражались два важнейших вопроса науки о языке: «человеческий фактор» и влияние родного языка лингвиста на описание. Подробнее об истории отечественного лингвистического японоведения я писал в книге [*Алпатов*, 1988] и статье [*Алпатов*, 2015].

По сравнению с другими областями востоковедного языкознания (арабистикой, индологией, китаистикой и др.) японистика в России имеет, на мой взгляд, по меньшей мере, четыре особенности.

Первая особенность – позднее развитие этой дисциплины в России (как, впрочем, и на Западе). Главной причиной, разумеется, было «закрытие Японии» в эпоху Токугава. Если с Турцией и Ираном Россия сталкивалась уже к XV–XVI вв., а посольства в Китай отправлялись с XVII в., то с Японией до начала XVIII в. контактов не было вообще, а потом в течение столетия они были лишь эпизодическими, в 10–40-е гг. XIX в. они снова прерывались. После «открытия Японии» с 1850-х гг. они постепенно стали развиваться, появились первые словари и учебники, но развитие изучения языка и формирование традиций шло медленно. Достаточно сказать, что в Петербургском университете, где в XIX в. работала целая плеяда выдающихся востоковедов, систематическое преподавание японского языка началось лишь в 1888 г. Практическое изучение этого языка значительно опережало научное его изучение, единственным опытом которого в XIX в. была очень интересная грамматика «человека со стороны», иеромонаха Д.Д. Смирнова [*Смирнов*, 1890]. Лишь после поражения в Русско-японской войне, одной из причин которого стало незнание противника, общественное внимание обратилось к Японии, что сразу сказалось на развитии русского японоведения: в него пришла способная молодёжь. Но и позже бывали трудности. Талантливый лингвист Л.И. Жирков (1885–1963), после Русско-японской войны намеревавшийся стать японистом, не смог осуществить своё желание: в Москве, где

он жил, востоковедное образование в Лазаревском институте традиционно сводилось к языкам Ближнего Востока, японскому языку ещё нельзя было выучиться, и он стал специалистом по иранским и кавказским языкам [*Жирков*, 2014]. Позднее ситуация изменилась: и практическое, и теоретическое изучение японского языка стало востребованным в связи с политической ситуацией (хотя в 30-е гг. и опасным: легко было оказаться «японским шпионом»). Даже в 1945–1956 гг., когда общественный интерес к Японии резко снизился, а контактов с этой страной почти не было, японистика уже не могла прекратиться, хотя бы из-за сложившихся традиций. Впрочем, Н.И. Конрад в то время переключился почти полностью на более актуальный Китай, а другой виднейший специалист А.А. Холодович занялся корейским языком. После восстановления в 1956 г. дипломатических отношений между СССР и Японией и усиления общественного интереса к Японии практическое и теоретическое японоведение развивались у нас стабильно.

Вторая особенность японистики по сравнению с некоторыми другими востоковедными дисциплинами в нашей стране заключалась в том, что перед ней не стояла задача изучения и публикаций восточных рукописей, которых в российских собраниях в случае Японии совсем не было. Показательно, что Н.А. Невский, бывший одновременно японистом и тангутоведом, был погружён в тангутские рукописи собрания Эрмитажа, а как японист писал учебник и изучал фонетику. Это имело и последствия в подходах. Русское (как и западноевропейское) востоковедение с большим трудом приходило к разграничению строго лингвистического подхода и филологии, интерпретации памятников. Классическое русское востоковедение долго исходило из того, что востоковедение – это изучение рукописей; в Санкт-Петербурге такое мнение встречается даже сейчас. Академик-тюрколог А.Н. Кононов ещё в 1977 г. говорил, что каждый востоковед-лингвист должен пройти школу филолога и издать хотя бы один памятник. Перед японистами такая задача не стояла; если они и занимались памятниками, то уже изданными и прокомментированными в Японии, а их целью в этом случае были либо перевод, либо извлечение лингвистической информации.

Третья особенность, правда, свойственная и некоторым другим областям русского востоковедения, заключалась в малой роли носителей изучаемого языка. Например, в русской арабистике (и теоретической, и практической) были заметны специалисты арабского происхождения (особенно из числа арабов-христиан). Нечего и говорить о Закавказье и Средней Азии. В японоведении подобное если и было, то в самый ранний период (XVIII в.), когда русских японистов не было вообще и первые словари и грамматики писали случайно попадавшие в Россию японцы (Гондза, Андрей Татаринов). И изучение японского языка в России (в отличие от арабского или китайского) в целом мало было связано с поездками в изучаемую страну и имело книжную направленность. Известно значение деятельности Н.Я. Бичурина и других русских миссионеров в Китае, а грамматика Д.Д. Смирнова, русского миссионера в Японии, оказалась единственным эпизодом. Разумеется, в советское время в снижении прямых контактов играли роль и политические причины, но и в эпохи, когда поездки бывали возможны, полевые исследования не были частыми. Здесь, однако, было два ярких исключения:

Е.Д. Поливанов и Н.А. Невский, выдающиеся специалисты именно полевого склада. Но в наше время эта прерванная традиция не возобновилась. Такой выдающийся японист, как С.А. Старостин, для других языков занимавшийся и полевыми исследованиями, получив в 1990-е гг. возможность ездить в Японию, добровольно от этого отказался: его интерес к японскому языку имел книжный характер.

Наконец, четвёртая особенность – высокая теоретичность. В отличие от трёх предыдущих особенностей её труднее объяснить политической или общественной ситуацией. Однако, вероятно, какая-то связь здесь была: в начале XX в. теоретический уровень всей отечественной лингвистики стал заметно подниматься, а в японистике не было слишком большого груза традиций и филологического уклона. Кроме того, вышеупомянутый общественный интерес к Японии мог действовать на самых разных людей. Показателен пример крупнейшего лингвиста-теоретика Е.Д. Поливанова, который не был востоковедом по основному образованию (Практическая восточная академия, которую он окончил наряду с университетом, была лишь дополнением к университетской подготовке у И.А. Бодуэна де Куртенэ), но от общей лингвистики пришёл к японскому языку.

Именно с Поливанова, который начинал в 1910-е гг. как японист, а потом никогда не бросал японистику совсем, началась в нашей стране активная связь между японистикой и общим языкознанием. А потом были А.А. Холодович, Н.И. Фельдман, И.Ф. Вардуль, С.А. Старостин. Все они в отличие от Поливанова были японистами по образованию, но теми или иными путями пришли к рассмотрению общих проблем. К ним бы я добавил недавно скончавшуюся З.М. Шаляпину (1946–2020), предложившую оригинальную теоретико-лингвистическую концепцию, применявшуюся ей для задач автоматического перевода с японского языка [*Шаляпина*, 2007].

Имеется немало примеров связей между отечественной японистикой и общим языкознанием, среди них есть достаточно неожиданные. Все наши специалисты по лексикологии и лексикографии, вероятно, знают термин *окказионализм*. Термин этот сравнительно недавний, но прочно установившийся в нашей лингвистике. Как указывает А.Э. Левицкий [*Левицкий*, 2020: 123], он был введён видным специалистом по японскому языку Натальей Исаевной Фельдман [*Фельдман*, 1957]. Она во второй половине 50-х гг. опубликовала в «Вопросах языкознания» несколько статей по теоретическим проблемам лексикологии и лексикографии, обобщив свой богатый опыт по составлению нескольких японо-русских словарей.

Теперь о человеческом факторе. Он имеет два аспекта: человеческий аспект в собственном смысле и его наличие или отсутствие в научном подходе.

Нет необходимости подробно говорить о роли академика Н.И. Конрада в развитии отечественного японоведения. Едва ли не все наши специалисты по японскому языку, японской литературе и культуре, японской истории в эпоху до начала XX в. – представители разных поколений созданной им школы. В годы, когда общественная потребность в изучении Японии была велика, а специалистов было мало, он занимался почти всем из вышеперечисленного. В том числе ему нужно было разрабатывать теоретическую

основу для преподавания японского языка. Однако в его работах по «чистой» лингвистике, в том числе по грамматике, чувствуется сухость изложения и вторичность материала, который в его книге [*Конрад*, 1937] в основном взят из грамматики «Когохо», изданной в Японии на двадцать лет раньше «Синтаксиса». Эти примеры в основном интерпретируются на основе идей, сформулированных в русистике (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский) и переносимых на японский язык; кое-где учтены и идеи Е.Д. Поливанова, и нередко пересказываются японские авторы. «Синтаксис» был первой на русском языке грамматикой такого объёма, и многие вопросы там были рассмотрены впервые, но в целом работа мало оригинальна и эклектична; подробнее см. [*Алпатов*, 1988: 84-93]. Но совсем по-другому написаны работы, посвящённые культурным и социальным проблемам, связанным с языком [*Конрад*, 1954; *Конрад*, 1960], а также соответствующий раздел в «Синтаксисе», во многом спорный, но интересный. Видно, что эти проблемы Конрада волновали. Первым он начал изучать и японскую лингвистическую традицию.

Н.И. Конрад постоянно говорил студентам, что главное для востоковеда – изучение культуры исследуемого народа во всех её проявлениях. Вопросы литературной нормы, безусловно, связаны с культурой, но от фонетики и грамматики до культуры далековато.

Рядом с Конрадом работала Наталья Исаевна Фельдман, его ученица, затем жена. И представляется, что она была прирожденным лингвистом. В нескольких ей написанных японских грамматиках я не со всем могу согласиться, но немало там интересного и содержательного. Например, в современной мировой лингвистике активно используется понятие топика, а впервые его на японском материале всерьёз изучила Фельдман, назвав «словом-темой». Двое видных японистов работали параллельно, но имели разные интересы. И в преподавании японского языка публикации Н.И. Фельдман объективно сыграли бóльшую роль, чем «Синтаксис» Н.И. Конрада. Помню, как в конце 1960-х гг. (ещё до выхода учебника И.В. Головнина) И.Ф. Вардуль подчёркивал, что в основе нашего преподавания японского языка лежит концепция Н.И. Фельдман. А она большую часть своей жизни не имела постоянной работы в штате чего-либо и не числилась домохозяйкой лишь потому, что состояла в Союзе писателей СССР как переводчик.

Но личные склонности специалиста не всегда, но часто связаны с его общим подходом к проблемам языка, хотя могут им и противоречить. Здесь также может проявляться свойственное той или иной эпохе представление о том, как следует изучать язык; оно косвенно может проявляться и в преподавании. А, как известно, развитие науки – не поступательное движение, хорошо известен образ движения по спирали.

Известны два подхода в развитии науки о языке, которые иногда называют антропоцентричным и системоцентричным [*Рахилина*, 1989; *Алпатов*, 2018, глава 3]. Антропоцентричный подход исторически первичен и представлен в различных национальных лингвистических традициях, в том числе европейской (включая русскую) и японской, но существует и сейчас. Он, безусловно, господствует в практической сфере (учебная литература, практическая лексикография), а в последние десятилетия даже расширил свои

позиции, особенно в семантических исследованиях. Задача исследователя в таком случае – осознанное или неосознанное осмысление и описание своих представлений носителя языка, эти представления именуют лингвистической интуицией. Конечно, он при этом может опираться не только на свою интуицию, но и на интуицию предшественников, закреплённую и в лингвистических сочинениях, и в школьных учебниках. Такой подход затем начал подвергаться критике, поскольку он не соответствовал критериям научности, установившимся к началу XX в. Эти критерии были разработаны в естественных науках, но начали переноситься и в науки о человеке. В XX в. распространился новый, системоцентричный подход, который отразился в различных направлениях европейского и американского структурализма.

Этот подход «в отличие от антропоцентричного подхода, приближающего лингвистику к психологии и философии, ….пытается сблизить её с естественными науками в современном их понимании. Согласно этому подходу, язык есть некоторая почти независимо от нас функционирующая система. Лингвист изучает её законы, носитель языка им подчиняется» [*Рахилина*, 1989: 50]. «Анализируя речевой материал, лингвист старается преодолеть “путы” антропоцентризма и взглянуть на язык “со стороны”, т. е. так, как рассматривает внешний мир физик» [*Вардуль*, 2000: 4]. Как писал один из структуралистов, не следует учитывать в лингвистическом исследовании «языковое чутьё» наивного носителя языка, поскольку это чутьё «чаще всего оказывается очень примитивным по сравнению с языковым чутьём лингвиста» и в нём много предрассудков. Поэтому «языковое чутьё наивного информанта неправильно расценивать – а это присуще некоторым лингвистам – как критерий, важный также и для лингвистики» [*Коржинек*, 1967 [1936]: 318–319]. При системоцентричном подходе лингвистика строго отграничивается от других наук, кроме математики, и прежде всего от гуманитарных наук. Человек – носитель языка, говорящий и/или слушающий исключается из рассмотрения.

Оба подхода встречались и встречаются в разных странах. Например, в Японии в XX в. системоцентричный подход проявился у Хасимото Синкити, а антропоцентричный подход обосновывал Токиэда Мотоки. Проявлялось это различие и в отечественной японистике. Один полюс составлял Н.И. Конрад, который, как уже говорилось, был больше культурологом, чем лингвистом. Такой подход он доводил до крайности; например, у него было такое необычное для лингвиста высказывание: фонема «поддерживает языковое единство народа, а тем самым национальное единство вообще» [*Конрад*, 1945: 16]. Однако как в таком случае быть с фонемами в диалектах? На другом полюсе находился И.Ф. Вардуль, очень последовательный сторонник системоцентризма, о чём прямо говорил (см. вышеприведённую цитату). Когда я под его руководством писал кандидатскую диссертацию о японских формах вежливости (*кэйго*), он указывал, что не следует обращаться к прагматике и детально описывать, в каких ситуациях употребляются те или иные формы; достаточно выделить наиболее общие дифференциальные принципы значения и исходя из них рассматривать дистрибуцию форм.

Следует учитывать, что большую часть XX в., начиная с издания в 1916 г. «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, в мировой лингвистике, в це-

лом, господствовал системоцентризм, который стремился к автономии лингвистики и к строгим методам. Независимо от того, называл ли себя тот или иной языковед такого типа структуралистом или нет, он объективно развивал структурный подход. И это относилось не только к И.Ф. Вардулю, но и к Е.Д. Поливанову, А.А. Холодовичу, отчасти к Н.И. Фельдман.

Любопытен спор на эту тему, связанный с японским языком. Уже упоминавшийся здесь А.А. Холодович, в 30-е гг. преодолевший влияние Н.Я. Марра, в книге [*Холодович*, 1937], совмещавшей жанры научной и практической грамматики (под «военным языком» имелся в виду старописьменный язык (бунго) на материале текстов японской армии первой половины XX в.), выступил, безусловно, со структуралистскими идеями. Он выдвинул идею о параллелизме и общих чертах синтаксиса слова и синтаксиса предложения. Такой тезис был характерен для структурной лингвистики, многие представители которой (Л. Блумфилд, Л. Ельмслев, Е. Курилович и др.) стремились найти общие черты для разных уровней языка, однако для советской лингвистики такие идеи тогда не были характерны. Уже в послевоенные годы академик-русист В.В. Виноградов выступил с резкой критикой идей книги. Он увидел в них лишь «формальный, абстрактный схематизм», оторванный от «живой действительности, от потребности социального общения, от многообразия общественной практики и реального опыта, от сложности социальных отношений» [*Виноградов*, 1975 [1950]: 90]. Представляется, что суть спора состояла именно в противостоянии антропоцентризма и системоцентризма. А.А. Холодович, как и другие структуралисты, исходил из представлений о языке как системе, состоящей из разных уровней, имеющих тем не менее общие свойства; учёт интуиции при этом не предусматривался. Но В.В. Виноградов шёл от представлений носителя русского языка, для которого первично слово как цельная единица, а предложения, с одной стороны, и части слов, с другой стороны, вторичны. Так всегда подходила так называемая традиционная русистика, опиравшаяся на интуицию, связанную в норме с хранением цельных слов в мозгу и конструированием предложений. Системоцентризм шёл от системы, а антропоцентричная лингвистика – от качественных различий слова и предложения. Разумеется, всё это отражалось и в работах по японскому языку.

В отечественной японистике структурный подход к языку по-разному отразился в исследованиях А.А. Холодовича и И.Ф. Вардуля. В наши дни структурный период развития лингвистики, по-видимому, закончился. Две преобладающие парадигмы – функциональная и генеративная – по-разному стараются учитывать человеческий фактор в языке, связать язык с психологией и другими гуманитарными дисциплинами. «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле». «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [*Кибрик*, 1992 [1983]: 19, 20]. Но устройство языка «на самом деле» не может изучаться чисто системоцентрически, оно требует обращения к процессам, проходящим внутри человека, прежде всего, в его мозгу, и отказа от известной концепции «чёрного ящика».

Другая проблема, отражающаяся и в работах по японскому языку: влияние родного языка лингвиста (или языка, наиболее престижного для него) на

исследования других языков. Как известно, все лингвистические традиции вырабатывались на материале одного языка: языка культуры данного ареала. Хотя Япония долго находилась под влиянием китайской культуры и китайского языка, но начиная с эпохи Токугава базовым языком традиции начал становиться японский (что, например, проявилось в самостоятельном создании отсутствовавшей в китайской традиции грамматики). В Европе же традиция сформировалась в двух близких друг к другу вариантах, основанных на типологически сходных древнегреческом и латинском языках. С XVI–XVII вв. методы, выработанные на их материале, стали применяться к другим языкам, возникли миссионерские грамматики. Однако в европейских странах к этому же времени от греческого или латинского эталона стали переходить к методам, приспособленным к строю современных европейских языков, возникли варианты европейской традиции: английский, французский, русский и др. Здесь учитывался строй эталонного языка, поэтому, например, англоязычная традиция отошла от латинских образцов больше, чем русская.

«Естественно… что когда лингвист переходит от описаний родного языка к построению общей теории языка, основные понятия построенной им теории часто сохраняют тесную связь с фактами, которые хорошо представлены в его родном языке» [*Зализняк*, *Падучева*, 1964: 7]. А эта теория, в свою очередь, сознательно или бессознательно, потом применяется к языкам, по-разному соотносящимся с родным языком. Встаёт проблема: как отграничить общие свойства языков от типологических особенностей конкретных языков, в первую очередь родного языка исследователя.

Для отечественной японоведной лингвистики здесь особый интерес представляет Е.Д. Поливанов, который всегда стремился строить теории и во многих случаях был первопроходцем. Он предлагал оригинальные трактовки многих явлений японского языка, которые иногда могли быть верными, но могли давать и ошибочную подсказку. Надо учитывать особенность русской японистики, упомянутую выше: она сложилась поздно, и её становление пришлось на время, когда греческие и/или латинские образцы уже были заменены русскими. Ввиду близости синтетического строя русского языка к строю классических языков замена не была очень значительной.

В области фонологии Евгений Дмитриевич предложил первую не только в России, но и в мире систему японских фонем. В том числе он обосновал выделение как особого класса палатализованных (мягких) фонем, противопоставленных твёрдым членам соответствующих пар. Он выделял палатализованные фонемы в строгом смысле и «палатальные» фонемы, отличающиеся от твёрдых членов пар также и другими признаками. Однако, исходя из одинаковости морфемных чередований, он выделял единое противопоставление твёрдых и мягких согласных фонем. Ср. в кириллической транскрипции Поливанова *кяку* ‘гость’ и *сяку* ‘мера длины’.

Но такая строгая и чёткая система не получила распространения ни у англоязычных японистов, ни у следовавших за ними японских фонологов. Однотипные явления оцениваются по-разному, даже выделяется разное число фонем: ср. те же слова в стандартной латинской транскрипции будут записываться как kyaku (пять фонем) и shaku (четыре фонемы, включая sh). Причина очевидна, в англоязычном языковом сознании палатализации

согласных не существует. Здесь Поливанову помогала «связь с фактами, которые хорошо представлены в его родном языке».

И другой случай. Для Поливанова в системе имени японского языка существовало богатое словоизменение, в том числе падежное. Эту точку зрения затем развивали Н.И. Конрад, Н.И. Фельдман и др., а А.А. Холодович, отвергая её в ранних работах, впоследствии принял, хотя и японская традиция, и западная японистика рассматривают приимённые грамматические элементы как несамостоятельные слова. Для Е.Д. Поливанова вообще в японском языке почти не было служебных слов, любые грамматические показатели он был склонен считать аффиксами. Подход Е.Д. Поливанова и его последователей хорошо совмещался с привычными для русской и советской лингвистики представлениями: здесь принято считать, что любая грамматическая категория «определяется совокупностью словоформ (парадигмой)» [Грамматика, 1970: 317], а главным признаком слова является «оформленность», то есть наличие словоизменения. «Неоформленные (неизменяемые) слова» – либо периферия языка, либо служебные слова, которые и не совсем слова. «Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Слово *окно*, как лексема, как единица словаря, есть все же *окно* или, в известных случаях, *окн**а***, *окну*, ***о**кна*, но не *окн-*» [*Смирницкий*, 1955: 14]. «Обрубок» – не лингвистический термин, но он точно передаёт интуицию носителя русского языка. К тому же с точки зрения грамматического значения (субъект, прямой и косвенный объект, атрибут и др.) в японском языке вполне можно говорить о падежах, поэтому в отечественной японистике приравняли японские падежи к русским и с формальной точки зрения. Но с 1960-х гг. И.Ф. Вардуль и И.В. Головнин приняли общепринятую за пределами СССР/России точку зрения о японских приимённых показателях как о служебных словах. Точка зрения о японском падежном словоизменении уже почти всеми отвергнута, редкое исключение – И.А. Мельчук [*Мельчук*, 1997: 182, 209 и др.], видимо, под влиянием А.А. Холодовича.

Таким образом, влияние родного или наиболее престижного для лингвиста языка может быть и положительным, и отрицательным. В целом же современная наука о языке развивается в направлении всё большего объёма знаний о языках и о «языке вообще». Поэтому необходимо вырабатывать теории и методы, основанные на типологических подходах, учитывающих материал как можно большего числа языков. Разумеется, каждый специалист может владеть лишь ограниченным числом языков, но он должен иметь то или иное представление о том, что может быть и реально бывает в языках. До сих пор могут быть специалисты, хорошо знающие изучаемый язык, но думающие, что в любом языке, например, сказуемое согласуется с подлежащим, а глагол изменяется по временам. В XIX–XX вв. у нас многие языки описывались по образцу русского, а сейчас всё чаще эталоном начинает служить строй английского языка. Как этого избежать?

И последнее. У нас в последние десятилетия заметно расширилось преподавание японского языка, но со сменой поколений начали заметно теряться традиции его научного изучения. А это – необходимая база для решения практических проблем.

Список литературы

Алпатов В.М. Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1988.

Алпатов В.М. Этапы изучения японского языка в России // Современное российское японоведение. М.: АИРО-XXI, 2015. С.15–29.

Алпатов В.М. Слово и части речи. М.: Языки славянских культур, 2018.

Вардуль И.Ф. Введение // Алпатов В.М., Вардуль И.Ф., Старостин С.А. Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. М.: Восточная литература, 2000.

Виноградов В.В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка //Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.

Грамматика современного русского языка. М.: Наука, 1970.

Жирков Л.И. Curriculum Vitae // Irano-Slavica, 2014. С. 45.

Зализняк А.А., Падучева Е.В. О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста // Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1964.

Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты // Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М: МГУ, 1992.

Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937.

Конрад Н.И. О государственной латинице в Японии. М.: Московский институт востоковедения, 1945.

Конрад Н.И. О литературном языке в Китае и Японии // ВЯ, 1954, № 3.

Конрад Н.И. О литературном языке в Китае и Японии // Труды Института языкознания. Т.10, 1960.

Коржинек Й. К вопросу о языке и речи // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967.

Левицкий А.Э. В поисках абсурда // Абсурд в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2020. С. 117–144.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. I. Слово. М., 1997.

Рахилина Е.В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность. М: Институт языкознания АН СССР, 1989.

Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. К 60-летию академика В.В. Виноградова. М.: АН СССР, 1955.

Смирнов Д. Руководство к изучению японского языка. СПб., 1890.

Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // ВЯ, 1957, № 4. С. 64–73.

Холодович А.А. Синтаксис японского военного языка. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937.

Шаляпина З.М. Трёхмерная стратификационная модель языка. К общей теории лингвистических моделей. М.:, Восточная литература, 2007.

Суфийский шейх в окружении крымского хана Сахиб-Гирея: Таки ад-Дин Абу Бакр ал-Кефеви (? – 1562)

И.В. Зайцев

Аннотация. *В статье предпринята попытка осветить жизненный путь крымского суфия XVI в., шейха тариката кадирийа по имени Таки ад-Дин Абу Бакр Кефеви (ум. в 1562 г.), занимавшего видное место при ханском дворе и сыгравшего заметную роль в военных походах Сахиб-Гирея на Астрахань и Кабарду. Автор использовал суфийскую житийную литературу (продолжение знаменитого труда «аш-Шака'ик ан-ну'манийа», которое написал в XVII в. Атаулла Невизаде (Атаи), а также труд на арабском языке под названием «Ката'иб а'лам ал-ахйар мин фукаха' мазхаб ан-Ну'ман ал-мухтар» («Разряды выдающихся мужей из числа законоведов школы ан-Ну'мана-Избранника») Махмуда б. Сулайман ал-Кефеви (ум. в 1581 г.). Важные известия о жизни шейха содержатся также в «Истории хана Сахиба-Гирея» Реммала-ходжи (написано в начале 1550-х годов). Ханские ярлыки, выданные потомкам и последователям Таки ад-Дина Абу Бакра – шейхам обители Абди в 1570-х годах, свидетельствуют о выдающейся роли этих религиозных деятелей в истории Крымского ханства.*

Ключевые слова: *суфизм, Крымское ханство 16 в., тарикат кадирийа, шейх Таки ад-Дин Абу Бакр Кефеви, хан Сахиб-Гирей.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.018

Важной чертой исламской организации в Крымском ханстве были так называемые «дёрт оджах» (درت اوجاق) – «четыре очага». Так назывались четыре суфийские братства, в форме которых было организовано учёное сословие – улама и земельные владения, принадлежавшие ей в Крымском ханстве [*Смирнов*, 1913:144, 154; *Смирнов*, 2005: 463; *Хартахай*, 1867: 189]. Четыре группы уламы, которые назывались – *ташлы, колеч, качи и чоюнчу,* упоминаются ещё Эвлией Челеби. В тексте «Семи планет» Мухаммеда Ризы очаги именуются «четырьмя столпами государственного трона и блюстителями окна правительственных дел Крымской области» (سلطنت امور مناظر ناظر و دولت سرير اركان چار قريمك كشور)[1].

Сходным образом о них пишут и Абд ул-Гаффар Кырыми в «Умдет ат-теварих» [*Абд ал-Гаффар Кырыми*, 1343: 194] и Халим-Гирей в «Гюльбун-и ханан» [*Халим-Гирей-султан*, 1327: 40].

Крымский муфтий Сеит Джемиль в 1831 г. в записке, составленной по просьбе российской администрации, писал, что оджах (или «текэдары», т. е. имеющие *текке*-обители) происходят от родоначальников-шейхов, по именам которых и называются [*Загидуллин*, 2018, vol.11, № 4: 735].

[1] Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т. е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832. С. 232–233, 295.

Судя по всему, три очага были по происхождению чисто крымскими, а очаг *качи* был халватийским (суннитский тарикат *халватийа* возник в Северо-Западном Иране в XIV в. среди тюркского населения и достиг своего расцвета в XVI в. в Османской империи) [*Акимушкин*, 1991: 267].

Эвлия Челеби гостил в Качи в *текке* святого Хызра Шаха-эфенди. По словам Эвлии, «это азиз, молитва которого услышана, великий воин и храбрец, в равной степени как аскет, так и муджахед, великий султан святых нищих суфиев». Рядом с текке были похоронены отец Хызра-эфенди Мухаммед-эфенди и его дед – Хусейн-эфенди. Последний был родом из Сиваса, его наставником был шейх тариката халвати Якуб-эфенди, похороненный, по словам Эвлии, в пригороде Инкермана. Судя по сведениям Эвлии и тексту «Семи планет», должность главы очага (*шейха* или *седджаде нишина*) была наследственной.

Четыре очага перечисляются французским консулом в Крыму Шарлем де Пейссонелем (1727–1790) в середине XVIII в.: «они обладают землями, на которых находятся монастыри дервишей – теккэ и могилы некоторых лиц, считающихся святыми и которых татары посещают из набожности. Среди этих четырёх родов самый старший делается шейхом или архимандритом монастыря, принадлежащего его роду и пользуется доходами с него завещанного богоугодным делам, со всех складов и со всех земель, образующих имущество монастыря... Остальные теккэ Крыма им подчинены, их земли – неприкосновенные убежища для всякого рода лиц, и они пользуются с незапамятных времён очень большими привилегиями» [*Шарль де Пейссонель*, 2009: 30].

Названия очагов соответствуют названиям деревень, в которых жили шейхи очагов. Так, Эвлия Челеби описывает деревни Колеч (Коледж), где «жил шейх – святой Ахмед-эфенди... предсказатель и великий султан. Теперь у него 40 тысяч мюридов с бритыми усами, он их предводитель на [мистическом] Пути». В деревне Чоюнчу во времена Эвлии жил Мехмед-эфенди, «первый среди тех, чья молитва услышана»[2].

Представители «четырёх очагов» играли выдающуюся роль в жизни ханства, сильно влияя на судьбу ханов, отношения с соседними странами, принимая участие в дипломатических миссиях и проч. [*Зайцев*, 2021: 632-634].

Некоторые из шейхов пользовались покровительством ханского двора и участвовали в политической жизни. За свои заслуги шейхи получали от ханов всевозможные льготы (прежде всего финансового характера), многие шейхи становились воспитателями-аталыками ханских отпрысков. Так, в 1577 г. Мухаммед-Гирей выдал ярлык на имя Абдураззак-шейха об освобождении его от податей и сборов за его подвиги на поприще веры [*Акчокраклы*, 1932: 13]. В 1584 г. Ислам-Гирей выдал ярлык об освобождении аталыка Абдурахман-шейха из рода Ясеви от податей. В следующем году тот же хан назначил того же шейха наставником своего наследника Девлет-Гирея [Там же].

---

[2] Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Пер. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. С. 25, 27, 69, 124.

Как замечал некогда наш выдающийся османист В.Д. Смирнов о крымских шейхах, «эти господа составляли, по крайней мере в раннее время, довольно сплочённую корпорацию, доступ в которую обусловливался известною учёностью, проверявшеюся на особом экзамене, который производился в сонмище крымских улемов, причём немалое значение придавалось прохождению курса наук в медресэ Стамбула, да ещё и под ближайшим покровительством самого турецкого султана…» [*Смирнов*, 1913: 156].

Об одном таком шейхе XVI в. по имени Таки ад-Дин Абу Бакр Кефеви, занимавшем видное место при ханском дворе и сыгравшем заметную роль в военных походах Сахиб-Гирея, и пойдёт далее речь.

Рассказы о нём и его чудесах, а также действительных поступках сохранились в нескольких сочинениях. Прежде всего, это продолжение (зейль) знаменитого труда «аш-Шака'ик ан-ну'манийа» («Нуманов пион») Ахмада б. Мустафы Ташкёпрюзаде (ум. в 968/1561 г.), которое написал в XVII в. Атаулла Невизаде (Атаи, ум. в 1045/1635 г.) [*Nev'îzâde*, 1851: 80; *İpekten*, 1991: 40–424].

Выходец из Кафы, т. е. земляк и ученик шейха Абу Бакра, которого звали Махмуд б. Сулайман ал-Кефеви (ум. в Синопе 3 рамадана 989/11 октября 1581 г.), написал труд на арабском языке под названием «Ката'иб а'лам ал-ахйар мин фукаха' мазхаб ан-Ну'ман ал-мухтар» («Разряды выдающихся мужей из числа законоведов школы ан-Ну'мана-Избранника»)[3]. Это сочинение было создано в рамках историко-биографической литературы ханафитов (*табакат ал-ханафийа*)[4]. Одна из особенностей словаря ал-Кафави состоит в том, что в него автор включил биографии суфиев-ханафитов из различных братств (тарикат), занимавшихся, среди прочего, вопросами ханафитского фикха. Труд Махмуда Кефеви считается ценнейшим источником для изучения истории ханафитского мазхаба; он содержит почти 900 биографий ханафитских правоведов и богословов, среди которых есть и учитель (*муршид*) автора – шейх Таки ад-Дин Абу Бакр.

Итак, согласно этим житиям, будущий шейх родился в крымском городе Кафа, вероятнее всего в начале XVI в. (когда это произошло, мы не знаем). Отцом его был благочестивый человек по имени хаджи Хайретдин-эфенди.

---

[3] Автор сочинения получил образование в Кефе, Бурсе, Халебе и Стамбуле. Он преподавал в медресе Мулла Гюрани в Стамбуле, а затем поменял работу мударриса на профессию кадия. Ал-Кефеви осуществлял судейство в нескольких городах Османской империи, пока окончательно не обосновался в г. Синоп в должности муфтия, где в 985/1577–78 г. и составил свой единственный труд. Ал-Кефеви черпал информацию для своего биографического словаря из первоисточников – рукописных сочинений ханафитов, сборников фетв, авторизованных списков почитаемых в мазхабе и османской системе конфессионального образования трудов с информативными колофонами, титульными листами и т. д. *Özel Ahmet*. Mahmud b. Suleyman Kefevi // İslâm Ansiklopedisi. Cilt 25. İstanbul, 2002. С. 185–186.

4 См. подробнее: *Муминов А.К.* Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави // Письменные памятники Востока. 2 (19). 2013; *Муминов А.* Махмуд ибн Сулейман ал-Кафави и его сведения по истории Золотой Орды // Сборник материалов международной научной конференции Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники: История, язык и письменные памятники, посвящённой 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры. Астана, 2013.

Поначалу он занимался торговлей, жил в Эдирне, посещал в поисках знаний и по торговым делам Сирию, Египет, Иран, Аравию и другие страны. В Египте его учителем стал суфий кадирийского тариката[5] Шахин Мисри, который и стал его наставником на пути постижения истины. Пользуясь уже славой богобоязненного праведника, он отправился в Багдад, где стал мюридом кадирийского шейха Сайида Абу-л-Вафы Мухаммеда. Под его руководством он предавался затворничеству в течение сорока дней, постился и изнурял плоть (будто бы съев за это время всего один или два чурека). В окрестностях Багдада общался с хищными зверями и птицами: дикие животные собирались вокруг него и сочувствовали ему. С этого времени Таки ад-Дина Кефеви прославился как умудрённый суфий, совершающий чудеса. О сочинениях шейха нам ничего не известно, но его мюрид Махмуд ал-Кефеви приводит в «Ката'иб 'А'ллям ал-Ахйар» ряд диковинных историй из жития наставника.

Так, например, одна из них связана с его чудесным возвращением в Кафу после девятилетнего отсутствия. В город после торговых поездок вернулись его друзья, торговавшие вместе с ним, однако самого шейха с ними не было. Их спросили, где он, и они ответили: «Мы не знаем. Когда мы были в Гелиболу, он сказал, что ему нужно уехать оттуда по важным делам, и он надеется вернуться через две недели». Попросив друзей сберечь его вещи, он исчез и в срок не вернулся. «Мы думаем, что в пути с ним что-то случилось. Иначе он бы вернулся», – сказали его товарищи. Близкие подумали, что шейх мёртв. Через пять лет неизвестный сообщил, что Таки ад-Дина Абу Бакра Кефеви видели в Египте. Узнав об этом, его отец Хайреддин-эфенди послал младшего брата шейха на его поиски. Он скитался из деревни в деревню, из города в город и два года искал своего пропавшего старшего брата. Не получив никаких известий об Абу Бакре Кефеви ни в Египте, ни Хиджазе, ни в Багдаде, ни в Медине, ни в Дамаске, ни в Палестине, брат вынужден был вернуться. Теперь кефинцы решили, что он умер по какой-то причине по пути в Гелиболу. Хотя с момента ухода из Кафы прошло девять лет, никаких известий от него не поступало. Родственники шейха (у него была жена и трое детей) решили, что он умер на чужбине. Жена его долгое время жила в доме свёкра. Отец шейха Хайреддин-эфенди хотел найти двух свидетелей того, что его сын умер, и выдать свою невестку-«вдову» замуж за другого.

Были сделаны необходимые приготовления к свадьбе. За день до свадьбы шейх явился своей супруге во сне и сообщил, что он жив и она не должна выходить замуж. Во время свадьбы в море появилось судно, приближающееся, несмотря на встречный ветер, к порту Кафы. Шейх сам прибыл на свадьбу, которая таким образом расстроилась, а честь его жены и семьи

---

[5] В османских землях братство *кадирийа*, основанное еще в XII в. Абдулкадиром Гилани из Багдада (ум. в 1166 г.), распространилось благодаря шейху Эшрефоглу Абдуллаху Руми, переселившемуся в Анатолию из Египта (ум. в 1469 г.). См. История Османского государства, общества и цивилизации, 2006: 148 Т. 2. М.: Восточная литература, 2006. С. 148.

была спасена. В рассказах о Таки ад-Дине упоминается о том, что «татарский хакан» и султаны весьма дорожили общением с ним и ценили его советы и предсказания. Шейх превратил разрушенную церковь за горой на восточной стороне города Кафы в мечеть, устроил там свою обитель (*дергах*) и построил вокруг неё комнаты-*худжры* для своих учеников. Жители Кафы придавали строительству этого места такое значение, что знатные люди города, муфтий и преподаватели медресе сами таскали на спине камни. Вместе с тем текст жития говорит и о недоброжелателях шейха: будто бы некоторые люди выступили против него, потому что не могли вынести его величия и его признания народом. Но затем они отказались от своей зависти и упрямства и признали его превосходство.

Дергах Таки ад-Дина стал известен как *завийе* Абди-челеби. Таки ад-Дин скончался в 970/1562 г. и был погребён рядом с обителью. После кончины шейха его наместником стал сын – пир Мухаммед-эфенди [Evliyâlar Ansiklopedisi, 1993: 1425; *Nev'îzâde*, 1851: 80]. Эта обитель находилась недалеко от Кафы[6].

Важный источник по истории этого *завийе* – ярлыки, которые постоянно выдавались крымскими ханами шейхам обители. Самый ранний, известный нам ярлык датирован 26 Джумада I 985 г.х. (20 августа 1577 г.) и выдан в Алма-Сарае от имени хана Мехмед-Гирея шейху Абди: «Ныне по отношению к предъявителю должноисполнимого фермана, знаменитейшему из шейхов, моему нарочитому молитвеннику Абди-шейху – да увеличится подвижничество его! – последовало преумножение моего благоволения и усиление моего покровительства, и я, начиная с числа написания (этой грамоты), назначив и определив из года в год по 4000 новых акче ежегодины, даю ему в руки эту осчастливливающую грамоту и повелеваю, чтобы включив (его) в роспись существующих получателей ежегодины, наш образцовый среди подобных и равных бухгалтер Абду-ль-Кадир, – да умножится достоинство его! – из года в год выдавал; а упомянутый наш слуга молитвенник, тратя и расходуя на своё иждивение, пусть прилежно занимается молитвами о продлении моего царствования и о приумножении моего величия» [*Смирнов*, 1913: 167]. Дата выдачи позволяет предположить, что ярлык был пожалован первому преемнику Таки ад-Дина Абу Бакра Кефеви – его сыну.

За два дня до выдачи ярлыка шейху Абди (24 Джумада I 985 г. х. 18 августа 1577 г.) Мехмед-Гирей выдал в Алма-Сарае ярлык сыну шейха, по имени Хаккы-Ходжа (т. е., скорее всего, внуку Таки ад-Дина), на 2 000 акче и одну штуку чекменя ежегодно. В последующем крымские ханы многократно подтверждали своими ярлыками всевозможные льготы потомкам шейха.

Между тем есть ещё один очень важный источник, который позволяет нам судить о деятельности шейха, в частности о загадочном «татарском хакане» и его султанах, которые так дорожили общением с ним.

---

[6] Возможно, это и есть деревня Колеч, где проживали шейхи одного из «четырёх столпов».

Дело в том, что шейх Таки ад-Дин неоднократно упоминается в «Истории хана Сахиб-Гирея» («Тарих-и Сахиб-Гирей») как предсказатель Абу Бекр-халифа (*калфа*), сопровождавший хана в его походах на Кабарду и Астрахань.

«История хана Сахиб-Гирея» – самое раннее дошедшее до нас сочинение исторического характера, созданное в Крымском ханстве и посвящённое эпохе правления сына Менгли-Гирея хана Сахиб-Гирея I на крымском престоле (сентябрь 1532 – конец 1551). Автор труда Бадр ад-Дин Мухаммед Нидаи, известный более как Реммал-ходжа, по происхождению турок, из семьи медиков, скорее всего происходил из Анкары, хотя его точное происхождение остаётся неизвестным. Он служил у хана Сахиб-Гирея в качестве личного врача и предсказателя[7] с 1532 г. после поступления на службу при отъезде хана из Стамбула в Бахчисарай вплоть до убийства хана в 1551 г. Степень его близости Сахиб-Гирею была очень велика: Бадр ад-Дин Мухаммед даже распоряжался церемонией похорон 50-летнего хана и его 13-летнего сына Гази-Гирея в фамильном гирейском склепе (тюрбе) в Салачике подле Бахчисарая. «Историю» Реммал написал по просьбе дочери хана – Нур-Султан после того, как Сахиб-Гирей был убит в 1551 г. Труд был закончен в конце реджеба 960 г. х. (13 июня – 12 июля 1553 г.), т. е. когда шейх Таки ад-Дин был жив. Сам Реммал умер в 975/1567–68 или 976/1568–69 г. в Стамбуле [подробнее см.: *Зайцев*, 2009].

Описание шейха в «Истории Сахиб-Гирея» ценно, прежде всего, бытовыми деталями и подробностями его взаимоотношений с ханом. Это не житие святого, а панегирик хану, в котором нашлось место рассказу о ханском богомольце. Реммал-ходжа называет Абу Бакра «полюсом времени» («qutb-ı zaman») и пишет далее, что шейх «был в послушничестве у нескольких шейхов, видел многих великих людей, бессчётное число раз припадал лицом к порогу [османского] султана, провёл в чужих странах в пещерах Иерусалимских гор много сорокодневных молитвенных бдений, несколько дней провёл в служении Богу в Медине, многократно был на поклонении у священной Каабы… Ему там было указание свыше, чтобы он пошёл и в окрестностях Кафы направлял народ на путь истины. Прибыв туда, он вскоре прославился среди народа: много людей затем обратились к Богу и стали людьми его принципов. Из Кафы этот славный шейх, чистый душою как Иисус, раз отправился в Мекку и, возвращаясь оттуда, говорил некоторым лицам, что хану повелено сделать два похода. “Меня посылают вместе с ним, – говорил он, – сначала на Кабарду, потом на Астрахань, которую хан и возьмёт, но в третий поход мы вместе с ним не пойдём. А что будет после этого, нам неизвестно”. Это предсказание передавалось и распространялось в народе, но хан ничего об этом не знал».

7 Он гадал хану по кучкам песка. Эта сложная процедура (*рамл*) стала причиной полученного автором прозвища – Реммал-ходжа («Господин предсказатель»).

В походе на Кабарду «хану пришёл на память Бекир-шейх, и он велел отыскать его посреди войска и самым вежливым и милостивым образом пригласил к себе. Шейх явился к хану в сопровождении нескольких почтенных дервишей. Хан сейчас же встал со своего места и, сделав несколько шагов вперёд ему навстречу, сказал: «Добро пожаловать» – и посадил его рядом с собою. Потом он дал знак дервишам, чтобы и они тоже сели. Принесли кушанья, которые они съели, и сахарные щербеты, которые они выпили. Потом произнесли молитву и подали воду для омовения. Затем из шатра всем велено было выйти, и хан, оставшись с шейхом наедине, сказал: «Что за причина, что вы с нами идёте в поход? Нам было достаточно лишь молитв ваших, разве вам неудобно было оставаться дома и заниматься служением Богу». «Вы изволили сказать совершенно справедливо, – ответил шейх, – но я не пошёл в поход по собственной воле. Распорядитель мира и полюс сынов человеческих, любимец Господа вселенной, дав мне ничтожному власть быть его преемником, послал меня в Кафу для направления мусульман на путь истины. Там я пробыл несколько лет муршидом, но прошлого года мне явилось тайное приглашение отправиться к священному Меккскому храму. Я поехал туда, и там собрались все люди истины, сколько их ни было на лице земли. Тут пророк удостоил меня, ничтожного раба, своим милостивым взглядом и сказал мне: «Ступай назад в ту страну, наблюдение над ней поручено тебе. Сахиб-Гирей-хан должен сделать два похода, один в Кабарду, другой – в Астрахань. Ты в обоих этих походах должен находиться при войсках и быть их нравственным руководителем, но в 3-й поход ты с ними не пойдёшь». Мы сюда не пришли охотою, Вы пастырь этих войск, а я руководитель, оба мы рабы Повелителя, и у нас в руках ничего нет, потому что «раб распоряжается, а Бог предопределяет», все у нас было в руках Божиих, т. к. «Бог над всеми имеет власть», во всяком случае Бог наблюдает над нами, он настоящий Государь. Знай, что Бог везде присутствует. Он смотрит вглубь твоего сердца. Старайся быть готовым служить ему, если только ты обладаешь знанием». Он сказал ещё несколько подобных этим мудрых изречений, и слова его произвели на хана такое впечатление, что из благословенных глаз его на розовые ланиты потекли слёзы. Он спросил у шейха: «Чем нужно человеку заниматься, чтобы удостоиться явно видеть этих скрытых от нас людей и пасть пред ними во прах?». «Вы находитесь в области разума, – отвечал шейх. – Люди, живущие разумом, видят их внутренне, а явно не видят. Но те, которые преданы всем сердцем вере и служению Богу, видят их глазами и беседуют с ними, и они от них не скрыты. Но ваше внутреннее, тайное с ними общение уподобляется тому, как будто бы Вы их действительно видели. Не печальтесь же о том, что они по видимому с Вами не сообщаются, потому что Всевышний Бог тоже дал Вам знание власти и сделал Вас среди народа Государем. Вы тоже из числа угодных Богу. Всесильный и всевышний Бог подчинит Вашим повелениям столько народу, укрепив за Вами власть, Вы должны благодарить его за дарование милости, постоянно носить в сердце Вашем воспоминание о его святом имени и твёрдо веровать в Бога». Дав ещё несколько подобных наставлений, шейх умолк и встал. Хан проводил его из палатки и послал вслед за ним 200 флоринов, которые шейх и роздал бедным».

В астраханском походе Абу Бекр также находился при хане, и, как пишет Реммал, дней за пять пути до города, «в то время как (хан) занимался перечислением войск, шейх отправился прямо на могилу одного святого и до возвращения войск предавался там молитве и чтению Корана. Когда же он уходил, то принёс с собою бывший в головах у него (святого) посох [’āsā], так как этот посох, по преданию, остался от друга Божия (Мухаммеда)»[8].

Рассказы об Абу Бекре – шейхе текке Карадага потом перекочевали почти без изменений из «Тарих-и Сахиб-Гирей» в текст Абд ал-Гаффара Кырыми [*Кырыми*, 2014: 124, 324; *Кырыми*, 2018: 95].

Итак, благодаря житийным, документальным и историографическим источникам перед нами предстаёт не просто религиозный авторитет, кадирийский шейх-суфий XVI в., известный своими чудесами, основатель собственной обители, обитатели которой – потомки шейха – пользовались неизменной благосклонностью ханов, видимо, вплоть до падения крымской независимости, но и предприимчивый купец, по торговым делам объездивший весь Ближний Восток, и в известном смысле политический деятель, сопутствующий хану Сахиб-Гирею в его походах на Кабарду и Астрахань.

Список литературы

Тарих-и Сахиб-Гирай-хан (Рукопись Библиотеки Восточного факультета СПб. Ун-та, № 488. С. 98–99)

Абдульваап Н. Мусульманские учёные Крыма XIV-XIX вв. // Qasavet. 2011. No. 38.

Акимушкин О.Ф. Халватийа // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, Главная редакция научной литературы, 1991. С. 267.

Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832. С. 232–233, 295. (Es-Seb' us-Seyyar fi ahbar-i muluk-i Tatar, араб. шрифт).

Абд ал-Гаффар Кырыми. Умдет ат-теварих. Стамбул, 1343. С. 194. (араб.шрифт).

Загидуллин И.К. Особенности формирования мусульманского «наследственного» духовенства в Тавриде в 1783–1831 годах // Minbar. Islamic Studies. 2018, vol.11, № 4. С. 735.

Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV-XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: издательская фирма «Восточная литература», 2009.

Зайцев И.В. Исламская культура Крымского ханства. Исламская организация // История крымских татар. Т. III. Крымское ханство XV-XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 632–634.

История Османского государства, общества и цивилизации. Т.2. М.: Восточная литература, 2006. С. 148.

[8] Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimee de 1532 a 1551) / Neşr. Ö. Gökbilgin. Ankara: Baylan Matbaası, 1973. С. 83–86, 102. (пер. В.Д. Смирнова по рукописи санкт-петербургской редакции «Истории Сахиб-Гирея»).

Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И. М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 124, 324.

Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Перевод с османского Ю. Н. Керимовой, И. М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 95.

Муминов А.К. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави // Письменные памятники Востока. 2 (19). 2013.

Муминов А. Махмуд ибн Сулейман ал-Кафави и его сведения по истории Золотой Орды // Сборник материалов международной научной конференции Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники: История, язык и письменные памятники, посвящённой 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры. Астана, 2013.

Пейссонель, Шарль де. Записка о Малой Татарии. Днепропетровск: «Герда», 2009. С. 30.

Смирнов В.Д. Крымско-ханские грамоты // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь. № 50. 1913. С. 156.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М., Рубежи XXI, 2005. С. 463.

Халим-Гирей-султан. Гюльбун-и ханан. Стамбул, 1327.

Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар. Статья первая // Вестник Европы. 1867. С. 189.

Nev'îzâde Atâullah (Atâî). Hadâiku'l-hakāik fî tekmileti'ş-Şekāik, II, İstanbul, 1851. С. 80-81 (араб. шрифт).

Evliyâlar Ansiklopedisi. İstanbul, 1993. С. 1425.

İpekten Haluk. Atâî, Nev'îzâde // İslâm Ansiklopedisi. Cilt 4. İstanbul, 1991. С. 40–42.

Özel Ahmet. Mahmud b. Suleyman Kefevi // İslâm Ansiklopedisi. Cilt 25. İstanbul, 2002. С. 185–186.

Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimee de 1532 a 1551) / Neşr. Ö. Gökbilgin. Ankara: Baylan Matbaası, 1973. С. 83–86, 102.

Академия наук СССР и нереализованный проект создания Исторического музея в Ленинграде в 1940 г. (по материалам Архива РАН)

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

Аннотация. *Одним из неизвестных элементов в истории советской науки и культуры конца 1930-х гг. является попытка создания в Ленинграде Исторического музея. Как показывают документы из Архива РАН, предметы из Историко-бытового отдела Государственного Русского музея и Музея истории науки и техники, который официально так и не был создан, и должны были составить основу его фондов. Основной массив документов из Архива РАН, скомпонованный в отдельное дело по вопросу создания Исторического музея в Ленинграде, утерян. Однако переписка, сохранившаяся в других архивных делах, показывает, что инициатива создания Исторического музея в Ленинграде, выдвинутая Ленинградским отделением Института истории АН СССР в лице М.В. Левченко в середине 1940 г., вероятно, под влиянием Е.А. Мильштейна, была поддержана президиумом и отделением истории и философии АН СССР. Фактическому созданию Исторического музея в Ленинграде, вероятно, помешала Великая Отечественная война.*

Ключевые слова: *музей, история культуры, история СССР, Академия наук СССР, Архив РАН.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.019

Уже с момента своего основания Российская академия наук была самым тесным образом связана с развитием отечественного музейного дела и музееведческой мысли. Первый публичный музей в России – Кунсткамера – не просто входил в систему академических учреждений, но во многом являлся той осью, на которой выстраивалась в XVIII в. сама структура научной работы как таковой [*Станюкович*, 1953]. Выделившиеся в начале XIX в. из этого универсального музея специализированные собрания не только выполняли функции научно-исследовательских учреждений [*Басаргина*, 2008], но к началу XX в. некоторые из них имели и большое просветительское значение [*Slepkova*, *Yusupova*, 2018].

Традиционно в наибольшей степени с музейным делом были связаны те академические институции, которые развивали профильные для музеев дисциплины, т. е. дисциплины, использующие предметы музейных фондов в качестве источников для собственных когнитивных целей. Такие же науки как, например, история (несмотря на влияние произошедшего ещё во второй половине XIX в. материального поворота [*Miller*, 2017: 41-54]) в большей степени были связаны с другими институтами памяти, являвшимися хранилищами не вещественных, а письменных источников: библиотеками и архивами. Вместе с тем и эти академические институты в XX в. оказывались связанными с музейным делом, что имплицитно демонстрирует не только превращение в этот период в России музеев в культурную норму, но, среди прочего, и явную заинтересованность этих институтов в расширении своей источниковой базы за счёт привлечения музейных предметов в качестве объектов научного познания.

В материалах Отделения истории и философии АН СССР, хранящихся в Архиве РАН, отложились документы, прежде, как представляется, не привлекавшие внимания исследователей, в которых нашёл отражение один из сюжетов такого рода. Он связан с попытками, казалось бы, «непрофильного» для музейного дела Института истории АН СССР (точнее – его Ленинградского отделения) создать в 1940 г. в Ленинграде Исторический музей, используя для этого коллекции Исторического отдела Государственного музея этнографии и (так, фактически, и оставшегося на уровне проекта) Музея истории науки и техники при одноимённом академическом институте[1]. История этих собраний, в свою очередь, не может считаться изученной полностью, о проектах их объединения и роли Института истории в таковых сведений в историографии также нет. В этой связи целесообразным кажется сначала коротко охарактеризовать то, что именно представлял собой материал, планировавшийся к объединению в Исторический музей.

В 1934 г. в Ленинграде был ликвидирован Историко-бытовой отдел Государственного Русского музея. Формальным поводом к его упразднению послужило изменение структуры и профиля музея, ставшего чисто художественным [*Закс*, 1962: 282]. Содержательная же причина заключалась в радикальных переменах официальной риторики, принятой на Первом всероссийском музейном съезде 1930 г. и провозгласившей музеи «политпросвет комбинатами». Закрытие Историко-бытового отдела стало одним из последних звеньев в почти десятилетней череде закрытий историко-бытовых музеев страны, во множестве возникших сразу же после революционных пертурбаций 1917–1918 гг.

Вопрос о дальнейшей судьбе коллекций отдела сначала был решён довольно просто, их присоединили к фондам Музея Революции, но уже в 1935 г. была признана ошибочность этого решения, и возникли проекты превращения многочисленных коллекций историко-бытового характера в базу для самостоятельного исторического музея [*Закс*, 1962: 282]. Эти проекты не были реализованы, и на основе фондов бывшего Историко-бытового отдела в 1937 г. был создан Исторический отдел в структуре Государственного музея этнографии, также выделившегося в 1934 г. из Русского музея. С одной стороны, этот отдел уже содержательно не имел органической связи с основной экспозицией этнографического музея ни в её традиционном, ни в её советском варианте (он должен был освещать историю России XVIII – 70-х гг. XIX в. и начал работу с выставки «Реформы Петра I» [*Закс*, 1962: 283], в то время как для первого подхода характерно было обращение к традиционной культуре народов, а для второго основным провозглашалось раскрытие национальной политики царизма и отличия от неё таковой в советском государстве [*Шангина*, 1991: 145; о принципах экспозиционного строительства в этот период в музее см.: *Аброськина*, 2017]).

[1] К сожалению, специальное архивное дело, посвящённое рассматриваемому сюжету (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1940). Д. 5), в настоящее время значится как находящееся «в розыске». Это неизбежно придаёт данному сообщению характер предварительного.

С другой стороны, уже сами его фонды (их учёт, научная обработка и даже хранение на ограниченных площадях музея) ложились тяжёлым бременем на ослабленный после репрессий начала 1930-х гг. этнографический музей [*Закс*, 1962: 283]. Как отмечается в литературе, несмотря на популярность петровской выставки у публики, «ценнейшие материалы были размещены в 14 случайных помещениях и сохранность их не была обеспечена» [*Закс*, 1962: 283], а сама выстроенная на их основе экспозиция «при всех своих несомненных высоких качествах, являлась показом гражданской истории и никак не смыкалась с этнографическими коллекциями по народам» [*Крюкова*, *Студенецкая*, 1971: 45]. Необходимость принятия решительных мер была очевидна, особенно с учётом того, что в 1939–1940 гг. начал активно обсуждаться и вопрос о профиле самого этнографического музея [*Крюкова*, *Студенецкая*, 1971: 53-56].

В конце 1937 г. на должность директора Этнографического музея был назначен Е.А. Мильштейн, далёкий от музейного дела выпускник Института красной профессуры, некогда учившийся там под руководством самого М.Н. Покровского, не только занимавший до этого ряд ответственных административных постов (напр., первого секретаря Горкома ВКП (б) г. Махачкалы), но и занимавшийся историей профсоюзного движения в России начала XX в. В 1938 г. он неоднократно предпринимал попытки получить для Исторического отдела помещение какого-либо из закрывавшихся культовых сооружений исторического центра Ленинграда (Троицкой церкви, Спаса-на-Крови и т. д.), но безуспешно [*Долгова*, 2020: 297].

Наконец, в 1939 г. по решению Ленсовета здание одного из закрытых храмов всё же было передано Этнографическому музею с условием разместить в нём в самые сжатые сроки коллекции Исторического отдела. Однако финансирование на перевозку предметов и приспособление здания под хранилище музею получить у Наркомпроса не удалось. Обладание ценными коллекциями обернулось для музея выплатой штрафов и неустоек и решение проблемы не приблизило [*Долгова*, 2020: 296-297]. В итоге в конце апреля 1941 г. Исторический отдел был передан Государственному Эрмитажу и стал основой его Отдела истории русской культуры, существующего и поныне [*Закс*, 1962: 283-284].

Вторым источником формирования собрания Исторического музея должны были стать коллекции Музея истории науки и техники, судьба которого была не менее сложной и трагичной, чем судьба Историко-бытового отдела Русского музея. Инициатором его создания выступил в 1927 г. академик В.И. Вернадский, возглавлявший академическую Комиссию по истории знаний. При сменившем его на этой должности Н.И. Бухарине начались активные работы по формированию соответствующих фондов и, как отмечает Т.И. Юсупова, музей де-факто существовал в Ленинграде как структурное подразделение Института истории науки и техники АН СССР с 1932 по 1936 г. Формально его существование никак не регламентировалось, а концепция развития отсутствовала. После перевода самого института в 1936 г. в Москву и его полной ликвидации, сопровождавшейся масштабными репрессиями сотрудников, в 1938 г. остававшиеся в Ленинграде музейные фонды оказались фактически бесхозными [*Юсупова*, 2019: 571-574]. Одна

часть, полученная прежде для экспонирования из других музеев города (Морского, Артиллерийского, Эрмитажа), была возвращена прежним владельцам. Другая часть, вероятно, собранная для музея на местах, начала передаваться для включения в экспозиции действующих музеев (в том числе 481 предмет в 1939 г. был передан Государственному музею этнографии [*Крюкова*, 1986: 267]).

В 1939 г. оставшиеся фонды (в количестве 2 224 предметов и 360 единиц иллюстративных материалов) передали Ленинградскому отделению Института истории АН СССР, созданному в 1936 г. Само отделение располагалось в нескольких помещениях Библиотеки АН СССР, коллекции же хранились в здании неподалёку. В начале Великой Отечественной войны они были переданы в Государственный Эрмитаж и затем перераспределены среди ряда музеев [*Крюкова*, 1986: 267; *Юсупова*, 2019: 574]. Среди составлявших собрание предметов в это время были станки из токарни Петра I, связанные с его именем слесарные и столярные инструменты, солнечные часы, астрономические, геодезические и медицинские инструменты и др. [*Крюкова*, 1986: 267].

Такова была судьба двух музейных собраний Ленинграда, к концу 1930-х гг. оказавшихся в маргинальном положении и выключенных из процесса коммуникации. Как свидетельствуют публикуемые ниже документы, попытку объединить их и активировать их музейный потенциал предприняло Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Можно предположить, что определённым стимулом для постановки вопроса стали перемены в руководстве отделения. 10 сентября 1940 г. исполняющим обязанности заведующего отделением был назначен Митрофан Васильевич Левченко [*Цамутали*, *Чистиков*, 2016: 358] – византинист, до революции учившийся в Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородко, затем участвовавший в создании системы народного образования в Курской губернии и лишь в 1930 г. перебравшийся в Ленинград и начавший активную научную работу. С 1934 г. он был сотрудником Государственной академии истории материальной культуры, по представлению которой в 1938 г. получил степень кандидата исторических наук (без защиты диссертации) и звание профессора. В 1939 г. Левченко вошёл в штат Ленинградского отделения Института истории АН СССР [*Румынская*]. Судя по известным нам материалам, никаких профессиональных связей с музейной сферой у Левченко не было, в музеях он никогда не работал, в своих исследованиях использовал письменные источники, и его инициатива может быть отнесена к энтузиазму новоназначенного заведующего, принимающего «трудное хозяйство» отделения.

В октябре 1940 г. он пишет записку, адресованную президиуму АН СССР, в которой ставит вопрос о создании в Ленинграде Исторического музея на базе указанных выше собраний. Записка не датирована, но т. к. секретариатом АН СССР она была переправлена в отделение истории и философии 26 октября, можно предположить, что составлялась она в первой половине – середине того же месяца, т. е. примерно через месяц после назначения Левченко. В записке отмечается научное значение коллекций Исторического отдела Государственного музея этнографии, их значительный объём (око-

ло 250 000 единиц), универсальный характер (картины, портреты, рисунки, гравюры, литографии, оружие, монеты и медали, мебель, костюмы, изделия из серебра, олова, фарфора, хрусталя, слоновой кости, старинные книг и др.) и востребованность представленной ими тематики у публики. Присоединённые к ним материалы Музея истории науки и техники, по словам автора записки, «усилят и дополнят экспозиционный показ Исторического отдела по разделу истории техники и промышленности нашей страны». С учётом всего этого Левченко просил президиум АН СССР обратиться к президиуму Ленсовета с запросом о выделении для новосоздаваемого музея специального помещения.

Явно, что записка была направлена автором после согласования с головным институтом в Москве, директор которого академик Б.Д. Греков сам в недавнем прошлом возглавлял ленинградский институт. Тем же 26 октября 1940 г. датируется письмо Грекова и учёного секретаря Института истории АН СССР В.И. Шункова академику-секретарю отделения истории и философии академику А.М. Деборину с просьбой организовать обсуждение данного вопроса и в случае его положительного решения войти с соответствующим представлением в президиум АН СССР. Заведующий секретариатом АН СССР А.А. Дорофеев также просил Деборина рассмотреть вопрос и проинформировать об итоговом суждении Ленинградское отделение Института истории и секретариат АН СССР.

Уже через неделю, 4 ноября 1940 г., на имя вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта было направлено подписанное Дебориным обращение, в котором отделение истории и философии, присоединившись к мнению руководства Института истории АН СССР, отмечало, что «считало бы правильным возбудить от имени президиума вопрос о создании в Ленинграде Исторического музея. Одновременно следовало бы обратиться от имени президиума в Ленинградский совет с просьбой о предоставлении подходящего помещения для этого музея, который мог бы быть создан на базе коллекций бывшего Музея истории науки и техники и собрания ленинградского Государственного музея этнографии Наркомпроса». 17 декабря 1940 г. президиум АН СССР заслушал доклад А.М. Деборина на эту тему и постановил: «Просить Музейную комиссию совместно с отделением истории и философии обсудить вопрос о создании исторического музея в г. Ленинграде и свои предложения в месячный срок представить на рассмотрение президиума АН СССР».

Дальнейшая судьба обсуждения нам не известна, но Исторический музей в Ленинграде так и не был создан, возможно этому помешала начавшаяся Великая Отечественна война. При этом судьбы двух музейных собраний всё же пересеклись в 1941 г., когда они оба, как уже отмечалось выше, оказались в Государственном Эрмитаже. При этом, однако, сам план организации нового музея забыт не был. Попытки его осуществления в дальнейшем, кажется, могут пролить дополнительный свет и на события 1940 г.

В декабре 1944 г. вернувшийся с фронта и вновь возглавивший Этнографический музей Е.А. Мильштейн опять обратится к проекту организации Исторического музея на базе коллекций, которые к тому времени уже будут

находиться в ведении Государственного Эрмитажа[2]. Судя по всему, этот замысел был ему на самом деле небезразличен. Рискнём предположить, что и в 1940 г. именно он мог быть «вдохновителем» далёкого от музейного дела М.В. Левченко, решив использовать для поддержки проекта авторитет АН СССР. В своей записке Левченко упоминал о личном посещении Исторического отдела и знакомстве с его экспозицией и коллекциями, оперировал цифрами численности фондов, давал их общую характеристику. Едва ли это могло быть сделано без помощи из самого Государственного музея этнографии. В марте 1940 г. Е.А. Мильштейн защитил в ленинградском Коммунистическом политико-просветительном институте им. Н.К. Крупской кандидатскую диссертацию по истории профсоюзного движения в России начала XX в. [*Долгова*, 2020: 297]. Возможно, эта защита способствовала установлению его контактов с ведущим историческим институтом города. С другой стороны, сам Левченко в конце 1930-х гг. преподавал в Военно-политическом училище им. Энгельса [*Румынская*], что также могло привести к установлению контактов. Непосредственным стимулом же к оформлению нового статуса коллекций могли стать поиски профиля Этнографического музея, которые, как отмечалось выше, активно велись в 1938–1940 гг.

№ 1
В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В настоящее время историческая общественность Ленинграда чрезвычайно заинтересована скорейшим разрешением вопроса о создании в нашем городе Исторического музея на базе коллекций Исторического отдела Государственного музея этнографии.

Вопрос этот, поставленный уже несколько лет тому назад, принципиально решён в положительном смысле Наркомпросом РСФСР. Однако создание в Ленинграде Исторического музея наталкивается на трудности в том отношении, что для этого требуется, чтобы Ленинградский совет отвёл под размещение экспозиций и коллекций упомянутого музея соответствующее помещение.

Лично посетив Государственный музей этнографии и ознакомившись с экспозицией и коллекциями Исторического отдела, я убедился в крайней желательности создания Исторического музея в Ленинграде и в способности Исторического отдела Музея этнографии послужить основой для создания Исторического музея.

Экспозиция Исторического отдела Государственного музея этнографии, ныне функционирующая и привлекающая большое количество посетителей, носит название «История СССР XVIII в.». На выставке сосредоточено большое количество весьма ценных и интересных экспонатов XVII и XVIII веков, многие из которых носят уникальный характер, наглядно

[2] Записка хранится в архиве Российского этнографического музея. Сообщено хранителем архива А.Н. Копаневой, которой мы выражаем искреннюю признательность.

и полно рисующих социальные отношения и классовую борьбу, экономику, внешнюю и внутреннюю политику, идеологию и быт эпохи.

Однако выставленные на указанной экспозиции материалы составляют только небольшую часть музейных коллекций Исторического отдела Музея этнографии, относящихся к истории не только XVII и XVIII веков, но и других эпох. Количество этих музейных коллекций составляет около 250 тысяч единиц. Они состоят из картин и портретов, рисунков, гравюр и литографий, оружия, монет и медалей, мебели, костюмов, изделий из серебра, олова, фарфора, хрусталя, слоновой кости и т. д.; из старинных книг и многого другого.

Сверх того я нахожу целесообразным передачу Историческому отделу Государственного музея этнографии экспонатов и материалов ликвидированного Музея истории техники Академии наук, которые усилят и дополнят экспозиционный показ Исторического отдела по разделу истории техники и промышленности нашей страны. Передача этих материалов ещё более обогатит музейные коллекции Исторического отдела Музея этнографии и сыграет значительную роль при организации Исторического музея.

На основании изложенного прошу президиум Академии наук СССР, рассмотрев этот вопрос, вынести постановление о желательности скорейшего создания на базе Исторического отдела Государственного музея этнографии Исторического музея в Ленинграде и обратиться в президиум Ленинградского совета с просьбой о предоставлении помещения для развёртывания этого музея.

Директор[3] Ленинградского отделения
Института истории
Академии наук СССР (М.В. Левченко)

АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 249-249а. Машинопись.

№ 2

На бланке Академии наук СССР

26 октября 1940 г. № 62–125

Академику-секретарю
отделения истории и философии АН СССР
А.М. Деборину

Секретариат Академии наук СССР направляет на Ваше рассмотрение письмо и. о. заведующего Ленинградского отделения Института истории АН СССР М.В. Левченко по вопросу создания в Ленинграде Исторического музея на базе коллекций Исторического отдела Государственного музея этнографии.

[3] Исправлено от руки чернилами: И. о. заведующего.

О последующем просьба уведомить Ленинградское отделение Института истории АН СССР и в копии секретариат АН СССР.

Приложение: Упомянутое на 3 стр.

Зав. Секретариатом
Академии наук СССР (подпись) (А.А. Дорофеев)

АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 250. Машинопись.

№ 3

На бланке Института истории АН СССР

26 октября 1940 г.

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ № 7/26

АКАДЕМИКУ-СЕКРЕТАРЮ А.М. ДЕБОРИНУ

Ленинградское отделение Института истории в течение ряда лет является хранителем весьма ценных коллекций бывшего Музея истории науки и техники. Отсутствие помещения не даёт возможности Институту выставить эти коллекции для обозрения и таким образом использовать их в целях изучения и научной пропаганды. Поэтому Институт считал бы правильным обратиться от имени Президиума в Ленинградский совет с просьбой о предоставлении помещения для организации в Ленинграде Исторического музея, который мог бы быть создан на базе хранящихся в ЛОИИ коллекций и собрания ленинградского Музея этнографии Наркомпроса[4]. Институт просит Вас, если вы признаете это целесообразным, войти с соответствующим представлением в Президиум Академии наук СССР.

Директор Института
истории АН СССР (подпись) (Греков)
академик

Учёный секретарь (подпись) (Шунков)

АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 251. Машинопись.

[4] Сноска чернилами под астериксом к этому месту: Или Кабинета Петра I при Музее этнографии Академии наук.

№ 4

282/8
4/XI. 40

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР
академику О.Ю. Шмидту

Ленинградские историки давно уже поставили вопрос о создании в Ленинграде исторического музея на базе коллекций Исторического отдела Государственного музея этнографии. Этот вопрос в своё время был решён в положительном смысле Наркомпросом РСФСР. Отделение истории и философии, которое было запрошено по этому поводу, также дало положительное заключение. Ныне Институт истории АН снова ставит перед президиумом этот вопрос. В Историческом отделе Государственного музея этнографии сосредоточено большое количество весьма ценных и интересных экспонатов XVII–XVIII вв., многие из которых носят уникальный характер. Однако выставленные на экспозиции Исторического отдела Государственного музея этнографии материалы составляют только небольшую часть музейных коллекций этого отдела, общее же количество музейных коллекций этого отдела составляет около 250 тысяч единиц. Они состоят из картин, портретов, рисунков, гравюр и литографий, оружий, монет и медалей, изделий из серебра, олова, фарфора, хрусталя, слоновой кости, из старинных книг и многого другого.

С другой стороны, Ленинградское отделение Института истории является в течение ряда лет хранителем весьма ценных коллекций бывшего Музея истории науки и техники. Отсутствие помещения не даёт возможности институту выставить эти коллекции для обозрения и использовать их, таким образом, в целях изучения и научной пропаганды.

Ввиду этого отделение считало бы правильным возбудить от имени президиума вопрос о создании в Ленинграде Исторического музея. Одновременно следовало бы обратиться от имени президиума в Ленинградский совет с просьбой о предоставлении подходящего помещения для этого музея, который мог бы быть создан на базе коллекций бывшего Музея истории науки и техники и собрания ленинградского Государственного музея этнографии Наркомпроса.

Академик-секретарь
Отделения истории и
философии АН СССР (А.М. Деборин)

АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 252–252 об. Машинопись.

№ 5

Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
Выписка из протокола заседания президиума от 17 декабря 1940 г. § 17
23 декабря 1940 г.
17. О создании исторического музея в Ленинграде.
Докладчик академик А.М. Деборин.
Просить Музейную комиссию совместно с отделением истории и философии обсудить вопрос о создании исторического музея в г. Ленинграде и свои предложения в месячный срок представить на рассмотрение президиума АН СССР.
П. п. Президент Академии наук СССР, академик В.Л. Комаров.
Вице-президент Академии наук СССР, академик Е.А. Чудаков.
Верно: М. Томсен.

АРАН. Ф. 457. Оп. 1а (1940). Д. 3. Л. 35. Машинопись.

Список литературы

Аброськина Е.В. Экспозиция Этнографического музея: От Крыжановского до Бежковича // Музей. Памятник. Наследие. 2017. № 1. С. 165–175.

Басаргина Е.Ю. Императорская академия наук на рубеже XIX–XX веков (Очерки истории). М., 2008.

Большакова К.Г. Из истории создания Музея истории науки и техники при ИИНТ АН СССР (1932–1941 гг.) // Памятники науки и техники. 1984. М., 1986. С. 262–268.

Долгова Е.А. Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. М., 2020.

Закс А.Б. Историко-бытовой отдел Русского музея (1918–1941) // Труды Научно-исследовательского института музееведения. М., 1962. Вып. VII. С. 240–285.

Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. VII. С. 9–120.

Румынская М.Н. Левченко Митрофан Васильевич. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/levzenko_m_v/ (дата последнего обращения 10.03.2022).

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953.

Цамутали А.Н., Чистиков А.Н. Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР в 1936–1984 годах // Санкт-Петербургский институт истории РАН в документах XIX–XX веков. СПб., 2016. С. 288–376.

Шангина И.И. Этнографические музеи Ленинграда на рубеже 20-х – 30-х гг. XX в. // Музеи и власть. М., 1991. Ч. II: Из жизни музеев. С. 141–149.

Юсупова Т.И. О проектах музея истории науки и техники в 1930-е гг. и «системе величайшего музейного организма мира» // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40. № 3. С. 569–582.

Miller P.N. History and Its Objects: Antiquarianism and Material Culture since 1500. Ithaca; London, 2017.

Slepkova N.V., Yusupova T.I. The Zoological Museum of the St. Petersburg Academy of Sciences, 1860s-1910: From an academic institute to a public museum // Centaurus. 2018. Vol. 60. P. 294–314.

Академик П.А. Лавров (1856–1929) о празднике перенесения праха Петра II Петровича Негоша из Цетинье на Ловчен в 1925 г.[1]

Л.Д. Бондарь

Аннотация. *Настоящая работа представляет собой полнотекстовую публикацию не вводившегося ранее в научный оборот документа из фонда академика-слависта Петра Алексеевича Лаврова (1856–1929); впервые осуществлена атрибуция этого документа. Публикуемая архивная единица представляет собой текст доклада П.А. Лаврова, сделанного им в конце 1925 г. на одном из заседаний Славянской научной комиссии ОРЯС и представлявшего собой обзор черногорских материалов, освещавших одно из знаковых событий черногорской политической истории – перенесение праха правителя и митрополита Петра II Петровича Негоша на место его первоначального захоронения – на гору Ловчен, откуда останки в 1916 г. были вывезены по приказу австрийских властей.*

Ключевые слова: *академик Пётр Алексеевич Лавров, Черногория, Пётр II Петрович Негош, Славянская научная комиссия ОРЯС.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.020

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) хранится личный фонд слависта академика Петра Алексеевича Лаврова (1856–1929). Среди архивных рукописей учёного имеется дело, озаглавленное «Празднества Негошевы в Цетинье» [СПбФ АРАН, Ф. 284. Оп. 1. Д. 15]. Это небольшая рукопись на 14 страницах *in quarto*, на русском языке, автограф П.А. Лаврова.

При обработке фонда документ не был атрибутирован, и обстоятельства его появления не были очевидны. Биография и круг научных интересов П.А. Лаврова хорошо известны, однако будет уместным процитировать небольшой текст, опубликованный академиком Владимиром Леонтьевичем Комаровым (1869–1945)[2] в отчёте о работе Академии наук СССР за 1929 год – год, когда академик П.А. Лавров ушёл из жизни: «П.А. Лавров, родившийся в 1856 г., был избран в действительные члены Академии в 1923 г. В его лице сошёл в могилу последний представитель широкого, энциклопедического славяноведения. Покойный П[ётр] А[лексеевич] отличался редкой эрудицией во всех областях славистики, будучи общепризнанным представителем её далеко за пределами нашего [Советского] Союза. Работы покойного П[етра] А[лексеевича] захватывают широкий круг вопросов, начиная с моментов зарождения славянской письменности

[1] Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 21-59-14001 АНФ_а.

[2] В конце 1929 г. В.Л. Комаров исполнял обязанности непременного секретаря Академии наук СССР после смещения с этого поста академика Сергея Фёдоровича Ольденбурга (1863–1934), бессменно занимавшего эту должность с 1904 г.; уже в 1930 г. В.Л. Комаров занял пост вице-президента академии, в 1936 г. – президента (на посту президента он пребывал до своей смерти в 1945 г.).

в IX в. и первых её деятелей; они касаются судеб болгарского языка в средние века, его словарного состава, его морфологии и фонетики и освещают судьбы палеографии у южных славян, творчество сербских поэтов эпохи освобождения и пр. Литература славянских народов, их история, языки, культура – таков был широкий круг интересов покойного П[етра] А[лексеевича]. Работая в Академии, как заместитель председателя Славянской комиссии, П[ётр] А[лексеевич] вложил много труда в разрешение, в многочисленных заседаниях, ряда важнейших вопросов письменности, истории и культуры славян» [Отчёт о деятельности Академии наук СССР за 1929 год, 1930: III].

Автор этого небольшого некролога говорит о П.А. Лаврове как о слависте-энциклопедисте, однако именно южнославянская филология занимала в научном творчестве академика особое место, кроме того, известно, что научное становление П.А. Лаврова началось с Черногории: его магистерская диссертация, опубликованная в 1887 г., была посвящена литературному творчеству черногорского правителя и митрополита Петра II Петровича Негоша (*Петар II Петровић Његош*, урождённый *Радоје* (*Раде*) *Томов Петровић*; 1813-1851) [*Лавров*, 1887]. Очевидно, это в первую очередь и имел в виду автор некролога, отмечая в числе научных интересов ушедшего из жизни академика «творчество сербских поэтов эпохи освобождения».

Интерес П.А. Лаврова к вопросу южнославянской истории и культуры не был исключительно научным, хорошо известно, что академик был горячим сторонником национально-освободительной идеи балканских славян. По понятным причинам, его политические взгляды наиболее явственно выражались в нестабильные годы – в период Балканских войн 1912–1913 г. и Первой мировой войны. В это время П.А. Лавров написал ряд работ, посвящённых балканским проблемам, и принимал активное участие в собраниях, проводившихся на квартире и под руководством другого выдающегося академика-слависта, председателя Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) Императорской академии наук Алексея Александровича Шахматова (1864–1920), на которых обсуждались вопросы славянского будущего и зачастую присутствовали сербские, а также чешские коллеги [*Кирикова*, 2018: 577]. 26 февраля 1917 г. П.А. Лавров был избран в совет Общества славянской взаимности [СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 2. Д. 20. Л. 4], функционировавшего в Петербурге – Петрограде в 1908–1917 гг.

С Балканским полуостровом и его жителями учёный был знаком самым непосредственным образом. На протяжении 1885–1906 гг. П.А. Лавров совершил ряд научных поездок по этой территории [Кирикова, 2018: 577], первая из которых, в 1885 г., состоялось в Черногорию. Насколько можно судить, с черногорцами академик поддерживал контакты и в последующие годы. Хотя среди корреспондентов П.А. Лаврова, письма которых хранятся в СПбФ АРАН, черногорцы фактически отсутствуют, однако сохранилось одно письмо [СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 3. Д. 52] – небольшое, но являющееся доказательством сохранения контактов академика с черногорской средой. Письмо датировано 25 октября 1901 г., оно составлено на грамотном русском языке и заслуживает того, чтобы быть приведённым полностью:

«Ваше превосходительство милостивый государь Пётр Алексеевич!

5 месяцев тому назад, приехав в Россию, я стал хлопотать о поступлении своём в Духовную семинарию, но хлопоты мои не увенчались успехом, так посланные на родину бумаги мои прибыли обратно уже по окончании приёма воспитанников в учебные заведения, почему мне и предложено ожидать приёма до будущего учебного года.

Ожидать в Петербурге ещё год я не имею возможности; пособия, выданного мне на проезд от Синода, в размере 20[-ти] рублей, и от В.И. Ламанского[3] мне едва хватило на уплату долгов за стол и квартиру, а потому, вспоминая с глубочайшим чувством благодарности то братское участие, которое Вы оказали нашим, я и осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою о пособии на дорогу, вполне надеясь, что при помощи Вашей и подобных Вам добрых людей я могу добраться до далёкой родины.

Покорный Вам слуга, Николай Вучкович. Черногорец».

Этот же Николай Вучкович был автором двух небольших текстов, составленных на черногорском языке – «Црногорски обичај о свадби» («Черногорский свадебный обычай») и «Сарапи» («Сарапы») – и также хранящихся в фонде П.А. Лаврова [СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 1. Д. 49; опубл.: Бондарь, 2020][4]. Была ли оказана П.А. Лавровым финансовая помощь обратившемуся к нему молодому человеку, сказать сейчас невозможно, но можно предполагать, что отзывчивый профессор[5], не оставил без внимания черногорского гостя и сохранил как его письмо, так и написанные им тексты. Обращают на себя внимание слова черногорского адресанта о «братском участии», оказанном «нашим». Трудно сказать однозначно, что имел в виду молодой человек[6], но эти слова точно свидетельствуют не только об особых общественно-политических интересах П.А. Лаврова, но и о контактах, связывавших учёного с черногорскими коллегами.

Вскоре подобные взаимоотношения (и человеческие, и академические) «через границу» оказались уязвлёнными. Первая мировая война, разрушив

---

[3] Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) – известный исследователь южнославянских народов и сторонник идеи панславизма, в 1870–1897 г. состоял преподавателем Санкт-Петербургской Духовной академии.

[4] Отдельно был опубликован перевод этих текстов на русский язык [*Бондарь*, *Лютовска*, 2020]. Среди документов СПбФ АРАН не удалось обнаружить сведений об авторе письма и двух упомянутых черногорских текстов, однако с большой долей вероятности Николай Вучкович атрибутируется как один из высоко образованных представителей черногорской интеллигенции конца XIX – начала XX в., журналист Никола (Мргуд) Вучкович, сын священника Джуро Вучковича, ушедший из жизни на 37-м году жизни [*Бондарь*, 2020: 589].

[5] Именно такие человеческие качества отмечал в нём академик Борис Михайлович Ляпунов (1862–1943) – автор посмертного биографического очерка о П.А. Лаврове [*Ляпунов*, 1930].

[6] Речь могла идти как о гражданах Черногории в целом, так и о черногорских родах, включённых (как и род Вучковичей) в так называемое «Братство Сарапа» – существующее по сегодняшний день родовое объединение семей, признающих себя потомками Божины Сарапа (серб. *Божина Сарап*) – одного из представителей знати правителя Зеты в 1465–1490 г. Ивана Черноевича (серб. *Иван* (*Иван-бег, Иванбег*) *Црнојевић*) [*Vučković-Sarap*, 1960]. О том, что эта родовая память чтилась корреспондентом П.А. Лаврова Н. Вучковичем, свидетельствует составленный им упомянутый текст «Сарапи».

единство мировой науки[7], «обозначила крах “научного интернационала”» [*Колчинский*, 2015], разорвала связи, восстанавливать которые приходилось с большим трудом. Известная внутриполитическая ситуация в СССР также не способствовала общению советских учёных с европейскими коллегами. Зарубежные командировки требовали сложной процедуры согласования, и их число значительно сократилось [*Колчинский*, 2018: 32-33]. Кроме того, как показывала история, зарубежные поездки, даже научные, на которые было получено официальное разрешение, могли порой стоить учёным карьеры[8].

Академик П.А. Лавров (учитывая к тому же его преклонный возраст) лишился былой возможности совершать путешествия по балканским странам, но не оставил своих интересов – ни профессиональных, ни общественно-политических. Более того, в 1925 г. усилиями академиков П.А. Лаврова и Б.М. Ляпунова при ОРЯС возобновила работу Славянская научная комиссия, имевшая своей целью «научное изучение славянства в историческом, литературном, этнографическом, языковом и других отношениях» [Отчёт о деятельности Академии наук СССР за 1925 год, 1926: 253][9]. Помимо членов академии, к работе в комиссии были привлечены учёные из Ленинградского государственного университета, а также сотрудники других научных учреждений Ленинграда. Председателем комиссии был избран академик Алексей Иванович Соболевский (1856–1929), секретарём – будущий член-корреспондент АН СССР Аркадий Иоакимович Лященко (1871–1931), товарищем председателя – академик Василий Михайлович Истрин (1865–1937), который, однако, после первого заседания отказался от своего поста, и его место занял П.А. Лавров. В 1925 г. комиссия организовала три заседания, на которых П.А. Лавров прочёл три доклада: «О современном положении славянства и славяноведения», «Памяти почивших славистов и славянских учёных»; третий же доклад в отчёте имеет название «Негошевы дни в Цетинье» [Отчёт о деятельности Академии наук СССР за 1925 год, 1926: 24], и был он посвящён хорошо известным в Черногории событиям 20–23 сентября 1925 г. – празднику по случаю возвращения останков Петра II Петровича Негоша из Цетине на вершину горы Ловчен, где находилось перво-

---

[7] О ситуации в академической науке см. очерк Е.Ю. Басаргиной с указанием литературы на эту тему [*Басаргина*, 2018: 896-902].

[8] Показательны в этом отношении факты биографии академика, основателя научного белорусоведения Евфимия Фёдоровича Карского (1860–1931), подвергшегося преследованиям после своей зарубежной командировки по славянским странам в 1926 г. Как отметили авторы первой публикации по этой теме, «...если бы в 1931 году Карский, которому было уже 70 лет, не умер, а прожил бы ещё несколько лет, можно догадываться с большой долей вероятности, какова была бы его дальнейшая судьба» [*Рублевская*, *Скалабан*, 2009]. Особенно актуальны все эти опасения были именно для славистов, многие судьбы которых в 1930-е гг. хорошо известны [*Ашнин*, *Алпатов*, 1994].

[9] Комиссия прекратила свою работу с ликвидацией ОРЯС в 1927 г., дальнейшая академическая славяноведческая деятельность в Ленинграде была связана с работой созданного в 1931 г. на основах новой, марксистской идеологии Института славяноведения, действовавшего до 1934 г. [*Робинсон*, 2005].

начальное место захоронения владыки, в соответствии с его волей[10]. Вряд ли стоит сомневаться в том, что названный в начале статьи и публикуемый ниже документ является текстом этого самого доклада П.А. Лаврова в заседании Славянской научной комиссии ОРЯС.

Текст доклада ясно даёт понять, как остро ощущалась учёными оторванность от европейских славянских стран: «После великой войны мы и дожили до осуществления славянской независимости и объединения южного и западного славянства. Благодаря событиям, наступившим у нас со времени нашего выхода из среды союзников, мы были лишены возможности знать, как произошли эти великие перемены. Весной этого года в первом заседании Славянской комиссии мы кратко рассказали, как возникли Чехословакия и Югославия и восстановлена была Польша. Но всё это пока известно нам лишь в общих существенных чертах без каких-либо подробностей, которые могут выясниться только при знакомстве с газетами, начавшими выходить в 1918 г. В частности, о Черногории, Боснии и Герцеговине мы почти ничего не знали» [СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 1. Д. 15. Л. 2-3].

Между тем печатные издания (в том числе периодические) до советских учёных все же доходили[11], и, несомненно, расширению этого информационного поля способствовали торжества по случаю двухсотлетнего юбилея Академии наук, собравшие в Ленинграде значительное число представителей зарубежных научных учреждений. Об описываемом в докладе событии П.А. Лавров узнал из октябрьского номера 1925 г. издававшегося в сербском городе Нови-Сад журнала «Летопис Матице српске» («Летопись Сербской матицы»)[12]. Это был тематический номер, получивший название «Његошев број» («Негошев номер») и содержащий, в частности, сообщение о празднике в сентябре 1925 г.

В своём докладе П.А. Лавров приложил максимум усилий к тому, чтобы передать дух гордости за свою страну и свой народ, которыми были охвачены жители Черногории в дни этого празднества. Совершенно очевидно, что описываемые события вызвали и личные воспоминания о пребывании учёного в этих местах – о его поездке 1885 г.: «Установился обычай, чтобы путешественники, посещающие Черногорию, ездили на эту вершину (Ловчен – *Л.Б.*), с которой открывается прекрасный вид во все стороны далеко

---

[10] Поскольку сообщение П.А. Лаврова на первом заседании было посвящено вопросу создания новых славянских государств (см. публикуемый ниже документ), то рассматриваемый доклад должен был быть сделан на втором или третьем заседании, которые состоялись 17 ноября и 8 декабря 1925 г. [Отчёт о деятельности Академии наук СССР за 1925 год, 1926: 23].

[11] Ситуация с получением литературы из-за границы отражена, в частности, в документах по истории Яфетического института (Института языка и мышления им. Н.Я. Марра), опубликованных недавно вторым изданием. Записка 1929 г. на тот момент заместителя директора и будущего директора института Ивана Ивановича Мещанинова (1883–1967) прямо сообщает, что в 1928 г. «в Институт не поступало никаких периодических изданий из заграницы» [Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН, 2021: 233], хотя отдельные непериодические издания «в порядке обмена» доходили [Материалы к истории…, 2021: 244]. Уже в 1929 г. возможность получения зарубежных изданий в академии появилась, о чём свидетельствует список 1929 г. сотрудников института, «желающих выписывать научную литературу из-за границы» [Материалы к истории…, 2021: 240-241].

[12] Сербская матица – старейшая сербская культурно-просветительская организация.

за пределы небольшой Черногории. Обыкновенно отправлялись из Цетинья под вечер, отдыхали вечером в местности, которая называется Ивановы Корыта, и рано утром ехали на Ловчен, чтобы на его вершине застать восход солнца. Когда вид бывает особенно красив. И я в 1885 г. вместе с П.А. Ровинским[13] и знакомыми черногорцами совершил такую поездку. С таким восхождением неразрывно соединялись воспоминания о Петре II, который носил в своей душе веру и надежду, что настанет время, когда все сербские и хорватские земли объединятся в одно целое» [СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 1. Д. 15. Л. 2]. Легко себе представить, что полученная из журнала информация о совершившемся в 1916 г. по приказанию австрийских властей святотатстве (извлечении из земли и перезахоронении останков владыки Негоша), равно как и последовавшее в 1925 г. восстановление справедливости[14], не смогла оставить равнодушным учёного и человека – знатока творческой биографии черногорского правителя.

Текст доклада П.А. Лаврова – это, в первую очередь, слова дани гражданину Черногории и её духовному лидеру – владыке Петру II Петровичу Негошу. Важно отметить, что уже буквально через несколько лет подобный доклад, прославляющий православного духовного наставника и обильно цитирующий речи другого сербского просветителя, будущего святого (канонизирован Сербской православной церковью в 2003 г.) – епископа Николая (Велимировича) Охридского и Жичского (*Никола Велимировић*; 1880–1956), вряд ли смог бы прозвучать в стенах академии. Новый устав 1927 г. и ставшие печально знаменитыми академические выборы 1928–1929 г.[15] кардинально изменили состав Всесоюзной академии наук, обеспечив доминирование в ней сторонников официальной государственной доктрины. Но в 1929 г., благодаря счастливому стечению обстоятельств, мог появиться этот прекрасный, вдохновенный текст, созданный академиком-славистом П.А. Лавровым, который публикуется ниже и который эмоционально передаёт атмосферу духовного подъёма в Черногории в 1920-е гг.

Текст П.А. Лаврова публикуется полностью, без купюр; орфография и пунктуация даны в соответствии с нормами современного русского языка. Документ датирован на основании его содержания и изложенного выше исторического контекста. В основу своего доклада П.А. Лавров положил как собственный авторский текст, так и перевод публикаций из указанного сербского журнала[16], в связи с чем значительная часть текста написана как

---

[13] Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) – историк-славист, долгое время живший и работавший в Черногории, автор монументального труда по истории Черногории [*Ровинский*, 1888–1915].

[14] Останки владыки Негоша были вновь захоронены на вершине Ловчена (в соответствии с его собственной волей); в 1960-е – 70-е гг. на месте часовни был воздвигнут мавзолей. Проект восстановления часовни (митрополита Подгорского и Приморского Амфилохия (1938–2020)) пока не реализован; сегодня Ловчен является туристическим объектом Черногории, местом почтения памяти не только Петра II Петровича Негоша, но и других черногорских правителей из династии Негошей.

[15] В последнее время появляются всё новые публикации, вводящие в научный оборот документы, посвящённые биографиям представителей «старой» академической науки в контексте этих событий [*Андреева*, 2016; *Ананьев*, *Бухарин*, 2020; *Ананьев*, *Бухарин*, 2021].

16 Как свидетельствуют упоминания в тексте доклада, за основу взята статья П. Врховца [*Врховац*, 1925].

бы от лица черногорца[17]. Но и эти фрагменты имеют своё значение как отражение позиции российского академика, определившей отбор материала для публичного доклада. Публикуемый текст П.А. Лаврова займёт достойное место в ряду источников по истории межславянских контактов, а также развития общественной мысли Черногории в XX в. [СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 1. Д. 15. Подлинник. Автограф].

Лавров П.А. Празднества Негошевы в Цетинье
[Доклад П.А. Лаврова на заседании Славянской научной комиссии Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР].
[Ноябрь-декабрь 1925 г.]

20–23 сентября этого года происходили в Цетинье празднества по случаю перенесения на Ловчен останков (костей) знаменитого владыки Петра II Петровича Негоша, первенствующего национального сербского поэта. Всякий, кто знает его биографию, может этому удивиться. Хорошо известно, что владыка поэт выразил желание быть похороненным на Ловчене, самой высокой вершине черногорских гор. По рассказам ещё остающихся в живых современников владыки, владыка в 1843 г. сам построил на Ловчене небольшую часовню. После его кончины его останки не были сейчас же перенесены на Ловчен, это было сделано только позднее, 14 окт[ября] 1854 г.

Установился обычай, чтобы путешественники, посещающие Черногорию, ездили на эту вершину, с которой открывается прекрасный вид во все стороны далеко за пределы небольшой Черногории. Обыкновенно отправлялись из Цетинья под вечер, отдыхали вечером в местности, которая называется Ивановы Корыта, и рано утром ехали на Ловчен, чтобы на его вершине застать восход солнца. Когда вид бывает особенно красив. И я в 1885 г. вместе с П.А. Ровинским и знакомыми черногорцами совершил такую поездку. С таким восхождением неразрывно соединялись воспоминания о Петре II, который носил в своей душе веру и надежду, что настанет время, когда все сербские и хорватские земли объединятся в одно целое. После великой войны мы и дожили до осуществления славянской независимости и объединения южного и западного славянства. Благодаря событиям, наступившим у нас со времени нашего выхода из среды союзников, мы были лишены возможности знать, как произошли эти великие перемены. Весной этого года в первом заседании Славянской комиссии мы кратко рассказали, как возникли Чехословакия и Югославия и восстановлена была Польша. Но всё это пока известно нам лишь в общих существенных чертах без каких-либо подробностей, которые могут выясниться только при знакомстве с газетами, начавшими выходить в 1918 г. В частности, о Черногории, Боснии и Герцеговине мы почти ничего не знали.

[17] Иногда эти фрагменты заключены в кавычки, иногда кавычки отсутствуют; в данном случае пунктуация автора сохранена.

Тем интереснее было прочесть октябрьский выпуск новосадского журнала «Летопис Матице српске», весь посвящённый Негошу и названный редакцией «Његошев број». Из него мы узнаем, что во время оккупации Чёрной горы австрийскими войсками 12 августа 1916 г. нового стиля кости великого поэта были вырыты и перенесены в Цетинье, а часовня на Ловчене была разрушена. Это сделано было по распоряжению из Вены; «вероятно, ради того, чтобы всякий след этой народной святыни был уничтожен и неприятелю ничто бы не мешало при мирных переговорах и Ловчен присоединить к цесарской короне». Как всё это было, об этом сообщено с приведением документов в газете «Црна Гора» 14 июня 1921 г., № 43. Этот неслыханный безбожный акт, пишет черногорский митрополит, учинён был тогда, когда неприятель надеялся быть победителем или, по крайней мере, не помышлял о своём военном поражении и государственном крушении. Когда в 1918 г. обстоятельства изменились, в газете, выходившей во время оккупации, было объявлено, что часовня будет обновлена. На это, однако, последовал протест со стороны митрополита Митрофана.

Разумеется, австрийцы и мадьяры не обновили часовни и не могли её обновить после наступивших событий, когда они были изгнаны из Черногории. Но после того пришлось ждать 7 лет, когда при содействии короля исполнилось желание черногорских патриотов и почитателей поэта. Такой исход тем больше понятен, что король Александр, сын Петра, является потомком не только знаменитого народного вождя, в 1804 г. положившего начало независимости Сербии, Карагеоргия, но по матери, дочери князя Николая, потом короля, в то же время и потомок Негошей. В его лице, т[аким] о[бразом], объединены две династии, обе чисто народные. Карагеоргий был селяк[18] – крестьянин, а Негоши, как и все черногорцы, люди народа, в их земле сословий не было.

Перенесение останков владыки Петра произошло 8 сент[ября] по ст[аро-му] ст[илю] в праздник Рождества Богородицы. Легко понять, какие чувства одушевляли участников этих торжеств. Эпиграфом к первой статье «Његошева броја» «Летописа» поставлены стихи:

«Божи драги, свијетла празника!
Како су се душе прађедавске
Над Цетињем данас узвијале!»[19]

В Цетинье прибыли король Югославии Александр и владыка Охридский Николай.

Праздник будет иметь историческое значение. «И триумфальное шествие нашего геройского короля, который как верховный представитель государственного и народного единства на каждом шагу мог сказать «Veni, vidi, vici», и национально-культурная манифестация, в которой пред возвышенностию предмета все наши политические спектры преломились в широкий светлый румянец общего патриотического одушевления, оставит след в нашей политической и культурной жизни».

---

[18] Срб. ‘сељак’.

[19] «Боже милостивый, светлый праздник! Словно души прадедов над Цетиньем сегодня взошли!»

Этот последний, очень выдающийся представитель сербского духовенства, известный как писатель. Им написана работа «Религја Његошева»[20].

Это были дни торжества народной свободы и единства на такой почве, какою от века был Чёрная Гора – с сердцем, широко открытым брату и доброму встречному, готовая на всякую жертву за свободу всех нас, как за свою родную.

Обыкновенно думают, что лишь одна поэзия – всё то, что в семидесятых годах прошлого века написал о черногорцах Люба Ненадович[21], но все им отмеченные черты народного характера Чёрной Горы и по сие время остаются, как вырезанные на камне. И всё это для нас действительно поэзия, поэзия и картина, жизнь и природа, девственно чистая, хотя и сто раз орошённая кровью, чистая и отменная, как и тот народ, который на вечной страже за свою свободу и частную жизнь знал и знает только один страх – страх срама.

В своё время история о всём скажет своё слово, но в эти дни мы думаем, гордая Чёрная Гора своей душой вошла в единое целое, по словам короля, в то, что как новое входит в её жизнь, раз она слышала высшее признание, что её удел в нашей заеднице[22] дивен и что основанием прочным нашего нового широкого дома будет геройство черногорцев – проявившееся и в последних войнах.

До слёз была тронута мученица за сербскую свободу от Косова[23], когда явно и торжественно выражено было признание, что она Колыбель государственной, политической и церковной жизни сербского племени, и, когда она видела, что всё то, что поспешило в её объятия, принесло открытое сердце и удивление, и кланяется не только праху нашего величайшего поэта и патриота, которого она родила и воспитала на своих сухих недрах, а и ей самой – её слезам, мукам, страданиям и жертвам.

Мы кланяемся всем бесчисленным мученикам и благородным жертвам за веру, честь и свободу, из чьей крови выросли цветы нашему поколению, и кланяемся Чёрной Горе, которая их дала и никому не жаловалась, мы кланяемся мукам и страданиям Чёрной Горы, ранам её сынов, слезам её мук, скорбям её вдовиц, крови зарубленных младенцев в течение многих и многих веков; мы кланяемся гуслям и певцам славы и победы, которые поминали мёртвых и храбрых живых, и таким образом не дали угаснуть в Чёрной Горе духовному пламени в течение многих веков, говорил епископ Охридский Николай над гробом владыки Рады, перед Цетинским монастырём, говорил от сердца к сердцу, роняя глубоко в наши души и вызывая в них и слезу благодарности, и слезу прощения, которые обе сливались в одну

---

[20] «Религија Његошева» – одна из многих работ епископа, вышедшая первым изданием в 1911 г.; был предпринят целый ряд переизданий работы, последнее – в 2015 г. [*Николај Велимировић*, 2015]. О втором издании см. ниже.

[21] Сербский писатель Любомир Ненадович (*Љубомир Ненадовић*; 1826–1895) был, среди прочего, автором составленной в виде писем книги с путевыми заметками – «Писма о Црногорцима» (1879), а также аналогичного формата книги, вышедшей десятью годами ранее (1869), «Писма из Италије», большая часть которой посвящена Петру II Негошу.

[22] Сербское слово «заједница» (‘общество, общность’) автором транскрибировано и оставлено без перевода.

[23] Аллегория Черногории.

спасительную, облегчающую душу слезу пред зрелищем нашей исторической трагедии.

Такое же действие произвела и песня «Онамо, онамо», спетая певческим «Друштвом “Његошем”»[24] и подхваченная всеми присутствующими на королевском обеде на Ивановых Корытах.

О владыке Раде говорили единодушно, что он не только поэт нашей заветной мысли, но и величайший доныне учитель (патриотизма и героизма – в этом величайшее его значение. Перед этим отличным собранием представителей государства и народа, пред лицом Чёрной горы, перед свидетелями – высокими горами – утверждены и величием момента освящены принципы, по которым следует жить и действовать, чтобы как народу и государству достигнуть великой цели)[25] своего народа, учитель веры в Бога и бессмертие души, учитель <…>[26]. Это не пути практического материализма, которыми мы заблудали[27] после войны.

Владыка Рада был и есть для нас величайший учитель идеалистического мировоззрения. Поэт, который так возвеличил бессмертную славу, спутницу благородных жертв во имя и честь народа, который бросил анафему на тиранов бессмертной души, проповедников материализма, оставил нам канон гуманности и геройства не только физического, но ещё больше морального; по этому канону должен жить в особенности тот, «кто стоит на горе, хотя и мало, и видит далее того, кто под горой», иначе мы как народ отреклись бы от себя самих и не были бы потомками поэта, чьё слово, внедрённое в душу всех наших миллионов, воспитало поколения, как слово народной песни, как сказал король Александр; не были бы потомками поэта, с которым в поэзии может меряться только народ в целом и который нам и целому свету яснее кого-либо другого открыл тайники духовных и моральных богатств Чёрной горы, как сказал епископ Охридский Николай; мы не были бы потомками поэта, чья мысль с вершин Черногории переходила узкие границы тогдашних черногорских племён и шла к Белграду и Шумадии, Босне, Воеводине, Скад[а]ру, Косову, Далмации, а в [18]48 г. к Хорватии бана Елачича[28]; мысль, которая всецело владела его великим умом и благородным сердцем, в настоящее время есть величественная реальность, как это сказал на вершине Ловчена министр вероисповеданий Трифунович[29]. (Ничего не стоят те пути, которыми мы пошли после войны, и цетинское празднование пришло к нам, как вечный светоч вечного помрачения, чтобы осветить нам пути, с которых мы сошли)[30].

---

[24] Певческий коллектив «Негош».

[25] Текст в скобках в документе отделён с двух сторон двойным слешем – «//».

[26] Очевидно, фраза не окончена.

[27] Срб. ‘заблудети’ – «заблудиться, впасть в заблуждение».

[28] Хорватский государственный деятель, граф Йосип Елачич-Бужимский (*Josip grof Jelačić Bužimski*; 1801–1859); бан (правитель) Хорватии с 1848 г., одна из ключевых фигур подавления Венгерского восстания 1848–1849 г.

[29] Милош Трифунович (*Милош Трифуновић*; 1871–1957) – сербский политик, занимавший ряд важных государственных постов, в том числе в 1924–1926 г. был министром по делам религий.

[30] Поставлено в скобки карандашом.

Как видно, приподнятое праздничное настроение вселило бодрость. Слава Богу, что мы этого дождались, говорил каждый черногорец, ничего больше не требуя. Но Чёрная Гора не будет и не должна бедствовать, сказал король. Она, прежде всего, должна получить лучшие пути сообщения с остальными частями нашего обширного королевства, б[ыть] м[ожет] главным образом ради того, чтобы нам быть доступнее грандиозностью своей природы, истории в живом предании и жизни народной, в которой ещё столько старых наших патриархальных добродетелей, старых, как стара там и сама жизнь, закрытая и огражденная от света. Для социолога и этнолога, для этнографа и историка есть там ещё столько свежего материала, что было бы непростительным грехом пренебречь этой живой стариной, запустить её, ведь в ней доселе, как в живом музее, сохранился наш исконный народный характер[31]; было бы непростительным грехом, нерациональным расселением Чёрной горы допустить, чтобы это юнацкое поколение выродилось на наших низинах и болотах физически и морально.

Условия для жизни в Черногории надо исправить осушением и оздоровлением низин около Скадарского озера и этих дивных речек, которые льются по цветущим лугам и полям[32], окружённым исполинскими горами, немыми свидетелями славных битв.

И, если всё это случится, чего может желать всякий, кто видел эту поэзию природы и жизни, этот серый камень, на котором цветёт в облике проклятия, наилучший цвет альтруизма. «Кто не радуется чужому добру, тому ж добра не дождаться», черногорец уцелеет и будет счастлив на своём огнище; и тогда, когда жизнь там дифференцируется и когда львы станут пахарями, черногорка будет хранить и лелеять эти дивные мужские лики, чтобы, когда понадобится, они были между первыми, где прах горит пред очами героев и где летают головы первых.

Цетинский праздник осветил кости прадедов, чтобы они заиграли в гробу. Чёрная Гора перенеслась своей душой в целое, и все, почувствовавшие эту прекрасную душу, вернулись морально укреплённые с вершины Ловчена, откуда открывается дивный вид на все стороны и достойный удивления взгляд на наши задачи.

Нам остаётся достигнуть того, чтобы золотая лампада над гробом владыки Рада, которую зажёг геройский король свободного и объединённого народа, никогда не угасла.

Вся эта статья Врховца[33], полная патриотического одушевления, проникнутая верой в незыблемость национальных, моральных и гуманных начал, переносит нас в мир, совершенно не похожий на тот, в условиях которого живём мы.

---

[31] Далее – в скобках, которые написаны карандашом: «(чтобы загрязниться этой нашей «культурой»)».

[32] Предлог «по» поставлен авторами публикации вместо предлога «через» для восстановления падежного согласования; первоначально после слова «через» было написано, а затем зачёркнуто: «усеянные цветами».

[33] [*Врховац*, 1925].

Можно думать, что произнесённые на цетинских празднествах речи выражают мысли и чувства не одних только их участников. Мы случайно узнаём только о том, что происходило в Черногории. А, конечно, нет сомнения, это празднование нашло отголосок во всём сербском народе. Что это так, можно судить по тому, что на обложке Летописи находим указание на появившиеся в Белграде издания. Это: 1) «Горски вијенац» владике црногорскога Петра Петровића Његоша[34], осмо издање с коментаром Милана Решетара, проф. Унив[ерзитета] у Загребу[35], ц[ена] 20 дин[ара][36]; 2) «Религија Његоша» д-ра Николаја Велимировића, епископа Охридског[37], друго издање, ц[ена] 25 динара; 3) «Филозофија у "Горском вијенцу" и "Лучи микрокозма"» д-ра Бран[ислава] Петронијевића[38], 3-е допунено издање[39], ц[ена] 15 дин[ара]. Все три книги выпущены книжным магазином Цвијановића[40].

Интересно редакционное примечание, из которого видно, что статьи этого номера были собраны редакцией «Јужне Србије» в Скопле[41]. Но этот журнал перестал выходить, и собранный им материал был охотно принят редакцией «Летописа».

Список литературы

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Необходим археолог или историк искусства»: Д.В. Айналов на выборах в АН СССР в 1928 г. // Вестник МГУ. История. 2020. № 5. С. 48–65.

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Если же о чём я и жалею… то лишь о том, что сам не снял своей кандидатуры раньше». Письма Г.Ф. Церетели к С.А. Жебелёву о выборах в действительные члены АН СССР. 1928–1931 гг. // Отечественные архивы. 2021. № 5. С. 84–94.

Андреева Е.В. Выборы в АН СССР в 1928–1929 гг. и М.К. Любавский // Петербургские исследования. 2016. № 6. С. 184–195.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наследие, 1994.

Басаргина Е.Ю. Международные связи Академии наук в годы Первой мировой войны // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2-х кн. / сост. и отв. ред. И.В. Тункина. 2-е изд., испр. Кн. 2. СПб.: Реноме, 2018. С. 896–940.

---

[34] Знаменитый сборник стихов владыки Негоша, вышедший первым изданием в 1847 г. (написание в первом издании – «Горскій віенацъ»).

[35] Милан Решетар (*Милан витез Решетар*; 1860–1942) – сербский филолог, исследователь творчества Петра II Петровича Негоша.

[36] [*Његош*, 1923]. М. Решетар начиная с 1890 г. предпринял несколько изданий «Горного венка», последнее, девятое, в 1928 г.

[37] [*Николај Велимировић*, 1921].

[38] Бранислав Петрониевич (*Бранислав Петронијевић*; 1875-1954) – сербский философ, член Сербской Королевской академии.

[39] [Петронијевић, 1924].

[40] Речь идёт об известном белградском издателе Светиславе Б. Цвияновиче (*Светислав Б. Цвијановић*; 1877–1961).

[41] Журнал «Јужна Србија» («Южная Сербия») выходил в Скопье в 1922–1925 г., сначала дважды в месяц, затем реже.

Бондарь Л.Д. Один черногорский документ из архивного фонда слависта П.А. Лаврова: об этнографических интересах академика и черногорском роде Вучковичей // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXIV (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2020 г. / отв. редактор Н.Н. Казанский. I-й полутом. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. (Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 24 (1). 2020). С. 578–592.

Бондарь Л.Д., Лютовска Л. Потомки Божины Сарапа в Черногории и черногорские свадебные традиции: документ, сохранённый академиком П.А. Лавровым // Учёные записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2020. № 3 (71). С. 50–57.

Врховац П. Цверковање праха Његошева // Летопис Матице српске. 1925. Књ. 306. Св. 1. С. 3–7.

Кирикова О.А. 1917 год в переписке учёных: письмо проф. П.А. Лаврова акад. А.А. Шахматову // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия / под ред. И.В. Тункиной. СПб.: Реноме, 2018. С. 575–584.

Колчинский Э.И. Первая мировая война и мобилизационная модель организации академической науки // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 3. С. 261–268.

Колчинский Э.И. Пути вхождения российских биологов в мировое научное сообщество // Наука и техника: вопросы истории и теории. Материалы XXXIX Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Международные сети как фактор интеграции научного сообщества» (12–16 ноября 2018 г.). Выпуск XXXIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2018. С. 28–34.

Лавров П.А. Пётр II Петрович Негош, владыка Черногорский и его литературная деятельность. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1887.

Ляпунов Б.М. Краткий обзор жизни и научной деятельности П.А. Лаврова // Известия Академии наук СССР. Серия 7. Отделение гуманитарных наук. 1930. Т. 8. С. 547–557.

Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / сост. А.Н. Анфертьева и Л.Б. Вольфцун; отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

Николај Велимировић, свети владика. Религија Његошева. 2. изд. Београд: Цвијановић, 1921; Београд: Алгоритам, 2015.

Његош П. Горски вијенац / изд. Милан Решетар. 8. изд. Београд: Цвијановић, 1923

Отчёт о деятельности Академии наук СССР за 1925 год, составленный непременным секретарём академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля 1926 года. Л.: Изд-во АН СССР, 1926.

Отчёт о деятельности Академии наук СССР за 1929 год, составлен и. о. непременного секретаря академиком В.Л. Комаровым с приложением отчётов отдельных академических учреждений. Ч. I: Общий отчёт. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Петронијевић Б. Филозофија у "Горском вијенцу" и "Лучи микрокозма". 3. доп. изд. Београд : Цвијановић, 1924.

Робинсон М.А. К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // Славянский альманах. 2004 / отв. ред. М.А. Робинсон. М.: Индрик, 2005. С. 210–239.

Ровинский П.А. Черногория в её прошлом и настоящем. Т. 1–3. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1888–1915.

Рублевская Л.И., Скалабан В.В. Околонаучный спор. Злополучная командировка академика Карского // Рублевская Л.И., Скалабан В.В. Время и бремя архивов и имен: очерки, эссе, пьеса. Минск: Літаратура і мастацтва, 2009. С. 42–48.

Vučković-Sarap J. Bratstvo Sarap u Ljubotinju. Detroit [Šapilograf], 1960.

О швейцарском архиве В.В. Набокова

Т.О. Пономарева

Аннотация. *В статье прослеживается история швейцарской части семейного архива крупнейшего писателя русского зарубежья Владимира Владимировича Набокова – его формирования, участия в этом членов семьи В. Набокова, а также передачи архива в ИРЛИ РАН. В статье также содержится общая характеристика архива и наиболее значимых его разделов.*

Ключевые слова: *Владимир Набоков, Монтрё, Дмитрий Набоков, русское зарубежье.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.021

Передача швейцарского архива В.В. Набокова (1899–1977) в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН) стала одним из крупнейших событий культурной жизни России последних лет. До 2021 года в нашей стране не было крупных архивных собраний, связанных с жизнью и творчеством писателя. Это объясняется особенностями его биографии: Владимир Набоков покинул семейный дом в Петербурге в ноябре 1917 года в восемнадцатилетнем возрасте, сопровождая мать и младших братьев и сестёр в Крым, где они планировали пережить неспокойное время и вернуться домой через несколько месяцев. В доме осталось всё имущество семьи, библиотека и, вероятно, литературный архив начинающего поэта Владимира Набокова (к этому времени он успел составить два сборника стихотворений, один из которых был напечатан в 1916 году, а второй – в январе 1918 года).

В 1919 году В. Набоков, подобно миллионам своих соотечественников, на десятилетия стал беженцем. Все годы жизни в Германии и Франции, а с 1940 года в США он и его семья жили в съёмных квартирах и домах, часто переезжая; при этом иногда они вынуждены были оставлять части архива на хранение в домах друзей.

В 1961 году В. Набоков с женой поселились в Швейцарии, в городе Монтрё, сняв на длительный срок квартиру в отеле, и постепенно весь архив стал собираться в одном месте. После смерти писателя в 1977 году его вдова и сын в разные годы передавали большие части архива в две американские библиотеки: Библиотеку Конгресса и Городскую публичную библиотеку Нью-Йорка; при этом значительная часть архива оставалась в Монтрё. Таким образом, эту часть архива можно назвать швейцарской, по месту её хранения. После смерти Веры Евсеевны Набоковой в 1991 году архив перешёл к Дмитрию Владимировичу Набокову, который бóльшую часть времени также жил в Монтрё. Он хранился частично в его квартире, частично в помещении, находившемся в подвальном этаже дома, где он жил. При этом архив и при жизни В. Набоковой, и позднее постоянно пополнялся новыми предметами: перепиской с издателями и исследователями творчества В. Набокова, кино- и театральных постановок по его произведениям, видео- и аудиозаписями интервью Д. Набокова, новыми изданиями.

Своим наследником Д. Набоков, не имевший детей, назначил созданную им благотворительную организацию – Литературный фонд Владимира Набокова, находящуюся в США. После его смерти в 2012 году она выполнила его волю и начала процесс передачи швейцарской части архива в дар Пушкинскому Дому. Подготовка передачи архива заняла несколько лет, и к началу 2020 года между Литературным фондом Владимира Набокова и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН были достигнуты договорённости о передаче архива и начата подготовка к его перевозке. Однако начавшаяся пандемия коронавируса заставила отложить эту работу, и только в июле 2021 года архив прибыл в Пушкинский Дом.

Передача швейцарского архива В. Набокова – это передача крупнейшего собрания материалов, связанных с жизнью и творчеством одного писателя. Единственное сравнимое с ним по масштабу приобретение в истории Пушкинского Дома – это пушкинская коллекция Александра Фёдоровича Онегина – Отто, привезённая из Франции в 1928 году. Из событий последних десятилетий можно вспомнить передачу рабочего кабинета Иосифа Бродского в музей Анны Ахматовой в 2003 году.

Швейцарский архив В. Набокова можно разделить на три основные части – рукописные материалы, книжное собрание и музейную коллекцию, в которую входят фотографии, произведения живописи и графики, декоративного искусства, видео- и аудиоматериалы, лепидоптерологическое оборудование, предметы быта (подарки, чемоданы, различные памятные предметы).

Большую часть архива занимает семейная библиотека Набоковых. В неё входят, прежде всего, издания произведений Набокова на разных языках, причём это собрание по объёму значительно превышает собрание книг других авторов. Это, очевидно, также связано с тем, что Набоковы, вынужденные постоянно переезжать, никогда не ставили своей целью собрать большую личную библиотеку (известно, что и в европейские и в американские годы В. Набоков активно пользовался городскими и университетскими библиотеками). Наиболее интересная и ценная для исследователя часть библиотеки – это книги с маргиналиями, выполненными рукой В. Набокова. Особый интерес представляют маргиналии на изданиях произведений В. Набокова на разных языках. Так, авторскими маргиналиями изобилует издание романа «Дар» на русском языке. Очевидно, что эти комментарии предназначались для переводчиков романа на английский язык (перевод был осуществлён Д. Набоковым и Майклом Скэммелом при участии В. Набокова).

Маргиналии писателя носят очень разный характер. К ним можно отнести «классические пометы» – подчёркивания, однословные замечания на полях. В ряде случаев мы обнаруживаем пометы-значения, когда В. Набоков пометами разной графической формы иллюстрирует недостатки и неточности перевода русских стихотворений на английский язык, метрические и ритмические несоответствия, оставляя обширный и эмоциональный комментарий к переводу. Наиболее обширный комментарий этого типа можно найти в сборнике переводов русских поэтов на английский язык, изданный в 1947 году под названием «Телега жизни» и другие стихотворения» («The Wagon of Life and Other Lyrics»). В ряде случаев мы видим издание, где страницы насыщены разносодержательными пометами: замечаниями, рассуждениями, вопросами,

комментариями. Таковы, например, пометы к русскому изданию «Братьев Карамазовых». Вероятно, это издание Набоков использовал для подготовки курса истории русской литературы, который он читал в 1946–1958 годах в американских университетах Уэлсли и Корнелл. Набоковские замечания в тексте и на полях представлены преимущественно на английском языке, реже – на русском, иногда эти два языка сочетаются даже в одном предложении. Ряд помет может носить форму числительных. Так, В. Набоков «ранжировал» писателей, ставя цифры в оглавлении книги напротив тех или иных авторов, как в сборнике рассказов, где наивысший балл получил Джеймс Джойс – один из наиболее ценимых В. Набоковым писателей XX века.

В составе архива нет рукописей романов и рассказов, так как эти материалы ещё при жизни В. Набокова и его вдовы были переданы в американские библиотеки. В швейцарском архиве сохранились черновики некоторых лекций по русской литературе, рукопись шуточного стихотворения, написанного В. Набоковым для сына, а также фрагменты записей, сделанных в процессе работы над переводом стихотворений Пушкина, Лермонтова и Тютчева для сборника «Three Poets».

Большой объём в рукописной части архива занимает переписка. Весь корпус писем можно разделить на четыре тематические части: переписка с издателями и редакторами; переписка с режиссёрами и продюсерами по поводу различных кино-, теле-, радио-, театральных и музыкальных постановок; переписка с исследователями творчества В. Набокова, переписка с друзьями и родственниками. Основная часть переписки относится к швейцарским годам жизни семьи Набоковых, когда В. Набоков не писал писем собственноручно, а только подписывал письма, напечатанные на машинке его женой, часто делая на них приписки. Из корреспондентов В. Набокова можно выделить А.И. Солженицына, Джона Апдайка, Тома Стоппарда, переписку с учёными Гарри Левиным, Семёном Карлинским, Джоном О'Хара. Также сохранился значительный объём переписки с первым биографом В. Набокова Эндрю Филдом и теми людьми, которые были вовлечены в их конфликт. Отдельную большую папку составляют письма с соболезнованиями, присланные вдове и сыну В. Набокова после известия о его смерти.

Один из интереснейших разделов архива – личные документы В. Набокова и его семьи. Здесь представлены и дореволюционные российские документы, и большое собрание документов 1920-х – 1930-х годов. В частности, сохранились удостоверения беженцев Владимира и Веры Набоковых, тогда называвшиеся «нансеновские паспорта» (они выдавались лицам без гражданства Лигой Наций с 1922 г. по инициативе Фритьофа Нансена). Также здесь находятся свидетельства о рождении, бракосочетании Владимира и Веры Набоковых, многочисленные документы, связанные с разрешением на работу в Германии, документы об образовании, водительские права Веры и Дмитрия Набоковых. Также в архиве есть много дипломов и наград: медаль Академии искусств и литературы США, присуждённая В. Набокову в 1969 году, и награды, полученные Д. Набоковым за победы в певческих конкурсах и в соревнованиях по автомобильному спорту.

Особый интерес представляет обширное собрание фотографий семьи Набоковых, их родственников и друзей. Бóльшая часть их ранее не публи-

ковалась. На многих фотографиях можно узнать знакомые лица, также их часть подписана В. Набоковой. Здесь можно найти ранее неизвестные фотографии В. Набокова с братом Кириллом и сестрой Еленой, семейные фотографии родственников В. Набокова, а также семьи Веры Евсеевны Набоковой. Одна из самых запоминающихся фотографий – это детская фотография Дмитрия Набокова в пятилетнем возрасте с игрушечной собачкой в руках, сделанная в 1939 году. Сохранилась не только она, но и игрушка, также переданная в Литературный музей ИРЛИ РАН. В архиве много фотографий швейцарского периода жизни В. Набокова. Есть и фотографии, которые требуют дальнейшего изучения для идентификации изображённых на них людей – друзей и родственников семьи В. Набоковых. ИРЛИ РАН планирует публикацию большого фотографического альбома из швейцарского архива, с биографическим комментарием.

В состав музейной части архива также входит собрание предметов быта, из которых особенно много чемоданов и ящиков для хранения с наклейками, на которых указано имя В. Набокова. Обилие чемоданов заставляет нас вспомнить о том, что В. Набоков и его семья были вынуждены постоянно переезжать, и оценить сохранение архива как исключительную удачу. Также в этом разделе архива находятся атрибуты писательского труда В. Набокова – деревянные ручки с перьями (ручки-«вставочки»), карандаши, библиотечные карточки, которыми В. Набоков пользовался для записей.

В состав архива входят предметы изобразительного искусства, принадлежавшие семье Набоковых, – живопись, графика. Никто из Набоковых не был коллекционером, и собрание формировалось стихийно. В основном это подарки друзей и знакомых, чем и объясняется их разножанровость и техника исполнения – от детских рисунков сына писателя до рисунков Мстислава Добужинского, сделанных им для оформления спектакля по пьесе В. Набокова «Событие» в 1941 году в Нью-Йорке. В семье писателя эти рисунки очень ценили, и они всегда занимали почётное место на стенах домов и квартир, где проживали Набоковы (В. Набокова и М. Добужинского связывала многолетняя дружба, начавшаяся ещё в петербургские годы, когда М. Добужинский давал В. Набокову уроки рисования).

Архив является семейным собранием семьи Набоковых, однако это не просто собрание предметов семейного быта, а именно семейный литературный архив. Семья уникальна тем, что все её члены участвовали в литературной работе. В. Набокова не только много лет перепечатывала на машинке рукописи (машинка поступила в ИРЛИ РАН), но и вела всю деловую переписку с издательствами, литературными агентствами и, по просьбе мужа, большую часть личной переписки с родственниками и друзьями. Кроме того, она непосредственно участвовала и в творческой работе: так, рукопись русской версии романа «Лолита» 1967 года содержит большое количество правок, сделанных её рукой[1]; в 1979 году ею было подготовлено самое

[1] Бабиков А.А. Большая реставрация. Русская версия «Лолиты»: от рукописи к книге // Литературный факт. 2018. № 9. С. 335–383.

объёмное издание стихотворений В. Набокова; в 1984 году опубликовала перевод на русский язык романа «Бледный огонь».

Дмитрий Владимирович Набоков – автор бóльшей части переводов русских произведений своего отца на английский язык. Он перевёл пять романов и повестей, почти все рассказы, пьесы, стихи и поэмы. Он также является автором двух мемуарных эссе о своём отце, написанных по-английски.

В настоящее время сотрудники Рукописного отдела и Литературного музея ИРЛИ РАН заняты обработкой архива, постановкой предметов на государственный учёт. Когда эта работа будет закончена, архив будет доступен для исследователей (с учётом того, что любое использование текстов, написанных В. Набоковым, возможно только с разрешения наследника). Кроме того, в ИРЛИ РАН планируется создание Набоковского кабинета, в котором можно будет увидеть часть музейной экспозиции, часть семейной библиотеки В. Набоковых, а также получить консультации по работе с набоковскими материалами. Со временем музейная часть швейцарского архива станет частью постоянной экспозиции Литературного музея ИРЛИ РАН.

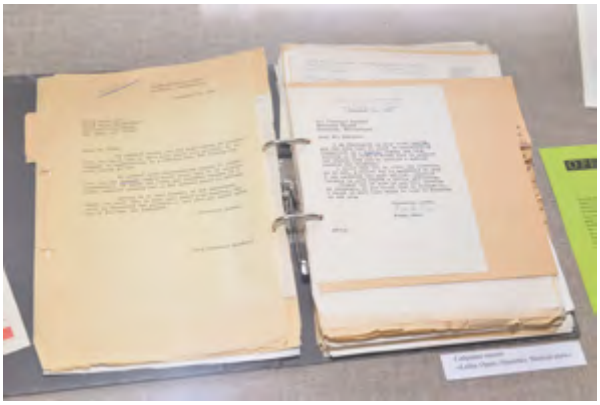


Рис. 1. Собрание писем: «Lolita: Opera. Operettes. Musical-show». Фото А.Ю. Балакина

Рис. 2. Фрагмент экспозиции выставки в ИРЛИ РАН «Владимир Набоков. Возвращение». Фото А.Ю. Балакина

Страничка из истории Российской академии наук

Г.И. Вздорнов

Аннотация. *В статье публикуется текст состоявшегося в 1724 году разговора государственного деятеля и историка В.Н. Татищева с российским императором Петром I о пользе наук и училищ.*

Ключевые слова: *Российская академия наук, А.П. Карпинский, Пётр I, В.Н. Татищев.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.022

Прежде чем я перейду к основному предмету этой публикации, надо сказать, каким образом он попал в мои руки. При неоднократных посещениях Ленинграда по делам службы и работы в архивах мне как-то неопределённо говорили, что в Историко-бытовом музее, помещавшемся в послереволюционное время во Дворце Бобринских, его сотрудники будто бы издавали рукописный журнал с названием «Чугунная шляпа». За разъяснением этого сообщения я обратился к Ивану Георгиевичу Спасскому, обладавшему хорошей памятью на лица и события. Хотя И.Г. Спасский некоторое время жил в эрмитажном доме на верхнем этаже, куда он и приглашал меня в гости, но в скором времени его перевели в отдельную квартиру в Сапёрном переулке, и здесь мы поговорили о «Чугунной шляпе». По его словам, оформлением журнала занимались Михаил Захарович Крутиков и Лидия Сергеевна Пискунова. Оба они после реформирования Историко-бытового музея перешли на работу в Эрмитаж. Крутиков умер в блокаду в холодных и мрачных подвалах Эрмитажа, а Пискунова была призвана в армию, дождалась снятия блокады и вернулась на работу в Эрмитаж. Иван Георгиевич Спасский сказал, что Пискунова ещё жива, отыскал её телефон, созвонился с ней и направил меня к ней по домашнему адресу (8-я Советская).

Лидия Сергеевна Пискунова занимала небольшую комнатку в коммунальной квартире. Затрудняюсь сказать, сколько ей было лет, но никак не меньше восьмидесяти. Она с изумлением смотрела на меня, так как за последние двадцать лет после ухода на пенсию никто из Эрмитажа не поинтересовался ею как бывшей сотрудницей музея. Ещё больше она изумилась, когда я сказал, что разыскиваю рукописный журнал «Чугунная шляпа», к которому она, кажется, имела прямое отношение. «Как же, как же, – отвечала она, – и я, и Михаил Захарович Крутиков. Да вот и сам журнал». Она открыла небольшой деревянный сундучок, и я, наконец, увидел этот легендарный журнал, которому исполнилось почти полвека. «Забирайте “Чугунную шляпу” и приходите ещё, мы можем поискать что-нибудь такое же интересное». Мне следовало бы остаться в Ленинграде, а я приехал только через два или три месяца. Лидия Сергеевна уже умерла, и в квартире находилась близкая ей женщина, забиравшая остатки нехитрого скарба Л.С. Пискуновой.

Одновременно с журналом мне достались ещё две небольшие книжки, одна из которых является предметом этого сообщения. Книжечка отпечатана в восьмую долю листа в немой издательской обложке (Илл. 1-6).

На титуле помещены название и выходные сведения: «Петра Великого с Татищевым разговор об Академии Наук. В Петербурге при Российской Академии Наук. 26 декабря 1921 года». Названный «Разговор» занимает неполные две страницы и имеет следующее содержание.

«1724 года, как я отправился во Швецию, случилось мне быть у Его Величества в летнем доме; тогда лейб-медикус Блюментрост, яко президент Академии наук, говорит мне, чтоб в Швеции искать учёных людей и призывать во учреждающуюся Академию в профессоры. На что я, рассмеявся, ему сказал: ты хочешь сделать Архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и где поставить места нет. Его Величество изволил спросить, что я сказал; и я доднесь, что ищет учителей, а учить некого: ибо без нижних школ Академия оная, с великим расходом будет бесполезна. На сие Его Величество изволил сказать: я имею жать скирды великия, токмо мельниц нет, да и построить водяную и воды довольно в близости нет, а есть воды довольно во отдалении, токмо канал делать мне уже не успеть, для того что долгота жизни нашея ненадёжна; и для того зачал первую мельницу строить, а канал велел только зачать, которое наследников моих лучше понудит к построенной мельнице воду привести; зачало же того я довольно учинил, что многие школы математические устроены. А для языков велел по епархиям и губерниям школы учинить, и надеяся, хотя плода я не увижу, но оныя в том моем отечеству полезном намерении не ослабеют.

В конце этого текста помечено: В.Н. Татищев. Разговор о пользе наук и училищ».

Дата издания – 26 декабря 1921 года – даёт ключ к его появлению. Это дата 75-летия со дня рождения академика А.П. Карпинского, к чему и приурочено академической типографии «приношение». Текст «Разговора» взят из первой его публикации в 1887 году, осуществлённой Н.А. Поповым в «Чтениях общества истории и древностей российских».

Василий Никитич Татищев (1686–1750) – яркая личность эпохи Петра I: государственный деятель, участник сражений при Нарве и Полтаве, артиллерист, управляющий казёнными горно-металлургическими заводами на Урале, один из основателей Екатеринбурга. Большую и до сих пор немеркнущую славу ему принесло пятитомное издание «Истории Российской», обнародованной в 1768–1848 годах.

Несмотря на интерес, который вызывает упомянутый «Разговор», книжечка по-настоящему любопытна другим. На развороте первого и второго листа напечатано следующее: «Российской Академии Наук президенту академику Александру Петровичу Карпинскому Академической типографии приношение» и «Экземпляр Александра Петровича Карпинского». А на последней странице указан и тираж: «Отпечатано 5 экземпляров».

А теперь спросим себя, каким образом личный экземпляр академика Карпинского оказался в сундучке Л.С. Пискуновой и где находятся четыре других экземпляра редкостного издания? Ответа на первый вопрос мы вряд ли можем дождаться из-за смерти Л.С. Пискуновой. Не исключено, что ещё один экземпляр остался в архивах типографии, а три других покоятся, может быть, до сих пор в бумагах А.П. Карпинского или Президиума Академии наук в Санкт-Петербурге.

Александр Петрович Карпинский – выдающийся геолог, открыватель новых естественных производительных сил в России. Вышел из семьи горных мастеров, родился в Богословском заводе Верхотурского уезда Пермской губернии, а в 1917 году на экстраординарной сессии Академии был единогласно выбран её президентом. В этой почётной и ответственной должности он и оставался до кончины в 1936 году. По государственному статусу был кремирован, и урна с прахом захоронена в стене на Красной площади в Москве. Его именем назван город Карпинск на Среднем Урале, откуда началась слава выдающегося учёного.

Остаётся сказать, что к описанному мною изданию Л.С. Пискунова присовокупила ещё одну книжечку, опубликованную четыре года спустя к двухсотлетнему юбилею Академии наук[1] (Илл. 7). Здесь помещён портрет А.П. Карпинского, литографированный художником Г.С. Верейским в 1922 г. (Илл. 8), а также фотография членов Президиума Академии – А.П. Карпинского, математика В.А. Стеклова и востоковеда С.Ф. Ольденбурга (Илл. 9).

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

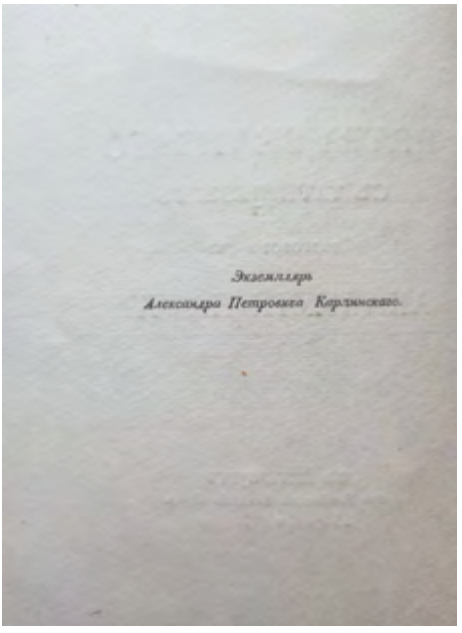
СЪ ТАТИЩЕВЫМЪ

РАЗГОВОРЪ ОБЪ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

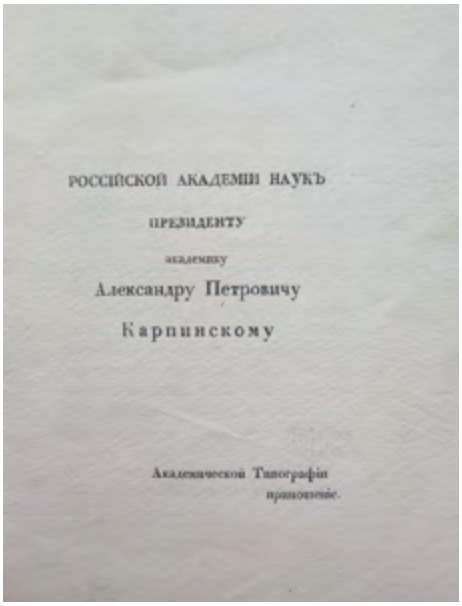
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
при Россійской Академіи Наукъ
26 декабря 1921 года

Илл. 1


Экземпляръ
Александра Петровича Карпинскаго.

Илл. 2

[1] К двухсотлетию Всесоюзной Академии наук: 1725–1925. Ленинград, 1925



РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРЕЗИДЕНТУ

академику

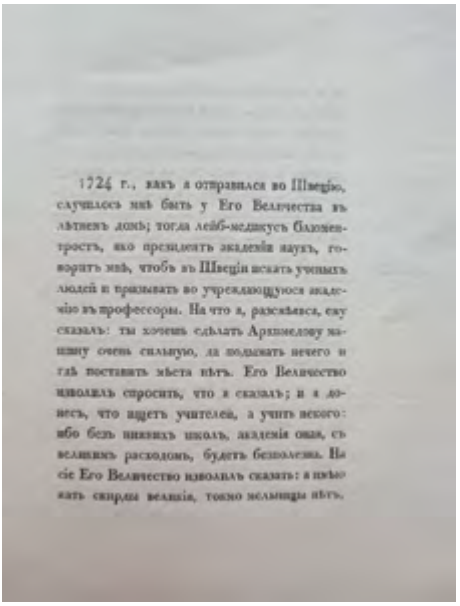
Александру Петровичу

Карпинскому

Академической Типографіи

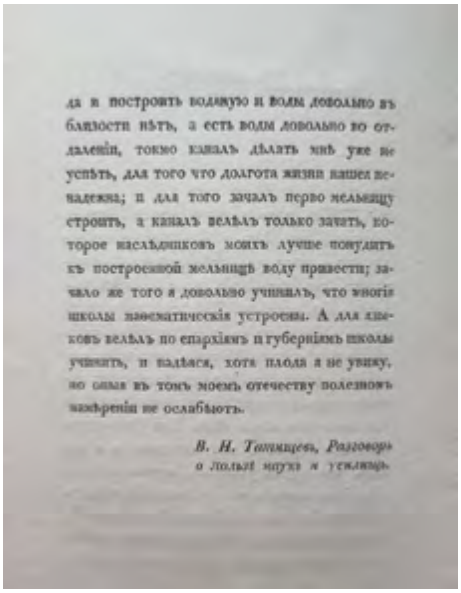
приношеніе.

Илл. 3



1724 г., какъ я отправился во Швецію, случилось мнѣ быть у Его Величества въ лѣтнемъ домѣ; тогда лейб-медикусъ блюментростъ, яко президентъ академіи наукъ, говоритъ мнѣ, чтобъ въ Швеціи искать ученыхъ людей и призывать во учреждающуюся академію въ профессоры. На что я, разсмѣявся, ему сказалъ: ты хочешь сдѣлать Архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и гдѣ поставить мѣста нѣтъ. Его Величество изволилъ спросить, что я сказалъ; и я донесъ, что ищетъ учителей, а учить некого: ибо безъ нижнихъ школъ, академія оная, съ великимъ расходомъ, будетъ безполезна. На сіе Его Величество изволилъ сказать: я имѣю жать скирды великія, токмо мельницы нѣтъ.

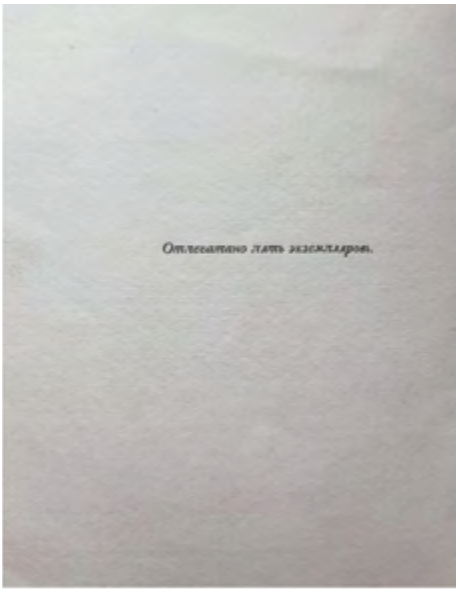
Илл. 4



да и построить водяную и воды довольно въ близости нѣтъ, а есть воды довольно во отдаленіи, токмо каналъ дѣлать мнѣ уже не успѣть, для того что долгота жизни нашея ненадежна; и для того зачалъ перво мельницу строить, а каналъ велѣлъ только зачать, которое наслѣдниковъ моихъ лучше понудитъ къ построенной мельницѣ воду привести; зачало же того я довольно учинилъ, что многія школы математическія устроены. А для языковъ велѣлъ по епархіямъ и губерніямъ школы учинить, и надѣяся, хотя плода я не увижу, но оныя въ томъ моемъ отечеству полезномъ намѣреніи не ослабѣютъ.

В. Н. Татищевъ, Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ.

Илл. 5



Отпечатано пять экземпляровъ.

Илл. 6

Илл. 1-6. Издание «Петра Великого с Татищевым разговор об Академии Наук». Академическая типография. Петербург, 1921 г.

Илл. 7. Обложка издания: К двухсотлетию Всесоюзной Академии наук 1725–1925. Ленинград, 1925

Илл. 8. Александр Петрович Карпинский (1846–1936). Литография Г.С. Верейского. 1922 г.

Илл. 9. Президиум Академии наук. Академики А.П. Карпинский, В.А. Стеклов, С.Ф. Ольденбург. 1925 г.

От Буручкома до ИМБТ СО РАН: вековой юбилей

Б.В. Базаров, А.М. Плеханова, Г.Н. Чимитдоржиева, В.Г. Жалсанова

Аннотация. *В статье представлен обзор исторических этапов развития и основных исследовательских направлений первого академического научного учреждения Бурятии – Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Рассмотрены вопросы становления Института как крупного востоковедного центра на рубеже геополитического взаимодействия России с Центральной и Восточной Азией.*

Ключевые слова: *Республика Бурятия, Буручком, ИМБТ СО РАН, востоковедение, история науки.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.023

1 июля 2022 г. отметил свой 100-летний юбилей один из крупнейших востоковедных центров России – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН). Начало его истории положил Бурят-Монгольский учёный комитет (Буручком), который был создан в рамках национальных Бурят-Монгольских автономий Дальневосточной республики (ДВР) и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). В условиях бурных социальных перемен, охвативших страны и народы в начале XX в., лидеры бурят-монгольского народа приступили к решению важных вопросов, связанных с определением основ бурятской государственности и поиском путей развития культуры, образования, науки. С 28 июня по 2 июля 1922 г. прошла объединённая конференция по культурным делам представителей Бурят-Монгольских областей ДВР и РФСФСР, на которой было принято решение об организации Временного учёного комитета. Он должен был решать вопрос о национально-культурном строительстве бурят-монгольского народа, а, по словам Ц.Ж. Жамцарано, «этот комитет будет тем ядром, которое в дальнейшем, быть может, разовьётся в Бурятскую академию наук» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 118. Л. 61]. В качестве основных задач деятельности новой в истории бурятского народа организации были определены: развёртывание переводческого и издательского дела; создание рукописного и библиотечного фондов; подготовка научных кадров; сбор материалов и изучение языка, литературы и истории. В состав Бурят-Монгольского учёного комитета вошли Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Г. Цыбиков, Г. Ринчинэ, М. Забанов. Буручком состоялся как первая научная организация в Бурятии, «который решал важную культурно-историческую задачу цивилизационного рывка Бурятии» [*Базаров*, *Ванчикова*, *Плеханова*, *Чимитдоржиева*, 2021: 128].

В течение 1920-х гг. Буручком выполнял важную миссию – научное и образовательное сопровождение культурного развития Бурят-Монгольской АССР. Благодаря его руководителям проводилась большая работа по переводу на бурятский язык учебной и общественно-политической литературы, подготовке и изданию учебных пособий, а также сбору и изучению фольклорных материалов. Наряду с изучением Бурятии в качестве приори-

тетного направления рассматривалась необходимость исследования «Монголо-Тибетского Востока, значение которого в политическом и культурно-географическом отношениях чрезвычайно важно не только для Бурятии, но и для всего Союза ССР» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 58. Л. 66]. Положение о Буручкоме, принятое в 1925 г., дополнило и уточнило круг задач: «1) научно-исследовательская работа в области монгольского языкознания; 2) изучение материалов по этническим культурам монгольских племён; 3) содействие подготовке из среды бурят-монгол научных работников в области языка и литературы, истории и этнологии» [Там же. Д. 2. Л. 1-28].

Расширение научных функций учёного комитета потребовало изменения его статуса, и уже к 1928 г. встал вопрос о его преобразовании в научно-исследовательский институт. В результате после совещания, проведённого в 1929 г., были признаны правильными принципы реорганизации Буручкома в Бурят-Монгольский государственный институт культуры. Согласно одобренному Положению «Институт культуры должен был стать центральным государственным научно-исследовательским учреждением Бурреспублики и содействовать своей деятельностью созданию научной базы для социалистического строительства Бурят-Монгольской республики» [Там же. Л. 60-61об.].

Сотрудниками ГИК была проведена работа по сбору произведений устного народного творчества, изучению проблем бурятского языка и письменности, составлению учебных пособий и орфографических словарей. Директором Института в 1931–1933 гг. был Бато-Далай Тогмитов, в 1933–1937 гг. – Жамцаран Раднабазарон. В соответствии с Постановлением СНК БМАССР от 17 апреля 1935 г. была начата работа по организации при ГИК аспирантуры по подготовке научных кадров по истории, лингвистике и искусству [*Базаров*, *Ванчикова*, *Плеханова*, *Чимитдоржиева*, 2021: 130]. Таким образом, ГИК как преемник Буручкома смог создать базу для планомерного развития научных исследований в регионе.

В дальнейшем первое научное учреждение Бурятии пережило ряд реорганизаций и переименований, которые отражали основные запросы со стороны государства и партийного руководства, а также определяли направления научно-исследовательских работ. Каждое новое название отражало актуальную повестку научно-исследовательских работ. В 1936 г. Бурят-Монгольский государственный институт культуры был преобразован в Государственный институт языка, литературы и истории. Ещё шла Великая Отечественная война, но необходимость решения экономических задач послевоенного развития потребовала новой реорганизации, и 1944 год ознаменовался появлением Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики. К 1949 г. сектор экономики был упразднён и название учреждения также сократилось. БМНИИК продолжил работу, имея в составе три сектора: истории, языка и письменности, фольклора и литературы, а также научную библиотеку и рукописный отдел.

Новый этап в развитии Института связан с его вхождением в состав Сибирского отделения АН СССР в 1958 г. и приобретением статуса академического научного учреждения. «27 июня 1958 г. Президиум Академии наук СССР, рассмотрев совместное обращение Совета Министров

Бурят-Монгольской АССР и Бурят-Монгольского обкома КПСС (письмо от 12 июня 1958 г. № 85-с) и решение Президиума Сибирского отделения АН СССР от 17 июня 1958 г., принял постановление о создании на базе БМНИИК Бурят-Монгольского комплексного научно-исследовательского института с непосредственным подчинением Президиуму Сибирского отделения АН СССР (БКНИИ СО АН СССР)» [НА БНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1221. Л. 3]. 5 июля 1958 г. реорганизация института и его вхождение в состав Сибирского отделения Академии наук СССР были закреплены распоряжением Совета Министров РСФСР [Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1318. Л. 4]. В институте впервые наряду с традиционными гуманитарными подразделениями были созданы отделы по естественным наукам. Согласно утверждённому вице-президентом АН СССР академиком М.А. Лаврентьевым 1 июля 1958 г. Положению о Бурятском комплексном научно-исследовательском институте СО АН СССР, в задачи учреждения входила «разработка теоретических и практических проблем развития производительных сил Бурятской АССР, а также истории, этнографии, языка, литературы и искусства бурятского народа» [Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1222. Л. 2]. Директором БКНИИ СО АН СССР был назначен Д.Д. Лубсанов, занимавший этот пост до 1980 г.

В 1966 г. был сформирован Бурятский филиал СО АН СССР, одним из двух крупных подразделений которого стал Бурятский институт общественных наук СО АН СССР. В качестве его основных задач были определены изучение закономерностей социально-экономического и политического развития народов Бурятии, а также сопредельных территорий. Большое внимание в БИОН уделялось сравнительно-историческим исследованиям общественной жизни, культуры, языка и художественного творчества бурятского и других народов. В Институте стали активно развиваться буддологические исследования в контексте критического изучения современных течений буддизма в странах Юго-Восточной Азии. С 1980 по 1997 гг. директором Института был д. ф. н., проф. В.Ц. Найдаков.

В 1997 г. БИОН СО РАН был переименован в Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Изменение названия было связано с возросшим уровнем исследований, преодолением региональной научной повестки и расширением научных направлений, которые охватили изучение истории и культуры значимых регионов Евразии.

Современная структура Института представлена восемью научными подразделениями: отдел истории, этнологии и социологии, отдел истории и культуры Центральной Азии, Центр восточных рукописей и ксилографов, отдел философии, культурологии и религиоведения, отдел литературоведения и фольклористики, отдел языкознания, лаборатория археологии, этнологии и антропологии. В 2019 г. в рамках национального проекта «Наука» была создана молодёжная лаборатория – Центр переводов с восточных языков. В рамках этих научных подразделений реализуются следующие основные исследовательские направления – источниковедческое, буддологическое, историческое, этнологическое, археологическое, социологическое, языковедческое, фольклористика и литературоведение.

Источниковедческие исследования. Уникальность ИМБТ СО РАН связана с наличием в его составе Центра восточных рукописей и ксилографов,

в котором хранится одно из крупнейших в мире собраний раритетных рукописей и ксилографов на монгольском и тибетском языках, памятников кириллической литературы старообрядческой традиции, ценных архивных фондов. Эти памятники обладают огромной исторической ценностью и требуют особого внимания по сохранению и научному изучению.

Фонды ЦВРК разделены на тибетский, монгольский и общий архивный. Самой крупной является коллекция сочинений на тибетском языке (ок. 70 тыс. ед. хр., работы по описанию и инвентаризации ещё продолжаются). Она включает разные ксилографические и рукописные издания буддийского канона, собрания сочинений выдающихся религиозных деятелей Тибета и Монголии (сумбумы). Особенностью коллекции является большой массив разрозненных сочинений – торбу, состоящий из ксилографов и рукописей самого разнообразного содержания. Особого интереса заслуживают издания бурятских дацанов, отражающие региональную специфику истории буддизма и буддийских наук и их инкультурацию в составе России, истории бурятского монастырского книгопечатания и рукописной книги. В монгольской коллекции (6130 ед. хр.) представлены все жанры монгольской и бурятской литературы, отражающие многообразную духовную жизнь народов Внутренней Азии. Особую ценность представляют бурятские и монгольские исторические летописи и хроники, родословные и генеалогические таблицы, уникальный, единственный в мире комплект рукописного буддийского канона Ганджур на монгольском языке. Огромной научной и общественной значимостью обладают архивные фонды, состоящие из общего архивного фонда, содержащего документы самого разнообразного характера (2800 ед. хр.), и личных архивов 46 видных деятелей науки и культуры Бурятии, просветителей и религиозных деятелей (15183 ед. хр.). В этом фонде хранятся разнообразнейшие записи почти всех жанров устного народного творчества бурятского, монгольского и русского народов. Лишь малая толика фольклорных материалов изучена и издана. В фондах личного происхождения представлено творческое наследие известных учёных-востоковедов, историков, фольклористов, писателей, общественно-политических деятелей, краеведов. Представляет исключительную ценность аудиоархив (крайние даты фонозаписей – 1950–2010 гг., 866 ед. хр.), созданный на основе материалов фольклорных экспедиций бурятских учёных [*Ванчикова*, *Ринчинов*, 2021: 149–150].

Коллективом Центра проводится планомерная работа по сохранению раритетных материалов, научному описанию, аннотированию коллекций и архивных фондов. Важным направлением деятельности является разработка методов и средств цифрового представления историко-культурной информации, в том числе онлайновых. К сожалению, на сегодняшний день ограниченность финансовых ресурсов не позволяет вести работу по обработке, хранению и кодифицированному анализу архивных материалов в полном масштабе. Тем не менее ИМБТ СО РАН в сотрудничестве с Новосибирским государственным университетом смог обеспечить прорыв в дешифровке тибетских рукописей с помощью искусственного интеллекта с точностью 94%. На первом этапе работы дешифровано около 500 страниц тибетских рукописей.

По традиции, заложенной отцами-основателями Бурятского учёного комитета, учёные Института проводят большую работу по исследованию и адаптации тибетских текстов. Одним из приоритетных направлений деятельности является изучение уникального корпуса раритетной литературы по тибетской медицине. Изданы фундаментальные труды, основанные на переводе первоисточников с тибетского языка и санскрита, которые являются основополагающими для восточно-медицинского направления в стране: «Атлас тибетской медицины», «Кхогбуг», «Вайдурья онбо. Комментарий к «Чжуд-ши», «Шел пхренг».

На сегодняшний день ИМБТ СО РАН не ограничивается переводами и изучением тибетских и монгольских текстов по медицине. Намечены выходы тибетологических исследований в сферу естественных наук, прежде всего по широкому комплексу биолого-медицинских исследований. Институт является инициатором крупного междисциплинарного проекта «полного цикла» по созданию научно-технологической базы для формирования Восточно-медицинского биофармацевтического кластера, ориентированного на создание лекарственных средств на основе рецептуры восточных медицинских систем и обоснование системного подхода к фармакотерапии распространённых заболеваний с учётом опыта и предпосылок тибетской медицины.

Таким образом, источниковедческие исследования в ИМБТ СО РАН позволяют изучать широкий спектр проблем истории и этногенеза монгольских народов, теории и философских основ буддизма, перевода и публикации буддистских источников, письменных и фольклорных памятников. Благодаря развитию данного направления Институт занимает передовые позиции в изучении номадизма, истории и культуры кочевых народов.

Буддологические исследования. Философские исследования Института развиваются в рамках буддологии по страноведческому принципу. Это китаеведное (дальневосточное), тибетологическое (индо-тибетское), монголоведное, российское (на примере буддизма Бурятии).

В русле китаеведной буддологии были исследованы процессы становления праджняпарамитских традиций в Китае и формирования дальневосточного направления в буддизме. Исследовались место и роль абхидхармических принципов в китайском буддизме в сравнительном контексте с индийской и тибетской йогачарой. Большое внимание уделялось истории распространения буддизма в Китае. «Параллельное развитие в отделе китаеведного и тибетологического направлений позволило исследовать особенности философских учений буддизма в Китае и Тибете, базирующихся на сотериологических постулатах мгновенного пути в Китае и постепенного пути в Тибете, получивших своё отражение в содержании категорий и понятий буддизма, характеризующихся полисемантизмом, с одной стороны, и семантической тождественностью – с другой» [*Янгутов*, 2021: 145]. В рамках тибетологического направления значительное внимание уделяется исследованию и переводу классических текстов буддизма, анализу живой традиции тибетского буддизма, а также его роли и места в современном мире. Значительное место занимает монголоведное направление, в котором исследуются место и роль буддизма в истории и культуре монгольских на-

родов, их религиозная культура в векторе буддийских традиций. Взаимоотношения буддизма и светской власти являются важной частью российского направления буддологических исследований Института. Большое внимание уделяется проблемам секуляризации и десекуляризации в бурятском буддизме. Важным объектом исследования являются буддийские монастыри Бурятии – дацаны, играющие значимую роль в общественной жизни бурятского народа.

Таким образом, в Институте накоплен значительный опыт по изучению, переводу и интерпретации буддийских канонов и философских трудов мыслителей в самом широком диапазоне и географическом представительстве. На сегодняшний день издаётся серийный альманах «Буддологические исследования», а также опубликованы такие важные для российской и мировой буддологии труды, как «Океан аргументов: Большой комментарий к тексту Нагарджуны», «Учение о верном познании в философии мадхьямики-прасангики», «Сутра Праджня-парамита восьмитысячная аштасахасрика», «Всепроникающий Звук Барабана Совершенного Освобождения Могущественного Мастера Тантры» и др.

Археологические исследования. В 1960-е гг. в Институте началось развитие археологического направления, основная тематика которого была определена как изучение истории ранних и поздних кочевников Западного Забайкалья. С середины 1970-х и до конца 1990-х годов временной диапазон археологических изысканий углубился от средневековья до палеолита включительно. С началом исследований палеолитических культур (индустрий) Забайкалья, сосуществующих в одном временном диапазоне, но базирующихся на различных подходах к производству орудий, по-новому встают вопросы не только о взаимодействии человека и окружающей среды, но и о влиянии инноваций в процессе производства орудий труда и средств потребления в эпоху каменного века [*Ташак*, 2012: 53].

Приоритетным направлением археологических исследований Института в настоящее время является масштабное изучение различных типов археологических памятников, оставленных кочевой империей хунну. Значимость этих изысканий заключается в том, что в свете новых археологических данных становится возможным более глубокое понимание закономерностей исторического развития кочевых народов евразийских степей. Благодаря развитию данного направления Институт вносит весомый вклад в обобщение и обсуждение результатов передовых научных исследований, формирование представлений о современном состоянии, перспективах и ориентирах археологических и междисциплинарных исследований истории в пространстве Внутренней Азии.

Изучение археологических объектов, относящихся к Новой истории, связано с работами на Удинском остроге. В ходе исследования, приуроченного к юбилейным мероприятиям в рамках празднования 350-летия г. Улан-Удэ, был изучен культурный слой XVII–XIX вв., давший несколько тысяч единиц находок в камерах оборонительной конструкции и внутри острога.

Мегагрант. В 2017 г. Институт стал победителем конкурса грантов Правительства Российской Федерации с проектом «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии». В составе Института была образована

Лаборатория археологии, этнологии и антропологии. Возглавил её приглашённый известный учёный, ведущий специалист в области археологии и кочевниковедения член-корреспондент РАН Н.Н. Крадин. Полученное финансирование позволило решить вопросы материально-технического оснащения археологических исследований, увеличить интенсивность и географию археологических экспедиций. Создание Лаборатории в рамках мегагранта и оснащение её высокотехнологичным современным оборудованием способствовало развитию мультидисциплинарных исследований. Стало возможным изучение истории Центрально-азиатского региона не только в контексте социокультурных, но и природных процессов. В рамках археологических исследований проводится комплекс биолого-химических, физических исследований, позволяющих выявить особенности адаптации древнего населения Центральной Азии к экологическим изменениям, реконструировать палеотические конструкции. Так, одним из актуальных направлений стало изучение палеодиеты. Результаты исследовательских работ по гранту нашли отражение в ряде крупных изданий, в том числе коллективной монографии «Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики».

Этнологические исследования. Актуальным направлением деятельности Института на протяжении всей его истории являются этнографические исследования, в рамках которых изучался широкий спектр тем – хозяйство и материальная культура, семья и семейный быт, обычаи и традиции, шаманизм, буддизм и православие. Этногенез и этническая история народов Байкальского региона и сопредельных территорий всегда были в фокусе внимания этнологов Института. В 1970-е – первой половине 1980-х гг. проблема происхождения и общей характеристики этносов и этнических групп разрабатывалась комплексно, с охватом самых различных сторон их жизнедеятельности, обращалось особое внимание на современные этнические процессы, формирование этнического самосознания и менталитета, на более широкую характеристику отдельных этнических групп [*Бураева*, 2012: 86]. В современный период разрабатывается тема этнической истории древних, средневековых и современных народов Байкальской Азии; предложены модели генезиса материальной и духовной культуры кочевых социумов, населявших территорию Бурятии, на фоне изменений климатических условий на хронологическом промежутке 5 тыс. лет.

Несмотря на гуманитарный профиль Института, в нём инициируются мультидисциплинарные исследования. Одним из интересных проектов стал интеграционный проект СО РАН «Этногенез автохтонных народов Сибири и Северной Азии: компаративный исторический, этносоциальный и геномный анализ». Большое внимание уделено геномному анализу в дополнение к традиционным историческим и этносоциальным исследованиям процессов этногенеза. Для проведения геномного анализа митохондриальной ДНК были привлечены Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН и Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН. Генетические сведения о популяциях автохтонных народов Сибири и Северной Азии существенно дополнили известные сведения об этногенезе в этом регионе.

Исторические исследования. Историческая наука в Институте никогда не останавливалась в своём движении. События с постоянно меняющимся ритмом, масштабом изменений, совершенствованием общественных представлений позволяли ей накапливать силы и оттачивать аппарат исследования. Соединение интеллектуального и образовательного наследия Б.Б. Барадина, Ц.Ж. Жамцарано, Г.Ц. Цыбикова и др., а также творческой энергии молодых одарённых историков П.Т. Хаптаева, Б.Д. Цибикова позволило Институту уже к середине 1930-х гг. стать одним из центров развития исторической науки в регионе [*Балдано*, 2012а: 66]. Дальнейшему укреплению исторических исследований в Институте сильно помешали большие трудности второй половины 30-х гг., когда кампания борьбы с так называемым буржуазным национализмом и пангомолизмом значительно затормозила научные изыскания. Тем не менее социально-политическая, аграрная, экономическая, культурная история Бурятии продолжали оставаться в фокусе исследований Института.

На пороге знакового события – 350-летия вхождения Бурятии в состав Российского государства – была проведена масштабная работа по подготовке и изданию 3-томной «Истории Бурятии». Данный труд сохранил преемственность с 2-томной «Историей Бурятской АССР», изданной в 50-е годы прошлого столетия. И в то же время этот капитальный труд стал новым ориентиром для всех учёных, изучающих историю и культуру Бурятии, существенно расширил источниковую базу по широкому кругу проблем региональной истории. В нём впервые были «переосмыслены происшедшие перемены, с одной стороны, позволившие нам интегрироваться в современное цивилизованное общество, с другой – повлёкшие разрушение некоторых общественных ценностей, ушедших вместе с ликвидацией советской политической системы. Коренному пересмотру подверглись переломные моменты истории республики, объективному анализу которых ранее препятствовали идеологизация общественных наук, недоступность многих источников» [*Балдано*, 2012б: 28].

В настоящее время готовится к изданию «История Республики Бурятия в XX–XXI вв. Хроника событий, комментарии» в 2 томах, в которой дополнительное освещение получат процесс национально-государственного строительства, особенности геополитической роли Бурятии, будет дана взвешенная оценка положению республики в российской социально-политической системе. Её публикация планируется к 100-летнему юбилею Республики Бурятия, который будет отмечаться в 2023 г.

Историки Института не ограничиваются изучением региональной истории. Роль ИМБТ СО РАН как востоковедного центра обязывает изучать весь монгольский мир. Новое направление научных изысканий заключается в комплексном анализе динамики геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия России со странами Внутренней Азии (Китаем и Монголией) в условиях трансграничья в XVII – XXI вв. Исследование исторического опыта монгольского мира, безусловно, расширяет представления об эволюционной парадигме, свидетельствуя о множестве альтернативных путей и направлений общественного прогресса.

Социологические исследования. Начало социологическим исследованиям в Бурятии было положено в середине 60-х годов XX столетия. С начала 1980-х гг. они заметно активизировались и приобрели более широкий и системный характер. «Основным их направлением стало изучение взаимодействия научно-технического и социального прогресса в условиях национального региона Сибири, каким является Бурятия. Была предпринята попытка создания концепции единой социальной системы республики с чётко очерченными границами и присущими ей свойствами и признаками» [*Рандалов*, *Жалсанова*, 2012: 133]. В 2000-е гг. началось изучение особенностей постсоциалистической социальной трансформации в республике. Полиэтничный состав населения Бурятии актуализировал исследования этносоциальных процессов, состояния межнациональных отношений, языковой ситуации.

В последние годы группа социологов Института реализует новый вектор, а именно пытается рассмотреть комплекс социальных процессов, протекающих в монгольском мире в современную эпоху, и определить их влияние на формирование социального и этнического пространства в трансграничье России, Монголии и Китая.

Языкознание. Институт на всех этапах своего развития принимал активное участие в процессах языкового строительства. Ещё в период Буручкома основными лингвистическими задачами были проведение национализации школы, введение делопроизводства, издательского дела на бурятском языке и т. д. Очевидно, что проблема развития бурятского языка, как и большинства национальных языков нового государства того периода, активно обсуждалась на различного уровня конференциях и совещаниях (1924, 1926, 1930, 1931, 1936, 1938 гг. и т. д.). На первом культурно-национальном совещании, состоявшемся 19–27 сентября 1926 г., в качестве основных докладчиков по вопросам языка выступили профессора Г.Ц. Цыбиков и Б.Б. Барадин (директор Буручкома в 1923–1929 гг.). Вопросы так называемого языкового строительства в новой республике находились в фокусе бурных обсуждений [*Дырхеева*, *Шагдаров*, 2021: 133]. В дальнейшем предметом исследований языковедов стали письменный язык бурят дореволюционного периода, формирование и развитие нового литературного языка, морфология, синтаксис, лексика, орфография, лексикография, социолингвистика.

Сегодня фундаментальное исследование бурятского языка в Институте проводится по всем направлениям. Помимо лингвистического изучения строя бурятского языка ведётся работа по составлению словарей. Изданы бурятско-русский и русско-бурятский словари, подготовлен к изданию Большой орфографический словарь, первый том Толкового словаря, на очереди к изданию Орфоэпический словарь.

Значительным шагом в развитии лексикологических и, в целом, лингвистических исследований явилось создание Корпуса бурятского языка. В рамках корпусных исследований впервые была разработана концепция словаря-конкорданса для исследований лексико-семантических процессов в бурятском языке, выполнены разработки для интегрирования бурятского языка в информационно-поисковую систему, которая приведёт к модернизации его исследования, изучения и сохранения. В настоящее время объём Корпуса составляет 2 миллиона 500 тысяч словоупотреблений.

В начале 2000-х гг. лексикография вышла из практической области в теоретическую, объектом исследования является уже не только бурятский язык, но и вся группа монгольских языков в России, Монголии и Китае, а также языки народов Сибири (тувинский язык). Исследования отдела языкознания представляют интерес с точки зрения исторического развития монгольских языков, их лексики, морфологии, трансформационных и эволюционных процессов.

Фольклористика. В круг исследовательских проблем отдела литературоведения и фольклористики входят сбор, систематизация, издание богатого фольклорного наследия бурят и русских Забайкалья.

Фольклористами зафиксированы и опубликованы эпосы, сказки, легенды, предания и другие фольклорные произведения на бурятском языке. Институт участвует в публикации памятников устного народного творчества в фундаментальной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (в 60 томах) и в научной серии ИМЛИ РАН «Памятники фольклора монгольских народов» (в 10 томах). Анализ и обобщение фольклорного материала в сравнительно-историческом освещении, типологические сопоставления с фольклорными традициями тюрко-монгольских и других народов должны способствовать установлению важнейших периодов в развитии бурятского устнопоэтического творчества, выявить основные закономерности, формирования этого сложного явления духовной культуры, вобравшего в себя древние мифы, героический эпос, сказки (волшебные, богатырские, о животных, бытовые, новеллистические), легенды и предания (космогонические, этиологические, исторические, генеалогические, топонимические), песни (исторические, трудовые, хороводные, игровые, застольные, обрядовые), произведения малых жанров (загадки, пословицы, поговорки, благопожелания, магталы), культовую и обрядовую поэзию (заговоры, заклинания, шаманские призывания) [*Дампилова*, *Дугаров*, *Бурчина*, *Бардаханова*, *Матвеева*, 2012: 199].

Сейчас исследование фундаментальной проблемы сохранности и трансформации фольклора и культуры бурят традиционно решается на результатах комплексных теоретических, архивных и экспедиционных исследований фольклора, мифа и языка бурят в сравнении с другими тюрко-монгольскими народами. Публикуются полевые фольклорные записи, которые не только вводятся в научный оборот, но и издаются на бурятском и русском языках для широкой читательской аудитории.

Из текущих проектов выделим активную работу по сбору фольклорных материалов в России, Монголии и Китае. На примере трёх ветвей бурятского этноса в разной языковой среде исследуются проблемы эволюции, преемственности, наследования традиций в культурной и духовной сфере. Экспедиционные материалы дали основу для трёх научных монографий «Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР».

Особо отметим одно из приоритетных направлений – изучение бурятской Гэсэриады, история исследования которой насчитывает более столетия. Знаменательным изданием стал первый в истории российского эпосоведения международный гэсэроведческий сборник «Актуальные проблемы Гэсэриады: эпический текст и этнокультурные традиции» (2009). В 2020 г.

проведена международная научная конференция «Эпос „Гэсэр“ – духовное наследие народов Центральной Азии».

Грантовые и хоздоговорные исследования. Широкий круг исследовательских задач Института решается благодаря реализации грантовых проектов РФФИ, РНФ, интеграционных проектов СО РАН, а также хоздоговорных исследований, проводимых по заказу органов власти, предприятий и организаций. При грантовой поддержке становятся возможными экспедиционные исследования, издание монографий.

За последние пять лет Институт работал по 1 мегагранту Правительства РФ, 3 грантам РНФ, 8 грантам РГНФ, 30 грантам РФФИ, из которых 7 проектов по конкурсу РФФИ совместно с Министерством образования, культуры и науки Монголии, 4 – совместно с Республикой Бурятия. Наиболее крупными грантовыми проектами Института, реализованными в последние годы, стали: «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» (рук. Б.В. Базаров) – РНФ, «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы» (рук. Л.Е. Янгутов) – РНФ, «Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов» (рук. Л.Е. Янгутов) – РНФ, «Миряне и ламы: буддийские идеи и практики в трансформирующихся обществах России и Монголии» (рук. Л.Л. Абаева) – РФФИ-МинОКН Монголии, «Буддизм и национализм во Внутренней Азии» (рук. И.Р. Гарри) – РФФИ, «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»)» (рук. Б.В. Базаров) – РФФИ-МинОКН Монголии, «Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая» (рук. Л.С. Дампилова) – РФФИ-МинОКН Монголии, «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция её историко-культурного прошлого» (рук. Б.З. Нанзатов) – РФФИ.

Хоздоговорные исследования чаще реализуются социологами и археологами Института и направлены на решение социокультурных, социально-экономических, политических задач в регионе. Так, например, социологами в сотрудничестве и по заказу Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия организована работа по мониторингу состояния межнациональных отношений в республике.

Сотрудничество и международные связи. Институт активно сотрудничает не только с научными коллективами страны. Широка география его международных связей. Налажены контакты с современным монгольским научным сообществом. Прежде всего это институты Академии наук Монголии, ряд высших учебных заведений и другие научные организации: Институт международных отношений, Институт истории и этнологии, Институт философии Академии наук Монголии, Научно-исследовательский институт при Национальном университете Министерства обороны Монголии, Международный институт изучения кочевых цивилизаций (ЮНЕСКО), Международный университет «Их Засаг», Монгольский государственный университет, Монгольский государственный университет науки и технологий, Монгольский государственный университет образования, Монгольский национальный университет и др.

Институт также активно взаимодействует с китайскими научными организациями: Хулун-Буирский университет Внутренней Монголии (Хайлар), Академия монголоведения Университета Внутренней Монголии (Хух-Хото), Музей Внутренней Монголии (Хух-Хото), Северо-Западный университет национальностей (Ланьчжоу), Пекинский университет, Нефтяной университет (Циндао), Центр изучения философии и религиозной культуры Востока при Нанкинском университете (Нанкин), Центр международной тибетологии Шэньсийского университета. Совместные исследования ведутся, прежде всего, в рамках монголоведных и буддологических исследований.

Активно развиваются отношения с научными партнёрами из Индии, Японии, Южной Кореи: Университетом Джавахарлала Неру, Центральным институтом высших тибетологических исследований им. Маулана Абул Калам Азада, Высшей школой медицины Университета Рюкю, Университетом Саппоро Гакуин, Институтом корейской археологии и древней истории Университетом Кьюн Хе, Центром Азиатской Культуры Республики Корея.

Развитие археологического направления способствовало сотрудничеству с зарубежными организациями данного профиля из Европы: Университетом им. Поля Сабатье, Боннским университетом, Исследовательской лабораторией департамента археологии и классической истории Стокгольмского университета.

Партнёрские связи с отечественными и зарубежными научными учреждениями носят недекларативный характер. Результатом сотрудничества являются совместные исследовательские проекты и научные мероприятия. Наиболее крупные междисциплинарные проекты, в реализации которых наряду с сотрудниками ИМБТ СО РАН принимают участие учёные Монголии, Индии и Китая: «Тибетский буддизм по обе стороны Гималаев», «Кочевые цивилизации Центральной Азии: исторический опыт взаимодействия природы и общества»; «Монгольский коридор в условиях евразийского взаимодействия» и другие.

Один пояс – один путь. Важным направлением деятельности Института стало участие в формировании международной сети экспертов Китая, Монголии и России «Один пояс – один путь». На современном этапе Ассоциация включает в свой состав 10 авторитетных научных учреждений и государственных структур трёх стран. Форум был проведён пять раз – в Улан-Баторе (2015, 2018), Улан-Удэ (2017) и Хух-Хото (2016, 2019). Результатом совместной деятельности явилось создание представительной площадки для обсуждения различных вопросов, связанных с формированием экономических коридоров Китай – Монголия – Россия и связанных с ним евразийских мегапроектов, определяющих новые аспекты международного сотрудничества.

Трёхсторонний семинар. Традиционным стал трёхсторонний международный семинар «Актуальные проблемы сопредельных стран (Россия – Китай – Монголия) в современном мире», который с 2004 г. поочерёдно проводился 14 раз в городах Улан-Удэ, Улан-Батор, Хух-Хото и Циндао. Долгосрочными партнёрами данного мероприятия являются Институт философии Академии наук Монголии, Университет «Тэнгэр», Нефтяной университет г. Циндао. За годы проведения семинара учёными трёх стран обсуждался самый широкий круг актуальных проблем.

Подобные мероприятия позволяют сторонам провести параллели в динамике и развитии соседних стран, выявить общие и специфические характеристики трансформирующихся обществ.

Крупные издания. С момента основания коллективом учёных Института создано большое количество обобщающих, фундаментальных работ, длинный перечень которых являет собой свидетельство научного вклада в отечественную и мировую науку.

Отдельно необходимо отметить издание «Правдивых записей о монголах Цинской империи». С 2014 г. в сотрудничестве с монгольскими коллегами реализуется крупный источниковедческий проект по переводу и изучению многотомного исторического источника «Правдивые записи о монголах Цинской империи». Первый том перевода на русский язык был издан в 2019 г., он включает периоды правления первых трёх правителей маньчжурской династии: Нурхаци, Хун-тайджи и Фулиня. Второй том увидел свет в конце 2020 г., в нём освещается первая половина правления императора Канси. Третий том вышел в 2021 г. Исследование и перевод со старописьменного монгольского языка этого уникального памятника, несомненно, позволят по-новому взглянуть не только на переломные моменты и ключевые события в истории Внутренней Азии, но и в силу многоаспектности источника осветить вопросы истории и культуры монгольских народов.

Наряду с научно-исследовательскими работами важным направлением деятельности Института является организация научных конференций, форумов и симпозиумов. Данные мероприятия стали крупными площадками, на которых обсуждались проблемы истории и культуры народов в Центральной и Восточной Азии, различные стороны трансформации культурного наследия кочевых обществ в постиндустриальную эпоху, широкий спектр самых разных вариантов и следствий современных социальных процессов в государствах Внутренней Азии. Это придало Институту статус крупного международного научного центра. Не менее важным итогом стало формирование сети международных коммуникаций научных институтов, установление и укрепление личных контактов учёных Института с зарубежными коллегами, многие из которых стали постоянными партнёрами и на протяжении многих лет продолжают успешно сотрудничать. Особо следует отметить традиционную конференцию Института «Мир Центральной Азии», которая станет основным юбилейным мероприятием в рамках 100-летия института и пройдёт с 30 июня по 3 июля 2022 г. в г. Улан-Удэ.

Институт известен именами выдающихся учёных – Б.Б. Барадина, Ц.Ж. Жамцарано, Г.Ц. Цыбикова, Е.М. Залкинда, Б.В. Семичова, Г.Н. Румянцева, Л.Е. Элиасова, В.Ц. Найдакова, А.Б. Соктоева, В.И. Рассадина и др. Благодаря их кропотливому труду, а также работающим ныне в Институте известным в России и за рубежом исследователям – П.Б. Коновалову, Ц.П. Ванчиковой, Л.Л. Абаевой, С.Ю. Лепехову, Л.Е. Янгутову, М.Н. Балдано, Г.А. Дырхеевой, Л.С. Дампиловой, Л.В. Курасу, С.Г. Жамбаловой и всем другим нашим учёным – сегодня Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН является крупнейшим центром гуманитарных исследований на востоке России. Географическое и геополитическое располо-

жение Института, а также коллектив исследователей, обладающий высоким научным потенциалом, обязывает продолжить проведение приоритетных и стратегических исследований в области гуманитарных наук на высоком уровне.

ИМБТ СО РАН сохраняет верность традициям. Преемственность поколений и преемственность в тематике научных исследований являются его характеристикой на протяжении всей истории его развития. Сегодня к числу приоритетных исследовательских задач относятся дальнейшее углублённое изучение региональных экономических, социально-политических и культурных процессов, исследование межрегионального взаимодействия и взаимовлияния культур региона и сопредельных территорий, по отношению к которым Байкальская Азия выступает в качестве трансконтинентального перекрёстка. Изучение этого комплекса задач позволит сделать ещё один важный шаг к научному освоению востоковедного пространства, что в конечном итоге будет способствовать позитивному диалогу Запада и Востока.

Список литературы

Базаров Б.В., Ванчикова Ц.П., Плеханова А.М., Чимитдоржиева Г.Н. От Учёного комитета к академическому институту: к 100-летнему юбилею Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 127–132.

Балдано М.Н. Бурятская историческая наука: от Буручкома до Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012а. № 3 (7). С. 65–83.

Балдано М.Н. Отдел истории, этнологии и социологии // Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (к 90-летию Института). Иркутск: «Оттиск», 2012б. С. 27–44.

Бураева О.В. Становление и развитие академической этнографической науки в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 3 (7). С. 83–99.

Ванчикова Ц.П., Ринчинов О.С. Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 148–155.

Дампилова Л.С., Дугаров Б.С., Бурчина Д.А., Бардаханова С.С., Матвеева Р.П. Филологические исследования в ИМБТ СО РАН: от истоков до современности // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 3 (7). С. 195–215.

Дырхеева Г.А., Шагдаров Л.Д. Отдел языкознания – старейший отдел Института // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 133–149.

Рандалов Ю.Б., Жалсанова В.Г. Становление и развитие социологических исследований в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 3 (7). С. 132–141.

Ташак В.И. Отдел истории и культуры Центральной Азии в 2008–2012 гг. // Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (к 90-летию Института). Иркутск: «Оттиск», 2012. С. 45–76.

Янгутов Л.Е. Буддологические, востоковедные и философские исследования в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 140–147.

ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 118. Л. 61

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 58. Л. 66

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 2. Л. 1-28

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Л. 60-61об.

НА БНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1221. Л. 3

НА БНЦ СО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1318. Л. 4

НА БНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1222. Л. 2

Современные гуманитарные исследования в Пермском федеральном исследовательском центре УРО РАН[1]

А.В. Черных

Аннотация. *В статье рассматривается история становления гуманитарных отделов академических институтов в Пермском крае, а также итоги и основные направления деятельности Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. Дана характеристика результатов археологических изысканий учёных отдела в Пермском Прикамье, проанализирована тематика археологических исследований. Проведён подробный анализ результатов исследовательской деятельности этнологов, отмечены особенности региона и методики проведения полевых этнологических исследований. Проанализированы исследования, связанные с изучением традиционной культуры народов Урала, этнодисперсных групп народов Урала и России – немцев, болгар, корейцев, белорусов, чувашей, цыган, вопросов национальной политики и современных этнических процессов и межэтнического взаимодействия. Формирование значительного собрания фольклорных материалов обусловило появление нескольких проектов и серии изданий, направленных на публикацию фольклорного наследия. Указывается, что Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН выступает и своеобразным организационным центром проводимых этнологических, фольклорных и лингвистических исследований в регионе, и ряд проектов реализуется совместно с другими научными и вузовскими учреждениями и организациями. В приложении приведена библиография отдельных изданий Отдела за период 2012–2021 гг. Завершает статью анализ возможностей открытия в Перми гуманитарного академического института.*

Ключевые слова: *история науки, история Урала, археология, этнология, историография, Пермь.*

DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.024

Становление Перми как центра академической гуманитарной науки на Урале начинается в начале XXI в. На состоявшемся здесь в феврале 2002 г. выездном заседании Президиума Уральского отделения РАН было принято решение об открытии в столице Пермской области (ныне – Пермского края) отделов гуманитарных институтов Российской академии наук. Его принятие было вызвано несколькими факторами. Прежде всего, для того, чтобы исправить исторически сложившийся перекос в тематике научных исследований РАН на Западном Урале, связанный с функционированием в регионе четырёх академических институтов технического и естественного профиля. Другой причиной стали сложившиеся в регионе в начале XXI в. сообщество

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания «Урал – этнокультурный перекрёсток», номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2.

учёных и традиции гуманитарных исследований в пермских вузовских центрах, сформировавшиеся гуманитарные научные школы.

В результате выполнения решения Президиума УрО РАН в 2003 г. в городе были открыты два филиала институтов УрО РАН, базирующихся в г. Екатеринбурге: в марте 2003 г. был открыт Пермский отдел Института истории и археологии УрО РАН (преобразованный в 2004 г. в филиал Института), а в октябре 2003 г. – Пермский филиал по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УрО РАН. В 2013 г. филиалы были переданы в структуру Пермского научного центра УрО РАН в качестве самостоятельных отделов – Отдел истории, археологии и этнографии и Отдел по исследованию политических институтов и процессов. В 2017 г. при объединении всех академических структур региона в один Пермский федеральный исследовательский центр (ПФИЦ) УрО РАН в его структуре, наряду с пятью институтами, состоят два названных отдела и одна лаборатория.

Сегодня основные направления исследований отделов связаны с изучением исторических, этнических, культурных и политических процессов в регионе и на сопредельных территориях с учётом общероссийских и трансевразийских социальных и культурных процессов. В настоящей статье остановимся лишь на исследованиях, определяющих тематику Отделения историко-филологических наук РАН, деятельности Отдела истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН.

В настоящее время Отдел состоит из двух секторов – сектора археологических и исторических исследований и сектора этнологических исследований. Штатная структура Отдела включает 10 научных сотрудников, среди которых 3 доктора наук, 5 кандидатов наук. Первоначально при создании филиала были определены три ключевых направления исследований – исторические, археологические и этнологические. Однако в результате преобразований и сокращений за период существования Отдела в настоящее время основные направления исследований связаны с этнологией и археологией.

Археологические исследования

Сектор археологических и исторических исследований включает 6 научных и технических сотрудников, основная специализация которых связана с археологией и средневековой историей региона. Одним из направлений его работы является проведение археологических полевых исследований. С 2008 г. основные полевые работы проводятся сотрудниками сектора на Рождественском археологическом комплексе IX–XIV вв. (Пермский край, Карагайский район, по р. Обве), состоящем из двух городищ и двух могильников (руководитель Н.Б. Крыласова). Экспедиции на данный памятник организуются ежегодно [*Белавин*, *Крыласова*, 2017а]. За последние 10 лет на Рождественском городище, основном памятнике археологического комплекса, вскрыто более 1500 кв. м, выявлены, изучены и описаны более 20 различных сооружений (жилища, металлургические горны, хозяйственные комплексы). Наиболее важным и интересным открытием стало изучение медницкой мастерской XII–XIII вв. – единственной выявленной в настоя-

щее время на археологических объектах средневекового времени в Волго-Камском регионе [*Крыласова*, 2019, 2021]. Мастерская располагалась в большом доме площадью 216 кв. м, разделённом перегородками, построенном в каркасно-столбовой технике, также как и жилища, изученные на городище. В производственной части обнаружены остатки печей и горнов, разнообразные изделия и отходы медницкого производства. По этим материалам можно полностью проследить процесс от отливки заготовок, ковки пластин до формирования корпуса котлов и снабжения их ушками и дужкой для подвешивания. Кроме посуды в мастерской производили другие изделия из пластин – обкладки кошельков и венчиков деревянных сосудов, отдельные украшения и пр. Уникальной находкой для Предуралья в 2021 г. стал найденный в мастерской именной перстень-печатка, изготовленный из серебра и золота, на котором почерком Насх, характерным для XIII–XIV вв., вырезано имя – Аджлаб ибн ‘Умар. На Рождественском городище впервые в Пермском крае произведены исследования с использованьем аппаратурно-методического комплекса, основанного на последовательном применении площадного электропрофилирования и электротомографии (автор-разработчик И.В. Журбин, Физико-технический институт УдмФИЦ УрО РАН). Как показала апробация комплексной методики, геофизика (метод электроразведки) позволяет оперативно получить информацию о планировке памятника и структуре его культурного слоя. Опыт показал эффективность комплексных электрометрических исследований при определении границ заглубленных объектов и участков с большей мощностью культурного слоя.

Другим археологическим памятником, исследуемым сотрудниками Отдела, является датированный XII–XV вв. Плотниковский могильник на р. Иньва (Пермский край, Кудымкарский район, руководитель Н.Г. Брюхова), связанный с освоением поречья р. Иньвы предками коми-пермяцкого населения и переселенцами из северорусских областей [*Брюхова*, *Крыласова*, 2017].

Совместно с Камской археолого-этнографической экспедицией Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ) сотрудниками Отдела проводится системное изучение Бояновского могильника конца IX–X вв. (Пермский край, Добрянский район) [*Белавин*, *Данич*, *Иванов*, 2015]. В ходе исследований были найдены более 150 погребальных масок [*Fodor*, *Krylasova*, 2013] разной конструкции: от наглазников и наротников, кусочков серебряных пластин и монет, положенных на глаза, до цельных портретных масок с декоративными элементами, выполненными чеканкой и чернью. Процент погребений с масками очень высокий – более 48 %. Многочисленны находки погребений с саблями, деталями узды и другим конским снаряжением, останками коней. Многие мужские погребения имеют в составе инвентаря серебряные пояса, украшенные «узелковым» орнаментом. Вероятно, этот могильник иллюстрирует нахождение в Предуралье остаточной группы угров-мадьяр, не ушедших вместе с большинством мадьярских племён на запад в середине IX в.

Благодаря партнёрским отношениям с ПГГПУ археологи Отдела принимают участие также в полевых исследованиях и работах и на других объектах, в частности в раскопках средневековых могильников периода X–XI вв.

(Огурдинский, Запосельский, Степаново плотбище) и других памятников на территории Пермского Прикамья.

Одной из задач археологов региона является проведение спасательных археологических исследований на объектах историко-культурного наследия, разрушающихся в результате природного и антропогенного воздействия. Здесь параллельно решаются как задачи охраны памятников истории и культуры, так и научно-исследовательские задачи. Разрушение объектов историко-культурного (археологического) наследия в Пермском Предуралье является наиболее острой проблемой даже в масштабах всей России. Значительная часть археологических памятников периода средневековья, как поселений, так и могильников в той или иной степени разрушены в результате непродуманных действий при хозяйственно-экономической деятельности, а также намеренного ограбления их «чёрными копателями». В 2021 г. учёным региона удалось добиться пролонгирования государственной программы «Культура Пермского края» в части финансирования спасательных археологических исследований на территории региона. Эта госпрограмма является одной из основ финансирования археологических исследований.

Богатый и разноплановый материал, полученный в ходе археологических исследований, требует также определённых обобщений и выводов, касающихся исторических и этнокультурных процессов в регионе. Сотрудниками Отдела была предпринята попытка вычленить этнический компонент в средневековых археологических культурах Приуралья, используя комплексную методику анализа археологических источников, включающую математическую статистику керамических комплексов и погребальной обрядности по широкому кругу признаков, определение реперных элементов материальной культуры, их картографирование и выделение территорий, где эти этномаркеры представлены в сочетании между собой и наиболее концентрированно [*Belavin*, *Krylasova*, *Ivanov*, 2015].

Активно исследуется сотрудниками Отдела проблема существования в Прикамье в период средневековья самостоятельного ювелирного центра [*Белавин*, 2017; *Белавин*, *Крыласова*, 2017; *Подосёнова*, 2021а, 2021б]. Н.Б. Крыласовой и Ю.А. Подосёновой ведётся изучение технологии бронзолитейного и ювелирного ремёсел. Работы проводятся с использованием современной RFA-технологии и цифровой микроскопии. Исследованы более семи тысяч образцов медных, бронзовых и серебряных изделий, слитков, плавильных сосудов, создана электронная база данных, получено свидетельство о её государственной регистрации. В последние годы благодаря комплексным исследованиям цветной металлургии, литейного и ювелирного дела Пермского Предуралья в эпоху средневековья получены убедительные доказательства существования здесь крупного металлургического центра, который не только обеспечивал потребности местного населения, но и производил товарный металл и изделия на экспорт. Исследователи пришли к чёткому пониманию того, что в средневековом Прикамье сложился собственный центр среброделия, в продукции которого сочетаются традиции булгарского и местного ювелирного искусства [*Крыласова*, *Подосёнова*, 2015; *Подосёнова*, 2021б].

Важным направлением исследований археологов является изучение комплексов материальной культуры: костюма, украшений, других элементов хозяйства и быта. В конце XX – начале XXI вв. в Пермском крае изучен целый ряд могильников X–XI вв. – периода, материальная культура которого в XX в. оставалась малоизученной и имела широкую датировку. Новые материалы позволяют наметить определённую периодизацию внутри обозначенного временного интервала, что способствует формированию более чётких представлений о времени и характере изменений, происходящих в этот период, приведших в конечном итоге к смене ломоватовской археологической культуры на родановскую на рубеже XI–XII вв. [*Белавин*, *Крыласова*, 2021; *Крыласова*, *Данич*, 2021].

В 2014 г. была завершена обработка материалов и подготовлена публикация в серии «Археология Пермского края» об археологических памятниках, расположенных на Чашкинском озере на севере Пермского края – уникальном природном и историческом комплексе, на берегах которого обнаружены полтора десятка археологических памятников от эпохи камня (мезолит, VIII–VII тыс. до н. .) до эпохи средневековья (VIII–XIV вв.). В книге публикуются результаты работы археологов за период с 1980-х по 2010-е гг.; представлены описание раскопов, стратиграфии, чертежи и фотографии археологических объектов, древних предметов, составляющих коллекции исследованных памятников; даётся хронологическое, культурное, антропологическое определение; публикуются результаты радиокарбонного датирования памятников. Это издание – совместная работа двух археологических центров Пермского края – ПФИЦ УрО РАН и ПГГПУ. В этой же исследовательской серии опубликованы материалы многолетних исследований Плотниковского могильника (2017).

В 2021 г. изданием монографии завершились многолетние исследования височных украшений, проведённые Ю.А. Подосёновой [*Подосёнова*, 2021а]. Одной из основных задач при изучении этой категории материала являлось определение возникновения, а также развития форм и состава височных украшений. Автор выделяет в Прикамье целый ряд массовых групп таких украшений, характерных для определённых хронологических периодов, которые специфичны именно для данного региона. При этом богатые вещевым инвентарём древности ломоватовской и родановской культур (а также близкие к ним древности Удмуртии), с одной стороны, отличаются стабильностью и культурной преемственностью, а с другой – чутко реагируют на изменения в евразийской моде.

Одним из важных направлений археологических и исторических исследований Отдела являются вопросы вхождения территории Прикамья в состав Русского государства. В серии работ рассмотрен ранний этап колонизации – первоначальное знакомство русских с краем, возникновение экономических связей, вопросы включения Пермского Предуралья в Русское государство [*Белавин*, *Крыласова*, 2014; *Белавин*, *Крыласова*, 2017 а, б, в, г; *Крыласова*, 2014]. Выделяется целая серия комплексных историко-лингвистических исследований, направленных на выявление путей проникновения древнерусского населения в регион [*Корчагин*, *Лобанова*, 2012; *Корчагин*, 2018]. Изучались проблемы, связанные с разными этапами русской

колонизации Урала. Так, проанализированы многочисленные гипотезы расположения Анфаловского города, упоминаемого в летописях под 1472 г. в связи с походом рати князя Фёдора Пёстрого в Пермь Великую. По результатам историко-географического анализа, уточнения водной части маршрута русской рати можно считать установленным, что Анфаловский город не был городом в полном смысле этого слова, он не был даже населён. Это, скорее всего, было городище-убежище на берегу Старичного озера, отделившегося от основного камского русла в конце XV – начале XVI в. Анфаловский город не был опорным пунктом русской колонизации, но служил транспортной развязкой, местом, откуда начинался древний волок, который одновременно был одной из первых сухопутных дорог в Перми Великой [*Корчагин*, 2017].

Этнологические исследования

Сектор этнологических исследований включает четырёх специалистов по этнологии и антропологии. За период существования Пермского филиала в аспирантуре Института истории и археологии УрО РАН были подготовлены 3 кандидата наук, защищена одна докторская диссертация. В настоящее время в г. Перми специалисты по этнологии представлены только в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН. Тематика и направления исследований сектора имеют широкий спектр, партнёрские отношения с ПГНИУ и ПГГПУ позволяют привлекать к проводимым исследованиям учёных этих научных центров, а также из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Вологды, Челябинска и других регионов России. Несколько проектов реализуются совместно с коллегами из Китая, Великобритании, Швеции, Германии, Эстонии и других стран.

Полевые исследования. Одним из направлений научного этнографического поиска является целенаправленное и системное полевое изучение территории Урала и сопредельных районов Поволжья, других регионов России. Экспедиции разных лет работали в Пермском крае, а также в Башкортостане, Татарстане, Марий Эл, Удмуртии, Кировской, Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Тюменской, Владимирской, Архангельской, Омской, Саратовской областях, Алтайском, Красноярском крае. Сбор материала проводился среди разных этнических сообществ – русских, татар, башкир, удмуртов, марийцев, коми-пермяков, немцев, эстонцев, латышей, мордвы, белорусов, чувашей, таджиков, китайцев, корейцев, цыган и других народов. Кроме этнологов и антропологов в экспедициях работали этномузыковеды, фольклористы, лингвисты, антропологи, историки.

Работает несколько постоянно действующих экспедиционных направлений исследований. Ежегодными являются полевые исследования, проводимые Коми-Пермяцким этнографическим отрядом (руководители А.В. Черных, Т.Г. Голева). В 2012 г. завершилась программа сплошного обследования немецких сёл и деревень Урала, в настоящее время работа Немецкого этнографического отряда (руководитель Д.И. Вайман) направлена на решение задач сбора дополнительного и уточняющего материала, а также расширение географии исследования. Постоянно действующим является и Цыган-

ский этнографический отряд, экспедиции которого проводятся в цыганских общинах регионов России: в 2017–2021 гг. в Пермском крае, Свердловской, Челябинской, Тульской, Владимирской областях, Удмуртской Республике, Республике Татарстан. С 2012 г. на регулярной основе проводятся полевые исследования и записи глубинных интервью среди корейцев Урала в Пермском крае, Свердловской области, Удмуртии (руководитель М.С. Каменских). Отдельным направлением экспедиционной работы является изучение компактных ареалов расселения белорусов, эстонцев, немцев, латышей, чувашей, мордвы в Пермском крае и сопредельных территориях Среднего Урала.

Ежегодными являются также экспедиции в русские сёла и деревни Урала и Поволжья (руководитель А.В. Черных). В последние пять лет наиболее активно изучалась тематика языка и традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов, в 2016–2021 гг. состоялись экспедиции в районы Пермского края, Удмуртии, Татарстана. В 2016, 2018, 2019, 2021 гг. полевые исследования в районах Татарстана осуществлялась при поддержке Министерства культуры Республики Татарстан. Экспедиционные работы в 2020–2021 гг. среди русского населения Пермского края были сосредоточены на заводских поселениях Урала, исследовались идентичность, историческая память, особенности формирования заводского культурного пространства и комплексы традиционной культуры заводского населения Урала.

Часть экспедиций проводится совместно с ПГГПУ, в том числе в рамках этнографической практики студентов исторического факультета. Также осуществляется программа совместных полевых исследований с Пермским Домом народного творчества, в ходе её реализации решаются задачи не только сбора разнообразного этнографического и фольклорного материала, но также фиксация объектов нематериального культурного наследия. Такое сотрудничество позволяет привлекать профессиональных фотографов, операторов, звукотехников, то есть объединять ресурсы двух учреждений и совместно решать научные и прикладные задачи.

При разработке планов и программ экспедиционной работы руководители основывались на принципе комплексности в сборе материала: традиционная культура рассматривалась как целостная система, в совокупности всех её проявлений, что требовало полной фиксации всех исторических, этнографических, фольклорных текстов, явлений современной культуры, имеющих научное значение, активное комплектование предметов материальной культуры для музейных собраний Пермского края. Собранный материал по этой причине, особенно по тем районам, где проводилось длительное стационарное исследование, представляет собой срез сохранившихся явлений традиционной культуры на начало XXI в.

В итоге многолетней экспедиционной работы собран значительный и уникальный архив полевых материалов, содержащий аудио- и видеозаписи фольклорных текстов, интервью на различные исследовательские темы, видеофиксацию традиционных праздников и обрядов, фотографии. Записи сделаны на русском, татарском, коми-пермяцком, удмуртском, марийском, немецком, цыганском, чувашском языках. Тематика собранных материалов

чрезвычайно обширна: история заселения региона, исторические предания; география края; топонимические сведения; статистические материалы по этническому, социальному составу населения, демографическим процессам; описание особенностей материальной культуры (поселений, усадеб, жилища, утвари, традиционного костюма, промыслов и ремесел края, хозяйственной деятельности населения); описание календарных праздников и обрядов, семейных традиций и обрядов, этических норм, а также фольклорных текстов и многое другое. Представленный перечень тем сбора позволяет говорить об уникальности собранных материалов, возможности их использования в качестве источника специалистами разных направлений: историками, этнографами, фольклористами, музееведами, лингвистами. К настоящему времени архив полевых материалов является основной источниковой базой для этнографических исследований, активно используется для подготовки диссертаций, научных статей, монографий, сборников материалов. Уже сегодня к собранным записям обращаются не только этнографы, но и диалектологи, историки, фольклористы, этномузыкологи.

Отдельным направлением полевых исследований является изучение современных мигрантских и диаспоральных сообществ, чаще всего в условиях городской среды (А.В. Черных, М.С. Каменских). При их проведении используются методы современной социальной антропологии, решаются иные задачи, нежели при изучении традиционной культуры. В течение последних 10 лет исследования проводились среди таджиков, узбеков, кыргызов, китайцев, армян, азербайджанцев, грузин, народов российского Кавказа. Результаты работы ежегодно обсуждаются на межрегиональном экспертном форуме «Миграция в мегаполисе» в рамках Всероссийского форума национального единства в г. Перми.

Изучение современных особенностей этносоциальных, языковых процессов, межэтнического взаимодействия, их результатов происходит и при помощи этносоциологических исследований. Их проведение предпринимается в рамках участия в деятельности Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), Распределённого научного центра Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и реализуется по общей программе, как и в других регионах России. В 2020–2021 гг. в рамках реализации проекта «Национальные округа в системе российского федерализма» (рук. М.С. Каменских) проводились этносоциологические исследования в Коми-Пермяцком округе Пермского края, Ханты-Мансийском, Ненецком и Ямало-Ненецком округах, Агинском Бурятском округе Забайкальского края, Эвенкийском и Таймырском Долгано-Ненецком районах Красноярского края. Были организованы массовые опросы населения, выявлено отношение к реализации этнокультурных прав населения, а также последствиям административных реформ 2003–2007 годов.

Исследование комплексов традиционной культуры народов Урала

Выстраивание направлений научных этнологических исследований строится с учётом основной тематики Отдела, направленной на изучение этнокультурного многообразия Урала в исторической динамике.

Среди приоритетных тем изучения – этнокультурные комплексы традиционно проживающих в крае народов (русских, коми-пермяков, татар, баш-

кир, удмуртов, марийцев и других народов). В 2014 г. сотрудниками отдела завершена серия публикаций из четырёх томов «Русский народный календарь в Прикамье» (2006, 2008, 2010, 2014), раскрывающая региональный пласт празднично-обрядовой культуры.

Результатом работы по изучению традиционной культуры народов региона в данном направлении в последние годы стал выпуск книг исследовательской серии «Традиционный костюм народов Пермского края» (2017, 2019, 2020, 2020, 2021), реализуемый при поддержке Департамента национальной и конфессиональной политики Администрации губернатора Пермского края. В 2017–2021 годах вышли пять томов, посвящённых традиционному костюму русских, татар, башкир, удмуртов, марийцев. Готовятся к изданию тома по коми-пермяцкому и русскому костюмам. В монографиях серии на основе архивных, иллюстративных, опубликованных, музейных и полученных в ходе полевых исследований источников рассмотрены разные аспекты развития и функционирования традиционной одежды, в том числе материалы, техники и технологии, дана характеристика всем основным предметам и элементам, проанализирована динамика развития костюмных комплексов народов за последние несколько столетий, определена роль и место костюма в современных этнокультурных процессах.

В 2021 г. завершено несколько работ по традиционной культуре русского населения Поволжья и Урала. Материалы полевых исследований в районах Республики Татарстан стали основой для подготовки коллективной монографии «Традиционная культура русских Республики Татарстан: материалы и исследования» (2021). В её разделах раскрываются современное бытование исторических знаний и исторических преданий в изучаемом районе, костюмный комплекс одной из локальных традиций. Интересным представляется материал, выявляющий особенности конфессиональной культуры редкого и малочисленного старообрядческого согласия – «по Кресту», рябиновцев, отдельные разделы посвящены семейной обрядности. Завершает книгу публикация словаря диалектной лексики русских Нижней Камы.

Комплексное исследование типичной для Урала заводской традиции русских предпринято в коллективной монографии «Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод» (2021), в которой авторы исследуют историю заводского поселения, комплексы календарной и семейной обрядности, особенности фольклорной традиции, языка и другие аспекты. В рамках проекта опубликованы исторические и этнографические источники по заводскому поселению.

Пермь традиционно является центром финно-угорских исследований, которые также проводятся сотрудниками сектора. Изучение небольшой группы уральских марийцев завершилось подготовкой коллективного труда «Марийцы Пермского края» (2013). В одиннадцати главах рассмотрены особенности формирования группы, комплексы традиционной материальной и духовной культуры, современные этнические процессы и общественное движение. В рецензии на книгу марийский этнограф Т.Л. Молотова (г. Йошкар-Ола) отметила: «Авторы этого замечательного издания своим огромным трудом сохранят на века для следующих поколений самобытную яркую духовную и материальную культуру пермских марийцев…» [*Молотова*, 2014].

Приоритетным направлением изучения финно-угорской тематики являются история, этнография и современные этнические процессы у коми-пермяков. Отделом подготовлены несколько фольклорных сборников совместно с Институтом языка, истории и традиционной культуры коми-пермяков ПГГПУ, в которых представлены материалы по детскому фольклору народа (2015). В сборнике научных статей «Коми-пермяцкий этнографический сборник» (2014) опубликованы результаты исследований по этнографии, этнолингвистике, современным этническим процессам у коми-пермяков. Совместно с учёными из г. Кудымкара Пермского края подготовлены и выпущены материалы Международного научного симпозиума «Пермистика XVII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (2018).

В 2020–2021 гг. в рамках проекта Русского географического общества проводились исследование и подготовка этнографического альбома «Коми-пермяки на фотографиях второй половины XIX – начала XX в.» (2021), в котором впервые представлены коллекции фотографий из 16 музеев России, результаты изучения особенностей формирования коллекции, а также подходы, использовавшиеся при проведении съёмки.

Одним из исследовательских направлений и экспедиционных проектов стало изучение ***этнодисперсных групп народов Урала и России*** – немцев, болгар, корейцев, белорусов, чувашей, цыган. Формирование этнических групп названных народов относится к периоду XIX – начала XX в., что отличает их от «старожильческих» этнических общностей и более поздних мигрантов. Эти народы достаточно давно, в исторической перспективе, в отличие от современных мигрантов и старожильческого населения, освоили регионы России, прошли процессы адаптации и аккультурации, их традиционная культура показывает уже результаты пройденных процессов развития на новой территории и межэтнического взаимодействия, что крайне важно для выявления закономерностей этнокультурных процессов.

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН является и одним из научных центров по изучению этнографии немцев России. Исследование немецкого населения Урала – одна из основных тем научных изысканий Д.И. Ваймана. По результатам экспедиций в 2017 г. им подготовлены два монографических исследования. Книга «Шпрухи немцев Урала» (2017) посвящена одному из явлений в культуре российских немцев – художественно оформленным картинам с короткими изречениями из Библии или высказываниями назидательного характера. В монографии «Календарные праздники и обряды немцев Урала в конце XIX – начале XX в.» рассмотрены особенности празднично-обрядовой культуры немцев Пермского края, Челябинской и Оренбургской областей, Республики Башкортостан.

Одним из направлений исследований, которые активно развиваются в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН, стало цыгановедение. С 2002 г. проводятся экспедиционные работы и разрабатывается историческая и этнологическая тематика. В последние годы подготовлена серия статей по истории цыган России, в которых отражены особенности миграционных процессов и формирования в России группы цыган-кэлдэраров, мобильности и сервисного номадизма разных групп цыган, миграции в районы Среднего Урала, создание и функционирование на Урале цыганских

колхозов, участие цыган в производственной кооперации в 1920–1930-е гг. в СССР и другие исторические сюжеты. Отдельным направлением исследования является изучение комплексов традиционной культуры нескольких этнографических групп цыган [*Кожанов*, *Черных*, 2018; *Черных*, 2018а,б,в,г; *Черных*, *Каменских*, *Вайман*, 2021]. Не менее важным является изучение вопросов современного развития цыганских сообществ и их интеграции в российское общество. Сотрудники отдела выступили авторами и ответственным редактором тома «Цыгане» академической серии «Народы и культуры» [Цыгане, 2018], являются членами Международного общества цыганологов, презентуют результаты исследований на ежегодных конференциях общества в Бухаресте, Праге, Рейкьявике и других городах мира. На Конгрессе этнологов и антропологов в Томске в 2021 г. по инициативе пермяков впервые была организована цыгановедческая секция, в которой принимали участие отечественные и зарубежные исследователи. По итогам выступлений подготовлен к печати сборник материалов. В настоящее время в секторе реализуется проект РФФИ «Цыганские сообщества России: формирование, этнокультурные особенности, взаимодействие с обществом и властью» (рук. Д.И. Вайман), в выполнении которого участвуют также исследователи из Москвы и Санкт-Петербурга. В 2021 г. было принято решение подготовить к публикации несколько работ, начав издательскую серию «Библиотека цыгановедческих исследований». Первым в серии стало исследование и публикация источников по цыганскому языку, осуществленная совместно с Институтом славяноведения РАН [Кожанов, 2021]. На 2022 г. также запланирован выход нескольких исследований в новой издательской серии, часть из них готовится совместно с коллегами из Сент-Эндрюсского университета (Великобритания).

В 2019–2022 сотрудниками сектора реализуется международный проект «Болгары Урала и Сибири в XX–XXI вв.: история, культура, идентичность» (РФФИ, руководитель А.В. Черных), с болгарской стороны в проекте участвует Институт этнологии и фольклористики с этнографическим музеем Болгарской академии наук (руководитель П. Христов). На Урале и в Сибири, на территории, занимающей более двух третей территории Российской империи, согласно результатам первой всеобщей переписи 1897 года, проживали всего лишь 48 болгар. Активное формирование болгарской диаспоры этого региона приходится на начало – первую половину XX в. История появления болгар на Урале и в Сибири, рассказы о расселении на данной территории, начиная с периода столыпинских аграрных реформ и заканчивая современными трудовыми миграциями, являются мощными этномобилизационными факторами, не позволявшими сообществу ассимилироваться в близком в культурном и языковом отношении окружении. Болгары не растворились в местной среде, что позволяет выявить факторы и закономерности процессов становления этнодисперсных групп. Особый интерес представляет феномен активизации болгарской идентичности и возникновение, организация в данных регионах культурных обществ болгар, что свидетельствует об интенсивности этнических процессов, происходящих среди этой группы славянского населения России. В результате по проекту авторами подготовлена серия статей, а также заканчивается работа над совместной монографией «Болгары Урала и Сибири: очерки истории и этнографии».

Изучение вопросов ***национальной политики и современных этнических процессов и межэтнического взаимодействия*** реализуется в двух направлениях. С одной стороны, в целой серии работ раскрыты особенности реализации национальной политики на Урале в исторической ретроспективе. Этой проблематике посвящены монографические исследования М.С. Каменских. В книге «Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект» впервые комплексно представлена реализация государственной национальной политики в Прикамье в первые два десятилетия советской власти. Рассмотрены деятельность секций национальных меньшинств при бюро нацмен Пермского губкома, учёт этнической составляющей при районировании Уральской области и создании Коми-Пермяцкого округа, политика коренизации в деятельность комитета нового алфавита, национальная политика в сфере образования, вовлечение этнических общественных объединений в кооперативное и колхозное строительство, определение этнической составляющей при проведении переписей населения 1926 и 1939 годов, этнически мотивированные репрессии в Прикамье во второй половине 1930-х годов [*Каменских*, 2019].

В 2021 году к столетию общественного движения коми-пермяков за свою автономию была издана монография М.С. Каменских «Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России XX – начале XXI века», в которой впервые комплексно представлена реализация государственной национальной политики в отношении коми-пермяков с момента создания национального округа Уральской области до современного этапа его развития. Выделены наиболее значимые, с точки зрения национальной политики, периоды: создание округа, политика в сфере языка и образования, переписи населения, существование округа как равноправного субъекта РФ, вхождение в состав Пермского края, современное развитие и меры поддержки коми-пермяцкого языка и культуры. Особую ценность представляют материалы этносоциологического исследования 2020 года, отражающего наиболее актуальные процессы в Коми-Пермяцком округе Пермского края [*Каменских*, 2021].

С другой стороны, сотрудники отдела активно исследуют современные этнокультурные и этносоциальные процессы, включены в деятельность Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), Распределённого научного центра ИЭА РАН. Публикации о современных проблемах и особенностях этнического развития Пермского края и реализации национальной политики представлены в ежегодных докладах и бюллетенях EAWARN, а также коллективных монографиях и сборниках [Феномен этнического конфликта, 2018; Этническое и религиозное многообразие, 2018; Миграция, 2019; Язык и идентичность, 2021]. В 2019–2021 гг. подготовлен цикл публикаций по историографии [Каменских, 2020] и о текущем состоянии национальной политики в России совместно с московскими коллегами [*Зорин*, *Каменских*, 2020; 2021а; 2021б].

С 2014 г. Пермь стала площадкой для проведения Всероссийского форума национального единства, на котором ежегодно организуются экспертные панели с привлечением учёных, в том числе экспертов Сети этнологического мониторинга из разных регионов России. В 2021 г. на форуме обсуждались проблемы сохранения нематериального культурного наследия народов

России, результатов и особенностей проведения Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., проблема миграции и миграционных сообществ и другие. Результаты его работы опубликованы в нескольких отдельных сборниках [Мониторинг реализации, 2018].

Исследования тематики современных этнических процессов происходят при поддержке Администрации губернатора Пермского края, проектов РФФИ, совместных проектов с другими научными центрами. В 2020–2021 гг. в рамках реализации проекта «Национальные округа в системе российского федерализма» подготовлены несколько публикаций о ситуации с родными языками в национальных округах, истории создания административно-территориальных образований, современных проблемах развития и этносоциальных процессах по материалам этносоциологических исследований [*Зорин*, *Каменских*, 2021б; *Черных*, *Каменских*, 2021]. В 2021 г. по тематике проекта подготовлен спецвыпуск журнала «Вестник российской нации» [Вестник, 2021].

Фольклорные публикации и проекты. Формирование за последние годы значительного собрания фольклорных материалов, собранных в ходе полевых исследований, обусловило появление нескольких проектов и серии изданий, направленных на публикацию фольклорного наследия народов Урала. В 2013 г. в Отделе завершилась реализация совместного с общественной организацией «Камва» проекта «Золотой фонд Пермского края», в ходе которого были подготовлены и изданы 6 CD дисков и 6 фильмов о фольклорной традиции русских, татар, башкир, коми-пермяков, марийцев, удмуртов. По итогам проекта издан сборник Антологии традиционного фольклора на 6 языках народов региона [Антология, 2013]. С 2010 г. в Отделе начата издательская книжная серия «Фольклор народов России», к настоящему времени вышли 10 книг – сборники традиционного фольклора русских и коми-пермяков и монографическое исследование [*Подюков*, *Свалова*, 2019].

В 2020 г. в рамках реализации проекта «Фольклорный архив: принципы хранения, систематизации и публикации экспедиционных материалов» была начата подготовка серии сборников, посвящённых фольклорной традиции региона. Особенностью всей серии является комплексная публикация фольклорных собраний: архивных и экспедиционных материалов. Сборники включают тексты, а также нотные расшифровки напевов; предваряет публикацию текстов этнографическое описание и комментарии к размещённым материалам. Издания снабжены аудио- и видеоприложениями, в которых представлены все записанные тексты. В сборниках размещён список материалов с QR-кодами для доступа к интернет-ресурсам, посвящённым проекту. В 2020–2021 гг. подготовлены четыре сборника фольклорных текстов серии, два из них посвящены сказочной традиции Пермского Прикамья (совместно с московскими коллегами-фольклористами). Два сборника посвящены русскому музыкальному фольклору южных районов Пермского края и подготовлены совместно с этномузыкологами.

Совместные диалектологические и этнолингвистические проекты. Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН выступает своеобразным организационным центром проводимых этнологических, фольклорных и диалектологических исследований в регионе, активно со-

трудничает и привлекает к своим проектам учёных из пермских вузовских центров – ПГНИУ и ПГГПУ. Итогом такой совместной работы с пермскими лингвистами стала подготовка под эгидой нескольких учреждений ряда словарных изданий. Среди них можно отметить «Тематический словарь лексики одежды» (2019), «Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края» (2019), «Словарь русских говоров севера Пермского края» (2021), подготовленные совместно с диалектологами ПГНИУ, словарь «Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья» (2020, совместный проект с этнолингвистами ПГГПУ).

Этнологический материал, экспертная деятельность в настоящее время востребованы обществом и властью, поэтому сотрудники сектора активно включены в решение прикладных задач развития национальной политики, выстраивания культурных приоритетов, этнокультурного образования. Взаимодействие с органами власти, учреждениями культуры, общественными институтами, популяризация наследия народов России также одно из направлений деятельности сотрудников сектора. Пермские этнологи участвуют в экспертной деятельности, разработке и реализации национальных программ России и Пермского края. Член-корреспондент РАН А.В. Черных является председателем экспертного совета по вопросам формирования реестра объектов нематериального культурного наследия при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО Российского Комитета по сохранению нематериального культурного наследия, входит в состав Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, является членом координационного совета по национальным вопросам при губернаторе Пермского края и других. Кандидат исторических наук М.С. Каменских – член Совета по межнациональным и межконфессиональным отношениям при Главе города Перми, помощник председателя – эксперт Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной Палаты РФ. Сотрудники Отдела входят в состав правлений нескольких общественных организаций.

Сектор этнологических исследований за последние годы реализовал и несколько выставочных и научно-популярных проектов. Передвижная выставка «Немцы Урала», подготовленная в рамках сотрудничества с Гёте-Институтом (Немецкий культурный центр им. Гёте, Москва) на основе полевых материалов ПФИЦ УрО РАН работала в 2016–2019 гг. в Пермском крае, Тюменской, Свердловской, Оренбургской областях. Передачи региональных телеканалов о народах и культурах региона также проходят с участием и при консультации специалистов сектора. Так, в 2015–2018 гг. был разработан и реализован проект, выполненный по заказу Администрации г. Перми по подготовке серии научно-популярных книг «Народы г. Перми». Ежегодно часть исследовательских и издательских проектов реализуется при поддержке администрации губернатора Пермского края.

Завершая подведение определённых итогов деятельности Отдела истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН, следует отметить, что решение об открытии отделов академических институтов в г. Перми дало новый импульс как подготовке специалистов, так и активизации исследований. За два десятилетия существования Отдела, он заявил о себе как о зна-

чимом центре археологической и этнологической науки. Отмечая важность гуманитарного направления в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН и высокую результативность деятельности Отдела, необходимость развития гуманитарной науки в регионе, Объединённый Учёный совет ПФИЦ УрО РАН 23 мая 2020 года принял решение о создании в структуре Центра путём объединения двух отделов обособленного структурного подразделения – Института гуманитарных исследований. В настоящее время разработаны Положение об Институте, идёт процедура внесения изменений в Устав ПФИЦ УрО РАН. Надеемся, что этот Институт станет не только новой организационной структурой, но и даст новый импульс для гуманитарных исследований в регионе.

Список литературы

Антология традиционного фольклора народов Прикамья / ПРОО «Камва, сост. и вступ. ст. А.В. Черных. Пермь: Типография «Зебра», 2013. 352 с.

Белавин А.М. Прикамский ювелирный центр эпохи средневековья: комплексное исследование // V (XXI) Всероссийский археологический съезд сборник научных трудов. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 93.

Белавин А., Данич А., Иванов В. Древние мадьяры в Предуралье // в кн. Фодор И. Венгры: древняя история и обретение Родины. Пермь: ООО «Типография Зёбра», 2015. С. 101–129.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Славяно-финская колонизация Прикамья и её роль в изменении материальной культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.III. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 86–88.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Новые материалы раскопок Рождественского комплекса в Пермском крае // VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 50-летию Билярской археологической экспедиции. Сер. «Археология евразийских степей» Казань: ИА АН РТ им. А. Халикова, 2017а. С. 30–38.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X–XI вв. // Поволжская Археология. 2017б. № 1 (19). С. 284–297.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Ювелирные инструменты средневекового населения Предуралья (по материалам Рождественского археологического комплекса). Препринт научного доклада на международной конференции «Археология Арктики», 19–22 ноября 2017 г., г. Салехард, Россия; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2017в. 19 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Тенденции в развитии материальной культуры X–XI вв. (по материалам могильников Пермского Предуралья) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021г. № 2. С. 7–18.

Брюхова Н.Г., Крыласова Н.Б. Плотниковский могильник. Монография. Сер. Археология Пермского края: свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: ПГГПУ, ПФИЦ УрО РАН, 2017. 222 с.

Вестник российской нации. Научный и общественно-политический журнал. 2021. Спецвыпуск.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 1. С. 52–68.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. 2020 год в национальной политике России: итоги, задачи и вызовы нового десятилетия // Вестник Московского государственного областного университета. 2021а. № 2. С. 38–50.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. Роль общественных палат в укреплении межнационального и межконфессионального согласия в современной России // Вестник российской нации. 2021б. Спецвыпуск. С. 16–27.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. Ненецкий автономный округ в системе российского федерализма: по материалам этносоциологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021б. Т. 20. № 4. С. 568–578.

Каменских М.С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб.: Маматов, 2019. 224 с.

Каменских М.С. Советская национальная политика в 1920–1930-е годы в современной отечественной и зарубежной историографии: основные тенденции // «Вестник Пермского университета», серия «История». 2020. № 2. С. 57–66.

Каменских М.С. Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России XX – начале XXI века. СПб.: Маматов, 2021. 224 с.

Кожанов К.А., Черных А.В. Талисманы удачи в традиционной культуре цыган-кэлдэраров // Традиционная культура 2018. № 1 С.115–126.

Корчагин П.А. Трансформация речных бассейнов в речную сеть, или Ещё раз о средневековой вербальной лоции финно-угорских народов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 39–44.

Корчагин П.А. Легендарный Анфаловский городок. А был ли город?// Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. Вып.2(37). С. 5–16.

Корчагин П.А. «Праведные» топонимы: Амбор и Пянтег // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 1. С.120–131.

Корчагин П.А., Лобанова А.С. Очерки ранней истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. № 1. С. 121–-134.

Крыласова Н.Б. Начало «древнерусской колонизации» Прикамья и её роль в появлении новой территории под именем «Пермь» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. № 9. С. 28–39.

Крыласова Н.Б. Мастерская медника на Рождественском городище в Пермском крае // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Альфа Принт», 2019. С. 239–241.

Крыласова Н.Б. Мастерская булгарского ремесленника-медника на Рождественском городище в Пермском крае // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 169–185.

Крыласова Н.Б., Данич А.В. Сборные поясные привески с элементами из когтей медведя в средневековом мужском костюме Пермского Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 1(49). С. 78–84.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Средневековые ювелирные изделия с чернью с территории Пермского Предуралья // IV Северный археологический конгресс. Материалы. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН, 2015. С.180–183.

Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнёрства в России / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. 340 с.

Молотова Т. Рецензия: Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь: изд-во «От и до», 2013. 520 с. // Финно-угроведение. 2014. № 1. С.78.

Мониторинг реализации государственной национальной политики в регионах России. Материалы всероссийского форума национального единства / ред. Степанов В.В., Черных А.В. – Москва-Пермь: Перм. кн. изд-во, 2018. 320 с.

Подосёнова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья : монография / под ред. Н.Б. Крыласовой ; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т ; Перм. федерал. исследоват. центр УрО РАН. Пермь, 2021а. 210 с.

Подосёнова Ю.А. Основные особенности средневековых ювелирных изделий Пермского Предуралья // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2021б. № 2. С. 84–93.

Подюков И.А., Свалова Е.Н. Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. СПб.: Маматов, 2019. 224 с.

Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. Москва: ИЭА РАН, 2018. 452 с.

Цыгане / отв. ред. Н.Г. Деметер, А.В. Черных; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2018. 590 с. (серия «Народы и культуры»).

Черных А.В. Этнографическое изучение Пермского Прикамья в начале XXI в.: экспедиционные, исследовательские и издательские проекты // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2015. № 4. С. 17–26.

Черных А.В. Кочевое прошлое и современная мобильность цыган-кэлдэраров России // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 35–43.

Черных А.В. Цыгане-кэлдэрары в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2018а. Вып. 1 (40). С. 138–148.

Черных А.В. «Цыганская Библия»: христианские фольклорные легенды цыган-кэлдэраров // Традиционная культура 2018б. № 2 С. 148–159.

Черных А.В. Глава 16. Цыгане в регионах России: Пермский край // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018в. С. 379–402.

Черных А.В. Цыганский номадизм: российские модели (XIX – первая половина XX в.) // Этнография. 2018 г. № 2. С.109–128.

Черных А.В., Вайман Д.И. Цыгане г. Перми: история и культура. СПб., 2018. 64 с.

Черных А.В., Каменских М.С. Коми-пермяцкий язык: современные процессы, перспективы сохранения и развития // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2021 С. 280–305.

Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.

Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2021. 620 с.

Belavin A.M., Krylasova N.B., Ivanov V.A. Urals and the problem of ‘eastern ancestral home’ of Hungarians // European Journal of Science and Theology. 2015. Т. 11. № 3. С. 201–207.

Chernykh A. Calendar feasts and rites of the Kalderash Roma in Russia: Easter // Romani-5. Papers from the Annual Meeting of the Gypsy Lore Society. Graz 2011. Graz 2013. S. 105–112.

Chernykh Aleksandr. Gold in Customs and Rituals of the Kelderari Roma // ROMA: PAST, PRESENT, FUTURE. Munich: Lincom Academic Publisher, 2016. S. 134–142.

Fodor I., Krylasova N. Ancient burial masks. Budapest: Hungarian National Museum, 2013. 72 s.

Vaiman Dmitriy, Chernykh Aleksandr. Roma Communities in Perm Krai: Historical and Ethnical Aspects // ROMA: PAST, PRESENT, FUTURE. Munich: Lincom Academic Publisher, 2016. S. 143-149.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Труды, подготовленные сотрудниками Отдела истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН в 2012–2021 гг.

Сектор археологических и исторических исследований

Археологические памятники Чашкинского озера: монография / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.М. Белавин, СВ. Скорнякова; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь: Книжный формат, 2014. 565 с.

Брюхова Н.Г., Крыласова Н.Б. Плотниковский могильник. Монография. Сер. Археология Пермского края: свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: ПГГПУ, ПФИЦ УрО РАН, 2017. 222 с.

Подосёнова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья: монография / под ред. Н.Б. Крыласовой; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т; Перм. федерал. исследоват. центр УрО РАН. Пермь, 2021. 210 с.

Сектор этнологических исследований

Русские народные загадки Пермского края: сборник фольклорных текстов и комментариев / Сост. И.А. Подюков, А.В. Черных. СПб.: Маматов, 2012. 250 с.

Антология традиционного фольклора народов Прикамья / ПРОО «Камва, сост. и вступ. ст. А.В. Черных. Пермь: Типография «Зебра», 2013. 352 с.

Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь: От и до, 2013. 520 с.

Черных А.В., Голева Т.Г., Шевырин С.В., Каменских М.С. Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии (колл. монография). СПб.: Маматов, 2013. 260 с.

Черных А.В., Попова Е.В., Голева Т.Г., Вайман Д.И. Традиционная кукла народов Пермского края. СПб.: Маматов, 2013. 128 с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – первой половины XX в. Ч. 4. Местные праздники. СПб., Маматов, 2014. 280 с.

Черных А.В., Голева Т.Г., Вайман Д.И., Каменских М.С. Народы Пермского края: история и этнография. Ч.2. Пермь: Пушка, 2014. 424 с.

Каменских М.С. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб: Маматов, 2014. 192 с.

Черных А.В., Каменских М.С. Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб: Маматов, 2014. 272 с.

Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник / под. ред. А.В. Черных, М.С. Каменских, А.А. Субботина, С.В. Неганова. СПб.: Маматов, 2014. 416 с.

Поляки в истории и культуре Урала: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Пермь, 25–27 сентября 2012 г.) / ред. кол. А.В. Черных, М.В. Старцева, Л.А. Обухов. Пермь: Форвард-С, 2014. 252 с.

Коми-Пермяцкий этнографический сборник. Вып. X. / под ред. А.В. Черных, А.С. Лобановой / Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / ред. кол.: А.С. Лобанова, А.М. Белавин. Пермь: Маматов, 2014. 154 с.

Боба, тэ боба, кытчӧ тэ ветлін? Боба, ты боба, куда ты ходил? Детский фольклор коми-пермяков: Сборник фольклорных текстов и комментарии / сост. Т.Г. Голева, А. С. Лобанова, Н.А. Мальцева, И.А. Подюков, А.В. Черных (Труды Ин-та языка, ист. и трад. к-ры коми-перм. народа. Вып. XI). СПб.: Маматов, 2015. 400 с.

Вайман Д.И. Календарные праздники и обряды немцев Урала в конце XIX – начале XXI в. / Д. И. Вайман – СПб.: Маматов, 2017. 320 с.

Шпрухи немцев Урала /авт.-сост. Д.И. Вайман, науч. ред. А.В. Черных. – СПб.: Маматов, 2017. 176 с.

Мониторинг реализации государственной национальной политики в регионах России. Материалы всероссийского форума национального единства / ред. Степанов В.В., Черных А.В. Москва-Пермь: Перм. кн.изд-во, 2018. 320 с.

ПЕРМИСТИКА XVII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Материалы Международного симпозиума (23–24 ноября 2018 г., г. Кудымкар). Сборник научных статей. г. Кудымкар, 2018. 368 с.

Каменских М.С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб.: Маматов, 2019. 224 с.

Русинова И.И., Черных А.В., Шумов К.Э., Королева С.Ю. Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч.1. Люди со сверхъестественными свойствами. СПб.: Маматов, 2019. 862 с.

Подюков И.А., Свалова Е.Н. Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. СПб.: Маматов, 2019. 224 с.

Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / С.Ю. Королёва [и др.]. СПб.: Маматов, 2020. 352 с.

Каменских М.С. Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России XX – начале XXI века. СПб.: Маматов, 2021. 224 с.

Черных А.В. Коми-пермяки на фотографиях второй половины XIX – начала XX в. Этнографический альбом. СПб.: Маматов, 2021. 372 с.

Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 19. СПб.: Маматов, 2021. 416 с.

Словарь русских говоров севера Пермского края / И.И. Русинова, А.В. Черных, Ю.В. Зверева и др. СПб.: Маматов, 2021. Выпуск 2. Г-Д. 360 с.

Серия «Традиционный костюм народов Пермского края»

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Татары и башкиры. СПб.: Маматов, 2017. 416 с.

Зверева Ю.В., Русинова И.И., Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Тематический словарь лексики одежды. СПб.: Маматов, 2019. 432 с.

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Удмурты. СПб.: Маматов, 2020. 468 с.

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Мужская одежда. СПб.: Маматов, 2020. 540 с.

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Марийцы. СПб.: Маматов, 2021. 528 с.

Серия «Фольклорный архив»

Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в. / А.В. Черных (отв. ред.), В.Е. Добровольская, И.И. Русинова, И.А. Подюков, М.Е. Суханова, О.С. Сивков, Е.Н. Свалова, С. В. Хоробрых, С. Ю. Королева. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край».) СПб.: Маматов, 2020. 240 с.

Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В.Е. Добровольская, Г.Н. Мехнецова, И.И. Русинова, О.С. Сивков, М.Е. Суханова, А.В. Черных (отв. ред.). (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2020. 192 с.

Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод: материалы и исследования: коллективная монография / А.В. Черных (отв. ред.), И.И. Русинова, Ю.А. Кашаева, А.В. Востроknутов, Д.И. Вайман, С.Ю. Королёва, О.С. Сивков, М.А. Брюханова. СПб.: Маматов, 2021. 486 с. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»).

Песенная традиция русских сел Октябрьского района Пермского края в записях конца XX в. (под общ. ред. А.В. Черных). / А.В. Черных (отв. ред.), О.С. Сивков, И.И. Русинова, Ю.С. Чернышева, М.Е. Суханова, Е.Н. Свалова. СПб.: Маматов, 2021.386 с. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»).

Песенная традиция деревни Суюрка Куединского района Пермского края: свадебный фольклор / А.В. Черных (отв. ред.), Г.Н. Мехнецова, А.А. Мехнецов, О.С. Сивков, И.И. Русинова, М.Е. Суханова. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб: Маматов, 2021. 242 с.

Традиционная культура русских Республики Татарстан: материалы и исследования: коллективная монография / А.В. Черных (отв. ред.); В.Е. Добровольская (отв. ред.), И.И. Русинова, А.В. Востроknутов, Ю.С. Чернышева. СПб.: Маматов, 2021. 552 с. (Серия «Фольклорный архив. Республика Татарстан»).

Серия научно-популярных работ: «Народы г. Перми» 2015-2018 гг.

Каменских М.С., Черных А.В. Русские Перми: история и культура // СПб.: Маматов, 2015. – 64 с.

Каменских М.С. Армяне Перми: история и культура. СПб.: «Маматов», 2015. 64 с.

Каменских М.С. Грузины Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2015. 64 с.

Черных А.В. Татары Перми: история и культура // СПб.: Маматов, 2015. 64 с.

Вайман Д.И., Черных А.В. Немцы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2015. 64 с.

Черных А.В. Марийцы Перми: история и культура // СПб.: Маматов, 2016. 64 с.

Черных А.В. Башкиры Перми: история и культура // СПб.: Маматов, 2016. 64 с.

Вайман Д.И. Евреи Перми: история и культура // СПб.: Маматов, 2016. 64 с.

Вайман Д.И., Каменских М.С. Узбеки Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2016. 64 с.

Каменских М.С. Азербайджанцы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2016. 64 с.

Голева Т.Г., Черных А.В. Коми-пермяки Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2016. 64 с.

Каменских М.С. Корейцы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2017. 64 с.

Каменских М.С. Кыргызы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2017. 64 с.

Каменских М.С., Черных А.В. Украинцы Перми: история и культура // СПб.: Маматов, 2017. 64 с.

Черных А.В., Каменских М.С. Белорусы Перми: история и культура. СПб: Маматов, 2017. 64 с.

Черных А.В. Поляки Перми: история и культура // СПб.: Маматов», 2017. 64 с.

Черных А.В. Таджики Перми: история и культура // СПб.: «Маматов, 2017. 64 с.

Черных А.В. Удмурты Перми: история и культура // СПб.: Маматов, 2017. 64 с.

Каменских М.С. Китайцы Перми: история и культура. СПб: Маматов, 2018. 64 с.

Черных А.В., Каменских М.С. Народы Дагестана Перми: история и культура. СПб: Маматов, 2018. 64 с.

Филипова М.П., Черных А.В., Каменских М.С. Болгары Перми: история и культура. СПб: Маматов, 2018. 64 с.

Черных А.В. Цыгане Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2018. – 64 с.

Каменских М.С., Черных А.В. Осетины Перми: история и культура. СПб: Маматов, 2018. 64 с.

Каменских М.С., Черных А.В. Чуваши Перми: история и культура. СПб: Маматов, 2018. 64 с.

Список сокращений

АМ	Азиатский музей
АН СССР	Академия наук СССР
АФ РФ	Архивный фонд Российской Федерации
БАН	Библиотека Российской академии наук
БИОН	Бурятский институт общественных наук Сибирского отделения АН СССР
БКНИИ СО АН СССР	Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения АН СССР
БМНИИК	Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры
Буручком	Бурят-Монгольский учёный комитет
ВЦИОМ	Всероссийский центр изучения общественного мнения
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГИК	Бурят-Монгольский государственный институт культуры
ГКО (ГОКО)	Государственный комитет обороны (1941–1945 гг.)
ДОИ	цифровой идентификатор объекта (англ. digital object identifier DOI)
ЗВОРАО	Записки Восточного Отделения (Имп.) Русского Археологического Общества
ИВИ РАН	Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИВР РАН	Институт восточных рукописей Российской академии наук
ИИ	искусственный интеллект
ИКВИА НИУ ВШЭ	Институт классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
ИЛИ РАН	Институт лингвистических исследований Российской академии наук
ИМБТ СО РАН	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
ИМЛИ РАН	Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
ИРЛИ РАН	Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук

ИЭА РАН	Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
ЛОИИ	Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МГИАИ	Московский историко-архивный институт
НА БНЦ СО РАН	Научный архив Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук
НДП	Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века). В 4 тт. М., 2010, 2012, 2016, 2019
НИУ ВШЭ	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКРЯ	Национальный корпус русского языка
ОИФН РАН	Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
ОРЯС	Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук
ПГГПУ	Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГНИУ	Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПФИЦ УрО РАН	Пермский федеральный исследовательский центр УРО РАН
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет
РККА	Рабоче-крестьянская Красная армия
РКСА	Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии
РНБ	Российская национальная библиотека
РНФ	Российский научный фонд
РФФИ	Российский фонд фундаментальных исследований
СВАГ	Комплекс электронных копий документов фондов Советской военной администрации в Германии
СПбИИ РАН	Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФ А РАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СУБД	Система управления базами данных
ТСРЯ	Толковый словарь русского языка. С включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007
ХМАО	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦВРК ИМБТ СО РАН	Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
ЦФК	Центральный фондовый каталог (программный комплекс, разработанный по заказу Федерального архивного агентства)
ЭРЯ	Энциклопедия «Русский язык». М., 2020. Изд. 3-е
ЭСМРПК	Этнолингвистический словарь мифологических рассказов Пермского края. Т.1. СПб., 2019
ARM	Archives royales de Mari
CAD	The Assyrian Dictionary of the University of Chicago
EA	J. A. Knudtzon, Die El-Amarna-Tafeln (Leipzig 1915)
EAWARN	Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов
ETCSL	The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/
RATL	The Royal Archives from Tell Leilan (Leiden, 2011)

Сведения об авторах

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором языков Китая и Юго-Восточной Азии, зав. научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук

Ананьев Виталий Геннадьевич – доктор культурологии, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета

Базаров Борис Ванданович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Батурин Юрий Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук

Бондарь Лариса Дмитриевна – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук

Бородкин Леонид Иосифович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, руководитель центра экономической истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Бутовская Марина Львовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующая центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Бухарин Михаил Дмитриевич – академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра истории Древнего Востока Института всеобщей истории Российской академии наук

Вдовиченко Марина Викторовна – кандидат искусствоведения, учёный секретарь Института археологии Российской академии наук

Вздорнов Герольд Иванович – член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации

Виролайнен Мария Наумовна – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Егоров Игорь Михайлович – программист Института лингвистических исследований Российской академии наук

Емельянов Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры семитологии и гебраистики Санкт-Петербургского государственного университета

Жалсанова Валентина Гурожаповна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Зайцев Илья Владимирович – профессор РАН, доктор исторических наук, заместитель генерального директора Государственного музея Востока

Зеленцова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук

Иванчик Аскольд Игоревич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, научный руководитель отдела изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории Российской академии наук, руководитель центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук

Казанский Николай Николаевич – академик РАН, доктор филологических наук, научный руководитель Института лингвистических исследований Российской академии наук

Кисилиер Максим Львович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания им. Л.А. Вербицкой Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук

Козлов Владимир Петрович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Макаров Николай Андреевич – академик РАН, доктор исторических наук, вице-президент Российской академии наук, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН (с октября 2022 г.), директор Института археологии Российской академии наук

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор, директор Института российской истории Российской академии наук

Пивовар Ефим Иосифович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, президент Российского государственного гуманитарного университета, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН – руководитель секции истории, директор Института постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета

Плеханова Анна Максимовна – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Пономарева Татьяна Олеговна – научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук

Попова Ирина Фёдоровна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института восточных рукописей Российской академии наук

Сиренов Алексей Владимирович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Степанов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, доктор исторических

наук, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН (до октября 2022 г.), научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Толстая Светлана Михайловна – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения Российской академии наук

Уваров Павел Юрьевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, профессор Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»

Черных Александр Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук

Чимитдоржиева Гунсэма Нимбуевна – кандидат филологических наук, учёный секретарь Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научное издание

ТРУДЫ

ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2021

Том 11

Утверждено к печати
Бюро Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук
(постановление от 18.05.2022 г. № 29)

Издаётся по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН)
и распространяется бесплатно

Издатель – Российская академия наук

Вёрстка Васильева О.П.

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 70x100/16. Объём 18,5 п. л.
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз. Заказ 22-10885

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА».
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный, ул. Берёзовая, 1/12.
Тел./факс (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru